М.И.Ульянова

О В.И.Ленине и семье Ульяновых

СЕКРЕТАРЬ
РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“
М. И. Ульянова.

Москва, Тверская, 48.
Тел. 5-81-02.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

29 VIII 1928 г.

№

Дорогая Анюшка!

Вот уже неделю, как мы путешествуем, а от тебя не было еще ни одной весточки. Сегодня приехали в Пермь, надеялись, что здесь что-либо будет, но, увы и ах! — ничего. Не теряю еще, впрочем, надежды получить что-либо на пароходе. Мы отсюда уезжаем с утра, т. к. пароход стоит здесь до 2 ч. ночи. Были на Мотовилихе, в музее и теперь отправляемся в типографию. Вечером еще куда-то пойдем.

По Каме проплывали мес-
та, которые раньше [illegible]
ло приходилось. На паро-
ходе все очень волно-
вались, и Н. очень
сильно [illegible]
[illegible]. Но [illegible]
[illegible]
[illegible].
Чувствую себя, я по-
правилась [illegible]. Весь-
ма [illegible]
ся по палубе. Сводки
только в экстренных слу-
чае Каме в Камское
Устье и вдруг по Вол-
ге в Ульяновск и даль-
ше. Куда еще не ре-
шили. Когда пришли
на Волгу, [illegible]
границу, [illegible]
[illegible], чтобы
[illegible]
[illegible]
[illegible]

М. И. Ульянова

О В. И. Ленине и семье Ульяновых

М.И.Ульянова
О В.И.Ленине и семье Ульяновых

Воспоминания
Очерки
Письма

2-е, дополненное издание

Москва
Издательство
политической литературы
1989

ББК 13.50
У51

Составители:
Д. Ш. Кислик, С. У. Манбекова, О. Д. Ульянова

Ульянова М. И.

У51 О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых: Воспоминания. Очерки. Письма.— 2-е изд., доп.— М.: Политиздат, 1989.— 384 с.: ил.
ISBN 5—250—00661—2

В книгу вошли воспоминания М. И. Ульяновой о В. И. Ленине, ее письма к родным, очерки, посвященные отцу И. Н. Ульянову, матери М. А. Ульяновой, брату Александру и сестре Ольге.
По сравнению с предыдущим настоящее издание значительно дополнено новыми материалами. В их числе 12 воспоминаний о В. И. Ленине и 60 писем к родным, 53 из которых публикуются впервые.
Сборник предназначается широкому кругу читателей.

У $\frac{0103020000—059}{079(02)—89}$ КБ—42—1—88 ББК 13.50

ISBN 5—250—00661—2

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Воспоминания о Ленине нужно писать. Каждый факт, каждый штрих его жизни, описанный его современниками, будет иметь значение...» Эти слова принадлежат младшей сестре Владимира Ильича — Марии Ильиничне Ульяновой.

Каждое свидетельство современников Владимира Ильича о его жизни представляет большой интерес. Особое место в этом ряду принадлежит его родным, знавшим Ленина не только как революционера, общественного деятеля, но прежде всего как человека: любящего сына, внимательного брата, заботливого мужа. Человека, для которого помочь товарищу, пожертвовать личным для общего дела, отказаться от привилегий было обычным свойством, которое отличает людей великого духа.

В этом смысле воспоминания М. И. Ульяновой о Ленине, очерки, посвященные членам семьи Ульяновых, ее письма к родным неоценимы.

Марию Ильиничну связывали с Лениным не только родственные чувства. Они были единомышленниками, долгие годы их общим делом было служение революции. Со своей сестрой делился Ленин замыслами, ей поручал ответственные партийные задания. С 1898 г., времени вступления в РСДРП, началась для Марии Ильиничны жизнь профессионального революционера, борца за торжество идей марксизма-ленинизма, неоднократно подвергалась она арестам, тюремному заключению, ссылкам.

Настоящий сборник, выходящий вторым изданием, объединяет литературное наследие М. И. Ульяновой.

В первом разделе сборника помещены воспоминания о В. И. Ленине, исключительно богатые по содержанию. В них показана семейная обстановка, быт семьи Ульяновых, передана атмосфера любви и дружбы, царившая в ней.

В этой семье, где родители принадлежали к лучшей части русской передовой интеллигенции, считавшей своим высшим долгом служение народу, все дети выросли революционерами.

8 мая 1887 г. за подготовку к покушению на царя Александра III был казнен старший брат Александр Ульянов. По свидетельству Марии Ильиничны, гибель старшего брата дала большой толчок Владимиру Ильичу в смысле его стремлений заняться революцион-

ной работой. Но, несмотря на любовь и уважение к брату, он рано понял, что индивидуальным террором не достигнуть цели.

С детских лет Мария Ильинична испытывала к Владимиру Ильичу какое-то совсем особое чувство: горячую любовь вместе со своего рода поклонением. И если она позволяла себе капризы и непослушание с другими, то от всего этого не оставалось и следа, когда она подозревала, что Владимир Ильич может ее видеть или слышать. «Такой полный авторитет он завоевал себе,— вспоминает Мария Ильинична,— благодаря высоте своего нравственного облика» (см. настоящее издание, с. 33. Далее: с. ...).

Мария Ильинична подчеркивает, что при всей своей природной одаренности Владимир Ильич не был бы тем, чем он был, если бы не работал так упорно над собой в течение всей своей жизни, начиная с гимназических лет.

Будучи еще юношей, Владимир Ильич стремился и сестру приучить к аккуратности и точности. Мария Ильинична вспоминает случай, когда она во втором классе гимназии нарисовала карту Европы. Брат сказал, что для этого есть циркуль, и предложил работу переделать. В другой раз, увидев, что она сшивает тетрадь черными нитками, воскликнул: «Как? Белую тетрадку черными нитками? Нельзя!» — и заставил переделать. «Вот такая точность была у него во всем. И это осталось на всю жизнь»,— пишет Мария Ильинична (с. 46).

В своих воспоминаниях М. И. Ульянова показывает Ленина и как вождя, возглавившего революционное движение российского пролетариата, и как внимательного и чуткого товарища, чрезвычайно скромного человека. Она отмечает присущие ему революционную целеустремленность, принципиальность, горячую любовь к трудящимся массам, умение понимать и учитывать их настроения, чаяния и нужды, необыкновенную работоспособность, аккуратность и пунктуальность, простоту и скромность, доступность, любовь к детям, к природе, к музыке.

Целеустремленность, свидетельствует Мария Ильинична, одна из его наиболее характерных черт, которая отличает всю его жизнь, всю его деятельность на всех ее этапах. «Поставив себе еще юношей цель жизни — революционную работу, он неуклонно шел к ней и ни разу в жизни не изменил этой цели, не отошел от нее ни на шаг» (с. 120). Показателен в этом отношении отзыв о Владимире Ильиче, который дал меньшевик Дан на Копенгагенском конгрессе II Интернационала в 1910 г. М. И. Ульянова пишет, что в пылу полемики он воскликнул: «Нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию. Подите-ка, справьтесь с ним» (с. 121).

М. И. Ульянова приводит слова брата о том, что **надо торопиться жить, чтобы все силы отдать революции.** Она вспоминает, что, когда Владимир Ильич был уже болен и врачи старались всячески ограничить его работу, а родные пытались убедить его работать меньше, он на уговоры Марии Ильиничны сказал: «У меня ничего другого нет». **«Ничего другого нет»,** и это была сущая правда,— пишет она.— Он был весь в революции, в революционной работе и без этой работы чувствовал себя, как рыба, выброшенная на берег» (с. 121).

Мария Ильинична отмечает большую принципиальность Владимира Ильича. «К людям он относился хорошо, но мерило было такое: стоит человек на революционной точке зрения или свернул куда-нибудь. ...Для него идея была выше личных отношений... Быть дружным с человеком, с которым он идейно расходится, он никогда не мог...» (с. 152, 153).

«Другой основной, наиболее характерной чертой Владимира Ильича было его **отношение к массам,**— писала Мария Ильинична.— У Владимира Ильича было какое-то особенное чутье масс, тяготение к ним, постоянная тесная связь» (с. 125).

В эмиграции Владимиру Ильичу очень недоставало общения с широкими массами. И когда свершилась революция, «между Владимиром Ильичем и революционными массами установилось настолько близкое единство, что отделить их друг от друга было невозможно. Владимир Ильич был лабораторией революционной мысли для миллионов восставших рабочих и крестьян, он был гениальной головой, для которой были понятны как самые интимные мысли рабочих и крестьян, так и самые высокие вершины научных знаний» (с. 126).

Характерной чертой Владимира Ильича была и забота о людях. Мария Ильинична вспоминает такую деталь: в эмиграции (в Кракове), узнав, что один товарищ едет в Россию и у него ничего нет, Владимир Ильич принес ему на вокзал подушку и одеяло. При встречах с товарищами, наряду с разговорами о делах, он никогда не забывал справиться о том, как живет его собеседник, отдыхал ли, не нуждается ли в чем-либо.

Простота и скромность Владимира Ильича общеизвестны, но в воспоминаниях Марии Ильиничны это показано особенно ярко. Она отмечает, что «простота и скромность отличали Владимира Ильича... и в личной жизни. Нечего уже говорить о периоде эмиграции, когда он имел «existenz-minimum парижского рабочего», как он выражался, а на поверку и того меньше. Но и в советский период, когда материальные условия его резко изменились к лучшему, он оставался верен себе. Все должно было быть просто, скромно, никаких излишеств» (с. 144). Эти черты настоящего коммуниста у него были особенно выражены.

Со страниц воспоминаний Марии Ильиничны Владимир Ильич предстает не только как вождь, но и как добрый, отзывчивый, общительный человек.

Отдавая жизнь революционной борьбе, Владимир Ильич не был сухим человеком. Он любил жизнь во всех ее проявлениях, любил людей, был чуток и внимателен к ним, бывал заразительно весел и остроумен в обществе, страстно любил природу и быстро знакомился со всеми красивыми уголками той местности, где ему приходилось жить.

«Владимир Ильич был подлинным коммунистом, и большее знакомство с его жизнью, с его характером, чертами и обычаями принесет многим и многим из молодых членов партии большую непосредственную пользу, будет иметь для них воспитательное значение, показав им, как должен проявлять себя настоящий коммунист, предохранит от многих неправильностей, высокомерия и зазнайства,— пишет М. И. Ульянова.— Владимир Ильич прекрасно знал себе цену и понимал свое значение, и простота и скромность, отличавшие его, были не признаком недооценки им этого значения и не преуменьшением своей роли, а проявлением подлинно высокой, гениальной культуры» (с. 144).

* * *

Во второй раздел сборника входят четыре очерка, посвященные отцу, матери, брату и сестре: «Отец Владимира Ильича Ленина — Илья Николаевич Ульянов», «Мать Владимира Ильича — Мария Александровна Ульянова», «Памяти Александра Ильича Ульянова», «Сестра Ольга Ильинична». И пусть автору этих работ было неполных 8 лет, когда умер отец, 9 лет, когда погиб старший брат, 13 лет, когда преждевременно ушла из жизни сестра Ольга, рассказать о них ей было что. В семье свято чтили их память.

Очерк «Отец Владимира Ильича Ленина — Илья Николаевич Ульянов» — увлекательный рассказ о жизненном подвиге человека, отдавшего всего себя любимому делу — делу народного образования. Пенза, Нижний Новгород, Симбирск; сначала преподаватель математики и физики, затем инспектор и, наконец, директор народных училищ. Новые методы преподавания, неутомимая деятельность по созданию новых школ. И не случайно учителей, подготовленных Ильей Николаевичем, называли «ульяновцами», а время, когда работал Ульянов, так и осталось в памяти учителей и учеников как «ульяновское время».

С особым интересом читаются страницы очерка, рассказывающие об Илье Николаевиче — главе семьи. «Илья Николаевич был образцовым семьянином, и между ним и матерью, к которой он был глубоко привязан, дети никогда не видали никаких ссор и семейных сцен» (с. 221).

Илья Николаевич, «горя на работе на благо своему любимому делу», и детям стремился привить сознание долга, выработать стойкий характер, волю, трудоспособность.

Мария Ильинична отмечает черты, унаследованные Владимиром Ильичем от отца: «Вообще физически Владимир Ильич был очень похож на отца. Он унаследовал его рост, его широкие скулы и черты лица, несколько монгольский разрез глаз, большой лоб. Он обладал таким же, как отец, живым характером. И смех у них был одинаковый, заразительный, часто до слез. Много общего было у них и в чертах характера, и в привычках. Сила воли, энергия, способность целиком и безраздельно отдаваться своему делу, гореть на нем, крайне добросовестное отношение к своим обязанностям, а также большой демократизм, внимательное отношение к людям — эти черты были общи для Ильи Николаевича и Владимира Ильича. Передалась Ильичу и некоторая картавость, с которой Илья Николаевич произносил букву «р» (с. 221).

Илья Николаевич вместе с Марией Александровной заложили основы умственного и нравственного развития своих детей, создали в семье атмосферу, которая под влиянием эпохи привела Владимира Ильича и других детей на путь революционной борьбы против самодержавия и капитализма.

* * *

При написании очерка об Илье Николаевиче М. И. Ульянова использовала большой круг разнообразных источников; многие из них не имеют прямого отношения к его педагогической деятельности, но характеризуют эпоху, в которую жил и работал И. Н. Ульянов.

При подготовке очерка к публикации цитаты из воспоминаний родных сверены с источниками и даны по юбилейному пятитомному изданию «Воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине» (3-е изд. М., 1984. Т. 1). Цитаты из статей и воспоминаний работавших вместе с И. Н. Ульяновым инспекторов, преподавателей и других лиц проверялись по возможности. Цитаты из архивных документов и изданий 60—80-х гг. XIX в. не проверялись. В текст очерка внесены те небольшие дополнения и уточнения, которые были сделаны М. И. Ульяновой при подготовке ею намечавшегося второго издания книги об отце (издание не было осуществлено).

* * *

«Мать Владимира Ильича — Мария Александровна Ульянова» — очерк, написанный Марией Ильиничной в 30-е гг. С чувством большой ответственности работала она над биографическим очерком о Марии Александровне. Об этом свидетельствуют сохранившиеся варианты очерка и отдельных его мест. Ознакомив-

шись с очерком, старшая сестра, Анна Ильинична Ульянова-Елизарова, внесла в него лишь незначительные уточнения.

Мария Ильинична нарисовала обаятельный образ матери, рассказала о ее жизни, воспроизвела целый ряд эпизодов и фактов, характеризующих методы воспитания детей в этой необыкновенной семье. Талантливый воспитатель, мечтавшая стать учительницей, нести народу знания, человек исключительного благородства и мужества, самой светлой душевной красоты и силы, Мария Александровна свой ум и горячее сердце отдала детям. Она не пыталась удержать их от избранного ими пути, делала все, чтобы помочь им в тяжелых испытаниях революционной борьбы, гордилась, что ее дети — революционеры; всегда была с тем из них, кому больше всего была нужна ее помощь.

Мария Ильинична приводит слова матери, сказанные ею незадолго до смерти: «Если бы можно было проснуться через несколько десятков лет и посмотреть, что будет тогда на земле, как будут жить тогда люди». Ни она, ни мы не предполагали тогда, что не только через несколько десятков лет, но уже через несколько месяцев наступит так долго жданная революция и свобода, за торжество которой погибло так много лучших людей. Всего несколько месяцев не дожила Мария Александровна до февраля 1917 г., до возвращения Владимира Ильича из эмиграции. А какой радостью было бы для нее видеть свободу в России, каким хорошим завершением ее прекрасной жизни явилось бы это!» (с. 252).

Мария Александровна умерла 25 (12) июля 1916 г. Она была похоронена в Петрограде, на Волковом кладбище, рядом с могилой Ольги Ильиничны.

* * *

«Сегодня исполняется 50 лет со дня гибели на виселице старшего брата В. И. Ленина — Александра Ильича Ульянова...» — так начала Мария Ильинична свою статью «Памяти Александра Ильича Ульянова». Она была написана за несколько месяцев до кончины М. И. Ульяновой, в начале 1937 г. Перед нами предстал образ старшего брата В. И. Ленина — Александра Ильича: талантливого, безраздельно преданного делу, в правоте которого он был убежден, очень остро воспринимавшего «социальные несправедливости и притеснения». «Нравственный облик его был очень высок,— писала М. И. Ульянова.— Характерно, что, еще будучи мальчиком 11 лет, на вопрос старшей сестры: «Какие самые худшие пороки?» — он, не задумываясь, ответил: «Ложь и трусость» (см. с. 257).

Окончив гимназию с золотой медалью, Александр поступил на естественный факультет Петербургского университета. Первые

два с половиной года в Петербурге занимался своей любимой наукой — естествознанием. Царившие вокруг произвол и бесправие толкнули Александра Ильича на путь революционера; он уделяет большое внимание политико-экономическим вопросам, участвует в кружках, демонстрациях и, наконец, примыкает к группе, готовившей покушение на царя. Из-за несоблюдения правил конспирации некоторыми членами кружка покушение провалилось. На суде Александр Ильич держал себя геройски. Он произнес речь, обосновывавшую необходимость борьбы с царским самодержавием всеми доступными средствами.

Мария Ильинична писала, что дело, за которое самоотверженно отдали свои молодые жизни А. И. Ульянов и его товарищи, не пропало. «Память их должна быть дорога всем гражданам социалистического Союза, всем рабочим капиталистических стран, следующим в своей борьбе примеру великого Советского Союза...» (с. 260).

* * *

Очерк «Сестра Ольга Ильинична» был опубликован впервые в 1978 г. Проникновенно, тепло пишет Мария Ильинична о своей старшей сестре. Как и все дети семьи Ульяновых, Ольга была наделена большими способностями. Она научилась читать, когда ей не было и четырех лет; гимназию окончила с золотой медалью в неполные шестнадцать лет. Серьезность, огромное трудолюбие, желание и умение прийти на помощь — отличительные черты ее характера. Мария Ильинична рассказывает о ее интересах: читала много книг по общественным наукам, читала Маркса и переводила некоторые его произведения на русский язык.

Ольга готовила себя к деятельности, нужной народу, она решила стать учительницей. Для этого осенью 1890 г. она поступила на Высшие (Бестужевские) женские курсы в Петербурге. Но весной 1891 г. тяжело заболела, и 8 мая 1891 г. ее не стало.

«У нас мало данных, чтобы судить о политических взглядах Ольги Ильиничны, особенно в последние годы ее жизни в Петербурге. Но, принимая во внимание весь склад ее ума и характера, нельзя сомневаться, что, если бы Ольга жила дольше, она встала бы на революционный путь, отдала бы свои недюжинные способности и большое, любвеобильное сердце за дело рабочего класса так, как отдал их Владимир Ильич» — так закончила очерк Мария Ильинична Ульянова (с. 266).

* * *

В третий раздел сборника включены 108 писем М. И. Ульяновой к родным. Часть из них была опубликована в 1969 г. в подготовленном Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

издании «Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917», несколько — в сборнике «Ждем вестей из Вологды...» (Архангельск, 1978). 53 письма публикуются в настоящем издании впервые, по рукописям.

Первое из сохранившихся писем Марии Ильиничны, в то время ученицы 6-го класса самарской гимназии, написано сестре Ольге в Петербург 7 ноября 1890 г.

Большинство писем адресовано матери, Марии Александровне Ульяновой, и старшей сестре, А. И. Ульяновой-Елизаровой.

В. И. Ленину адресовано четыре письма и телеграмма. Лишь одно из них — от 16 сентября 1899 г. из Подольска — послано Владимиру Ильичу в ссылку, в Шушенское. Оно сравнительно недавно найдено в делах департамента полиции и впервые опубликовано в 1981 г. Остальные посланы Ленину из России за границу и относятся к 1903, 1905, 1915 и 1917 гг.

Письма Марии Ильиничны раскрывают ее высокую идейность, большую целеустремленность и преданность делу революции; они характеризуют автора как стойкого большевика, человека больших духовных интересов. Ее письма Ленину содержат данные о положении в стране, в тех социал-демократических организациях, где она в те годы работала.

Так, в письме Ленину и Крупской, посланном из Петербурга в Женеву в 1905 г., Мария Ильинична сообщает, что почти «все время уходит на то, чтобы наладить технику, работы много», информирует их об арестах в Москве, о горячих дискуссиях «по вопросу о резолюции ЦК о Государственной думе» (с. 274, 275).

В другом письме, адресованном Ленину и Крупской и отправленном М. И. Ульяновой в октябре 1915 г. из Москвы в Берн, информация оказалась такой ценной, что первая половина письма была почти целиком опубликована в виде корреспонденции 21 декабря 1915 г. в № 49 газеты «Социал-демократ», в разделе «Состояние работы в Москве» (см. с. 324—325).

Из писем Марии Ильиничны к родным видно, как велика была ее тяга к знаниям, любовь к литературе, как разнообразны и широки были ее интеллектуальные запросы. Так, находясь в 1912 г. в саратовской тюрьме, она, не страшась лишений и трудностей тюремной жизни, сообщает в письмах к матери, что все хорошо и условия сносные, но она хотела бы иметь «некоторый запас» литературы, куда входят первый и второй тома «Капитала» К. Маркса, а также произведения таких авторов, как Г. Лансон (по-французски), И. Ф. Шиллер (по-немецки), А. А. Шахов, П. С. Коган и С. А. Венгеров — их труды по истории русской и иностранной литературы; ее интересует также литература по истории Англии, России; из беллетристики — произведения И. С. Тургенева — одного из самых любимых ее писателей, В. Гю-

го, испанского романиста и политического деятеля Б. Ибаньеса и многих других.

Все письма М. И. Ульяновой проникнуты нежной и преданной любовью, трогательной заботой о матери, сестре и братьях. Собираясь вернуться из Франции, где она училась в 1908—1909 гг. на курсах языков в Сорбонне, М. И. Ульянова пишет в связи с этим 1 сентября 1909 г. Анне Ильиничне: «Больше всего с Володей жаль расставаться. Всегда я его любила, но теперь как-то особенно сжились... Больно славный братик...» (с. 291).

Из ее писем видно, что в этой высокоидейной, культурной, духовно богатой, дружной семье царили взаимная любовь, желание помочь друг другу, облегчить жизненные тяготы и невзгоды. А их, как известно, выпало немало на долю каждого члена семьи Ульяновых.

Д. Ш. Кислик,
С. У. Манбекова

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

М. И. Ульянова

МОЙ ПУТЬ В РЕВОЛЮЦИЮ

(АВТОБИОГРАФИЯ)[1]

Я родилась 18 (6) февраля 1878 г. в Симбирске, где отец мой был в то время директором народных училищ. Будучи младшей в семье, я мало испытала на себе влияние отца, который умер, когда мне не было еще 8 лет. Не могла я отнестись вполне сознательно и к причинам гибели старшего брата Александра, повешенного в 1887 г. за покушение на Александра III. Но во всяком случае эта гибель, отношение к ней родных и особенно Владимира Ильича, разговоры, которые велись в связи с ней, как среди родных, так и среди знакомых, оставили на мне свой след, дали сильный толчок к более сознательному отношению к окружающему. Трагедия 1887 г. дала новое направление всей нашей семье. Почти все старые связи были порваны: симбирское общество явно после этого побаивалось, избегало, сторонилось нас. Например, преподаватели женской гимназии перестали раскланиваться с Ольгой Ильиничной, узнавать ее, хотя отношение их к ней, бывшей все время обучения первой ученицей, раньше было очень хорошее.

По делу Александра Ильича старшая сестра Анна получила 5 лет ссылки в Восточную Сибирь, но благодаря хлопотам матери эта ссылка была заменена ей высылкой в деревню Кокушкино Казанской губернии, где находилось небольшое имение деда со стороны матери. В то же время Владимир Ильич, окончивший в 1887 г. гимназию, поступил в Казанский университет и вся наша семья перебралась в Казань. Чтобы старшей сестре не очень тоскливо было жить одной в деревне, с ней отправили меня, и там мне впервые пришлось столкнуться с полицией в виде станового пристава, которому было поручено следить за сестрой, как находящейся под гласным надзором полиции. С этой целью он нередко «навещал» нас. В декабре того же года в Кокушкино был выслан и Владимир Ильич, исключенный из университета за студенческие волнения. В день его высылки я была в Казани и помню, как поразило меня, что кибитку, в которой мы ехали с братом в деревню, провожал до городской черты местный пристав.

С детских лет я любила Владимира Ильича больше всех других братьев и сестер, и влияние его на меня во все поры моей жизни было очень велико. До осени 1893 г., когда Владимир Ильич переехал в Петербург, а вся наша семья в Москву, мы жили с ним вместе сначала в Казани, а затем в Самаре и Самарской губернии на хуторе Алакаевка. Владимир Ильич много возился со мной,

[1] Написано в 1935 г. *Ред.*

как младшей в семье, позднее занимался со мной, давал указания что читать, беседовал со мной на разные темы. Кроме него большое влияние оказали на меня и наши новые знакомые. После переезда из Симбирска это были главным образом знакомые старшего брата и сестры, а также М. Т. Елизарова — мужа Анны Ильиничны, представители передовой революционной интеллигенции того времени.

Во время ареста Владимира Ильича в 1895—1897 гг. мне еще ближе пришлось столкнуться с революционными социал-демократами, познакомиться и с революционной нелегальной литературой.

С этого времени, сначала в Москве, где я училась на Высших женских курсах, а затем за границей, где я слушала лекции в новом Брюссельском университете, мне удавалось оказывать партии некоторые мелкие услуги. Осенью 1899 г. я была арестована в первый раз и выслана под надзор полиции в Нижний Новгород. Начиная с 1900 г. я принимала уже активное участие в работе партии и вскоре была арестована по делу Московской организации РСДРП и после 7-месячного заключения выслана под гласный надзор полиции в Самару. Там, а затем в Киеве я работала в русской организации «Искры». В начале зимы 1904 г. я была арестована в Киеве по делу Центрального Комитета партии и после выхода на свободу уехала в конце 1904 г. в Женеву, где в то время жил Владимир Ильич. В годы первой революции я работала в Петербурге в качестве секретаря Петербургского комитета, секретаря Василеостровского районного комитета, организатора, а затем секретаря большевистского центра и подвергалась аресту. В 1909 г. я снова провела около года за границей, живя вместе с Владимиром Ильичем сначала в Женеве, а затем в Париже, куда он в то время переехал. Вернувшись в Россию, работала в Москве, где была арестована в 1910 г. В 1912 г. я была арестована по делу Саратовской социал-демократической группы и выслана в Вологодскую губернию на три года. Некоторую работу удалось вести и в Вологде, и в 1914 г. я подверглась там аресту при полицейском участке на один месяц. Позднее я работала в Москве и накануне Февральской революции в Петербурге, поддерживая все время тесную связь с заграничной организацией и в частности с Владимиром Ильичем.

После Февральской революции я с первого дня возобновления «Правды» работала в ее редакции. Эту работу я продолжала и в Москве с перенесением туда Центрального Органа партии. Одновременно я вела работу среди женщин, редактируя некоторые органы по женскому движению, а также работу среди рабселькоров, являясь членом редколлегии «Рабоче-крестьянского корреспондента».

М. Ульянова

Правда, 1968, 18 февраля

Н. К. Крупская

СЕСТРА ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

12 июня умерла от кровоизлияния в мозг Мария Ильинична Ульянова — 59 лет от роду. Вся ее жизнь была неразрывно связана с жизнью и работой Ильича. Росла Мария Ильинична в Симбирске (ныне Ульяновск), отец ее был шестидесятником, неустанно работавшим на фронте просвещения. Семья была очень культурная и жила интересами передовой интеллигенции того времени. Весь тон домашней жизни воспитывал. Братья и сестры были очень дружны. Ильич с ранних лет как-то особенно тепло и заботливо относился к младшим — сестре Марии Ильиничне и брату Дмитрию Ильичу, пользовался среди них громадным авторитетом. Девятилетней девочкой видела Мария Ильинична, как мать, старшая сестра Анна, Ильич, сестра Ольга переживали казнь старшего брата, Александра Ильича (8 мая 1887 г.). Она на всю жизнь запомнила слова Ильича, сказанные им, когда пришла весть о гибели старшего брата, страстно искавшего путей перестройки всего общественного уклада в то время, когда только еще начинало зарождаться в России рабочее движение. Александр Ильич шел еще по старому пути — пути борьбы одиночек с безграничным произволом и угнетением. «Другим путем надо идти»,— сказал Ильич, и Мария Ильинична пошла по другому, ленинскому пути.

Ильич был арестован в Петербурге в 1895 г., когда Марии Ильиничне было 17 лет. Она приехала вместе с матерью и старшей сестрой в Питер, ходила к брату на свидания, была в курсе начавшего широко развертываться рабочего движения 1896 г. От старшей сестры, от Ильича училась она тогдашней подпольной конспирации. В 1899 г. в Москве Мария Ильинична арестовывается и высылается в Нижний. Вернувшись в Москву, она еще крепче взялась за работу. В начале марта 1901 г. была одновременно с мужем старшей сестры, Марком Тимофеевичем Елизаровым, арестована по делу Московской организации партии, сидела в тюрьме и выслана в Самару.

За границей силами Ильича была в то время организована нелегальная общерусская социал-демократическая газета «Искра». «Из искры возгорится пламя!» — таков лозунг «Искры». Пламя это разгорелось в революционный пожар. Разгорелось потому, что была в России крепкая организация, велась неустанная работа по укреплению связей, организации людей. Все шири-

лась пропаганда и агитация среди масс. Мы называли Марию Ильиничну «медвежонком» за какую-то особую молодую застенчивость, слившуюся с громадной убежденной напористостью. Все чувствовали на себе ее заботу о людях, к которым она горячо привязывалась, заботилась о каждой мелочи. «Медвежонка» нельзя было не любить.

В Самаре Мария Ильинична работала в группе так называемых агентов «Искры» вместе с Кржижановскими, Ленгником, Красиковым и другими товарищами, подготовлявшими II съезд партии. Когда в 1903 г. произошел раскол на II съезде, Мария Ильинична сразу же стала на сторону большевиков. Работа развертывалась вширь. Приближался 1905 год. В январе 1904 г. Мария Ильинична арестовывается в Киеве вместе с Дмитрием Ильичем, его женой [1] и с сестрой Анной Ильиничной, Зинаидой Павловной Кржижановской, Р. Образцовой [2] и др. Выпустили Марию Ильиничну в июне 1904 г. Слежка за ней была установлена отчаянная, работать стало невозможно, и она в конце 1904 г. приезжает в Женеву, где тогда жил Ильич, и окунается в острую атмосферу эмигрантской жизни того времени. В 1905 г. возвращается в Питер и ведет большую работу среди рабочих. В 1907 г., когда надвинулась реакция и стал суживаться размах работы, Мария Ильинична под руководством Ильича берется за перевод «Писем Маркса к Кугельману» и «Писем к Зорге».

Зиму 1908/09 г. провела за границей, в Женеве и Париже, где учится в Сорбонне (она к тому времени хорошо знала французский язык).

Мария Ильинична остро переживала борьбу, которую вел Ильич с отзовистами, примиренцами, помогала ему в работе. В 1910 г. Мария Ильинична поселяется в Саратове, где в 1911 г. арестовывается по делу Саратовской организации и высылается в Вологодскую губернию на 3 года. Там работает среди железнодорожников, собирает деньги, всячески помогает укреплению большевистской партии. Мария Ильинична всегда окружала Ильича особой заботой: заботилась об его одежде, питании, удобствах, о том, чтобы ему не приходилось думать о мелочах быта.

С марта 1917 до весны 1929 г. Мария Ильинична работает в «Правде» как секретарь, а потом как член редколлегии. Первые годы ее работа проходит под руководством Ильича. Ее опыт широкой работы с массами, ленинская привычка прислушиваться к го-

---

[1] Антонина Ивановна Ульянова (Нещеретова) (1882—1968) — первая жена Д. И. Ульянова. *Ред.*

[2] Рахиль Самойловна Ривлина-Образцова (1878—1939) — врач, принимала участие в революционном движении; была в дружеских отношениях с семьей Ульяновых. *Ред.*

лосу масс сделали ее активным организатором рабкоровского движения.

Марию Ильиничну знали многие, но и она знала массу людей, помнила рабочих, среди которых когда-то вела работу, помнила рабкоров.

Тяжело переживала Мария Ильинична покушения на Ильича, его тяжелую болезнь и смерть. Ильича она горячо любила, и он также горячо любил ее. 8 марта 1933 г. она была награждена орденом Ленина. На XIV съезде партии она избирается членом ЦКК [1], потом входит в Президиум ЦКК, борется с извращениями линии партии, вникая во все мелочи. С XVII съезда партии — член Комиссии советского контроля, член Бюро Комиссии советского контроля, заведующая Бюро жалоб. На этой работе она как-то особенно развернулась, борясь изо всех сил за линию партии, настойчиво и умело добиваясь ликвидации всяких ошибок, извращений, мешающих налаживанию советской работы. Работа эта ее удовлетворяла, это была живая помощь социалистическому строительству. Сил своих она не жалела, работала с утра до 3—4 часов ночи, без отдыха, без перерыва. Уже больная, принимала активное участие в работах районной, Московской городской и областной конференций. Придя на работу с конференции, она почувствовала недомогание, слегла и уже не встала...

Правда, 1937, 13 июня

---

[1] Центральная Контрольная Комиссия ВКП(б). *Ред.*

О. Д. Ульянова

МАРИЯ ИЛЬИНИЧНА УЛЬЯНОВА

Мария Ильинична Ульянова — самая младшая из детей Ильи Николаевича и Марии Александровны Ульяновых — родилась 6 (18) февраля 1878 г. в г. Симбирске (ныне Ульяновск). Отец ее всю свою жизнь посвятил делу народного образования, которое горячо любил и которому беззаветно служил. Он работал инспектором, а позднее директором народных училищ Симбирской губернии. Мать Марии Ильиничны была глубоко образованной женщиной, исполненной прекрасных человеческих качеств.

Семья Ульяновых была большой и дружной. И Маняша, и все ее братья и сестры всегда чувствовали необыкновенную атмосферу доброжелательности, внимания, любви в семье. Между детьми и родителями была духовная близость, которая потом, с годами, стала глубже и сильнее. Их всегда связывало не только кровное родство, но и общие интересы, общие стремления, революционная деятельность, желание всегда прийти на помощь другому в их напряженной, связанной с трудностями и лишениями жизни. Мать — Мария Александровна — понимала их и всегда старалась быть с теми из детей, кому в данный момент было особенно трудно и тяжело. Она всегда подбадривала их и никогда не упрекала за то, что ей приходилось постоянно тревожиться за их судьбу. Духовное единство является одной из самых замечательных сторон семьи Ульяновых.

Сначала Маняша училась в Симбирской, затем в Казанской и, наконец, в Московской гимназии, так как в 1893 г. Мария Александровна вместе с детьми — Анной, Дмитрием и Марией переехала в Москву, а Владимир Ильич — в Петербург. Ехали все вместе на пароходе до Нижнего Новгорода. Владимир Ильич остался на некоторое время там, а мать с детьми поездом поехала дальше. В Москве она сняла квартиру в Большом Палашевском переулке, в районе Большой и Малой Бронных улиц. Это была первая квартира Ульяновых в Москве.

В 1895 г., после окончания гимназии, Маняша подала прошение на физико-химическое отделение математического факультета Высших (Бестужевских) женских курсов в Петербурге.

«Ты пишешь о Бестужевских курсах, что тебе очень хочется туда поступить,— ответил ей Дмитрий,— я думаю, что тебе виднее самой, что же касается московских курсов, то, конечно, это совсем

не то»[1]. Но на Бестужевские курсы Марию Ильиничну не приняли. И осенью 1896 г. она поступает на двухгодичные курсы в Москве, на физико-химическое отделение. Учится на курсах и уже с восемнадцати лет примыкает к революционному движению.

«Во время ареста Владимира Ильича в 1895—1897 гг. мне еще ближе пришлось столкнуться с революционными социал-демократами, познакомиться и с революционной нелегальной литературой»,— писала позже Мария Ильинична в автобиографии[2]. Вместе со старшей сестрой Анной она ходила в тюрьму на свидания к брату, помогала доставать для него литературу.

С 1898 г. она — член РСДРП и с этих пор неустанно ведет самоотверженную борьбу за дело рабочего класса.

Владимир Ильич всегда с большой заботой относился к младшей сестре Маняше. Еще в годы ее учебы Владимир Ильич, заметив, что сестра перегружает себя занятиями, сказал ей об этом. Маняша ответила: «Уж если делать, то делать хорошо». Эти слова стали лейтмотивом жизни М. И. Ульяновой, жизни человека, не жалеющего своих сил, здоровья во имя революции.

После окончания курсов Мария Ильинична получила диплом домашней учительницы. Однако она чувствует, что знаний ей недостаточно, что нужно еще учиться. Посоветовавшись с родными и друзьями, она решает продолжить учебу в Брюсселе, в университете. В. И. Ленин поддержал ее: «План Маняши ехать в Брюссель мне кажется очень хорошим. Вероятно, учиться там можно лучше, чем в Швейцарии. С французским языком она, вероятно, скоро справится. В климатическом отношении, говорят, там хорошо»[3].

Марию Ильиничну приняли на химико-физический факультет Нового брюссельского университета. Учится она с большим интересом. Правда, первое время ей трудно понимать лекции.

«Очень рада, что тебе нравится там! Я вполне надеюсь, что чем дальше, тем более ты будешь привыкать и понимать лекции — упражняйся и говори больше, ведь только начало трудно...» — советует ей Мария Александровна[4]. Все родные стремятся помочь Маняше в ее учебе, поддержать ее. Дмитрий Ильич спрашивает:

«Теперь ты, наверное, перешла уже к качественному анализу или нет?

Начинала ли заниматься с микроскопом? Пиши мне, как и

[1] Переписка семьи Ульяновых. М., 1969, с. 69.
[2] Настоящее издание, с. 13.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 95.
[4] Цит. по: *Кунецкая Л., Маштакова К.* Мария Ульянова. М., 1979, с. 29.

чем теперь занимаешься практически, что читаешь и какие лекции слушаешь; много ли понимаешь?

Если тебе нужно будет какую-нибудь русскую книгу по естественным наукам — пиши, я куплю и вышлю»[1]. Вскоре Маняша получила от Дмитрия книгу «Новая химия» американского химика Д. П. Кука (М., Сытин, 1897).

От Владимира Ильича из Шушенского пришло письмо:

«Получили мы, Маняша, твое письмо и были ему очень рады. Взялись сейчас за карты и начали разглядывать, где это — черт побери — находится Брюссель. Определили и стали размышлять: рукой подать и до Лондона, и до Парижа, и до Германии, в самом, почитай, центре Европы... Насчет газет и книжек, пожалуйста, добывай, что можно. Каталоги присылай всяческие и букинистов и книжных магазинов на всех языках... Советую тебе не ограничиваться бельгийскими газетами, а выписать еще какую-нибудь немецкую: и языка не забудешь, и материал для чтения получишь прекрасный; а цены на газеты не высокие»[2].

Мария Ильинична выполнила все поручения старшего брата. Он благодарит ее: «Получил, Маняша, от тебя каталоги. Большое merci за них. В них есть кое-что интересное. Собираюсь прислать тебе списочек книг, которые желал бы приобрести... Интересно бы почитать стенографические отчеты о некоторых интересных прениях в парламентах. В Париже, например, их можно найти в «Journal officiel», который продается, конечно, и отдельными номерами. Не знаю, можно ли его достать в Брюсселе?..»[3]

Конечно, материально Марии Ильиничне жить за границей трудно, но родные стараются ей помочь.

«Я жалею, что не знала о расходе на книги Володе, а также о дополнительной плате за практические занятия по химии и прочим предметам, а то послала бы заодно уже больше,— пишет ей мать из Подольска.— Придется сделать это в январе, после того как ты напишешь, сколько именно следует за практические занятия»[4].

Маняша успешно окончила 1-й курс и сдала экзамены. В апреле 1899 г. она стала собираться на каникулы домой, в Россию. Перед отъездом пришло письмо от Дмитрия; он уже считал дни, когда она вернется: «Сегодня (4 апреля 1899 г.— *О. У.*) ровно полгода, как ты уехала, так что срок твоего паспорта истекает...

---

[1] *Ульянов Д. И.* Очерки разных лет. 2-е, доп. изд. М., 1984, с. 190.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 107—108.
[3] Там же, с. 129.
[4] Переписка семьи Ульяновых, с. 89.

Ты теперь, наверное, стала ученой — химичка, физичка! Прямо беда, всех за пояс заткнешь»[1].

Какой радостной была встреча с родными — с матерью, братом, сестрой! Они жили в это время в Подольске, так как Дмитрию Ильичу после освобождения из тюрьмы было запрещено жить в Москве и Петербурге.

Мария Ильинична сразу же включилась в революционную работу в Московской организации РСДРП,— она ведет пропаганду в рабочих кружках, встречается с товарищами, старается соблюдать конспирацию. Охранка засылает в Московскую партийную организацию женщину-провокатора, в результате ее доносов в сентябре 1899 г. начались обыски и аресты членов Московского комитета РСДРП. Была арестована и Мария Ильинична. Это был ее первый арест. Через две недели ее высылают под надзор полиции в Нижний Новгород. В Москву она вернулась в конце 1899 г., а вскоре из ссылки вернулся, наконец, Владимир Ильич. Ему было запрещено жить в столицах, но тайно от полиции он на несколько дней приехал в Москву, чтобы повидаться с родными. Семья Ульяновых жила тогда на Бахметьевской улице, на втором этаже небольшого домика.

Сколько радости было в этой встрече! Особенно счастлива была мать — все дети опять с ней, хоть и ненадолго...

Мария Ильинична снова устанавливает связи с товарищами из Московской организации РСДРП. Дмитрий и она переписывают для В. И. Ленина Программу партии; пишут ее специальными чернилами между строк одного из номеров журнала «Научное обозрение»: Владимир Ильич уезжал за границу, а Программу партии нельзя было везти легально. Кроме этого, Мария выполняет задания брата — достает ему нелегальную литературу, связывает его с марксистами, отправляет его письма...

Еще в начале 1900 г., по возвращении Владимира Ильича из Сибири, у него уже был готов план о переезде за границу и создании общерусской социал-демократической газеты «Искра». За границу он уехал 16 июля 1900 г. В этом же году, осенью, Дмитрий Ильич уехал в г. Юрьев (ныне Тарту) для завершения образования на медицинском факультете Тартуского университета. С Марией Александровной осталась только Маняша. Старшая ее дочь Анна в 1900 г. уехала за границу помогать В. И. Ленину.

Дмитрий всегда заботился о младшей сестре, беспокоился о ее здоровье. В одном из писем он дает Мане медицинские советы: «Ты говоришь, что у тебя плохо идут занятия дома по вечерам: ты устаешь, по всей вероятности, за статистикой, да и не мудрено устать, я знаю по себе. Вообще механическая работа, требующая

[1] *Ульянов Д. И.* Очерки разных лет, с. 200—201.

постоянно напряженного внимания, утомляет очень сильно. Нужно давать нервной системе вполне достаточный отдых: она не может вечно работать — это не машина... Я здесь завел привычку по вечерам ходить гулять ежедневно на часок или, по меньшей мере, минут 40, ходишь бесцельно, не особенно спешишь, и прекрасно отдыхаю. Конечно, и прогулки могут утомлять, нужно в меру; сколько — нельзя сказать, это субъективно, кому как. Тебе, собственно, непременно нужна физическая работа, чтобы заставлять работать сердце, но ни в коем случае не переутомлять его...»[1]

В феврале 1901 г. к брату в г. Юрьев приезжала Мария Ильинична. Приезд ее был тайным. И хотя оба они находились под негласным надзором полиции, ее пребывание в маленьком университетском городе осталось незамеченным. Сколько дней пробыла она в Юрьеве? Где останавливалась? Как удалось ей укрыться от «всевидящего глаза» охранки — пока неизвестно...

А 22 февраля 1901 г. Дмитрий Ильич писал матери: «Твои песошники подъедаю понемногу — Маня ведь, кроме них, привезла мне кучу конфет и яблок таких, каких в Юрьеве не достанешь,— ко мне специально есть конфеты приходили знакомые, ели и хвалили...»[2]

Возвратившись в Москву, Мария Ильинична начала получать материал для «Искры» от социал-демократических организаций, от различных товарищей по революционной работе. Все корреспонденции она отправляла в Германию Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне. Мария стала также и распространителем «Искры» в Москве. В ночь на 1 марта 1901 г. она была арестована по делу Московского комитета РСДРП и заключена в одиночную камеру Таганской тюрьмы. Вместе с нею был арестован муж Анны Ильиничны — М. Т. Елизаров. Мария Александровна осталась одна. В. И. Ленин беспокоится о ней, посылает часто письма. Он старается ободрить и Маняшу: ведь ей всего 23 года и она впервые попала в такие тяжелые условия.

«Как-то ты поживаешь? — пишет он ей из Мюнхена.— Надеюсь, наладила уже более правильный режим, который так важен в одиночке? Я Марку писал сейчас письмо и с необычайной подробностью расписывал ему, как бы лучше всего «режим» установить: по части умственной работы особенно рекомендовал переводы и притом *обратные,* т. е. сначала с иностранного на русский письменно, а потом с русского перевода опять на иностранный. Я вынес из своего опыта, что это самый рациональный способ изучения языка. А по части физической усиленно рекомендовал ему, и повторяю то же тебе, гимнастику ежедневную и обтирания. В одиночке это прямо необходимо.

[1] *Ульянов Д. И.* Очерки разных лет, с. 215—216.
[2] Там же, с. 219.

Из одного твоего письма, пересланиого сюда мамой, я увидел, что тебе удалось уже иаладить иекоторые занятия. Надеюсь, что благодаря этому ты будешь хоть иногда забывать об обстановке и время (которое обыкиовеиио в тюрьмах летит быстро, если иет особо неблагоприятиых условий) будет проходить еще иезаметиее. Советую еще распределить правильио заиятия по имеющимся книгам так, чтобы разиообразить их: я очеиь хорошо помню, что перемеиа чтеиия или работы — с перевода иа чтение, с письма иа гимнастику, с серьезного чтеиия иа беллетристику — чрезвычайио миого помогает. Иногда ухудшение иастроеиия — довольио-таки изменчивого в тюрьме — зависит просто от утомления одиообразными впечатлеииями или однообразиой работой, и достаточио бывает переменить ее, чтобы войти в иорму и совладать с нервами. После обеда, вечерком для отдыха я, помию, regelmässig[1] брался за беллетристику и иигде ие смаковал ее так, как в тюрьме. А главное — не забывай ежедиевиой, обязательиой гимиастики, заставляй себя проделать по иескольку десятков (без уступки!) всяких движеиий! Это очень важио. Ну, прощай пока. Крепко целую тебя и желаю бодрости и здоровья.

Твой *Влад. Ульянов*»[2].

После семимесячиого заключеиия Мария Ильиинична была выслаиа иа 2 года в Самару. Вместе с ией поехала мать; а через иекоторое время, окоичив Юрьевский университет, к иим присоедииился и Дмитрий.

В яиваре 1902 г. в Самаре состоялось совещаиие искровцев, на котором был избраи Цеитральный комитет Русской оргаиизации «Искры». Его возглавил Г. М. Кржижаиовский, секретарями стали М. И. Ульяиова и З. П. Кржижаиовская. Д. И. Ульянов стал члеиом Цеитральиого комитета, всего в Комитет вошло 16 человек. Задачей комитета было иалаживаиие связей с социал-демократическими комитетами разиых городов России, объедииеиие их и подготовка к съезду партии. Цеитральиый комитет и составил Бюро Русской оргаиизации «Искры».

В. И. Ленин, узиав о совещаиии искровцев, шлет им радостиое письмо: «Ваш почии иас страшно обрадовал. Ура! Имеиио так! шире забирайте! И орудуйте самостоятельиее, иницциативиее — вы первые иачали так широко, зиачит и продолжеиие будет успешно!»[3]

Агеиты «Искры», имевшие за своими плечами опыт нелегальиой работы, были посланы в крупиейшие города страиы. Мария Ильиичиа остается в Самаре, здесь у иее большая работа, партийная переписка с В. И. Леииным.

---

[1] Регулярно. *Ред.*

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 208—209.

[3] Там же, т. 6, с. 455.

Русское бюро ЦК после II съезда РСДРП (1903 г.) по предложению В. И. Ленина расположилось в Киеве.

Этот город был важным центром революционной борьбы пролетариата. Сюда переехали все Ульяновы: сначала Дмитрий Ильич, затем Мария Ильинична и Анна Ильинична вместе с матерью. Пребывание Ульяновых в Киеве, вблизи западной границы России, помогало Владимиру Ильичу, находившемуся в эмиграции в Швейцарии, налаживать связи с русскими социал-демократами. С приездом Ульяновых в Киев деятельность местного большевистского подполья активизировалась. Сестры и брат В. И. Ленина — опытные революционеры-профессионалы — стали активными сотрудниками Русского бюро ЦК РСДРП. Мария Ильинична исполняла обязанности технического секретаря, вела обширную переписку с Заграничным центром большевиков; она расшифровывала полученную корреспонденцию и шифровала письма, идущие к В. И. Ленину. Местные комитеты поддерживали связь с Заграничным центром, непосредственно с В. И. Лениным через Марию Ильиничну.

Царская охранка вела постоянную слежку за киевскими большевиками. Приезд в Киев семьи известных революционеров насторожил полицию. Все передвижения Ульяновых по Киеву отмечались в специальных журналах. У дома, где жила Мария Ильинична, постоянно дежурил агент охранки. Ни один шаг, ни одну встречу полиция не оставляла без внимания.

В конце декабря 1903 г. Ульяновы готовились к встрече Нового года. Мария Ильинична послала В. И. Ленину в Женеву поздравление:

«Киев. 25/XII 1903 г.

Дорогой Володя! Все наши и я шлем тебе поздравления с праздниками и Новым годом и пожелания всего хорошего... *Маняша*»[1].

Но когда Владимир Ильич получил поздравление, обе его сестры и брат уже были арестованы. Киевская полиция в ночь с 1 на 2 января 1904 г. начала массовые аресты и обыски. Всего было схвачено 167 человек. Мария Ильинична и Анна Ильинична были заключены в Лукьяновскую тюрьму, Дмитрий Ильич — в киевскую крепость «Косой капонир».

Мария Александровна, которой в ту пору было 69 лет, осталась в чужом городе одна. Летом Маняша была освобождена, а в конце 1904 г. уехала в Женеву, к брату. Она помогает ему в подготовке III съезда партии и все время работает, работает, не оставляя себе ни минуты для отдыха...

Летом 1905 г. Мария Ильинична снова в России, где ее ждала радость встречи с родными. Она так соскучилась по матери, брату,

[1] Настоящее издание, с. 273.

сестре. С Дмитрием ее связывала дружба, начавшаяся еще в ранние детские годы. Эта дружба продолжалась всю ее жизнь. Забота друг о друге, общность взглядов и интересов сквозит в письмах Марии Ильиничны и Дмитрия Ильича. Часто Дмитрий и Мария обсуждают новые книги по политэкономии, философии. Такие письма очень интересны, они раскрывают внутренний мир брата и сестры, показывают, сколь глубоко разбираются оба в философских вопросах.

В 1905—1907 гг. Мария Ильинична ведет активную нелегальную партийную работу: она — секретарь Петербургского комитета, секретарь комитета на Васильевском острове... Несколько раз Мария Ильинична тайно приезжала к Владимиру Ильичу в Финляндию в Куоккала, где он вынужден был скрываться от царских властей после подавления Декабрьского вооруженного восстания.

«Маняша погостила у нас и теперь еще здесь,— писал В. И. Ленин матери в октябре 1907 т.,— но собирается сегодня уезжать по случаю наступления зимы: сегодня первый снег выпал, погода повернула на холод... Маняша, кажется, здесь себя недурно чувствовала, работала много — переводила»[1].

В 1908 г. Мария Ильинична тяжело заболела. Владимир Ильич беспокоится о ней, приглашает после выздоровления приехать к нему в Швейцарию, чтобы немного подлечиться.

Поправившись, Мария Ильинична в том же году едет вновь в Женеву, а затем — вместе с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной — в Париж.

В 1908—1909 гг. Мария Ильинична живет в Париже, учится в Сорбонне; она сдала несколько экзаменов, в частности по истории социализма во Франции, по французскому языку, получила диплом учительницы французского языка. «...Заниматься приходилось много,— писала она Анне,— но когда получила его[2], чувство было очень приятное, что чего-нибудь да добилась. С ним, вероятно, удастся получить место учительницы, только вот практика у меня для этого хромает, но я надеюсь подогнать ее за лето»[3]. Кроме французского, Мария Ильинична знала немецкий и английский языки.

В июне 1909 г. во Франции у Марии Ильиничны произошел приступ аппендицита. Владимир Ильич взволнованно спрашивает у Дмитрия Ильича совета: «Дорогой Митя! Маняша уже писала тебе о своей болезни. Хочу посоветоваться и я. Доктора нашли у нее воспаление отростка слепой кишки (аппендицит,— кажись,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 240—241.

[2] Диплом. *О. У.*

[3] Настоящее издание, с. 289.

так?). Спросил очень хорошего здешнего хирурга. Подтвердил: аппендицит. Советует операцию...

Припадок сейчас несильный. Повышения температуры *нет*. Боли не очень сильные. Прошу тебя *немедленно* мне ответить: я склоняюсь к операции, но без твоего совета боюсь решить. *Отвечай немедленно.*

Что операцию сделают здесь хорошо, это несомненно. Ехать куда-либо до операции доктор не советует.

Маме не пишу, ибо боюсь напугать ее зря. Опасности никакой,— Маняша даже не лежит все время,— Анюте тоже не пишу, ибо мама может прочесть.

Напиши, пожалуйста, Марку и — через него (если можно так, чтобы не пугать маму) — Анюте. Но лучше, пожалуй, в Крым не писать вовсе, ибо они перепугаются.

Итак, жду ответа: советуют ускорить операцию здесь. Советуешь ли и ты.

Жму руку. Твой *В. Ульянов...*»[1]

Дмитрий Ильич сразу же пишет ему, рекомендует сделать операцию. Мария Ильинична тоже не хочет волновать мать и сестру — она просит Марка Тимофеевича Елизарова: «Ни маме, ни Ане, вообще никому, пока на то не будет моего разрешения, чтобы не разошлось, ты пока ни слова не говори о моей болезни»[2]. Операция прошла благополучно, и Мария Ильинична вскоре выздоровела.

На чужбине Мария Ильинична очень тоскует по родине: «...теперь можно и за работу, только бы добраться до России, очень уж мне заграница очертела»[3]. «Больше всего с Володей жаль расставаться. Всегда я его любила, но теперь как-то особенно сжились. Возился он со мной невероятно за время болезни — я даже себе представить никогда не могла, что он способен на это, да и теперь еще возится. Больно славный братик...»[4]

Вернувшись в Россию, Мария Ильинична сразу включается в революционную работу, как и прежде, помогает Ленину в его литературных трудах.

На родине снова — гласный надзор полиции, и снова за каждым ее шагом следят шпики. Мария Ильинична пытается найти работу, ведь материальная жизнь очень трудна — только пенсия матери. Наконец ей удалось найти место домашней учительницы по французскому языку, и в конце апреля 1910 г. она уехала в Финляндию, в небольшое местечко около г. Териоки (там же она работала и летом следующего года).

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 293.
[2] Настоящее издание, с. 289.
[3] Там же, с. 292.
[4] Там же, с. 291.

Начиная с 1911 г. с помощью Анны Ильиничны, ее мужа М. Т. Елизарова и других большевиков, оставшихся после разгрома Саратовской партийной организации, Мария Ильинична создает заново большевистскую группу в Саратове.

Однако в мае 1912 г. полиция произвела в Саратове массовые аресты. Были арестованы сестры Ульяновы — Марию Ильиничну опять заключили в одиночную камеру, грязную и душную. Но она старалась не падать духом, хотя физически чувствовала себя слабой и больной, а ведь было ей всего 34 года...

Позже выяснилось, что в организацию РСДРП был заслан провокатор, который выдал всех большевиков полиции. Спустя много лет, уже в советское время, он был разоблачен и понес заслуженную кару.

Местная жандармерия доносила начальству: «Центральной фигурой саратовской группы являлась Мария Ильина Ульянова, сестра известного Владимира Ульянова... ее сестра Анна Ильина Елизарова, муж последней Марк Тимофеевич Елизаров... являвшиеся ближайшими помощниками Марии Ульяновой в стремлении последней воссоздать в Саратове прочную нелегальную организацию РСДРП»[1].

После освобождения из тюрьмы Мария Ильинична была сослана в Вологодскую губернию на три года. Здесь ей было строго запрещено общаться с политическими ссыльными, даже угрожали высылкой в отдаленный район. Но ничто не могло сломить бесстрашную Маняшу: через некоторое время она устанавливает связь вологодских революционеров с В. И. Лениным, с петербургскими и московскими большевиками.

Вернувшись осенью 1914 г. в Москву, Мария Ильинична вновь в гуще революционной работы, распространяет отпечатанные ею на машинке статьи Владимира Ильича, ведет постоянную переписку с ним. В одном из донесений московской охранки отмечалось, что «сестра известного Ленина» при встречах с социал-демократами знакомила их с ленинскими тезисами «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне».

Во время первой мировой войны, в январе 1915 г., Мария Ильинична поступила на курсы сестер милосердия при Морозовском институте в Москве, чтобы после их окончания поехать на фронт для революционной работы. В свидетельстве, полученном ею, говорилось, что она «успешно выдержала теоретические испытания и исполнила все практические занятия по программе Красного Креста». Во Львове Мария Ильинична подала заявление уполномоченному Всероссийского земского союза: «Имею честь просить зачислить меня сестрой милосердия на юго-западный фронт. При сем прилагаю свидетельство об окончании курсов для

[1] Переписка семьи Ульяновых, с. 255.

сестер милосердия при Морозовском ииституте в Москве»[1]. Она была зачислеиа в состав врачебно-питательного отряда Общества русских врачей имени Н. И. Пирогова. В составе этого отряда Мария Ильииична находилась на фронте в районе городов Львов, Тисменицы, Сокаль, Тернополь и др.

В конце лета 1915 г. Мария Ильинична возвратилась в Москву, работала в Московской организации РСДРП, затем — в Петроградской.

После Февральской революции В. И. Леиин сразу же поставил вопрос о восстановлении в России оргаиа большевиков — газеты «Правда».

«Два года существовала старая «Правда», поддерживаемая рабочими грошами. Ее гнали, запрещали, отбирали в типографии, арестовывали и ссылали ее редакторов и сотрудников, но она снова и снова возрождалась под другим заголовком и все с той же волей и решимостью к победе,— писала Мария Ильинична.— И только черный вихрь реакции, налетевший вместе с началом империалистической бойни, смёл, убил, заставил умолкнуть громкий бесстрашный голос любимицы рабочих масс — «Правды».

Оиа молчала два с лишним года. Но не молчали те воспитанные, организованные ею в большевистские колонны рабочие-передовики, которые продолжали, теперь уже подпольно, подрывать основание старой, подгнившей машины царского самодержавия. И через два с половиной года после закрытия «Правды» она воскресла вновь»[2]. «Правда» зародилась заново 5 (18) марта 1917 г., и с этого же дня Мария Ильинична становится секретарем газеты, а затем и членом редколлегии на долгие годы.

У Марии Ильиничны был огромный опыт партийной работы, талант публициста; она писала статьи, правила рукописи, встречалась с корреспондентами. Но со здоровьем у нее было по-прежнему нехорошо,— ведь она так измучена постояиными арестами, ссылками, тяжелыми тюремными условиями, постоянной слежкой полиции... Владимира Ильича очень тревожит ее состояние. «Хочу дать тебе совет,— пишет он ей из Финляндии, где ему приходилось скрываться от Временного правительства,— надо тебе непременно поехать полечиться... Очень и очень тебя прошу: поезжай непременно и немедленно. Можно взять с собой перевод или беллетристики, чтобы выдержать лучше скуку, до известной степени необходимую при лечении. Но поехать обязательно надо. Пожалуйста, исполни эту мою просьбу и иапиши мне в ответ что-нибудь. Крепко обнимаю. Твой *Ульянов*»[3].

---

[1] Ульяновы на Укранне. Революцнонная н общественно-полнтнческая деятельность Ульяновых на Укранне н в Крыму (1902—1921 гг.). Кнев, 1979, с. 86.
[2] Марня Ильнннчна Ульянова. М., 1978, с. 39.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 370—371.

А немного позже вновь повторяет:

«Дорогая, милая Мимоза! [1] Очень прошу поехать лечиться, не откладывая, нельзя пропускать времени»[2]. Но Мария Ильинична не могла выполнить его просьбу — работы в редакции «Правды» было страшно много. Оставить газету она не могла...

В дни Великой Октябрьской социалистической революции редакция «Правды» размещалась в Смольном. Мария Ильинична все время находилась там: готовила газету к печати, напряженно работала с утра до глубокой ночи, не зная отдыха.

После переезда Советского правительства из Петрограда в Москву, в марте 1918 г., Мария Ильинична живет вместе с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной в Кремле. Как и прежде, все дни проводит в редакции «Правды». Только болезнь В. И. Ленина отрывает ее от любимой работы в газете. Около полутора лет (с конца 1922 по январь 1924 г.) Мария Ильинична почти все время находится в Горках рядом с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. Здесь часто бывают Анна Ильинична и Дмитрий Ильич.

В день кончины В. И. Ленина — 21 января 1924 г.— рядом с Владимиром Ильичем находились Н. К. Крупская, Анна Ильинична, Мария Ильинична и Дмитрий Ильич Ульяновы.

Теперь Надежда Константиновна и Мария Ильинична остались вдвоем в небольшой квартире Владимира Ильича. Их, как и всю жизнь, связывали духовная близость и сердечная дружба.

После смерти Владимира Ильича Ленина в газетах и журналах стали появляться воспоминания о нем. Относившаяся с большой ответственностью к показу правдивого образа Ленина, Мария Ильинична и от других требовала того же. 8 июня 1924 г. в «Правде» была опубликована ее статья «О некоторых «воспоминаниях» об Ильиче». В ней, в частности, говорилось: «Воспоминания о Ленине нужно писать. Каждый факт, каждый штрих из его жизни, описанный его современниками, будет иметь значение для будущего биографа Ленина. Но только факты строго проверенные...»[3]

Мне хорошо запомнилось, как мой отец вместе с Марией Ильиничной работали над воспоминаниями о Ленине. Обычно после работы, по вечерам, они встречались на квартире Марии Ильиничны или, чаще, у Дмитрия Ильича, который жил неподалеку от нее, тоже в Кремле.

Подолгу они сидели в кабинете отца, обсуждая отдельные факты и эпизоды из жизни Владимира Ильича. На некоторых

---

[1] Мимоза — одна из партийных кличек М. И. Ульяновой. *Ред.*

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 371.

[3] Настоящее издание, с. 165.

рукописях Марии Ильиничны сохранилась правка, сделанная рукой Дмитрия Ильича.

Когда в 1934 г. из печати вышла небольшая книга Д. И. и М. И. Ульяновых «О Ленине», Мария Ильинична, получив ее, вся светилась от счастья...

В «Правде» Мария Ильинична работала до весны 1929 г. Бесценен ее вклад в становление и развитие партийной печати. С именем М. И. Ульяновой навсегда связаны понятия «рабкор», «селькор»: она была активнейшим организатором рабселькоровского движения, которое называли «железным фундаментом «Правды». Ее работа была большой помощью социалистическому строительству. «Сил своих она не жалела,— писала о ней Н. К. Крупская,— работала с утра до 3—4 часов ночи, без отдыха, без перерыва»[1].

Поистине великой заслугой Марии Ильиничны перед советским народом является то, что она вместе с сестрой Анной подготовила и издала в 1930 г. письма Владимира Ильича Ленина к родным, снабдив их ценными научными комментариями.

М. И. Ульянова участвовала в работе многих партийных съездов. На XIV, XV, XVI съездах партии Марию Ильиничну избирали членом ЦКК ВКП(б). В 1934 г. на XVII съезде партии ее избирают членом Комиссии советского контроля. Огромный партийный опыт, живая связь с трудящимися помогли ей успешно вести эту ответственную работу; вскоре она становится членом Бюро Комиссии советского контроля, заведующей Бюро жалоб.

В 1933 г. за работу в области коммунистического воспитания и просвещения работниц и крестьянок Мария Ильинична была награждена орденом Ленина. В 1935 г. М. И. Ульянова и Н. К. Крупская были делегатами VII конгресса Коминтерна. Мария Ильинична встречалась с коммунистами других стран, например с Кларой Цеткин, Анри Барбюсом, с членами Коминтерна. С 1935 г. она — член ЦИК СССР.

Мария Ильинична была связана с многими советскими писателями — Максимом Горьким, А. Н. Толстым, Демьяном Бедным, Н. Ф. Погодиным и многими другими.

В 1934 г. Мария Ильинична и Дмитрий Ильич, находясь в Сочи, навестили замечательного писателя Николая Островского, который был награжден орденом Ленина.

«Дорогие и любимые Мария Ильинична и Дмитрий Ильич! — писал Островский в своем письме.— С большой искренней радостью прочел Ваше поздравление. Бывают минуты, когда нет слов, чтобы сказать все...

Надолго сохраню в своей памяти нашу встречу.

Любящий вас *Н. Островский*»[1].

---

[1] Настоящее издание, с. 16.

Обладая большой наблюдательностью и незаурядным литературным талантом, будучи, как и все ее братья и сестры, необычайно трудолюбивой, Мария Ильинична написала воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, о своих родителях, о старшем брате Александре и о сестре Ольге.

Мария Ильинична была человеком удивительных душевных качеств. Чуткая, отзывчивая, добрая, всегда и во всем справедливая. И внешне она была красива — густые седые волосы обрамляли ее овальное лицо, умные, живые карие глаза искрились. Я вспоминаю рассказы Марии Ильиничны об их семье, теплые, живые рассказы... Мне они запомнились на всю жизнь.

Родители часто оставляли меня, девочку, на попечение тети Мани. Мария Ильинична с нежной заботливостью относилась ко мне. Несмотря на большую загруженность по работе, она находила время проверить, как я сделала уроки, выучила ли задания по математике, немецкому, музыке. А ведь у нее было столько дел, гораздо более важных...

7 июня 1937 г. до 8 часов вечера Мария Ильинична была на Московской областной партконференции. Оттуда она сразу поехала на работу. Здесь ей внезапно стало плохо. Врачи решили, что перевозить Марию Ильиничну в больницу нельзя — слишком тяжелым было ее состояние. В консилиуме врачей участвовал Дмитрий Ильич, хотя сам был уже болен. Отец, как врач, понял, что состояние сестры критическое. 12 июня Марии Ильиничны не стало...

«Мария Ильинична была обаятельным человеком, в котором изумительно сочетались большевистская принципиальность, несгибаемость, уменье ставить интересы партии выше всего с мягкостью и особой ильичевской заботой о людях,— писали в некрологе в «Правде» Д. И. Ульянов, Н. К. Крупская, Г. М. и З. П. Кржижановские, Е. Д. Стасова и другие старые большевики.— Она умерла на боевом посту, прослужив партии, рабочему классу больше 40 лет своей сознательной жизни»[2].

Близкий друг моего отца, хорошо знавший также и Марию Ильиничну, известный советский историк Алексей Иванович Яковлев, узнав о ее смерти, писал Дмитрию Ильичу:

«Кончина Марьи Ильиничны подкралась с такой молниеносной быстротой, что сразу не соберешься с мыслями... Удар жесток, но и силы Вашей Ульяновской породы велики. Крепко тебя обнимаю и желаю тебе бодрости и твердости духа перенести ужасное несчастье... Да послужит Вам утешением то, что образ Марьи Ильиничны неизгладимо врезан в летопись мировой революции возле имени ее великого брата»[3].

---

[1] Цит. по: *Кунецкая Л., Маштакова К.* Мария Ульянова, с. 217—218.

[2] Правда, 1937, 13 июня.

[3] *Ульянов Д. И.* Очерки разных лет, с. 279.

Воспоминания о В.И.Ленине

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

С самых детских лет я испытывала к Владимиру Ильичу какое-то совсем особое чувство: горячую любовь вместе с своего рода поклонением, точно это было существо какого-то особого, высшего порядка. И если я позволяла себе капризы и непослушание с другими, то от всего этого не оставалось и следа, если я только подозревала, что Владимир Ильич может меня видеть или слышать. Уже не говоря о том, чтобы я проявляла какую-нибудь тень непослушания по отношению к нему. А между тем он никогда не выказывал никакой строгости ко мне, даже наоборот, баловал меня, как младшую в семье.

Я думаю, что такой полный авторитет он завоевал себе благодаря высоте своего нравственного облика. Дети ведь очень чутки к тому, чтобы слово не расходилось с делом, чтобы взрослые не оперировали с двоякого рода моралью: одною, применяемою к детям, а другою — к себе. Брат всегда делал хорошо все, за что бы он ни брался, кроме того, он очень рано научился владеть собой. А между тем от природы он был вспыльчивым и нужно было немало воли, чтобы сдерживать себя. Повторяю: я не помню, за малыми исключениями, чтобы он был нервен в то время, чтобы он проявлял себя резко по отношению к кому бы то ни было.

Возможно, что моя привязанность к Владимиру Ильичу усугублялась еще тем, что я перенесла на него любовь к отцу, который умер, когда мне еще не было восьми лет. Отец очень любил возиться, бегать и играть с нами, детьми. Много возился он и со мной, как с младшей. У Владимира Ильича было такое же отношение к детям, как и у отца. В этом отношении было то, что особенно завоевывает детей. Он подходил к ним просто, ласково и, я бы сказала, как равный, как к всамделишным людям, хотя и маленьким. В его тоне и обращении с ними не было ни пренебрежительности, которая так часто чувствуется у взрослых по отношению к детям, ни особого подлаживания под детей и под детские интересы. Владимир Ильич сам слишком много детского, в лучшем смысле этого слова, сохранил до последних дней своей жизни, что выражалось в удивительной чистоте, искренности, жизнерадостности, способности увлекаться, скажем охотой, прогулкой, игрой и пр., как ребенок, а также в умении предаваться самой беззаботной веселости. Как же тут было не завоевать симпатии детей!

И всегда, когда Владимиру Ильичу приходилось встречаться с детьми, у него очень быстро устанавливались с ними самые дружеские отношения, с оттенком влюбленности со стороны детей. Знакомство завязывалось быстро, и через некоторое время слышались уже громкий хохот, возня и беготня.

Владимир Ильич стоял всегда за предоставление детям наибольшей свободы и в более поздние годы останавливал нас, когда замечал, что мы «обдергиваем» их: «сиди смирно», «не вертись», «не озоруй» и т. п. Это отношение его к детям проявилось и незадолго до его смерти. На рождество 1923 г. я устроила в большом зале горкинского дома елку, созвала человек десять ребят местных служащих и двух наших племянников [1]. Владимир Ильич приехал (сверху) на своем кресле и с удовольствием смотрел на игры детей и слушал их хоровое пение. Но когда под конец я раздала ребятам подарки и они на радостях слишком расшалились и разбегались, я стала их останавливать, боясь, как бы весь этот шум не утомил слишком Владимира Ильича. Но он тотчас же знаками попросил меня не останавливать детей в их играх.

Никакого «обдергивания» не было никогда со стороны Владимира Ильича и по отношению ко мне, когда я была ребенком, а он молодым человеком (он был старше меня на восемь лет).

Отношение его ко мне было всегда простое и ласковое и както поднимало меня всегда в собственных глазах.

В симбирский период нашей жизни разница лет между мною и Владимиром Ильичем, о которой я говорила выше, была особенно ощутительна.

Но я слишком забежала вперед.

Из жизни в Симбирске, до смерти отца, у меня сохранились такие воспоминания. Мы жили в большом, поместительном доме с антресолями, на которых помещались мы, дети. К дому примыкал большой, покрытый травой двор, на котором летом устраивались всегда разные игры, вроде жмурок, пятнашек и пр., а зимой сооружали ледяную гору. За двором тянулся большой фруктовый сад, который выходил на параллельную Московской, на которой был наш дом, Покровскую улицу. Этот сад был очень хорош. Вокруг него шли дорожки, обсаженные сиренью, акацией и пр. На них было очень много тени. Посредине тоже были дорожки, которые разделяли сад на четыре равные части. Эти четвертушки были засажены всевозможными ягодными кустами, яблонями и т. п. Без особого разрешения нам не позволялось рвать что-нибудь в саду. «Пастись» на грядках с клубникой, в малиннике и пр. разрешалось только после того, как были сделаны запасы варенья и когда набеги ребят на кусты и гряды не могли уже плачевно сказаться

---

[1] О. Д. Ульянова, В. Д. Ульянов. *Ред.*

на последствиях. Запрещение это выполнялось нами, детьми, очень строго. И я помню, как поразили меня слова одной знакомой, которая в разговоре с мамой выразила удивление, что в саду все цело. «Мои, мол, ребята все обрывают». Я не помню, чтобы запрет рвать ягоды и пр. был для нас особенно труден, мы всегда получали ягоды за столом, кроме того, запрета, например, на крыжовник, когда он созревал, не было совсем, да и на другие ягоды запрет скоро снимался, как я указала выше.

В этих ягодных кустах, помню я, мелькала иногда фигура Владимира Ильича. Помню и чаепития в беседке посреди сада, куда собиралась после обеда вся семья. Но в те годы разница лет между мною и Владимиром Ильичем (восемь лет) была особенно ощутительна: я была еще совсем маленькой, а брат — гимназистом старших классов. Но некоторые картинки у меня ярко запечатлелись в памяти. Вот я еще совсем маленькая. В доме у нас была собачка, по кличке Garcon [1], которую наша старушка няня [2], жившая у нас в доме и вынянчившая всех детей, начиная с Владимира Ильича, называла Кальсонкой. Раз вечером кто-то из мальчиков — у нас жили в то время дети Персианиновых — гимназисты — зовет меня наверх, в их комнату, чтобы посмотреть фокус. Я иду вместе с няней и, затаив дыхание, смотрю на ящик от маминой машинки, который сам двигается по полу то в одну, то в другую сторону. Изумлению моему нет конца, но изумление это переходит в отчаяние, когда ящик приподымают и под ним оказывается наша собачонка. Я заливаюсь горькими слезами, и даже обещание няни дать Кальсонке сейчас же говядинки плохо способствует моему успокоению. Но тут появляется Владимир Ильич, и его уверение, что с собакой ничего не произошло, оказывает свое действие.

А вот зима. И мы летим с Владимиром Ильичем на санках с высокой ледяной горы, устроенной на дворе. В те годы Ильич называл меня «пичужкой» и часто высоко поднимал меня над головой, взяв сзади за локти.

В 1886 г. (12 января) умер отец, а 8 мая 1887 г. был повешен в Петербурге старший брат Александр [3].

Я уже рассказывала в своей речи на Московском Совете 7 февраля 1924 г.[4] о том, какое впечатление произвела на Владимира Ильича казнь старшего брата, и приводила его слова: «Не таким

---

[1] Мальчик. *Ред.*

[2] Она и умерла у нас в доме в 1890 г. *М. У.* (Речь идет о Варваре Григорьевне Сарбатовой, которая почти 20 лет была няней в семье Ульяновых. *Ред.*)

[3] Александр Ильич Ульянов (1866—1887) — см. очерк «Памяти Александра Ильича Ульянова» (настоящее издание, с. 254—260). *Ред.*

[4] См. настоящее издание, с. 43. *Ред.*

путем надо идти, мы пойдем не таким путем». Выражение лица при этом у него было такое, точно он жалел, что брат слишком дешево отдал свою жизнь, не использовав ее так, как можно было это сделать на благо рабочего класса [1].

Летом 1887 г. мы переехали в Казань, продав дом и распростившись совсем с Симбирском. Сестре Анне [2] ссылка в Восточную Сибирь была заменена Казанской губернией, и она поселилась там в имении тетки — в Кокушкине. Младший брат [3] был переведен в казанскую гимназию, а Владимир Ильич поступил в Казанский университет. Два месяца, что он пробыл в университете [4], я жила вместе с сестрой в деревне, а за несколько дней до его высылки из Казани приехала с кем-то в город. Помню зимний морозный вечер. Вместе с Ильичем мы в кибитке с бубенчиками едем в Кокушкино, а сзади на санках нас провожает какой-то полицейский чин. Это было мое первое знакомство с полицией. Город кончается, мы выезжаем в поле, и тогда наш провожатый поворачивает обратно. В

---

[1] В варианте рукописи имеется следующий текст:

«К несчастьям, обрушившимся на нашу семью в конце нашего пребывания в Симбирске — в 1886 и 1887 гг. (смерти отца и казни старшего брата), я не могла отнестись вполне сознательно, так как была слишком мала. Но ярко запечатлелся в памяти подавленный вид Владимира Ильича при получении известия о казни брата, его боль от этой трагической гибели, его неодобрение того пути, по которому пошел Александр Ильич. Мне казалось, что Владимир Ильич жалел, что старший любимый брат его так дешево отдал свою жизнь. «Не так надо было» или «не такими методами» — показывали, что Владимир Ильич осуждал тот путь борьбы с самодержавием, который избрал Александр Ильич.

Конечно, в голове Владимира Ильича — тогда мальчика 17 лет — не могло быть определенного и, главное, теоретически обоснованного плана революционной борьбы. Он сложился у Владимира Ильича, вероятно, позднее, когда он познакомился солидно и основательно с произведениями основоположников научного социализма.

Но у него, как мне кажется, была другая натура, чем у Александра Ильича, как ни близки они были друг другу. Не было у Владимира Ильича жертвенности, хотя всю свою жизнь он отдал безраздельно делу рабочего класса. Больше трезвости и холодного расчета было, мне кажется, заложено в его натуре. Эти качества давали ему возможность с максимальным положительным результатом использовать свои силы, направить их все без остатка, целеустремленно на достижение одной определенной цели. Другой у него в жизни не было, он не щадил себя в борьбе за нее, но он абстрагировался от всего привходящего, что могло бы ослабить действие оружия, что могло бы хоть сколько-нибудь задержать путь к намеченной цели». *Ред.*

[2] Анна Ильинична Ульянова-Елизарова (1864—1935) — видный деятель Коммунистической партии, профессиональный революционер. Автор ряда историко-революционных работ и воспоминаний о В. И. Ленине. *Ред.*

[3] Дмитрий Ильич Ульянов (1874—1943) — профессиональный революционер, государственный, партийный и общественный деятель, делегат нескольких съездов партии, по образованию врач. Автор ряда воспоминаний, статей и очерков о В. И. Ленине. *Ред.*

[4] В Казанском университете В. И. Ленин учился более трех месяцев. *Ред.*

Кокушкине Володя проводит все время за книгами в своей комнате за письменным столом, и я вхожу в эту комнату с каким-то особенным чувством уважения. А когда он берется заниматься со мной — что, впрочем, в этот период случалось редко,— я испытываю глубокую радость и мне кажется, что все занятия идут у меня куда лучше. Гулять мы отправлялись обыкновенно на речку по льду. Владимир Ильич охотился за зайцами, но, должно быть, неудачно, и сестра часто поддразнивала его этими неудачами. Зимой в деревне жилось невесело, к тому же дом, в котором мы жили, был довольно холодный. Общества — никакого, и мне казалось, что брат тяготился жизнью там. За границу его не пускали [1].

Ульянова М. И. О Ленине. 4-е изд. М., 1971, с. 6—10

---

[1] В варианте рукописи читаем:

«Весной 1887 г. мы переехали в Казань, где Владимир Ильич с осени поступил в университет.

Сестра Анна Ильинична должна была отбывать гласный надзор полиции в деревне Кокушкино, в 40 верстах от Казани, меня оставили жить с ней. Наше скучное уединение в деревне зимой разнообразили лишь время от времени тайные поездки к родным, в Казань. Один из этих приездов совпал с высылкой Владимира Ильича из города. Известно, что он пробыл в университете лишь три месяца и после кратковременного ареста был направлен на жительство в Кокушкино.

Подробности этого вынужденного выезда из города — это был первый случай, когда я наблюдала репрессию полиции,— остались в памяти. С братом и матерью, которая поехала проводить Владимира Ильича до деревни, мы едем по городу в крытой кибитке, а сзади на рысаке провожает — и это останавливает все мое внимание — полицейский чин. У городской черты он поворачивает обратно, а мы под звон колокольчиков и скрип полозьев по снегу продолжаем наш путь.

С приездом Владимира Ильича уединение в глухой деревушке, занесенной снегом, было уже не так ощутительно — брат вносил оживление, да и само его присутствие с нами озаряло для меня, как всегда, все каким-то особым светом.

Сестра подготовляла меня тогда к экзамену во второй класс гимназии. Лишь недавно перенесшая жестокую травму трагической гибелью боготворимого ею брата, она была очень нервна. Это проявлялось иногда и во время ее занятий со мной, доставляя нам обеим немало мучений. Помню, как Владимир Ильич, слышавший одну из таких вспышек, потемнел лицом и сказал как бы про себя: «Так нельзя».

Несколько раз, не знаю уже почему, со мной занимался по утрам Владимир Ильич. О нервности тогда не было и помину, занятия доставляли лишь удовольствие.

Удовольствие доставляли и прогулки с ним по льду маленькой речки. Сестра дразнила Владимира Ильича неудачными охотничьими попытками, говоря, что он промахивает по зайцам, которые перебегают ему потом дорогу. Охота была в то время действительно неудачна для Владимира Ильича, да он и мало занимался ею, проводя преимущественно время за книгами». *Ред.*

В СИМБИРСКЕ

Вы просите, ребята, рассказать вам о товарище Ленине? Вы говорите, что знаете о нем как о вожде рабочего класса, вожде мировой социальной революции, но вам так мало приходилось слышать о нем как о человеке и вы хотели бы больше знать о его жизни. Вы правы, когда задаете такие вопросы, потому что товарищ Ленин был большим человеком не только по своему уму, по той роли, которую он играл в нашей революции, по той огромной работе, которую он вел во имя освобождения и улучшения жизни всех обездоленных, угнетаемых капиталом людей во всем мире. Не только эту работу должны мы все изучать, мы должны хорошо знать товарища Ленина и как человека, потому что это поможет нам и самим стать лучше. Я постараюсь рассказать вам поподробнее о нем, потому что знаю Владимира Ильича не только по книгам и рассказам других людей, но знаю его близко и по совместной жизни с ним. Слушайте же.

Наши детские годы прошли на Волге, в городе Симбирске, который теперь в честь Владимира Ильича, настоящая фамилия которого была Ульянов, переименован в Ульяновск. Это был (в значительной степени он остался таким и теперь)[1] небольшой провинциальный город, тихий и спокойный. Там не было фабрик и заводов, не было трамваев и даже конок, к Симбирску не была в то время проведена еще железная дорога. Зимой сообщаться с другими городами было поэтому особенно трудно: можно было ездить только на лошадях, а это ведь такой неудобный и долгий способ передвижения! Но с весны, с открытием навигации, Симбирск несколько оживал. Он лежит на большой судоходной реке, и когда она сбрасывала с себя ледяные оковы, на пристани города закипала жизнь, раздавались свистки пассажирских и буксирных пароходов, оживала торговля и сообщение с другими городами становилось более удобным — на пароходах. Симбирск, теперешний Ульяновск, расположен на высоком гористом берегу Волги, в нем много зелени и фруктовых садов, которые расположены по горе. Весной, особенно в ледоход, вид на Волгу с горы, Венца, как называется там бульвар над обрывом, был очень красивый. Река поднимается из своих берегов, делается шире, а льдины несутся вниз по воде, набегая одна на другую, треща и образуя местами заторы. И борются одна с другой, пробивая себе дорогу, отталкивая более мелкие или с гро-

[1] Ульяновск в настоящее время является одним из крупных промышленных и культурных центров Поволжья. В связи со столетием со дня рождения В. И. Ленина 16 апреля 1970 г. в Ульяновске был открыт Ленинский мемориальный комплекс. 11 декабря 1970 г. за большие успехи, достигнутые трудящимися города в хозяйственном и культурном строительстве, в выполнении заданий пятилетнего плана по развитию промышленного производства, Указом Президиума Верховного Совета СССР город Ульяновск награжден орденом Ленина. *Ред.*

хотом разбивая их. Мы любили смотреть на эту картину, любили прогулки по Венцу, с которого ледоход, возрождающееся движение по реке, был особенно хорошо виден. Но в Ульяновске есть и другая река, Свияга, которая впадает в Волгу. Дом, в котором мы жили, был ближе к Свияге, и мы чаще ходили туда гулять, купаться и кататься на лодке. Можно было там и рыбачить, что особенно любил мой младший брат, Дмитрий Ильич.

Жили мы в довольно большом, поместительном доме, который отец наш, служивший директором народных училищ, купил в 1878 г. К дому примыкали большой, покрытый зеленой травою двор и сад, который выходил на другую, параллельную Московской улице, на которой был наш дом, Покровскую улицу. На Покровскую улицу выходила калитка, и этим выходом мы пользовались обыкновенно, когда ходили купаться и гулять на Свиягу: это был кратчайший путь до нее. Для купанья у нас был определенный час в купальне, принадлежавшей одним знакомым, и в этот час должно было успеть выкупаться как мужское, так и женское поколение нашего дома. Заранее уславливались, кто пойдет раньше, отец с братьями или мы с матерью. И нередко, придя к купальне, мы видели, как братья бултыхаются в воде. Ящик в купальне не удовлетворял их, они выплывали обыкновенно из купальни в реку и уплывали иногда довольно далеко от нее. Приходилось иногда и братьям поджидать, пока мы, сестры, выкупаемся. У купальни была скамеечка, на которой обычно и располагались ожидающие.

На дачу, за город, мы обычно не выезжали, когда жили в Симбирске, и только иногда уезжали на некоторое время в Казанскую губернию, в село Кокушкино, где жили две наши тетки со стороны матери. Часть этого имения, принадлежавшего отцу нашей матери, перешла по наследству к ней, но долго проводить там время было неудобно, ибо отец не мог на долгое время отлучаться со службы, но старшие дети живали там иногда и одни. Это был очень живописный и хороший уголок, с речкой, на которой можно было рыбачить и кататься на лодке, со старым парком, в котором раздавались всегда голоса детей — их собиралось в Кокушкине много по летам. Был невдалеке и лес, куда мы ходили гулять. Поездку в Кокушкино мы, дети, очень любили, уже одна поездка на пароходе до Казани, чтобы потом пересесть на лошадей, была для нас удовольствием. Пленяла, конечно, и компания двоюродных братьев и сестер, которые, как я уже говорила, собирались на летние каникулы в большом количестве в Кокушкине. Удовольствием этих поездок пользовались, впрочем, больше старшие братья и сестры, а мы, меньшие, чаще оставались с матерью в Симбирске или ездили туда только на сравнительно короткий срок. Мать неохотно отпускала нас без себя, а сама она тоже не уезжала надолго, чтобы не оставлять отца одного.

Ульянова М. И. О Ленине. 4-е изд. М., 1971, с. 12—14

«БРЫКАСКИ», «ИНДЕЙЦЫ», «ЧЕРНАЯ ПАЛОЧКА»

Владимир Ильич в раннем детстве был очень резвый. Шаловливей всех. Но об этом я могу говорить только со слов сестры. Ведь меня и на свете еще не было, когда Владимиру Ильичу было пять-шесть лет. Сестра рассказывала, что, когда ему дарили игрушки, его страшно интересовало, из чего они сделаны. Однажды подарили ему игрушку из папье-маше — тройку лошадей и повозку. И он исчез куда-то. Ищут, куда девался. Оказывается, забрался за дверь и там отвинчивает ноги лошадей. Но вообще у нас в семье игрушки не очень были в ходу.

Он был страшный любитель шумных игр. Помню, была у них какая-то игра «брыкаски». Дмитрий Ильич тоже принимал в ней участие. Играли в нее обязательно в темной комнате, вечером, когда старших не было дома. Это была игра шумная: прятались, выскакивали из-под диванов. И у нас всегда больше было таких шумных игр по двору, с беготней, чем спокойных игр с игрушками. Заправилами были Владимир Ильич и средняя сестра — Ольга. Они вечно придумывали какие-то новые игры. В детстве мы играли в игру, которая теперь называется «палочка-застукалочка», а у нас называлась «черная палочка». Играли в «индейцев». Когда играли в «индейцев», устраивали из лопухов и еще из чего-то головные уборы.

Ульянова М. И. О Ленине. 3-е, доп. изд. М., 1969, с. 20

ВСЯКУЮ РАБОТУ ОН ВЫПОЛНЯЛ ХОРОШО

Владимир Ильич имел очень хорошие способности, но, помимо того, он был человеком очень трудоспособным, много и усиленно занимался. Всякую работу, за которую он брался, он выполнял всегда хорошо, как бы незначительна она ни была. Он был не способен делать что-либо наспех, неряшливо, кое-как.

Когда Владимир Ильич учился в училище [1], он всегда хорошо слушал объяснения учителей, запоминал их, и поэтому дома ему не приходилось тратить много времени на приготовление уроков. Меньшой наш брат рассказывает, что он наблюдал за тем, как Владимир Ильич писал сочинения. Он никогда не откладывал этого до последнего дня, как это часто делают другие. Когда объявлялась тема для домашнего сочинения и давался срок для подачи его, он сразу же садился, составлял план сочинения, подбирал и прочитывал нужные книги. Постепенно его черновой набросок сочинения все разрастался, прибавлялись новые и новые факты, цитаты и пр. И незадолго до конца срока ему оставалось только взять чистую тетрадь и переписать сочинение набело. Учитель словесности ставил Владимиру Ильичу не просто 5 за его сочинение, а 5+.

Читал Владимир Ильич очень много. Он очень любил Пушкина, Тургенева, Некрасова, Толстого и часто перечитывал их сочинения.

Изучал он и иностранные языки, так что, когда он поехал за границу, чтобы создать там подпольную газету «Искра», ему легко было объясняться с иностранцами. Только с английским языком дело обстояло хуже, так как произношение в этом языке очень трудное, и, изучая его самостоятельно, без помощи учителя, как это делал Ильич, он не мог схватить правильного произношения. Пришлось усвоить его, уже живя в Лондоне.

При изучении языков у Владимира Ильича был особый метод. Он переводил какую-нибудь книжку сначала на русский язык с иностранного, а потом с русского переводил опять на иностранный язык. Таким путем он достиг хорошего знания языков. Сам он, впрочем, считал, что языки он знает недостаточно. Он говорил так потому, что был очень скромным человеком и всегда был очень требователен к себе.

Будь готов! Куйбышев, 1938, 22 сентября

[1] В гимназии. *Ред.*

МЫ ЖИЛИ ДРУЖНО

Жили мы дружно. Владимир Ильич всегда был моим заступником. Я была маленькая и вообще баловнем была в семье.

Помню такой случай. Жили два мальчика наверху у нас. Зовут меня как-то, говорят, что фокусы будут показывать. Иду наверх, в антресоли, и вижу: ящик от маминой машинки движется по полу. Я в полном недоумении! Что же оказалось?

У нас была маленькая собачонка Гарсон, а няня ее звала Кальсонкой. Посадил кто-то эту собачонку под ящик. Она и двигала ящик. Я была в полном отчаянии, боялась, что она задохнется. Но тут явился Владимир Ильич и убедил меня, что с собачкой ничего не случилось. Авторитет его для меня был очень велик.

Другой раз я была невероятно напугана. Мне кто-то сказал, что в городе появились привидения. Оказалось, несколько мальчиков устроили ходули, завернулись в простыни и путешествовали на ходулях. На меня такой страх напал! Пришел Владимир Ильич и успокоил. Он так действовал: придет, уговорит, и я успокоюсь. Ходули потом и у нас появились во дворе.

Ульянова М. И. О Ленине.
4-е изд. М., 1971, с. 15

РЕЧЬ НА ТРАУРНОМ ЗАСЕДАНИИ МОСКОВСКОГО СОВЕТА, ПОСВЯЩЕННОМ ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА УЛЬЯНОВА (ЛЕНИНА), 7 ФЕВРАЛЯ 1924 г.[1]

— Товарищи, я хочу поделиться с вами несколькими штрихами из жизни Владимира Ильича.

Вы знаете, товарищи, что Владимир Ильич был богато одарен от природы, но помимо этого он обладал необыкновенной способностью идти твердо и непреклонно к раз намеченной им цели. Еще совсем юным, в последних классах гимназии (Владимир Ильич кончил гимназию 17 лет) он проводил все вечера за книгами, за подготовкой к той революционной работе, которую он поставил целью своей жизни. Но особенно памятно мне осталось время после окончания им гимназии, годы, когда он жил с нами в Казани и Самаре, до отъезда в Петроград. Весной в 1887 г. мы получили известие о казни старшего брата. Особенно запечатлелось мне выражение лица Владимира Ильича в эту минуту, когда он сказал: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти». И вот с тех пор он стал подготовлять себя к тому пути, который он считал единственно правильным для освобождения России от ига царя и капитала.

Я помню, когда мы жили в деревне в Самарской губернии, Владимир Ильич каждое утро после чая отправлялся, нагруженный книгами, словарями и тетрадями, в укромный уголок сада, чтобы там заниматься. Там стояли стол и скамейка, и там проводил Владимир Ильич большую часть дня за научными занятиями. Он умел не только читать книги, он умел изучать их, он штудировал их, составлял конспекты, делал выписки. Я приходила тогда в тот уголок, чтобы заниматься с ним языками, и, несмотря на то что я была совсем ребенком, меня даже тогда поражала та настойчивость и та аккуратность, с которой Владимир Ильич делал то дело, за которое он брался. И настолько был силен его нравственный облик, что тогда уже без всяких понуканий хотелось сделать все на свете, лишь бы он был доволен тобой, лишь бы заслужить его одобрение.

[1] Часть речи, относящаяся к юношеским годам В. И. Ленина в измененной редакции под заглавием «В гимназии», была включена автором в сборник: *Ульяновы Д. И. и М. И.* О Ленине. Отрывки из воспоминаний. М., 1934, с. 9—10. *Ред.*

Целые дни Владимир Ильич проводил за книгами, отрываясь только для прогулки и для разговоров и споров с тем небольшим кружком товарищей, которые так же, как и он, подготовляли себя к революционной работе. И это уменье работать, это упорство осталось за ним всю его жизнь. И в ссылке, и за границей он пользовался всяким свободным моментом, всяким свободным часом, чтобы отправиться в библиотеку. У нас сохранилось много тетрадок и выписок, и по ним можно судить, какое громадное количество литературы по всем отраслям знаний успел за свою жизнь проштудировать Ильич.

Я думаю, товарищи, что, как во многом другом, нам всем надо учиться у Ильича уменью работать над своим образованием, уменью использовать для этого каждый час, каждую минуту, ибо, не подковав себя в теоретическом смысле, мы не будем во всеоружии для предстоящих новых боев, особенно теперь, когда ответственность каждого из нас возросла после кончины нашего вождя и учителя во много раз.

Еще один штрих. Отношение Ильича к товарищам и вообще к людям. Совершенно исключительную чуткость Ильича и заботливость к товарищам многие из вас, товарищи, испытали, вероятно, на себе. Устройство комнат, квартир, пособий, обуви и т. д. и т. д. Никогда не отказывал Ильич в таких просьбах. Но не только тогда, когда товарищи обращались к Владимиру Ильичу, исполнял он их просьбы, он и сам, по собственному почину, заботился о них. Сколько раз, замечая, что тот или иной товарищ утомился или плохо выглядит, он посылал к нему врача, звонил в ЦК, чтобы устроить товарищу отпуск, возможность отдохнуть и подлечиться. Сплошь да рядом обращался он ко мне с просьбой узнать, как живет тот или другой товарищ, не надо ли ему чего, просил послать продуктов, достать шубу и т. д.

Но не только к товарищам было у него такое внимательное отношение. Такое же отношение он проявлял к тем, которые были с ним незнакомы или даже ему чужды. Вы помните 18-й и 19-й гг., вы помните, какое количество врагов Советской власти было повсюду, какую непреклонную борьбу приходилось вести с ними. Владимир Ильич умел быть непреклонным к этим врагам, но он мог проявлять высшую справедливость, поскольку он видел ту или другую ошибку, допущенную к кому-либо из них. Я приведу один небольшой факт. Их можно было бы привести много, но я ограничусь пока одним. На днях мы получили письмо. Автор этого письма в 19-м году был приговорен к расстрелу. Его мать, обезумевшая от горя, побежала в Кремль в надежде, что она сможет повидать Ленина, но ей не удалось видеть его. Она возвращается домой и находит письмо Ленина, доставленное самокатчиком, в котором он пишет, чтобы она не волновалась, что можно подать кассационную жалобу и, наконец,

просить ВЦИК о помиловании. Кассационная жалоба не была удовлетворена. Но когда мать автора этого письма пришла во ВЦИК просить о помиловании, то секретарь встретил ее словами: «Да, знаю, знаю, мне т. Ленин много раз звонил о вас». В результате обвиненный был помилован и позднее был выбран членом Московского Совета.

Я думаю, товарищи, что и в этой области нам надо поучиться у Владимира Ильича внимательному и чуткому отношению к товарищам. Теперь, когда в напряженной борьбе из наших рядов выбывают один за другим товарищи, нам надо у Ильича поучиться заботливому и внимательному отношению к товарищам, окружающим нас, пока они еще живы.

Ленин. Московским рабочим. М., 1924, с. VIII—X

КАК? БЕЛУЮ ТЕТРАДКУ ЧЕРНЫМИ НИТКАМИ?

У Владимира Ильича с самых детских лет была очень характерная черта: все, за что он ни брался, он выполнял очень хорошо. Сплошь и рядом, если ученику задано какое-нибудь сочинение, срок большой, он садится делать в последние дни, перед самой подачей письменной работы. Думает: «Времени много, успею». Когда Владимиру Ильичу задавали какое-нибудь сочинение на дом, он брался за него сразу — подготовлял материал. Подбирал себе книги, читал их, делал выписки.

У него было обыкновение писать карандашом. Он тонко чинил его, это был идеально очиненный карандаш. Выписки он делал и писал только на одной стороне перегнутого вдоль листа. Если приходило что-нибудь в голову, он брал нужную страницу и прибавлял запись на правой стороне. План сочинения он составлял предварительно. Это черта, которая русским людям не очень свойственна. У нас многие, если идут делать доклад какой-нибудь, знаю я таких товарищей, то говорят, что в голову тут же придет. А Владимир Ильич, какой бы доклад или брошюру ни писал, составлял всегда план. Даже мальчиком он составлял планы своих сочинений.

Когда я была во втором классе гимназии, он иногда мне помогал в занятиях, если я чего-нибудь не понимала. И всегда требовал большой аккуратности и точности. Помню, мне задали нарисовать карту Европы. Я, посмотрев на карту, нарисовала от руки. Он сказал, что для этого есть циркуль, нужно смерить точно расстояние, и заставил все переделать. Вот другой случай. Я занималась с ним языками. Нужно было выписывать незнакомые слова. Я взяла тетрадку, взяла первую попавшуюся нитку и сшиваю. Нитка попалась черная. Он увидел и говорит: «Как? Белую тетрадку черными нитками? Нельзя!» И тут же заставил меня переделать. Вот такая точность была у него во всем. И это осталось на всю жизнь.

Мне приходилось с ним жить в тогдашней Самарской губернии, на хуторе Алакаевке, теперь там колхоз «Уголок Ленина», очень хороший колхоз [1]. Владимир Ильич жил там летом. Было ему лет 18—20. Время у него было разграничено. Аккуратно каждый день

[1] Алакаевка в настоящее время представляет собой большое благоустроенное село, а колхоз «Уголок Ленина» преобразован в крупный, хорошо оснащенный сельскохозяйственной техникой многоотраслевой совхоз «Ленинский». Почти около самой Алакаевки выросли нефтяные вышки, дающие стране нефть. *Ред.*

встанет, напьется чаю, заберет тетради, словари, книги, идет в уголок сада. Устроил там себе стол, скамеечку, трапецию. Сам устроил: вбил палки и сделал перекладину.

Регулярно, в определенный час, чтобы зря не пропадало время, садился он заниматься. С утра он брался за более трудные вещи: политэкономию, историю. И так обыкновенно часов до двух, до обеда, он проводил время в этом уголке. Я приходила туда заниматься иностранными языками.

Не было ни одного дня, чтобы он не занимался, чтобы он куда-нибудь ушел. Как бы ни были велики у человека способности, без такого упорного труда достигнуть чего-нибудь нельзя. После обеда он шел или гулять или туда же читать беллетристику, новые журналы. Эта точность в распределении времени у него так и осталась с юных лет. Поэтому он очень многое успел сделать.

Он очень любил языки: немецкий, французский, очень большое внимание уделял их изучению. Словари у него были все подобраны. Его таблицы неправильных французских глаголов так аккуратно разграфлены и написаны — точно напечатаны.

Особо близких товарищей в школе у него не было, но школьные товарищи к нему хорошо относились. Он, бывало, раньше уходил в школу, чтобы помочь кому-нибудь в задачах и древних языках, которые он очень хорошо знал, да и в новых языках.

У него очень рано сказалась способность к журнальной литературной работе. В симбирской гимназии учитель словесности, бывало, поставит Владимиру Ильичу пять с плюсом да еще хвалит изо всех сил. Он всегда говорил нашей матери, что ее сын будет литератором,— такой у него был хороший слог. Математикой и естественными науками Владимир Ильич меньше занимался. Склонность к естественным наукам была у старшего брата, Александра Ильича. Он постоянно ездил на лодке, червей всяких собирал, делал коллекции яиц. А Владимир Ильич этого не любил. Он больше любил языки, словесность, историю, литературу.

Ульянова М. И. О Ленине.
4-е изд. М., 1971, с. 18—20

СТАРШИЙ БРАТ

Брата старшего он очень любил. Александр был старше Владимира Ильича года на четыре. Владимир Ильич обыкновенно все делал, «как Саша», как он говори́л. Бывало, кашу подадут на стол, его первого нарочно спрашивают: «Володя, как кашу хочешь: с молоком или с маслом?» Он всегда отвечал: «Как Саша».

Старший брат был очень выдержанный, уравновешенный, мягкий, а Владимир Ильич в детстве был шумливый, вспыльчивый, не очень дисциплинированный. Старший брат имел на него огромное влияние. Потом он выровнялся совершенно. Дружил он больше всего со средней сестрой [1]: они по возрасту подходили, читали много вместе. А в играх всегда их была троица: Володя, Ольга и Дмитрий. Все эти игры происходили во дворе.

На Владимира Ильича очень сильное впечатление произвела казнь старшего брата. В этом году он как раз окончил гимназию. Поехал в университет в Казань. Порядки тогда в университете были очень тяжелые: запрещалось собираться студентам, которые хотели заниматься саморазвитием. Были надзиратели, они назывались «педелями», которые доносили начальству о политических разговорах студентов.

В Казани студенты как-то хотели проучить одного надзирателя, вообще потребовали большей свободы в университете. Они написали петицию, и Владимир Ильич принимал в этом очень активное участие. Петицию эту у студентов не приняли. Была вызвана полиция. Многие студенты тогда демонстративно бросили свои студенческие билеты. И Владимир Ильич бросил свой билет. Несколько десятков студентов было арестовано. Владимир Ильич тоже.

И вот когда пристав вез его в тюрьму, то сказал: «Что вы бьетесь, молодой человек, ведь стена перед вами».

А Владимир Ильич очень решительный был и отвечает: «Да, стена, да гнилая, ткни и рассыплется».

Выслали его в Казанскую губернию. Там за ним был негласный надзор. Старшая сестра тоже там жила. Она была под гласным надзором, пристав приезжал узнавать, как, что, не приезжает ли кто-нибудь. Тут только и можно было делать, что сидеть и заниматься. И Владимир Ильич много занимался, читал.

[1] Ольга Ильиннчна Ульянова (1871—1891) — см. очерк «Сестра Ольга Ильинична» (настоящее издание, с. 261—266). *Ред.*

Когда Владимир Ильич был в Казани, он познакомился кое с кем из революционеров. Было там несколько человек старых народовольцев. С их тактикой, с их методами он был не согласен, но всегда старался взять у них все, что можно было использовать для революционной работы. Он всегда расспрашивал их:

«А как вы прятались от шпиков, как в тюрьме знакомства заводили?»

Во время подполья очень важно было, чтобы революционер был конспиративен, чтобы он умел одурачивать жандармов и шпиков. Сколько раз Владимир Ильич мог попасть на каторгу, если бы попался жандармам, но благодаря находчивости и умению он от них уходил.

Подпольную работу Владимир Ильич начал в 90-х годах, когда приехал в Петербург (теперешний Ленинград). Условия были очень трудные. Техники, как мы ее тогда называли, т. е. возможности печатать листки в типографии, не было. Первый листок Владимир Ильич выпустил от руки. Он написал его печатными буквами, четыре-пять экземпляров. Шпики, филеры — полицейские агенты — держали себя очень умело. Сплошь и рядом бывало так: пойдет за тобой один, а чтобы не догадался, что за тобой следят, передаст другому, потом снова появится. Владимиру Ильичу приходилось изучать проходные дворы и все время зорко следить, а не идет ли кто-нибудь? У него было особое умение от них бегать.

Как-то раз, в 1895 г., он рассказывал: нужно было ему куда-то идти, видит: шпион. Владимир Ильич хотел отделаться от него. Он взял и незаметно шмыгнул в какой-то подъезд. Там была комната швейцара. Того как раз не было. Владимир Ильич зашел в комнату, сел в кресло и видит в окошко, как шпик мечется — пропал человек, как в воду канул. А Владимир Ильич сидит в кресле и хохочет. Кто-то спускается с лестницы и видит, что сидит в комнате швейцара неизвестный человек и покатывается со смеху.

Ульянова М. И. О Ленине.
4-е изд. М., 1971, с. 21—23

ПРЕДИСЛОВИЕ [1]

Как показывает само название предлагаемого читателям сборника, вошедшие в него воспоминания о Ленине не представляют собой сколько-нибудь цельного и систематизированного материала, хотя бы по отдельному периоду жизни Владимира Ильича. Повседневная работа не давала возможности авторам воспоминаний уделить этому делу достаточно времени и внимания. Приходилось ограничиваться отрывками воспоминаний, касающихся отдельных эпизодов из жизни Владимира Ильича, рисующих отдельные характерные его черты.

Эти отрывки печатались ранее в различных газетах, журналах и сборниках в первые годы после смерти Ленина, другие в более позднее время. Лишь первые две статейки «Из самарского (алакаевского) периода», принадлежащие перу М. и Д. Ульяновых, и заметка «На отдыхе» публикуются к десятой годовщине смерти Ильича впервые...

М. Ульянова

18 декабря 1933 г.

Ульяновы Д. И. и М. И. О Ленине. Отрывки из воспоминаний. М., 1934, с. 5

[1] Этим предисловием открывается сборник «Ульяновы Д. И. и М. И. О Ленине. Отрывки из воспоминаний» (М., 1934), подготовленный Институтом Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) к десятой годовщине со дня смерти В. И. Ленина. *Ред.*

ИЗ САМАРСКОГО (АЛАКАЕВСКОГО) ПЕРИОДА

(1889—1893 гг.)

В ДЕРЕВНЕ И В ГОРОДЕ

В мае 1889 г. мы переехали из Казани в Самару. На деньги, вырученные от продажи симбирского дома, мать надумала купить небольшой хутор. При содействии М. Т. Елизарова [1], жениха, а позднее мужа старшей сестры, хутор был куплен в 50 верстах от Самары у некоего К. М. Сибирякова. Это был богатый сибирский золотопромышленник, скупивший в середине 70-х гг. у обедневших самарских помещиков большое количество земли с целью организации крупного, технически рационального хозяйства. Человек левых либеральных убеждений,— может быть, даже левее,— Сибиряков, по-видимому, имел в виду и революционную пропаганду в народе. Во всяком случае, та или иная связь с политическими у него была.

Он широко помогал народникам, которые еще с конца 70-х гг. вели в округе Алакаевки (так называли наш хутор по имени прилегавшей к нему деревни) непрерывную революционную работу. Во второй половине 70-х гг. в одной из деревень Сибирякова — Сколкове, его резиденции, жил Глеб Успенский вместе со своей женой, которая занимала место учительницы в построенной Сибиряковым начальной школе. Здесь Успенский написал свой известный рассказ «Три деревни», описав в нем деревни Сколково, Заглядино и Гвардейцы и подлинных жителей этих деревень. В этой же округе было, одна за другой, несколько попыток со стороны народников организовать земледельческие колонии (кавказцы [2]— группа Орлова, позднее ставшего эсером, организовавшего такую же колонию на Кавказе, тоже на земле Сибирякова, и колония А. А. Преображенского, которая была организована на хуторе Шарнеля, в трех верстах от Алакаевки, и существовала еще при нас).

Задуманное в широком масштабе сельскохозяйственное предприятие не пошло у Сибирякова, хотя на организацию его и были затрачены большие суммы. За границей он закупил усовершенствованные земледельческие орудия — были куплены даже два паровых плуга,— соорудил громадные кирпичные и саманные постройки при хуторах для скота и земледельческих орудий и т. п. Хозяй-

[1] Марк Тимофеевич Елизаров (1863—1919) — профессиональный революционер, советский государственный деятель. *Ред.*

[2] Колония эта описана Карониным (Петропавловским) в его рассказе «Борская колония». *М. У.* (См.: *Каронин С.* (Петропавловский Н. Е.) Соч.: В 2 т. М., 1958, т. 2, с. 269—358. *Ред.*).

ство приносило, однако, лишь убыток, и Сибирякову пришлось отказаться от своей затеи. Земледельческие орудия были проданы за бесценок какому-то немцу, имевшему в Самаре торговлю мелким слесарным инструментом и земледельческими орудиями. Начал распродавать Сибиряков и земли, оставив лишь некоторое количество земли, достаточное для содержания сельскохозяйственной школы, которую он решил организовать. На Константиновском хуторе, в двух верстах от Алакаевки, было построено здание для этой школы, подбирался уже и кадр учителей. Среди них был толстовец Алексеев, живший ранее в Ясной Поляне у Льва Толстого, Зубрилин, окончивший Петровско-Разумовскую академию, и др., но открыть школу не разрешили. В этом запрещении сыграла, несомненно, определенную роль связь Сибирякова с политическими, хотя и вообще-то Свербеев, бывший тогда самарским губернатором, не был сторонником такого рода культурных начинаний. Как бы то ни было, а после этого Сибиряков стал ликвидировать все и переехал в Петербург (впрочем, и раньше он бывал в Самарской губернии лишь наездами).

В эти-то края и забросила нас судьба.

Покупая это именьице [1], мать надеялась, что Владимир Ильич заинтересуется сельским хозяйством. Но склонности у Владимира Ильича к последнему не было. Позднее, по словам Надежды Константиновны, он говорил ей как-то: «Мать хотела, чтобы я хозяйством в деревне занимался. Я начал было, да вижу, нельзя, отношения с крестьянами ненормальные становятся».

Но если хозяйство не пошло и от него скоро отказались, то как дача Алакаевка была очень хороша, и мы проводили в ней каждое лето. Особенно хороши там были степной прозрачный воздух и тишина кругом.

В нескольких десятках саженей от старого одноэтажного дома был старый запущенный сад, обрывом спускавшийся к ручью. У каждого из нас был там свой любимый уголок. «Олин клен»,— говорили мы. И действительно, вторую мою сестру чаще всего можно было застать за книгой около высокого старого клена. Анна Ильинична больше любила березовую аллейку. В старой липовой аллее, лучше всего сохранившейся, было слишком много тени: верхушки деревьев почти сходились, образуя точно купол. На этой аллее сидели и гуляли больше по вечерам. Минутах в десяти ходьбы от до-

[1] В рукописи далее следует: «...мать надеялась, между прочим, предохранить Владимира Ильича от нового ареста. Из университета его исключили, на него и на всю нашу семью после казни старшего брата полиция смотрела косо, и мать боялась, что, живя в Казани, он опять попадет в какую-нибудь «историю», и, действительно, он, по всей вероятности, влетел бы летом 1889 г., как говорил и сам,— при аресте в Казани кружка т. Н. Е. Федосеева. Надеялась мать немного и на то, что Владимир Ильич заинтересуется сельским хозяйством». *Ред.*

ма был пруд, куда мы ходили купаться. А кругом раздолье: долы, холмы, леса! Невдалеке был так называемый Муравельный лес, в котором было много лесной малины, и мы нередко отправлялись за ней. Ходил туда с нами и Владимир Ильич. Природу он очень любил, и всегда самым лучшим удовольствием и отдыхом для него являлось хождение по глухим, нелюдимым местам с «настоящей природой»[1], как он выражался, описывая свои прогулки за границей.

Террасы в доме не было, ее заменяло крылечко с крышей, достаточно, впрочем, большое для того, чтобы наша семья могла разместиться на нем за самоваром. По вечерам на этом крылечке, чтобы в комнаты не налетели комары, зажигалась лампа, и вся молодежь усаживалась за стол с книгами.

Старшая сестра, Анна Ильинична, так описывает это в одном своем стихотворном опыте:

Ночь давно уж, все-то дремлет,
Все кругом молчит.
Мрак ночной поля объемлет,
И деревня спит.
Под покровом темной тучки
Спряталась луна.
Нет и звездочек, порой лишь
Чуть блеснет одна.
В хуторке лишь, на крылечке,
Светит огонек,
И за чтением серьезный
Собрался кружок.
Все сидят, уткнувшись в книги,
Строго все молчат,
Хоть Манюшины глазенки
Больно спать хотят.
Хоть кружится, развлекая,
Неустанный рой —
Бабочек, букашек стая,
Что из тьмы ночной
Жадно так стремятся к свету,
Пляшут вкруг него.
Теплотой его согреты
Мнят, что вновь вернулось лето,
Что идет тепло.
....

На этом же крылечке мы ужинали по вечерам молоком, балакирь (горшок) которого приносился нам из погреба, и серым пшеничным хлебом.

Направо от маленькой прихожей, к которой примыкало крылечко, была комнатка Владимира Ильича. В этой комнате, впрочем, он

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 223.

проводил только ночь. Утром, напившись чаю, он забирал книги, тетради и словари и отправлялся заниматься в сад. А в комнате на это время все окна завешивались темными синими занавесками или одеялами «от мух», с которыми Владимир Ильич постоянно воевал.

В саду у Владимира Ильича был свой уголок. Там он устроил себе в тени лип деревянный стол, скамейку и в некотором отдалении трапецию. В этом уголке Владимир Ильич проводил все время до обеда за серьезной работой. Работать Владимир Ильич умел, работать систематически и усидчиво. Книги он не только читал, он изучал, прорабатывал их. Читал по определенному плану. Помню, уже в более поздние годы он говорил, что просто читать разные книги — мало толку. В одном из своих писем из Сибири, спрашивая, работает ли брат Дмитрий, который сидел в то время в тюрьме, Владимир Ильич писал:

«Ему бы заняться чем-нибудь регулярным, а то ведь так «читать» вообще — мало проку»[1].

Владимир Ильич считал, что надо выбрать какой-нибудь один вопрос и работать по нему систематически. Такой систематической его работа была всегда. С утра, на свежую голову, он штудировал более серьезные вещи. Не только читал, но и конспектировал прочитанное, делал заметки и выписки. Иногда он оставлял книги и прохаживался взад и вперед по аллейке около стола, видимо обдумывая прочитанное. Потом садился и опять углублялся в чтение.

В этот уголок сада я прибегала к Владимиру Ильичу по утрам заниматься языками. Я читала и переводила ему французскую или немецкую книгу, причем Ильич всегда настаивал, чтобы я работала возможно более самостоятельно, сама додумывалась до смысла, прибегая к его помощи лишь в особо трудных местах. Слов незнакомых я не выписывала в особую тетрадь, как это обычно делается, но значение их брат спрашивал меня на другой день, обращая на них мое внимание и при дальнейшем чтении, когда они попадались в тексте.

После обеда Владимир Ильич иногда тоже сидел в своем любимом уголке, но читал уже более легкие книги. Иногда к нему присоединялась сестра Ольга [2], и они читали вместе (из книг, которые они читали вместе, мне запомнился Глеб Успенский). По возрасту Ольга более всего подходила к Владимиру Ильичу, и они жили в то время общими интересами.

По вечерам в алакаевском домике раздавалось иногда пение,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 92.

[2] Далее в рукописи следует: «...которая жила вместе с нами до осени 1890 г., когда она поступила на Высшие Бестужевские курсы в Петербурге». *Ред.*

это Владимир Ильич пел под аккомпанемент Ольги Ильиничны. Он очень любил музыку и пение, охотно пел сам и слушал пение других: М. Т. Елизарова или хоровое пение. Помню обычный финал его пения, когда он принимался за романс «У тебя есть прелестные глазки». На высоких нотах — «от них я совсем погибаю» — он смеялся, махал рукой и говорил: «Погиб, погиб».

Прося выслать ноты для пения Г. М. Кржижановскому, Владимир Ильич писал из Сибири: «На вопросы Маняши: какой у Глеба голос?.. Гм, гм! Должно быть, баритон — что ли. Да он те же вещи поет, что̀ и мы, бывало, с Марком «кричали» (как няня [1] выражалась)»[2].

Ольга Ильинична только два лета жила с нами в Алакаевке. Это была девушка с незаурядными способностями и огромной трудоспособностью. Кончив гимназию с золотой медалью, она много и усидчиво работала над своим самообразованием: изучала английский язык, серьезно занималась музыкой, много читала [3]. Стремясь изучать медицину, она решила ехать в Гельсингфорс, так как Женский медицинский институт в Петербурге был в то время закрыт, и принялась за изучение шведского языка. Усвоила она его основательно, делала и переводы со шведского, но в Гельсингфорсский университет все же не попала, так как выяснилось, что кроме шведского языка нужен был еще и финский. Чтобы не терять времени на его изучение, она поступила на физико-математическое отделение Высших (Бестужевских) курсов в Петербурге [4]. В напряженной работе прошла для нее там зима 1890/91 г., а вес-

[1] В. Г. Сарбатова. *Ред.*

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 73.

Далее в рукописи: «Настоящего голоса у нас в семье ни у кого не было, но музыку мы все любили и немного ей учились. В детские годы учился играть на рояле и Владимир Ильич, но рано бросил это занятие и потом жалел об этом.

По возрасту Ольга Ильинична больше всего подходила к Владимиру Ильичу, и жили они в то время общими интересами. Иногда они читали вместе. Помню это потому, что у нас с Олей была установлена очередь мыть посуду после обеденного чая: один день мыла я, другой — она. Случалось, что она просила меня заменить ее в этой не очень-то приятной для нас обязанности, чтобы идти читать вместе с Володей. Чаще, впрочем, он читал один.

По вечерам обыкновенно Владимир Ильич отправлялся гулять. Иногда к нему присоединялся кто-нибудь из нас. На этих прогулках, бывало, строились планы будущего, говорилось о прочитанном, иногда Владимир Ильич шел молча, точно обдумывал что-то. Он любил гулять и предпочитал ветреную погоду». *Ред.*

[3] В рукописи: «По некоторым сохранившимся ее запискам видно, как много и систематически она работала. В одной тетрадке, например, она каждый день записывала все, что сделала за этот день, отмечая, сколько страниц прочла она в той или другой книге. Насколько двинула вперед занятие языками и пр.». *Ред.*

[4] В рукописи далее следует: «Много работала она и там, и З. П. Кржижановская и А. А. Якубова, учившиеся вместе с ней, отзывались о ней как об очень выдающейся девушке». *Ред.*

ной Ольга Ильинична заболела брюшным тифом [1], осложнившимся к тому же рожей, и 8 мая ее не стало [2].

Как все в нашей семье, Владимир Ильич был застенчив, и когда — что случалось крайне редко — к нам приезжал кто-нибудь из малознакомых, он или оставался в своей комнате, или через окно удирал в сад. Так поступал он и при посещении малоинтересных для него людей. В Алакаевке мы жили уединенно. Знакомых было мало. Но кое с кем из местных жителей Владимир Ильич поддерживал знакомство.

В трех верстах от Алакаевки была, как я уже указывала, колония «капказцев», как звали их крестьяне. Несколько народников село на землю, купив ее на льготных условиях у Сибирякова, с целью создать образцовую земледельческую коммуну. Дело, впрочем, не шло у них на лад, и скоро, за исключением А. А. Преображенского, все разбежались. С Преображенским же Владимир Ильич видался и много спорил, прогуливаясь иногда до поздней ночи по дороге от нашего хутора до хутора Шарнеля.

Преображенский же познакомил Владимира Ильича с некоторыми интересными крестьянами-самородками.

Видался Владимир Ильич и с Д. А. Гончаровым, студентом-медиком, исключенным в 1887 г. из Казанского университета за участие в демонстрации. Он служил фельдшером в Тростянке, в 8—10 верстах от Алакаевки [3]. Гончаров не принадлежал в то время ни к какой политической партии, но настроен был очень радикально. К Владимиру Ильичу он относился с огромным уважением [4].

На зиму мы переезжали в Самару, где жили вместе с замужней сестрой и ее мужем, М. Т. Елизаровым. Я училась тогда в гимназии, и Владимир Ильич часто помогал мне в уроках. Если ему нуж-

---

[1] В рукописи далее: «В моей памяти до сих пор сохранился текст телеграммы, которую Владимир Ильич, сдававший тогда экстерном государственные экзамены в Петербурге, прислал нам: «Олей брюшной тиф, лежит в больнице, уход хорош, доктор надеется на благополучный исход».

Помню беспокойство матери, ее колебания, ехать ли тотчас же или подождать следующих сообщений. Но скоро пришла другая телеграмма от Владимира Ильича: «Оле хуже. Не лучше ли маме ехать завтра».

Мать тотчас же собралась и уехала. Но ей не удалось выходить сестру: тиф у нее оказался тяжелый...» *Ред.*

[2] В рукописи далее сказано: «Из моей совместной жизни с Ольгой Ильиничной у меня больше всего остались в памяти ее рассказы. Она часто рассказывала мне прочитанные ею рассказы и повести, и это было одним из любимых моих времяпрепровождений. Рассказывала она очень хорошо, и я с нетерпением ожидала очередного продолжения». *Ред.*

[3] В рукописи далее следует: «...и лишь позднее, в 1892 г., сдал государственные экзамены на звание врача при Киевском университете». *Ред.*

[4] В рукописи далее: «Гончаров умер от сыпного тифа в Самарской губернии в 1918 г., а Преображенский под влиянием Владимира Ильича стал позднее марксистом». *Ред.*

но было уходить куда-нибудь вечером, он обыкновенно предупреждал меня об этом и предлагал прийти раньше, пока он дома. От этих занятий у меня осталась в памяти его необыкновенная добросовестность ко всякому делу, за которое он брался, к чему он старался приучить и меня. Помню, как мне задали на дом по географии начертить карту Европы. Повозившись с этим, я принесла показать свой чертеж Владимиру Ильичу, но он забраковал мою работу и предложил мне переделать ее. При этом он подробно рассказал, как надо взять циркуль и наметить им на бумаге все расстояния, а не рисовать «на глаз», как было сделано в моей первой работе. С жаром принялась я за дело и была удовлетворена одобрением Владимира Ильича. Но гораздо важнее уменья рисовать карты был полученный мной от этой совместной работы пример того, каков должен быть вообще подход ко всякому делу, за которое берешься. Не кое-как, лишь бы скорее с плеч долой, а по обдуманному, взвешенному плану, аккуратно и настойчиво, пока не выйдет действительно хорошо, пока сделанная работа не даст удовлетворения.

Пунктуальность и аккуратность Владимира Ильича проявлялись иногда даже в мелочах. Делая себе как-то тетрадку для занятий, я схватила первую попавшуюся мне катушку с нитками и стала сшивать свою тетрадку черной ниткой. Ильич, который был при этом, остановил меня, заметив, что это некрасиво и что надо найти белую нитку.

Из посещавших нашу квартиру в Самаре кроме А. П. Скляренко, И. Х. Лалаянца, В. В. Водовозова, который приходил больше к старшей сестре — они читали вместе по-итальянски,— М. И. Лебедевой и М. П. Голубевой помню еще В. А. Ионова и А. И. Ерамасова. Последний был знаком с М. Т. Елизаровым и Ионовым по Сызрани, и они затащили его как-то к нам. Вот как описывает А. И. Ерамасов свое первое посещение нашей семьи:

«Я испытывал какое-то особенное чувство при первом посещении ульяновской семьи, перенесшей такое тяжелое горе... Жили тогда Елизаровы в районе Почтовой и Сокольничьей улиц, т. е. недалеко от района «выселенцев», по выражению одного губернатора, кажется Брянчанинова, т. е. недалеко от района, где селилась обычно революционная интеллигенция. Помню, пришли мы вечером и попали прямо к чаю. Вся семья собралась уже в столовой. Здесь я познакомился с Марией Александровной, Анной Ильиничной, Марией Ильиничной и Владимиром Ильичем. Кроме того, за столом был племянник Марка Тимофеевича, который жил у дяди и учился в гимназии.

Разговор шел на обычные в то время темы: о народничестве, о судьбах капитализма, о В. В. и Николае — оне [1] и пр. Владимир

[1] Имеются в виду В. П. Воронцов и Н. Ф. Даниельсон — идеологи либерального народничества 80—90-х гг. XIX в. *Ред.*

Ильич выделялся не только знанием литературы, но и какой-то особой способностью находить слабые места у народников, субъективистов толка Михайловского и пр. После чая мы перешли в комнату Владимира Ильича, где продолжали разговор. В этом разговоре принимал участие и мой приятель Ионов, который много работал над вопросом о развитии капитализма в России и дифференциации крестьянства, собирая материалы по этим вопросам и из статистических сборников и из личного изучения положения крестьянства. Марк Тимофеевич делился своими постоянными наблюдениями из жизни крестьян в Самарской губернии, где тогда уже резко проявлялась дифференциация крестьянства. В разговоре, помню, принимала участие и Анна Ильинична.

Из всей обстановки комнаты мне до сих пор помнится комплект «Русских ведомостей», которые висели на стене перед столиком. Владимир Ильич хранил все прочитанные газеты и отмечал номера, чем-либо заинтересовавшие его».

После этого первого посещения А. И. Ерамасов заглядывал к нам и в другие свои приезды в Самару [1].

В своих воспоминаниях об этом периоде самарской жизни А. И. Ерамасов сообщает о переводе «Коммунистического манифеста», сделанном Владимиром Ильичем.

«В то время Владимир Ильич сделал прекрасный перевод «Коммунистического манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса,— пишет он.— Перевод этот в рукописи ходил по рукам, завезли мы его и в Сызрань. Здесь я отдал тетрадь знакомому учителю, который считался у начальства неблагонадежным. По какому-то делу этого учителя вызвали в Симбирск к директору народных училищ. Мать учителя испугалась, что нагрянут с обыском, и уничтожила тетрадь. Такова судьба этого перевода Ильича. Мне так совестно вспоминать об этом, так как я был отчасти виновником гибели прекрасного перевода»[2].

---

[1] Затем в рукописи М. И. Ульяновой приводится выдержка из воспоминаний А. И. Ерамасова: «При дальнейших посещениях Самары я познакомился там с революционной интеллигенцией, особенно помнится мне А. П. Скляренко, который все время оставался другом Ильича и всей семьи Ульяновых-Елизаровых. Алексей Павлович забавлял нас тогда рассказами о том, как он заставлял шпика купаться в пожарном чане, как вообще глумился над сопровождавшими его шпиками. Во время одного своего заключения Алексей Павлович увидал, как надзиратель бил уголовного. Алексей Павлович не выдержал и дал оплеуху надзирателю, за что был жестоко избит и посажен в карцер. Последствия этих побоев он чувствовал потом долгое время». *Ред.*

[2] В варианте рукописи М. И. Ульяновой рассказ А. И. Ерамасова об исчезновении в Сызрани ленинского перевода «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса приведен в следующей редакции: «Здесь я отдал тетрадь знакомому учителю, который считался у начальства ненадежным и к нему придиралось первое время, впрочем только учебное, начальство. Взял у меня учитель тетрадь, а тут его внезапно вызвали в Симбирск к директору народных училищ.

Хотя А. И. Ерамасов был довольно редким нашим посетителем в Самаре — жил он постоянно в Сызрани,— но связь с ним установилась крепко, на всю жизнь. Не принимая сам непосредственного участия в революционной работе, он за все время подпольной борьбы снабжал партию средствами — он был тогда довольно богатым человеком,— и в трудные времена мы всегда обращались за помощью к «Монаху», как прозвал его Ильич.

После революции А. И. Ерамасов был некоторое время в партии, но вышел из нее по болезни (туберкулез легких и почек), короткое время работал в Музее народного образования, но вынужден был оставить работу по той же причине. Не имея заработка, он находился в стесненных материальных условиях, но сам ни разу не написал об этом ни Владимиру Ильичу, ни кому-либо другому из членов нашей семьи — так велика была его скромность,— пока мы сами не разыскали его и не выхлопотали ему пенсию. После этого А. И. Ерамасов прожил недолго и весной 1927 г. умер в Сызрани.

В Самаре Владимир Ильич много работал над подготовкой к экзаменам, которые он сдал экстерном в Петербурге в 1891 г. По окончании их он возвратился в Самару и занимался немного юридической практикой (по назначению) в качестве помощника присяжного поверенного, работая у А. Н. Хардина [1].

В самарский период у нас в доме процветала игра в шахматы. Хорошо играл и Владимир Ильич, и младший брат Дмитрий Ильич, и Марк Тимофеевич. Сильного партнера нашли они в лице А. Н. Хардина, который был первоклассным шахматистом. У нас на квартире нередко устраивались шахматные вечера. Позднее Владимир Ильич играл в шахматы очень редко, а потом совсем бросил.

Осенью 1893 г. Владимир Ильич переехал в Петербург, остальные же члены нашей семьи — в Москву, где брат Дмитрий поступил в университет. Пришлось продать и Алакаевку, которая не могла уже служить нам дачей. Купил ее местный купец Данилин,

---

Мать испугалась, что нагрянут с обыском, напала как-то на оставленную тетрадь и усмотрела в ней что-то опасное. Не долго думая, она взяла ее, расстирала в корыте и вылила у себя на дворе, закопав землей...» *Ред.*

[1] Далее в рукописи: «Об этой своей работе он рассказывал нам как-то зимой 1921 г., когда мы после его речи на съезде Советов [23 декабря — на IX Всероссийском съезде.— *Ред.*] зашли к т. Бухарину. Ильич в то время чувствовал себя уже нездоровым и перед своим выступлением на съезде очень волновался, как оно у него сойдет. Но сошло все прекрасно, и Владимир Ильич чувствовал себя в этот вечер особенно в ударе. Но, к сожалению, записать этот его рассказ не удалось — для этого была слишком неподходящая обстановка,— и восстановить его можно будет лишь общими усилиями всех присутствовавших».

А. Н. Хардин — присяжный поверенный, видный представитель либеральных кругов Самары. *Ред.*

которого интересовала только земля и мельница; от дома и сада осталось скоро одно воспоминание: дом был перенесен Данилиным в Неяловку, а сад вырублен. В 1905 или 1906 г. Данилин был убит крестьянами.

* * *

Мне пришлось побывать в Алакаевке в 1927 г., и я нашла там у местных крестьян самый сердечный прием. Наперебой расспрашивали они меня о Владимире Ильиче, повторяя: «Жаль, мы тогда не знали, кто с нами живет». Расспрашивали они и про Анну Ильиничну, которая в 1892 г., когда в Самарской губернии свирепствовала холера, положила немало трудов на помощь больным лекарствами и указаниями.

При деревне Алакаевке организован теперь [1] колхоз «Уголок Ленина»[2], и в память Ильича надо принять все меры, чтобы превратить его в показательный. Во главе этого колхоза, председателем его состоит «дядя Костя» — Константин Димитриевич Филиппов, присутствовавший на первом съезде колхозников-ударников в Москве в 1933 г. «Дядя Костя» уже не молод, но работает он подлинно по-ударному и в значительной степени его усилиям обязан колхоз своими достижениями. По инициативе колхозников колхоза «Уголок Ленина» на месте деревянного домика, где Владимир Ильич жил по летам, подготовляясь к революционной работе, построена теперь школа его имени.

Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых.
М., 1978, с. 33—43

---

[1] Воспоминания написаны в 1933 г., впервые напечатаны с сокращениями в 1934 г. в авторизованном издании «*Ульяновы Д. И. и М. И.* О Ленине». *Ред.*

[2] См. примечание 1 на с. 46. *Ред.*

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ НА ОБЕДЕ У ЧАСТНОГО ПРИСТАВА

Во время одного своего приезда в Москву (по-видимому, это было до его ссылки) Владимир Ильич попросил одну свою старую знакомую (М. П. Голубеву) дать ему квартиру для свидания с двумя товарищами. Попробовав достать такую квартиру в одной знакомой радикальной семье и потерпев неудачу, Мария Петровна решила устроить свидание для Владимира Ильича на квартире своей сестры, которая была замужем за частным приставом. Сестра эта очень любила Марию Петровну и раньше оказывала ей всякие услуги — собирала деньги, не зная, впрочем, на что они идут, давала свою квартиру для свиданий Марии Петровне с товарищами. Свидания эти устраивались на ее квартире Марией Петровной, однако обычно в отсутствие пристава, которого служебные его дела вынуждали бывать в более или менее длительном отсутствии. Узнав от сестры, что муж ее в определенный день будет в каком-то наряде, она дала ее адрес Владимиру Ильичу для него и его знакомых, указав время, когда надо прийти. Владимир Ильич пришел раньше, и они с Марией Петровной уединились в маленьком кабинетике и беседовали там в ожидании прихода других. Это было в первом часу дня. Вдруг неожиданно возвращается пристав, выяснивший, что дело, которое ему было поручено, откладывается и он имеет время, прежде чем идти в наряд, пообедать дома. Относившийся вообще с большим почтением к Марии Петровне и пытавшийся даже однажды хлопотать за нее (вопрос шел о том, чтобы ей было разрешено дольше остаться в Москве), за что он едва не вылетел с места (ему было заявлено, что если, мол, вы уж имеете таких родственников, то по крайней мере не хлопочите за них), пристав с большим гостеприимством пригласил обедать и Марию Петровну. Жена его сказала, что Мария Петровна не одна, а у нее сидит ее знакомый. Но пристав настоял, чтобы к обеду был приглашен и тот. И вот Владимир Ильич пошел с Марией Петровной обедать вместе с приставом. Хозяин, не зная, конечно, с кем он имеет дело, был воплощенной любезностью и, чтобы занять своих гостей, стал рассказывать о том, что он пишет мемуары, которые представляют большой интерес. Владимир Ильич поддакивал ему: «Да, это должно быть очень интересно» — несколько раз в течение обеда. Сказал то же самое и на приглашение пристава прийти как-нибудь к нему вечерком, чтобы послушать чте-

ние этих мемуаров. Мария Петровна едва удерживалась от смеха. Во время этой беседы пристав рассказал между прочим, что он сидел в тюрьме месяца три (он сидел за какую-то недостачу денег) и чуть ли не там занимался своими мемуарами. К счастью, два товарища, с которыми Владимир Ильич должен был иметь свидание, пришли позже, когда обед был уже окончен и пристав ушел к исполнению своих обязанностей. Неизвестно, сумели ли бы они держать себя соответствующим образом, как это делал Владимир Ильич. Когда они пришли, Мария Петровна провела их с Владимиром Ильичем в ту комнатку, где она раньше беседовала с ним, а сама вышла. Кто были эти товарищи — она не знала.

Ульянова М. И. О Ленине
4-е изд. М., 1971, с. 36—37

МЕНЯ ВЗЯТЬ НЕ МОГУТ — ВСЕ РАВНО СИЖУ

Тюрьма — дом предварительного заключения. В камере койка, столик, табуретка привинчены к стене. Владимир Ильич, и сидя в тюрьме, решил не прерывать своей революционной работы. Когда он попался, ему прежде всего надо было узнать, кто из кружка уцелел. Из тюрьмы можно было запросить для работы книги. Он и послал длинный список книг, которые ему нужно было достать. И так как у всех его товарищей были различные клички, то он в этом легальном письме, которое шло через жандармов, запросил о всех товарищах. И запросил очень оригинально.

Были два нижегородца — Ванеев и Сильвин, которых прозвали Минин и Пожарский. Он пишет: «Пришлите книгу «Герои смутного времени»». О Глебе Максимилиановиче Кржижановском, у которого была кличка Суслик, запросил: Брэма «О мелких грызунах». Надежду Константиновну прозвали Рыбой. Он и пишет: Майн Рида «The Mynoga»[1].

Товарищи ему отвечали: «Минин взят, Пожарский остался» или «Первый том есть, второго нет». Таким образом он узнал, кто из его кружка уцелел, кто попался.

Нужно было ему посылать из тюрьмы на свободу листки. Был целый ряд способов сообщаться через книги и через письма. Он писал молоком между строчками обычного письма. Молоко при нагревании проявлялось. Но, сидя в камере, очень трудно выбрать такой момент, чтобы никто не видел. Надзиратели подкрадывались незаметно. Подойдет надзиратель и глянет в «волчок». Нужно было быть начеку. Владимир Ильич делал маленькие чернильницы из черного хлеба, наливал молоко и писал. Когда кто-нибудь заглядывал в глазок, ему оставалось только эту чернильницу отправить в рот.

И вот, помню, как-то на свидании он говорил: «Неудачный день сегодня: шесть чернильниц пришлось съесть».

В тюрьме он писал программу партии. Над этой работой ему пришлось много думать, вносить много исправлений, переделывать отдельные пункты. В «предвариловке» условия были вольготнее: книг можно было иметь сколько угодно. У него в камере лежали

[1] См. об этом «Воспоминания об Ильиче» А. И. Ульяновой-Елизаровой в кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т., 3-е изд. М., 1984, т. 1, с. 46. *Ред.*

кипы книг и различные его выписки. В эти листки он и сунул проект программы. И вдруг неожиданно к нему в камеру явились с обыском. Товарищ прокурора явился. Конечно, если бы нашли тут программу партии, Владимиру Ильичу бы не поздоровилось. Тут или заключение, или каторгу можно было заработать. У него была масса выписок. Прокурор посмотрел и сказал: «Слишком жарко сегодня, чтобы всю статистику эту просмотреть». Так и прохлопал.

Владимир Ильич говорил: «Я в лучших условиях, чем другие, меня взять не могут, все равно сижу».

Ульянова М. И. О Ленине. 4-е изд. М., 1971, с. 38—39

О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ [1]

От природы Владимир Ильич был крепким, здоровым жизнерадостным человеком. До его поездки в Ленинград [2], осенью 1893 г., он редко хворал и из серьезных болезней перенес только в 1892 г. в Самаре брюшной тиф, да и то не в сильной форме. Весь этот период своей жизни он провел в семье, пользовался хорошим домашним столом, не был перегружен нервной работой, имел возможность проводить лето за городом (в казанский период в с. Кокушкино, в самарский — на хуторе Алакаевка). Большое влияние на его здоровье в положительном смысле оказывал и правильный образ жизни. Всякое нарушение его (запоздание обеда, например, и пр.) сейчас же выводило его из нормы, и в дальнейшем, особенно в заграничный период жизни, распорядок со временем питания был введен самый строгий. Обедать и ужинать садились в точно назначенный час, не допуская в этом никакой оттяжки. На эту точность влияло, конечно, и то обстоятельство, что все время у Владимира Ильича было точно рассчитано, уложено в определенные рамки и всякое нарушение раз установленного порядка сказалось бы, несомненно, отрицательно не только на его здоровье, но и на его работе.

Переехав в Петербург, осенью 1893 г. Владимир Ильич впервые был лишен семейных удобств: пришлось жить в комнатах, питаться в столовках. Сказалась на его здоровье и нервная работа революционера. Он нажил себе скоро катар желудка, от которого не скоро мог избавиться (небольшие приступы которого у него бывали, впрочем, и раньше). Эта болезнь особенно обострилась у него в 1895 г., и, поехав на несколько месяцев за границу, он принужден был несколько раз обращаться к докторам, проводить определенный курс лечения и пр. Так, в письме от 18/6 июля 1895 г. он пишет к матери: «...попал теперь... в один швейцарский курорт: решил воспользоваться случаем, чтобы вплотную приняться за надоевшую болезнь (желудка), тем более, что врача-специалиста, который содержит этот курорт, мне очень рекомендовали как знатока своего дела. Живу я в этом курорте уже несколько дней и чувствую себя недурно, пансион прекрас-

[1] Заглавие дано составителями. *Ред.*
[2] Петербург. *Ред.*

ный и лечение видимо дельное, так что надеюсь дня через 4—5 выбраться отсюда»[1].

Очевидно, это пребывание действительно оказало хорошее действие на здоровье Владимира Ильича, и в письме к матери от 29 августа того же года он пишет: «Чувствую себя совсем хорошо,— должно быть, правильный образ жизни [переезды с места на место мне очень надоели, и притом при этих переездах не удавалось правильно и порядочно кормиться], купанье и все прочее, в связи с наблюдением докторских предписаний, оказывает свое действие»[2].

Но окончательно от своей желудочной болезни Владимир Ильич не излечился, и она долго еще давала чувствовать себя, так что ему не раз приходилось прибегать к минеральной воде, которую прописал ему за границей врач. Непорядки с желудком обострялись всегда от неправильного образа жизни, а также от всяческих нервных волнений, которых у него в жизни было так много. Но лишь удавалось наладить более правильный образ жизни и правильное питание, он чувствовал себя лучше. И как это ни странно может показаться, хорошо в смысле его желудочной болезни повлияло на него и заключение в доме предварительного заключения, где он пробыл более года [3]. Правильный образ жизни и сравнительно удовлетворительное питание (за все время своего сидения он все время получал передачи из дома) оказали и здесь хорошее влияние на его здоровье. Конечно, недостаток воздуха и прогулок сказался на нем — он сильно побледнел и пожелтел, но желудочная болезнь давала меньше себя знать, чем на воле.

Из других болезней в петербургский период Владимир Ильич перенес еще воспаление легкого, но эта болезнь прошла бесследно, и в дальнейшем никаких непорядков со стороны легких у него не было.

Жизнь в ссылке оказала хорошее действие на Владимира Ильича — он значительно окреп и поправился, что явствует не только из его писем, но и из свидетельств Надежды Константиновны, которая через год приблизительно после его высылки перепросилась к нему в село Шушенское и вышла там за него замуж.

Но чем ближе был конец ссылки, тем Владимир Ильич стал нервнее: с одной стороны, он боялся, что срок ссылки ему будет продлен, с другой — волновали мысли о дальнейшей работе. Он похудел, стал страдать бессонницей и, помню, поразил и мать, и всех нас своим видом, когда наконец выбрался из Сибири и попал к нам в Москву.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 9—10.
[2] Там же, с. 12.
[3] В этой тюрьме В. И. Ленин находился с декабря 1895 по февраль 1897 г. *Ред.*

Неоднократно приходилось Владимиру Ильичу обращаться к врачам и в заграничный период его жизни. При этом на его желудочное заболевание влияло несомненно и состояние его нервов, и слишком напряженная работа. Помню, как он рассказывал, что, обратившись раз по поводу болезни желудка к одному крупному специалисту в Швейцарии, он был удивлен его словами: «C'est le cerveau»[1]. Не знаю, какое лекарство прописал Владимиру Ильичу этот специалист. Он забыл его название и потерял рецепт, но говорил, что оно оказывало на него хорошее действие.

Жизнь в эмиграции с ее сутолокой, дрязгами, нервностью и далеко не обеспеченным материальным положением не могла не отразиться на здоровье Владимира Ильича. Бессонница и головные боли становились все более частым явлением. Большая нервность сквозила постоянно и в его письмах. Утомление от эмигрантской жизни, отвращение к ней проскальзывали в них все чаще. Хорошо еще, что почти весь этот период эмигрантщины, как первый (с 1900 по 1905 г.), так и второй (с 1907 по 1917 г.), Владимир Ильич жил в семейной обстановке, пользовался домашним столом и пр. Много сил сохранила ему и его привычка к правильному образу жизни. От посещений товарищей по эмиграции, от продолжительных, утомительных и часто никчемных разговоров, от всей сутолоки эмигрантской жизни, которая так тягостно и так сильно действовала на нервы, Владимир Ильич убегал в библиотеку, где регулярно работал определенное число часов. В Женеве у него был излюбленный клуб (членом которого он записался, чтобы иметь право посещать библиотеку, которая была при этом клубе)[2], и, переехав в Париж зимой 1908 г., он нередко вспоминал его, так как парижская национальная библиотека менее удовлетворяла его и на переезды в нее (Владимир Ильич жил в Париже далеко от центра) приходилось тратить много времени и сил. Жалел он о ней и в Кракове, где вообще не было хороших библиотек. «В общем,— пишет он в своем письме к матери от 22/IV 14 года,— как ни глух, как ни дик здешний наш город, а я все же больше доволен здесь, чем в Париже. Сутолока колониальной жизни была там неимоверна, нервы трепались отчаянно и зря, работать в Париже неудобно, Bibliothèque nationale[3] налажена плохо,— не раз мы вспоминали Женеву, где работалось лучше, удобная библиотека, менее нервна и бестолкова жизнь. Из всех мест моего скитания я бы выбрал Лондон или Женеву, если бы оба не были так далеко. Женева особенно хороша общей культурностью и чрезвычайными удобствами жизни. А здесь, конечно, о культуре уже говорить не приходится — почти как

[1] Перевод по смыслу: это связано не с желудком, а с головой. *Ред.*

[2] Имеется в виду «Société de le lecture» («Общество любителей чтения»). *Ред.*

[3] Национальная библиотека. *Ред.*

Россия,— библиотека плоха и архинеудобна, но мне почти и не доводится в ней бывать...»[1]

Много помогали сохранению сил Владимиру Ильичу прогулки, которые он так любил и без которых совсем не мог обходиться. Он очень любил природу, и в его письмах в разные периоды его жизни всегда можно найти описание природы и различных уединенных красивых мест, которые он всегда умел находить, стараясь пробираться туда, где были более дикие места, где меньше было шансов встретить гуляющих, где была настоящая природа без искусственных дорожек и аллей с их сутолокой и пр.

Как никто умел Владимир Ильич и отдыхать в те немногие месяцы, которые он мог использовать на отдых. На это время он выбирался обыкновенно куда-нибудь на лоно природы, стараясь опять-таки выбрать более уединенное место. В мою бытность за границей мне несколько раз приходилось проводить с ним этот отдых в Швейцарии и под Парижем. Устанавливался сразу совсем особый распорядок дня, ложились с петухами, особенно первое время, часто даже не зажигая огня, а перед сном сидели и лежали где-нибудь в поле под стогом сена или соломы, и обществом Ильича, милого, веселого, жизнерадостного, несмотря на переутомление, можно было наслаждаться вовсю. Предпринимались и длинные прогулки пешком и на велосипедах. Лазили по горам, оставляя велосипеды где-нибудь в ресторанчике у подножья горы. Возвращались домой обычно, особенно когда прогулка предпринималась из города, а не с места дачного отдыха, лишь поздно вечером в воскресенье, и таким образом весь праздничный день проводили на воздухе. Пока велосипеды еще не вошли у нас в обиход, ходили пешком. В туристский мешок, который привешивался на спину, брали с собой бутерброды и бутылку красного швейцарского вина. Это вино по дороге разбавлялось обычно из всех встречавшихся ключей и колодцев и скоро представляло из себя лишь розовую водичку. На велосипедах прогулки делались более дальние, иногда за несколько десятков километров. Возвращались домой уже совершенно переутомленные, и я помню, как раз, в одну из таких поездок, Ильич лавировал между мной, которая лежала около велосипеда, недалеко от дороги, и Надеждой Константиновной, которая очутилась в таком же положении, но сзади. Владимир Ильич был посередине и ходил от одной к другой, стараясь как-нибудь подбодрить нас, чтобы доделать оставшуюся дорогу до дома. Раз во время дальней прогулки на велосипедах у нас с Владимиром Ильичем лопнули на велосипедах шины. Мы зашли в какой-то ресторанчик и долго провозились там с заклейкой шин. Но так как дело это было нам внове, заклеить хорошенько не удалось, и нам

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 354—355.

пришлось пешком, ведя велосипеды, возвращаться домой. Ночь была прекрасная, и прогулка эта оставила самое светлое воспоминание.

На более продолжительный отдых устраивались обычно в каком-нибудь пансионе. Естественно, что, имея деньги всегда в обрез, пансион выбирался дешевый. При этом Владимир Ильич всегда настаивал, что во время обедов и ужинов в пансионе надо все съедать, а то, мол, решат, что дают слишком много, и убавят порции. Во время таких пребываний на даче он обыкновенно хорошо поправлялся, хотя, повторяю, пансионы выбирались обычно самые дешевые. Раз как-то меня в то время не было за границей, они устроились с Надеждой Константиновной где-то в горах, в пансионе за такую мизерную плату, что получали самое примитивное питание. Мяса почти никогда не видели, не получали даже сахару, а купить близко было негде, и за время своего пребывания в этом пансионе они питались главным образом молоком, а недостаток сахара восполняли ягодами, которые в изобилии росли на горах.

Обычно питание в городе было в семье Владимира Ильича очень упрощенное. Правда, все было вполне свежее, так как приготовлялось дома, но приготовлялось очень скромно и в обрез. Суп обычно был из магги (кубик с сухим вегетарианским супом, который опускался в кипяток) — преимущество его было скорое приготовление, а на второе кусочки мяса или котлеты, тоже в обрез. Принцип был такой, чтобы готовить только на один раз и чтобы ничего не оставалось. И, действительно, каждый съедал свою порцию и никаких остатков хранить не приходилось. Голодными, конечно, не бывали после этих двух блюд, но все же скудность такого обеда отмечали позже те товарищи, которым приходилось обедать в семье Ильича за границей. Говорил об этом, например, тов. Сталин. То же отмечает в своих воспоминаниях и Калмыкова. «Наступало время ужина,— пишет она,— состоял он неизменно из двух горячих сосисок и чая. Перед уходом за их покупкой Надежда Константиновна с матерью решала, сколько нужно будет купить лишних сосисок, так как Владимиру Ильичу и Потресову и еще кому-то надо было давать три сосиски»[1].

Ничего удивительного в такой строгой экономии, конечно, не было. Средства всегда были очень ограничены, и в семье Ильича был принцип жить возможно более скромно. Кроме того, готовить приходилось самим, так как за малыми исключениями, когда у «Ильичей» бывала приходящая прислуга (как, например, в Поронине), все хозяйственные хлопоты лежали на Надежде Константиновне и ее матери. Надежда Константиновна была слишком занята общественными делами, чтобы тратить много времени на возню

[1] Огонек, 1926, № 17, с. 4.

с хозяйством, а мать ее, Елизавета Васильевна, была плохого здоровья, часто прихварывала и очень не любила кухонную возню и тяготилась ею. Около Ильича не было, таким образом, человека, который бы специально следил за его диетой, стремился накормить его побольше и получше, да и условия, повторяю, были для этого совершенно неблагоприятны. А ему, несомненно, с его огромной умственной работой, нервной трепкой и пр. было бы это крайне необходимо. Нужна была более легкая и разнообразная пища, может быть, даже более усиленное питание. Помню, что, когда Владимир Ильич приехал в Россию в апреле 1917 г. и поселился на квартире Анны Ильиничны (я жила тогда вместе с Елизаровыми), мы отмечали с ней, с какой жадностью он набрасывался на пищу, которой за границей ему видеть не приходилось: кур, телятину и т. п. Никого не обвиняя, так как виноваты здесь в первую голову условия эмигрантской жизни, я считаю все же нужным отметить, что в его болезни головного мозга это слишком упрощенное, недостаточное при его колоссальной работе питание, которое он имел за все долгие годы своей эмигрантской жизни, оказало свое влияние на ее быстрое и катастрофическое развитие.

А положение с финансами за этот период жизни Владимира Ильича было действительно крайне неудовлетворительное: литературный заработок из-за границы, не имея нужных для этого связей, возможности лично переговорить, было очень трудно найти, партийные деньги брались на прожитие лишь при самой острой необходимости. В письмах Ильича, которые сохранились, эта постоянная материальная нужда, нехватка денег, полная необеспеченность и неизвестность, чем жить через несколько месяцев, сквозит очень часто. Стоит вспомнить только, что его книга об аграрном вопросе, написанная в 1907 г., пролежала в рукописи до октября 1917 г., так как не удалось найти издателя. Еще в 1911 г. он пишет М. Горькому: «А что, не устроите ли Вы мне книги об аграрном вопросе в *«Знании»*? Поговорите с Пятницким. Не нахожу издателя, да и баста. Хоть караул кричи»[1]. Но, как сообщила М. Ф. Андреева, Горький к этому времени ушел уже из «Знания» и не мог выполнить эту просьбу Ильича.

Печатается впервые, по рукописи

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 13.

ОТДЫХ И ОХОТА

Когда Владимир Ильич отдыхал, он очень любил всякие игры на воздухе: городки, крокет. Когда Владимир Ильич был уже взрослым и собирался за границу ставить газету «Искра», он попал к нам, в Подольск. И там такие сражения в крокет бывали — страстные, азартные. Игра в городки процветала в Горках. Он хорошо катался на коньках. В Сибири, когда был в ссылке, он устроил каток на реке. Когда Владимир Ильич жил в Германии — там ведь реки не замерзают,— он мне писал, что нашел где-то искусственный каток из искусственного льда и собирается кататься.

Очень он любил ездить на велосипеде. Эту возможность он получил только за границей. Там он выучился и делал огромные прогулки. Раз чуть не пострадал: какой-то виконт [1] налетел на него на своем автомобиле, Владимир Ильич успел отскочить, но велосипед совершенно сломался.

Охотиться Владимир Ильич тоже очень любил. Судя по его письмам из Сибири, он там очень много ходил с ружьем. Не скажу, чтобы он был тогда хорошим охотником, но любил отправляться в дальние прогулки с ружьем. Помню, все шла переписка с мужем старшей сестры, нельзя ли как-нибудь получить хорошую охотничью собаку. Потом кто-то ему достал собаку, он много с ней возился.

Владимир Ильич вообще очень любил кошек и собак. Когда он был уже больной, ему кто-то достал маленького щенка, ирландского сеттера. Одного достали — заболел чумой и погиб. Потом другого достали. В 1922 г., когда он был болен, он немало возился с ним. Охота для него была просто отдыхом. Уже при Советской власти он иногда отправлялся на охоту, ходил по лесам около Горок. Ему хотелось иногда отвлечься от постоянных мыслей о работе. Он очень любил такие вылазки на охоту.

Ульянова М. И. О Ленине.
4-е изд. М., 1971, с. 39—40

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 303, 307.

ЛЕНИН В ПИСЬМАХ К РОДНЫМ

Мы имеем полное собрание Сочинений Ленина и довольно большую литературу о ленинизме (и научно-исследовательскую и популярную); Ленин же как человек, с его яркой, разносторонней индивидуальностью, обрисован до сих пор [1] крайне недостаточно или не обрисован почти совсем.

Письма Владимира Ильича к родным — матери его Марии Александровне Ульяновой и сестре, Марии Ильиничне [2], охватывающие собой период с 1894 по 1917 г., т. е. от первых лет революционной деятельности Владимира Ильича до возвращения его в Россию после Февральской революции, заполняют *отчасти* этот пробел. По ним можно судить *до некоторой степени* об образе жизни Владимира Ильича, его привычках, склонностях, об отношениях его к людям и т. п. До некоторой степени — оговариваемся мы. Ибо, прежде всего, это далеко не полное собрание его писем к родным за указанный период. При частых переездах из города в город, при многочисленных обысках и арестах, которым подвергался то один, то другой член нашей семьи и которые обычно сопровождались изъятием переписки, очень многие письма Владимира Ильича погибли. Часты были также случаи утери писем в пути при почтовой пересылке, особенно во время империалистической войны. Поэтому иногда один и тот же вопрос повторяется в нескольких письмах подряд. Помимо того, на этих письмах лежит печать полицейских условий царизма. Правда, вся деловая переписка (все сообщения о революционных событиях, жизни партии и т. п.) велась нами в те времена конспиративно, химией, обычно в книгах и журналах, и пересылалась на чужие «чистые» адреса [3]. Но личная жизнь и революционная работа были настолько тесно связаны, что личная легальная переписка, несомненно, сильно страдала и урезывалась нами из-за полицейских условий. Недаром Владимир Ильич писал в одном из своих писем к сестре Марии Ильиничне в Вологду, где она была в то

---

[1] Воспоминания написаны в 1929 г. *Ред.*

[2] Письма предназначались обычно не только адресатам, но и всем другим членам семьи, по крайней мере жившим в то время вместе, «чтобы не повторяться». *М. У.*

[3] Хранить их в России было, конечно, невозможно, и лишь часть из них уцелела в копиях, которые делались за границей. *М. У.*

время в ссылке: «Очень уже трудно в нашем (и твоем и моем особенно) положении вести переписку, как хочется...»[1]

А это относилось не только к Марии Ильиничне, но ко всем членам нашей семьи, так как родство Владимира Ильича с нами было не только по крови, но и по взглядам, по убеждениям. Все они (и муж Анны Ильиничны — М. Т. Елизаров) были тогда социал-демократами, примыкая к революционному крылу партии, все в большей или меньшей степени принимали участие в революционной работе. И даже наша мать, которой в конце 90-х годов, когда обыски и аресты в нашей семье стали особенно часты, было уже более 60 лет, была идейно с нами.

Вся легальная переписка революционеров перлюстрировалась, и приходилось прибегать к разным намекам, условным обозначениям и т. п., чтобы коснуться так или иначе интересовавших нас вопросов, сообщить о получении того или иного нелегального письма, справиться о знакомых и пр.

Письма Владимира Ильича, которые направлялись непосредственно на адрес матери, сестры или брата, почти не содержат в себе имен и фамилий — это могло бы навлечь неприятности для лица, фамилия которого упоминалась бы в таком письме. А подводить кого-либо в лучшем случае под неприятность у нас не было, понятно, ни малейшего желания. В письмах Владимира Ильича встречаются имена и изредка фамилии только тех товарищей и знакомых, с которым наше знакомство все равно было установлено полицией в силу разного рода обстоятельств (совместная ссылка по одному делу, учеба в одном и том же учебном заведении и т. п.) или основывалось на чисто деловых сношениях (фамилии издателей, книгопродавцов и пр.). Чтобы избежать упоминания фамилии кого-либо из более или менее легальных знакомых, о котором Владимир Ильич хотел сообщить что-либо, передать привет и пр., он сплошь и рядом прибегал в этих письмах к кличкам и указаниям, имеющим связь с тем или иным известным нам фактом или событием. Так, Владимир Ильич называет «историком»[2] (имея в виду его исторические работы) И. И. Скворцова-Степанова, с которым у него была одно время — через Анну Ильиничну и Марию Ильиничну — оживленная переписка [3]. Сообщая о свидании своем за границей в 1895 г. с А. А. Шухт, дочка которого Ася была крестницей Владимира Ильича, Ильич пишет: «Видел крестницу и ее фамилию»[4].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 354.

[2] Там же, с. 297, 298, 305, 311.

[3] Из переписки этой сохранилось, к сожалению, только одно письмо от 16 декабря 1909 г., напечатанное в первой части XX (дополнительного) тома 1-го изд. Сочинений В. И. Ленина. *М. У.* (Речь идет о письме от 2 декабря 1909 г.; см.: Полн. собр. соч., т. 47, с. 223—225. *Ред.*)

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 8.

Посылая привет В. В. Воровскому, который был в ссылке в Вологде одновременно с Марией Ильиничной, Владимир Ильич пишет: «Привет польским друзьям и пожелания, чтобы всячески подмогали...»[1] Под «китайским путешественником»[2] подразумевается А. П. Скляренко, служивший тогда на железной дороге в Маньчжурии; под «господином, с которым мы прошлый год катались в лодке»[3],— В. А. Левицкий и т. д.

Иносказательно приходилось писать и о пересылке нелегальных изданий, конспиративных корреспонденций, книг, содержавших химические письма, и т. п.

В конце декабря 1900 г. пишущая эти строки переслала Владимиру Ильичу за границу с ехавшим туда Г. Б. Красиным «Манифест партии социалистов-революционеров», заделав его в альбом с какими-то фотографиями. Посылка эта очень обрадовала Владимира Ильича, и в письме от 16 января 1901 г. он пишет: «Очень благодарю за присланные книги и особенно за чрезвычайно красивые и интересные фотографии, посланные кузеном из Вены; очень желал бы почаще получать такие подарки»[4].

«Искра» и другие нелегальные издания пересылались в Россию, между прочим, в конвертах на «чистые», легальные адреса. В письмах Владимира Ильича иногда сообщалось о такой посылке, чтобы мы имели возможность своевременно справиться у адресата. Очевидно, такое сообщение заключалось и в следующих словах Владимира Ильича (письмо от 6 декабря 1900 г.): «Послал тебе, помнится, девятого интересовавшую тебя вещичку»[5]. «Очень рад был Володя твоему большому письму,— пишет Надежда Константиновна в письме от 8 февраля 1916 г.— Может, еще как-нибудь напишешь»[6]. Так как наша легальная переписка большими размерами никогда не отличалась, а во время империалистической войны, когда было написано это письмо, мы переписывались главным образом открытками, и притом заказными, так как много писем пропадало, приведенные слова подразумевают, очевидно, нелегальное письмо через книгу.

В первое время пребывания Владимира Ильича за границей в 1900 г., когда он не знал еще, насколько прочно обоснуется там, он в целях конспирации не давал нам для переписки своего личного адреса, и, когда он жил в Швейцарии или Мюнхене, мы писали ему на Париж или Прагу. Так, в письме от 2 марта 1901 г. он сооб-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 340.
[2] Там же, с. 194.
[3] Там же, с. 211.
[4] Там же, с. 200.
[5] Речь идет о письме от 14 декабря 1900 г. (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 197). *Ред.*
[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 456.

щает свой новый адрес, прибавляя, что «переехал вместе с своим хозяином квартирным»[1]. Франц Модрачек, на адрес которого шли наши письма, действительно переехал тогда на новую квартиру, но Владимир Ильич продолжал жить в Мюнхене на старой.

* * *

Одной из характерных черт Владимира Ильича была большая аккуратность и пунктуальность, а также строгая экономия в расходовании средств, в частности лично на себя. Вероятно, эти качества передались Владимиру Ильичу по наследству от матери, на которую он походил многими чертами характера. А мать наша по материнской линии была немка, и указанные черты характера были ей свойственны в большой степени.

Насколько Владимир Ильич был бережлив и экономен в расходах на себя, видно из его письма от 5 декабря 1895 г.

«Нынче первый раз в С.-Петербурге вел приходо-расходную книгу, чтобы посмотреть, сколько я в действительности проживаю. Оказалось, что за месяц с 28/VIII по 27/IX израсходовал всего 54 р. 30 коп., не считая платы за вещи (около 10 р.) и расходов по одному судебному делу (тоже около 10 р.), которое, может быть, буду вести. Правда, из этих 54 р. часть расхода такого, который не каждый месяц повторится (калоши, платье, книги, счеты и т. п.), но и за вычетом его (16 р.) все-таки получается расход чрезмерный — 38 р. в месяц. Видимое дело, нерасчетливо жил: на одну конку, например, истратил в месяц 1 р. 36 к. Вероятно, пообживусь, меньше расходовать буду»[2].

И он действительно экономил, особенно когда не было собственного заработка и приходилось прибегать к «вспомоществованию», как он называл помощь матери в деньгах. Экономил настолько, что не выписывал даже «Русских Ведомостей»[3], когда жил в Петербурге в 1895 г., а читал их в Публичной библиотеке «за 2 недели назад». «Может быть, выпишу их, когда получу работу здесь»,— писал он сестре [4].

Эта черта осталась за Владимиром Ильичем на всю жизнь и ярко проявлялась у него не только в те времена, когда в эмиграции ему не удавалось найти издателя для своих литературных работ (стоит вспомнить хотя бы тот факт, что «Аграрный вопрос»

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 205.

[2] Речь идет о письме от 5 октября 1893 г. (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 2). *Ред.*

[3] «Русские ведомости» были в то время наиболее приличной и интересной газетой изо всех буржуазных газет. *М. У.*

[4] Речь идет о письме, написанном в октябре 1893 г. (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 2). *Ред.*

пролежал целые 10 лет и только в 1917 г. увидел свет) и Владимир Ильич оказывался иногда прямо в критическом положении, но и тогда, когда его материальное положение было вполне обеспечено, т. е. после революции 1917 г.

На чем Владимиру Ильичу, однако, трудно было экономить, так это на книгах. Они были нужны ему для его работ, чтобы быть в курсе иностранной и русской политики и экономики и пр. и т. д.

«К великому моему ужасу,— пишет он в письме к матери от 29 августа 1895 г. из Берлина,— вижу, что с финансами опять у меня «затруднения»: «соблазн» на покупку книг и т. п. так велик, что деньги уходят черт их знает куда»[1]. Но и в этом он старался урезывать себя и ходил работать в библиотеки; это давало ему и более спокойную обстановку для работы, без сутолоки и бесконечных утомительных разговоров, которые были так свойственны эмигрантам, скучавшим в непривычной, чуждой для них обстановке и любившим отводить душу за разговорами.

Библиотекой Владимир Ильич пользовался, впрочем, не только за границей, но и живя в России. В письме к матери из Петербурга он пишет, что доволен своей новой комнатой, которая находится «недалеко от центра (например, всего 15 минут ходьбы до библиотеки)»[2]. Проездом в ссылку он даже те немногие дни, что пробыл в Москве, использовал для работы в Румянцевском музее. А живя в Красноярске и ожидая открытия навигации, чтобы ехать в Минусинский уезд, он занимался в библиотеке Юдина [3], хотя для этого ему приходилось делать ежедневно около пяти верст.

В ссылке, где о библиотеках не могло быть и речи, Владимир Ильич пытался восполнить этот пробел, прося нас устроить ему посылку библиотечных книг по почте. Несколько опытов таких было сделано, но на пересылку уходило слишком много времени (около месяца туда и обратно), а книги из библиотеки выдавались на определенный срок.

Иногда к такой мере Владимир Ильич прибегал и позднее. Так, в письме к Анне Ильиничне от 31 января 1914 г. он пишет: «Насчет свода статистических сведений по делам уголовным за 1905—1908 годы просил бы не покупать их (не к чему, дороги), а взять из библиотеки (либо Совета присяжных поверенных, либо Гос. думы) и прислать на месяц»[4].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 12.

[2] Там же, с. 1.

[3] Имеется в виду библиотека красноярского купца Г. В. Юдина, насчитывавшая свыше 100 тысяч томов. *Ред.*

[4] Письмо не сохранилось, и выписка эта взята нами из дела департамента полиции. *М. У.* (Речь идет о письме от 11 февраля 1914 г. (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 349). *Ред.*)

Живя за границей, Владимир Ильич постоянно пользовался библиотеками. В Берлине он занимался в Императорской библиотеке. В Женеве у него был излюбленный «клуб» (Société de lecture), в который надо было записаться и вносить определенный членский взнос, правда очень небольшой, для того чтобы иметь возможность работать в библиотеке этого «клуба». В Париже он работал в Национальной библиотеке, хотя и жаловался, что она «налажена плохо»[1]; в Лондоне — в Британском музее и, только живя в Мюнхене, жалел, что «здесь библиотеки нет»[2], да и в Кракове он мало пользовался библиотекой. В письме к М. И. Ульяновой от 22 апреля 1914 г. он пишет, что «здесь (в Кракове.— *М. У.*)... библиотека плоха и архинеудобна, но мне почти и не доводится в ней бывать...»[3]. Работа в газете (в «Правде»), всевозможные сношения с товарищами, приезжавшими к Владимиру Ильичу в Краков в гораздо большем количестве, чем раньше во Францию или Швейцарию, руководство работой с.-д. фракции Государственной думы, партийные конференции и совещания и т. д. не давали возможности уделять много времени научной работе. «Не раз мы вспоминали,— пишет Владимир Ильич,— Женеву, где работалось лучше, удобная библиотека, менее нервна и бестолкова жизнь»[4].

И когда после ареста в Галиции в начале империалистической войны Владимир Ильич снова попал в Швейцарию, он пишет: «Хороши здесь библиотеки, и я устроился недурно в смысле пользования книгами. Приятно даже почитать — после периода ежедневной газетной работы»[5]. А затем он едет с Надеждой Константиновной из Берна в Цюрих, чтобы, между прочим, «позаниматься в здешних библиотеках»[6] (продолжая, однако, также интенсивно политическую партийную работу, что ярко иллюстрируется, между прочим, опубликованной в XI Ленинском сборнике[7] перепиской его с тт. Карпинским и Равич, относящейся к этому периоду), которые, по его словам, «много лучше бернских»[8].

Но если в смысле возможности читать иностранные книги, просматривать иностраные газеты и журналы Владимир Ильич был поставлен за границей в хорошие условия, посещая для этой цели библиотеки, то недостаток в русских книгах сказывался всегда остро. «Немецкие книги здесь я легко достану,— пишет он

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 354.
[2] Там же, с. 210.
[3] Там же, с. 355.
[4] Там же, с. 354.
[5] Там же, с. 357.
[6] Там же, с. 364.
[7] См. там же, т. 49.
[8] Там же, т. 55, с. 364.

в письме от 2 апреля 1902 г.,— в ннх недостатка нет. А вот в русскнх здесь недостаток»[1].

И несомненно, отсутствне под рукой той нлн другой нужной русской кннгн часто тормознло работу Владимира Ильнча, когда он жнл за граннцей. Поэтому в его пнсьмах к родным постоянно встречаются просьбы прнслать те нли нные кннгн, нужные ему для работы (статистика, книги по аграрному вопросу, по философни и пр.), а также новинки, журналы, беллетрнстнку. Такнм образом, по этим пнсьмам можно до некоторой степенн судить о том, лнтературой по какнм отраслям знаннй ннтересовался Владнмир Ильнч в тот нлн нной отрезок временн и для какнх своих работ он ее использовал.

Среди этой литературы большое вннмание уделяется различным статистнческнм сборннкам.

Какое большое значенне Владнмнр Ильнч придавал статнстнке, «точным фактам, бесспорным фактам», наглядно вндно из его работ, нз тех черновнков, выпнсок и подсчетов, которые этнм работам предшествовали. Характерна в этом отношенни и его незаконченная н не опублнкованная еще работа «Статистнка и социологня»[2].— П. Пнрючев (новый псевдоннм, который Владимнр Ильич взял себе в целях облегчення нздания этой работы), посвященная вопросу «о значенин и роли нацнональных двнженнй, о соотношеннн нацнонального н ннтернацнонального»[3].

· И в этой работе мы находнм следующее место:

«В областн явлений общественных,— пишет Владнмнр Ильнч,— нет приема более распространенного н более несостоятельного, как выхватыванне *отдельных* фактиков, игра в прнмеры. Подобрать прнмеры вообще — не стонт никакого труда, но и значения это не нмеет никакого, нли чнсто отрнцательное, ибо все дело в нсторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в нх *целом*, в нх *связи*, не только «упрямая», но н безусловно доказательная вещь. Фактнки, еслн они берутся вне целого, вне связи, если онн отрывочны н пронзвольны, являются именно только нгрушкой нлн кое-чем еще похуже.

...Надо попытаться установнть такой фундамент нз точных н бесспорных фактов, на который можно бы было опнраться, с которым можно было бы сопоставлять любое нз тех «общнх» нлн «примерных» рассужденнй, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в нашн дни. Чтобы это был действнтельно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящнхся к рассматрнваемому вопросу фактов,

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 219.
[2] См. там же, т. 30, с. 349—356.
[3] Там же, с. 349.

без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела. Это ведь бывает... чаще, чем кажется»[1].

В 1902 г. Владимир Ильич попросил выслать ему за границу из книг, бывших с ним в Сибири, «*всю* статистику»[2], по которой (как пишет в письме от 2 апреля 1902 г.) «я немного начинаю тосковать»[3]... Позднее, чтобы получать из различных городов, и притом более регулярно, статистический материал, Владимир Ильич написал даже специальное заявление-просьбу[4] к статистикам заседавшего в Москве зимой 1908/09 г. съезда врачей и естествоиспытателей (на этом съезде была подсекция статистиков). На заявление это откликнулся целый ряд провинциальных статистиков, и в письме от 2 января 1909 г. Владимир Ильич пишет: «Получил еще письмо о статистике из Рязани — это великолепно, что помощь мне, видимо, будет от многих»[5].

В 1908 г., когда Владимир Ильич работал над «Материализмом и эмпириокритицизмом», он выписывает для себя книжку проф. Челпанова об Авенариусе и его школе, книжку об «Имманентной философии» и др. Об этой своей работе он пишет сестре: «Поработал я много над махистами и думаю, что все их (и «эмпириомонизма» тоже) невыразимые пошлости разобрал»[6].

Справляясь, получена ли рукопись о новейшем капитализме («Империализм, как высшая стадия капитализма»), Владимир Ильич пишет: «Я придаю этой экономической работе особенно большое значение и особенно хотел бы поскорее видеть ее в печати в полном виде»[7] (письмо от 22 октября 1916 г.). Как известно, последнее его желание не было выполнено (хотя Владимир Ильич «изо всех сил применялся к «строгостям»[8], как он пишет в письме к М. Н. Покровскому от 17 июля 1916 г.): работа Владимира Ильи-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 350—351.

[2] Статистика эта, которую Владимир Ильич использовал для своей книги «Развитие капитализма в России», получена в 1929 г. вместе с другими книгами Владимира Ильича из-за границы Институтом Ленина, и по выпискам и заметкам, которые имеются на этих книгах, можно будет сделать еще ряд ценных выводов о работе Ильича. *М. У.*

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 219.

[4] Возможностью опубликования его мы обязаны московской жандармерии, сохранившей его в своих делах. *М. У.*

[5] Речь идет о письме от 2 января 1910 г. (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 303). *Ред.*

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 252.

[7] Там же, с. 365.

[8] Речь идет о письме от 2 июля 1916 г. (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 259). *Ред.*

ча подверглась целому ряду изменений и урезок и лишь через десять лет увидела свет в своем первоначальном виде.

Из писем Владимира Ильича к родным мы узнаем, в какой связи предпринята была Владимиром Ильичем (еще не опубликованная) работа «Капиталистический строй современного земледелия»[1]. В письме от 22 октября 1916 г. он пишет сестре: «Ты пишешь, что «Аграрный вопрос» издатель хотел бы выпустить книгой, а не брошюрой». Я понимаю это так, что я должен прислать продолжение (т. е. в дополнение к написанному об Америке написать обещанное о Германии). Засяду за эту работу, как только покончу с тем, что я должен написать в оплату аванса у старого издателя»[2]. Рукопись указанной работы, хранящаяся в Институте, не закончена, окончить ее «помешала» Владимиру Ильичу, очевидно, революция.

Предлагаемые читателям письма Владимира Ильича дают некоторую картину и условий его литературной работы и тех мытарств, с которыми было связано опубликование результатов этой работы. Мы имеем в виду его легальные работы. В этом смысле Владимир Ильич находился за весь предреволюционный период (за исключением периода первой революции и эпохи «Звезды» и «Правды» — 1912—1914 гг., когда он имел возможность работать для легальных газет, когда у партии имелись, хотя кратковременно, и свои легальные издательства) в неблагоприятных условиях не только потому, что за границей, например, он ощущал сплошь и рядом недостаток в нужных для работы русских книгах и других материалах.

Большие трудности представляли и цензурные условия: статьи Владимира Ильича урезывались и искажались (как, например, статья «Некритическая критика»[3]), книги конфисковывались («Аграрный вопрос», II том [4]) и пр. и т. п. Но, помимо того, боль-

---

[1] Статья В. И. Ленина «Капиталистический строй современного земледелия» впервые была опубликоваиа в 1932 г. в журнале «Большевик» № 9 и в Лениском сборнике XIX по храиящейся в Институте марксизма-леиинизма при ЦК КПСС части рукописи (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 319—344). *Ред.*

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 365.

[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 611—636.

[4] Сборник «Аграриый вопрос» представляет собой второй том предполагавшегося трехтомиого собрания статей В. И. Леиина, которое выпускалось книгоиздательством «Зерно». Во главе этого издательства стоял видный большевик М. С. Кедров. Первый том собрания статей вышел под названием «За 12 лет» в конце 1907 г. На кингу сразу же был наложеи арест. Чтобы обезопасить второй том от конфискации, было решено разбить его иа две части и назвать «Аграрный вопрос». Первая часть этого тома была издана в 1908 г. Вторая же часть в свет не вышла: она была конфискована еще в типографии. Вследствие этого первое трехтомное издание собрания статей В. И. Ленина не было завершено (см. об этом воспоминаиия М. С. Кедрова «Из красной тетради об Ильиче». М., 1957, с. 4—8). *Ред.*

шие трудности представляла и оторванность от России, и часто невозможность в силу этого завязать непосредственные связи с издательствами и т. п. Характерны, например, его многократные попытки устроиться с работой для Энциклопедического словаря Граната. «Хорошо бы иметь работу для Энциклопедического словаря,— пишет он в письме к сестре от 22 декабря 1914 г.,— но это, верно, устроить нелегко, если не иметь случая познакомиться с секретарем редакции»[1]. Знакомства этого не было, и когда Владимир Ильич непосредственно обращался в редакцию Граната, то порой не получал даже ответа на свои письма. «Нельзя ли там иметь еще работу для Энциклопедического словаря,— пишет он сестре в феврале 1915 г.— Я писал об этом секретарю, но он не отвечает»[2]. «Я здесь, к сожалению, совсем теперь оторван от издательских связей»,— пишет он в 1912 г.[3]

И если бы не большая помощь, которую оказывали Владимиру Ильичу в поисках издателей, в корректировании его работ и пр. товарищи и родные, то выпуск их в свет был бы затруднен еще больше. Но сестры и брат не всегда были в состоянии помочь Владимиру Ильичу, особенно когда они бывали в тюрьме или ссылке. И в 1904 г., например, он просит у матери дать ему адрес Марка Тимофеевича, к которому у него есть «литературное дело»[4] (письмо от 20 января 1904 г.).

Владимир Ильич умел не только систематично, усидчиво и крайне плодотворно работать, он умел и отдыхать, когда для этого представлялась возможность. Лучшим отдыхом для него была близость к природе и безлюдье. «Здесь (в Стирсуддене в Финляндии, где он отдыхал, вернувшись «страшно усталым» с V партийного съезда.— *М. У.*) отдых чудесный, купанье, прогулки, безлюдье, безделье. Безлюдье и безделье для меня лучше всего»[5]. Отдых там, где Лидия Михайловна Книпович окружила его исключительным вниманием и заботами, был действительно отличный, и позднее он вспоминал о нем, когда в письме к Марии Ильиничне, только что перенесшей тяжелый брюшной тиф, писал: «Вот когда бы в Стирсудден тебя отправить!»[6]

Владимир Ильич очень любил природу, и в его письмах постоянно встречаются описания ее красот, куда бы ни забрасывала

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 357.

[2] Там же, с. 361. *Ред.* Не лучше обстояло дело с ответами на письма Владимира Ильича в те времена и со стороны других издателей. См. по этому поводу письмо 3 (от 27 сентября 1901 г.) Ленина Л. И. Аксельрод. Ленинский сборник XI, с. 326. *М. У.* (Речь идет о письме от 27 ноября 1901 г.; см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 158. *Ред.*)

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 332.

[4] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 234.

[5] Там же, с. 238.

[6] Там же, с. 250.

его судьба. «Природа здесь роскошная,— пишет он матери по пути в Швейцарию в 1895 г.— Я любуюсь ею все время. Тотчас же за той немецкой станцией, с которой я писал тебе, начались Альпы, пошли озера, так что нельзя было оторваться от окна вагона»[1]. «Гуляю — теперь недурно гулять здесь,— пишет он Марии Александровне,— и в Пскове (а также в его окрестностях) есть, видимо, не мало красивых мест»[2]. «На днях... катался... по одному очень красивому озеру и наслаждался прелестными видами при хорошей погоде...» — сообщает он из-за границы [3]. «На днях мы предприняли здесь с Надей и с одним приятелем прекраснейшую прогулку на Салэв. Внизу везде в Женеве туман, сумрачно, а на горе (около 1200 метров над уровнем моря) — роскошное солнце, снег, салазки, совсем русский хороший зимний денек. А внизу под горой — la mer du brouillard, настоящее море тумана, облаков, за которыми не видно ничего, только горы высовываются, да и то только очень высокие. Даже малый Салэв (900 метров) весь в тумане»[4]. «Мы с Надей изъездили и исходили уже порядочное количество окрестностей, нашли и прехорошие места»,— читаем мы в письме от 27 сентября 1902 г.[5] Прав был, вероятно, Владимир Ильич, когда писал: «Единственные из всех здешних товарищей, изучающие *все* окрестности города, это мы. Находим разные «деревенские» тропинки, знаем ближние места, собираемся и подальше прокатиться»[6].

Если не удавалось выбраться летом на время за город, где устанавливалась сразу «деревенская жизнь» (рано вставали и чуть не с петухами ложились [7]), Владимир Ильич и Надежда Константиновна отправлялись иногда, когда жили в Швейцарии, пешком в горы. Описание одного такого путешествия мы находим в письме Надежды Константиновны к Марии Александровне от 2 июля 1904 г. «Уже с неделю, как выбрались из Женевы,— читаем мы там,— и отдыхаем в полном смысле этого слова. Дела и заботы оставили в Женеве, а тут спим по 10 часов в сутки, купаемся, гуляем — Володя даже газет толком не читает, вообще книг было взято минимум, да и те отправляем нечитанными завтра в Женеву, а сами в 4 часа утра надеваем мешки и отправляемся недели на 2 в горы. Пройдем к Интерлакену, а оттуда к Люцерну, читаем Бедекера и тщательно обдумываем свое путешествие... Мы с Володей заключили условие — ни о каких делах не говорить, дело,

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 8.
[2] Там же, с. 183.
[3] Там же, с. 189.
[4] Там же, с. 233.
[5] Там же, с. 224.
[6] Там же, с. 231—232.
[7] См. там же, с. 339.

мол, не медведь, в лес не убежит, не говорить и, по возможности, не думать»[1].

Но такие путешествия бывали очень редки и предпринимались только тогда, когда работа и фракционная трепка слишком уже плохо отражались на здоровье и на нервах, как это было после зимы 1903/04 г., следовавшей за II съездом партии и ее расколом. Обычно же, если Владимир Ильич выезжал на лето в деревню, он после нескольких дней полного отдыха, когда это удавалось, продолжал работу и там. Если же уехать за город было невозможно или эта поездка бывала непродолжительна, предпринимались прогулки за город, иногда в горы, пешком или на велосипедах, обычно по воскресным дням. «Как-то невольно выходит все по-заграничному, что именно в воскресенье гуляем, хотя это неудобно, ибо везде полным-полно»,— пишет Владимир Ильич в письме к матери от 29 марта 1903 г.[2] Предпринимая такую прогулку, брали обычно с собой бутерброды вместо обеда и отправлялись на целый день. Немудрено, что и Владимир Ильич, и Надежда Константиновна попали в партию «прогулистов» (любителей прогулок), тогда как другие товарищи были в партии «синемистов» (любителей ходить в «синема»[3]), как шутили они между собой [4].

Владимир Ильич мало любил различные увеселения, в которых другие товарищи находили себе отдых от напряженной работы. Он никогда, кажется, не ходил в кинематограф, когда жил за границей, редко бывал и в театрах. Был он в Берлине на «Ткачах»[5] в первый свой приезд за границу, ходил в театр и когда жил в эмиграции «довольно одиноко»[6] (т. е. без семьи) или когда после усиленной работы ему удавалось попадать по какому-нибудь делу в большой город и он использовал эту поездку для того, чтобы немного «встряхнуться». Но заграничные театры мало удовлетворяли Владимира Ильича своими постановками (иногда они с Надеждой Константиновной уходили из театра с первого действия, подвергаясь за это шуточным упрекам товарищей за напрасную трату денег), и из позднейших его посещений театра, кажется, только постановка «Живого трупа»[7] произвела на него впечатление. Но ему очень понравился Художественный театр, в котором он был еще в бытность свою в Москве, до эмиграции, вместе с Лалаянцем («Колумбом»), и в письме к матери в феврале 1901 г. он пишет, что «до сих пор вспоминает с удовольствием»[8]

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 235.
[2] Там же, с. 231.
[3] «Синема» — кинематограф. *М. У.*
[4] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 346.
[5] «Ткачи» — драма Г. Гауптмана. *Ред.*
[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 198.
[7] «Живой труп» — драма Л. Н. Толстого. *Ред.*
[8] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 204.

это свое посещение. «Хотелось бы в русский Художественный, посмотреть «На дне»...[1]— читаем мы в его письме от 4 февраля 1903 г. Посмотреть «На дне» ему удалось уже много лет спустя, когда он жил в Москве после революции.

Сравнительно редко бывал Владимир Ильич и в концертах, хотя любил музыку. «Недавно были первый раз за эту зиму в хорошем концерте,— читаем мы в том же письме,— и остались очень довольны,— особенно последней симфонией Чайковского (Symphonie pathétique)»[2]. «Был на днях в опере, слушал с великим наслаждением «Жидовку»: я слышал ее раз в Казани (когда пел Закржевский) лет, должно быть, 13 тому назад,— пишет он матери 9 февраля 1901 г.,— но некоторые мотивы остались в памяти»[3]. И нередко потом он насвистывал эти мотивы (со своей особой манерой насвистывать сквозь зубы). Позднее, за границей, Владимир Ильич редко бывал в опере и на концертах. Музыка слишком сильно действовала на его нервы, и, когда они бывали не в порядке — а это бывало так часто при трепке и сутолоке эмигрантской жизни,— он плохо выносил ее. Немало влияли на уединенный (в смысле развлечений) образ жизни Владимира Ильича его большая занятость и скромный бюджет.

Мало сравнительно внимания уделял Владимир Ильич и различным достопримечательностям. «Я вообще к ним довольно равнодушен,— пишет он в письме из Берлина в 1895 г.,— и большей частью попадаю случайно. Да мне вообще шлянье по разным народным вечерам и увеселениям нравится больше, чем посещение музеев, театров, пассажей и т. п.»[4]. Для этого «шлянья» по разным местам Владимир Ильич использовал обычно вечера, когда жил в Берлине в 1895 г., и это давало ему возможность изучать «берлинские нравы и прислушиваясь к немецкой речи»[5]. Однако не только будучи в Берлине, в первый раз за границей, занимался он этим изучением нравов — в его письмах к родным есть немало мест, которые показывают, что, и живя в Париже или попадая туда наездом, он с удовольствием присматривается к тамошней жизни, отмечая ту непринужденность, с которой парижская публика держит себя на улицах и бульварах. «Париж — город очень неудобный для жизни при скромных средствах и очень утомительный,— писал Владимир Ильич после поездки туда на несколько дней.— Но побывать ненадолго, навестить, прокатиться — нет лучше и веселее города»[6]. Присматривается Владимир Ильич и к чешской

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 229. «На дне» — пьеса М. Горького. *Ред.*
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 229.
[3] Там же, с. 202.
[4] Там же, с. 12.
[5] Там же.
[6] Там же, с. 351.

жизни, будучи проездом в Чехословакии, и жалеет, что не изучил чешского языка; красочно описывает жизнь и нравы галицийских крестьян, которые он имел возможность наблюдать, живя в Галиции; карнавал на улицах с борьбой конфетти и серпантина в Мюнхене и т. д. Жизнь он любил во всех ее проявлениях и умел, как редко кто, широко наблюдать и изучать ее.

По письмам Владимира Ильича можно судить и об отношении его к родным и до некоторой степени к людям вообще. Сколько внимания к ним и заботливости проявляется в этих письмах: Владимир Ильич был очень привязан к своим родным, особенно к матери, и заботы о том, чтобы ей лучше, покойнее и удобнее жилось, сквозят во всех письмах как непосредственно к ней, так и к другим членам нашей семьи. Его письма полны вопросами о здоровье, о том, как устроились с квартирой, не холодна ли она [1]. «Беспокоит меня,— пишет он в письме к матери в 1909 г.,— что у вас холодная квартира... Не простудиться бы тебе... Нельзя ли принять каких-нибудь мер, может быть, поставить маленькую железную печку?..»[2] В этих письмах много советов «хорошенько отдохнуть летом»[3], «поменьше бегать, побольше отдыхать и быть здоровой»[4] и т. п.

Особенно сильно проявлялось внимание Владимира Ильича к матери, когда ее постигала какая-нибудь гроза, а этих гроз было так много в ее жизни. То один, то другой член нашей семьи подвергался аресту или высылке, иногда же несколько сразу, и ей, бывшей уже в пожилых годах, приходилось снова и снова ходить в тюрьмы на свидания и с передачами, просиживать часами в приемных жандармов и охранников, болеть душой, порой в полном одиночестве, за своих детей, лишенных свободы. Как беспокоился Владимир Ильич за нее в эти периоды ее жизни и как тяготился оторванностью от нее, особенно ярко видно по письму его к матери от 1 сентября 1901 г.[5] Мария Ильинична и Марк Тимофеевич сидели тогда в тюрьме, Анна Ильинична была за границей и не могла вернуться в Россию, так как это повлекло бы ее арест по тому же делу, а Дмитрий Ильич также не мог оставаться с матерью, потому что должен был кончать университет в Юрьеве. В таком же одиночестве осталась она в чужом городе, когда в 1904 г. были арестованы в Киеве по делу Центрального и Киевского комитетов партии Дмитрий Ильич, Анна Ильинична и Мария Ильинична.

Владимиру Ильичу всегда хотелось, чтобы мать жила с ним, и он не раз звал ее к себе. Но это трудно было осуществить, между

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 361.
[2] Там же, с. 299.
[3] Там же, с. 9.
[4] Там же, с. 303.
[5] См. там же, с. 213—215.

прочим, потому, что мать бывала всегда с теми из своих детей, кому особенно бывала нужна ее помощь, а в России эта помощь бывала почти всегда нужна тому, на кого сыпались полицейские кары. Поэтому (в первую и во вторую эмиграцию Владимира Ильича) ей только по одному разу удалось на короткий срок побывать за границей и повидаться с ним. В 1902 г. она пожила с месяц с Владимиром Ильичем и Анной Ильиничной в Loguivy на севере Франции. Во второй раз, и уже последний, ей удалось видеть Владимира Ильича в Стокгольме, куда она вместе с Марией Ильиничной ездила в 1910 г., чтобы повидаться с ним. При этих поездках Владимир Ильич всегда давал ей точные маршруты, советовал останавливаться на ночь в гостиницах, чтобы не очень утомила дорога[1]. В Стокгольме же М. А. Ульяновой довелось в первый и последний раз слышать выступление Владимира Ильича на собрании рабочих-эмигрантов. Когда мы уезжали, Владимир Ильич проводил нас до пристани — на пароход он не мог войти, так как этот пароход принадлежал русской компании и Владимира Ильича могли там арестовать,— и я до сих пор помню выражение его лица, когда он, стоя там, смотрел на мать. Сколько боли было тогда в его лице! Точно он предчувствовал, что это было его последнее свидание с матерью. Так оно и вышло на деле. Больше повидаться с родными до приезда в Россию, после Февральской революции, Владимиру Ильичу не удалось, а мать умерла незадолго до нее, в июле 1916 г. До нас совсем не дошло первое письмо Владимира Ильича, отправленное после того, как он получил известие об этой смерти. Не сохранилось и следующее письмо, но я хорошо его помню: тяжелая это была для него утрата, больно он ее переживал и много нежности проявлял к нам, тоже подавленным этой кончиной.

Много внимания уделял всегда Владимир Ильич своим сестрам и брату, а также М. Т. Елизарову, интересуясь постоянно тем, как они живут, как чувствуют себя, имеют ли заработок, хорошо ли отдыхают и т. п. Он старался устроить переводы для нас, посылая для этого иногда иностранные книги, интересовался нашим чтением и занятиями, звал пожить к себе и пр. Много внимания проявлял Владимир Ильич и к товарищам, расспрашивал о том, как им живется, всячески помогал им. Так, он брался писать предисловия к переводам товарищей, чтобы облегчить им издание этих переводов и, следовательно, возможность иметь заработок.

Товарищам, не знакомым с условиями эмигрантской жизни и легальной переписки во времена царизма, могут показаться странными и непонятными нередко встречающиеся в письмах

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 221, 311—312.

Владимира Ильича упоминания о том, что он живет «очень тихо», «помаленьку», «тихо, мирно»[1] и т. п. в такие периоды, как, например, во время империалистической войны, когда по литературе и нелегальной переписке видно, что им проявлялась бешеная энергия в борьбе с шовинизмом, влиянию которого подпало и большинство с.-д. партий. Но не надо забывать, что Владимир Ильич мог выступать тогда лишь в печати — в органе, который выходил один раз в несколько недель, а то и в несколько месяцев и пересылка которого, как и брошюр, была крайне затруднена, да на небольших собраниях эмигрантов или в кружках иностранных рабочих. Понятно, что возможности эти были для Владимира Ильича крайне мизерны, и если, по рассказу Н. К. Крупской, он в начале революции в России производил впечатление льва, который рвался из своей клетки, то не была ли для него эмигрантщина и отрыв от России и раньше, особенно в период империалистической войны, клеткой, которая не давала развернуться ему как вождю, как народному трибуну? Он рвался к настоящей работе, к рабочим массам, а вместо того принужден был обрабатывать двух-трех товарищей, чтобы через них воздействовать на более широкие круги. И разве для Владимира Ильича такая деятельность, как и общая обстановка «в сонном Берне», не была действительно слишком «тихой», идущей слишком «помаленьку»?..

В легальной переписке лишь изредка проскальзывает его бешенство против «скверных оппортунистов вреднейшего типа», против архипошлостей по поводу вотирования кредитов[2] и т. п. Здесь он был скован цензурными рамками, и стоит только посмотреть, какие фразы его писем «обращали на себя внимание» охранников и жандармов и попадали в «вещественные доказательства», чтобы понять, что как он, так и его родные были в то время в таком положении, когда «очень уже трудно... вести переписку, как хочется...»[3].

Как сказано вначале, письма Владимира Ильича к его родным имеют главным образом значение и интерес для характеристики его как человека (конечно, характеристики далеко не полной и, по условиям переписки, несколько односторонней). В этом смысле они вносят, на наш взгляд, ценный вклад в литературу о Владимире Ильиче, и остается лишь пожалеть, что так много из его писем как к родным, так и к товарищам погибло. О Ленине же как вожде, политическом деятеле и ученом говорят другие документы, и в первую голову его богатое литературное наследие.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 368, 335, 350, 357.

[2] Там же, с. 358.

[3] Там же, с. 354.

Особенно тяжела была для Владимира Ильича вторая эмиграция. Попав в Женеву после жизни в Петербурге и под Петербургом, он особенно тяжело воспринял возвращение на старое пепелище. «Мы уже несколько дней торчим в этой проклятой Женеве...— пишет он в письме к Марии Ильиничне от 14 января 1908 г.— Гнусная дыра, но ничего не поделаешь. Приспособимся»[1]. И со всегдашним своим упорством и энергией Владимир Ильич берется за работу, ибо «приспособиться» он умеет при всяких условиях. «Неприятен был только самый момент переезда, как переход от лучшего к худшему. Но это было неизбежно»,— пишет он в следующем письме к матери [2]. И опять-таки, как переход от лучшего к худшему, отсутствие нужных ему для работы литературных материалов, новинок и газет особенно чувствительно для него в это время, так как в Петербурге он имел возможность читать все газеты и журналы, следить за всеми новинками. И он просит «раздобыть... протоколы III Думы (официальное издание стенографических отчетов, а также заявления, запросы и законопроекты, вносимые в Думу)» и выслать ему «*все,* без пропусков»[3]. Его интересуют также «программы, анонсы и листки октябристов, правых, казачьей группы и т. д.»[4]. Он лишен этих нужных ему материалов, тогда как «в Думе-то все сии «бумаги», наверное, по полу валяются и их никто не берет»[5]. Просит он также выслать ему «*все* новинки издания меньшевиков»[6], профессиональные журналы, уцелевшие от разгрома, и т. п.

Однако не только в книгах был у Владимира Ильича недостаток во время его эмигрантской жизни, как ни старались мы снабжать его хотя бы самым интересным, что появлялось на книжном рынке,— но и в русских газетах. Особенно плохо в этом отношении было во время империалистической войны, когда временами Владимир Ильич сидел совсем без русских газет. «Посылайте раз в неделю прочитанные русские газеты, а то я не имею ***никаких***»,— пишет он в письме от 20 сентября 1916 г.[7]

Была большая нужда и в заработке, особенно в последние годы эмиграции Владимира Ильича. «У нас скоро прекращаются все старые источники существования, и вопрос о заработке встает довольно остро» (14 декабря 1915 г.). А этот вопрос «его порядком беспокоит»,— пишет Надежда Константиновна [8], ибо Владимир

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 242.
[2] Там же, с. 244.
[3] Там же, с. 242
[4] Там же, с. 248
[5] Там же.
[6] Там же, с. 243.
[7] Там же, с. 365.
[8] Там же, с. 454.

Ильич был очень щепетилен в денежных делах, избегая помощи с чьей бы то ни было стороны. «Засяду писать что бы то ни было,— пишет он 10 сентября 1916 г.,— ибо дороговизна дьявольская, жить стало чертовски трудно»[1].

Всего за несколько месяцев до Февральской революции, осенью 1916 г., Владимиру Ильичу приходится отыскивать книги для перевода, списываться с издателем об издании их. Как непроизводительно были бы использованы его силы, если бы ему действительно пришлось тратить свое время на переводы, но и этому «помешала» революция.

Таковы были условия его жизни в эмиграции незадолго перед революцией. Оторванность от России, от рабочих масс, к непосредственному общению с которыми он всегда стремился, тяжелые условия эмигрантского существования — хотя энергия и настойчивость не оставляли Владимира Ильича никогда,— и не мудрено, что нервы стали больными [2], что весь организм был значительно подорван.

Горько звучит в письме его от 15 февраля 1917 г. передача шутки Надежды Константиновны при получении денег из России: «пенсию» стал-де ты (Владимир Ильич.— *М. У.*) получать»[3].

А после этого письма, где за шутками так ясно сквозят тяжелые условия, в которых приходилось Владимиру Ильичу жить перед революцией, короткое радостное сообщение по телеграфу: «Приезжаем понедельник, ночью, 11. Сообщите «Правде»[4].

Конец его эмигрантскому сидению. Конец и переписке с родными.

Только еще две маленькие записочки получила я от Владимира Ильича, коротенькие, как коротко было его подпольное пребывание в Финляндии во времена керенщины и корниловщины, накануне великой Октябрьской победы.

Ульянова М. И. О Ленине.
4-е изд. М., 1971, с. 41—63

---

[1] Речь идет о письме от 20 сентября 1916 г. (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 365). *Ред.*

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 368.

[3] Там же.

[4] Там же, т. 49, с. 434.

В «ПРАВДЕ» ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ

БАРЫШНИ

Первый номер «Правды» вышел 5 марта 1917 г. Небольшая группа работников во главе с К. С. Еремеевым составляла этот номер. Составляла наспех: материал еще не успели собрать, не успели наладить и связи с фабриками, заводами, полками. Это делалось уже потом, в последующие дни, когда петербургские рабочие увидели возродившуюся «Правду» и потянулись в убогое помещение ее редакции на Мойке со своими резолюциями, запросами, с подпиской.

Вечером 4-го пишущая эти строки и А. И. Елизарова спешно набрасывали свои впечатления — хронику уличной борьбы первых дней революции, Константин Степанович попыхивал трубкой, трудясь над передовицей. Кроме указанных лиц с первых дней деятельное участие в составлении газеты приняли М. С. Ольминский, В. М. Молотов, т. Андрей (Егор Пылаев) и Захар (Бреслав), который ведал хроникой. А несколько позднее — вернувшиеся из ссылки Каменев, а затем Сталин.

Вся контора «Правды» состояла из К. М. Шведчикова и стола, за которым он сидел в помещении редакции. Первый номер «Правды» 5 марта был распространен бесплатно, а в последующие дни в «контору» тянулась очередь рабочих, пришедших подписаться на «Правду».

— Ну-ка, на родную-то нашу, матушку,— слышались голоса.

Редакция помещалась в двух комнатах. Одна, маленькая, представляла собою кабинет редакторов, и позднее из нее через плохонькую переборку раздавался хохот Ильича и его ближайших товарищей по работе, которые ежедневно по нескольку часов проводили в редакции.

В другой, немного большей, помещался секретариат, сидели товарищи, обрабатывавшие материал, машинистка и т. д.

Типография помещалась в том же доме, в другой квартире, а в редакции была еще лишь одна маленькая комната, совершенно пустая, в которую члены редколлегии уединялись обыкновенно для переговоров с приходившими и приезжавшими к ним товарищами. А приезжало их много, особенно с фронтов, и много вопросов, сомнений и недоумений надо было разрешить и давать указания для дальнейшей работы.

В этот период в редакцию приходило особенно много писем с фронта. Ни о каком подсчете их в то время, конечно, не могло

быть и речи, потому что не было соответствующего аппарата — он был мал донельзя, но это преобладание солдатских писем в первые месяцы революции бросалось в глаза не только нам, работникам редакции, через руки которых проходила вся почта, но и всем читателям «Правды», так как многие из этих писем были напечатаны в ней.

В большинстве солдатских писем выражалось сочувствие «Правде» и большевикам. Не разбиравшихся еще в политических партиях и их программах солдат влекло к большевикам главным образом горячее стремление выйти как можно скорее из войны, а путь к этому они видели только один — тот, что указывала «Правда». Но были, конечно, и ругательные письма. «Немецкие шпионы», «изменники» и пр. и т. д.— таких эпитетов было немало, и завершались они обыкновенно угрозой, что солдаты, «защищающие отечество», вернувшись с фронта, разделаются с «предателями». Но таких писем становилось все меньше по мере того, как фронтовики начинали судить о большевиках по их литературе и по «Правде», которая хотя и с трудом, но доходила до фронта.

Иногда в редакцию вваливалась запыленная, с обветренным и изможденным лицом фигура окопника, которого его товарищи делегировали в Петроград, чтобы запастись литературой, из первоисточника узнать, как нужно организоваться, и пр.

В апреле, немедленно по возвращении из эмиграции, за редактирование «Правды» взялся Владимир Ильич. Это был один из наиболее блестящих периодов «Правды». Определенность, четкость позиции, блестящие статьи наших лучших литераторов, в которых они откликались немедленно на все злободневные вопросы, делали ее крайне интересной. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что никогда ни одну газету не читали с таким захватывающим интересом, как маленькую нашу «Правду» апреля — июля 1917 г.

А кругом шло шипенье. Растущая злоба «порядочных» людей против большевиков проявлялась во всяких мелочах. Невероятного труда стоило, например, добиться станции по нашему редакционному телефону. Все заявления и жалобы по этому поводу оставались гласом вопиющего в пустыне. Зато нередко раздавался звонок, и, когда кто-нибудь из нас брал телефонную трубку, раздавался голос: «Это что? «Правда»?» — «Нет, это ложь, а не правда»,— восклицала телефонная барышня, бросая трубку. С такой же злобой, я сказала бы, почти с яростью относились к приходившим в редакцию жильцы того дома, где помещалась «Правда». На просьбы указать, как пройти в редакцию, неизменно следовала самая грубая брань. На грех, «Правда» помещалась на Мойке, у самого Невского, где жила такая публика, что на ее симпатии к большевикам нечего было рассчитывать. Когда страсти

особенно разгорались, как это было, например, во время демонстраций 20—21 апреля, в редакцию и типографию «Правды» вызывалась охрана. Однажды вечером, когда Ильич был в редакции, прибежал кто-то из товарищей и убедил его уехать оттуда — враждебная манифестация была у самой редакции. На извозчике, в сопровождении солдата с винтовкой Владимир Ильич уехал из редакции на квартиру одного знакомого на Невском, 3. В этой квартире было несколько комнатных жильцов. Когда Владимир Ильич вошел в прихожую, ему навстречу выбежали две барышни и, не узнав его (в комнате был полумрак), направились к выходной двери с возгласом: «Идем бить Ленина».

В июльские дни «Правда» была разгромлена, а Владимир Ильич скрылся в подполье.

Ульянова М. И. О Ленине.
4-е изд. М., 1971, с. 64—66

ПРИЕЗД В. И. ЛЕНИНА В РОССИЮ В 1917 ГОДУ [1]

16 апреля исполняется 20 лет [2] со дня приезда В. И. Ленина в Петроград после Февральской революции, положившей конец его долголетнему изгнанию. Почти пятнадцать лет (за вычетом пребывания его в Петербурге во время первой российской революции 1905 г.) — пятнадцать лучших лет своей жизни провел Владимир Ильич в эмиграции, в среде, где «много тяжелого», как писал он, где «невероятно, чудовищно велик процент людей, все существо которых — один больной комок нервов»[3]. Эмиграция была особенно тяжела, ибо приходилось жить вдали от русских рабочих масс, к непосредственной связи с которыми Ильич всегда так стремился...

Тем более непереносно стало это бремя, когда в России вспыхнула Февральская революция:

«Вы можете себе представить, какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время»,— писал Владимир Ильич т. Ганецкому [4].

Ленин стал неудержимо рваться в Россию, чтобы принять непосредственное участие в руководстве революционной борьбой пролетариата и трудового крестьянства, иметь возможность своевременно влиять на политические события. Однако проехать в Россию было делом нелегким. На помощь Антанты могли в этом смысле рассчитывать лишь социал-шовинисты. Плеханов и его сторонники беспрепятственно проехали на крейсере в сопровождении миноносцев. От деятельности оборонцев в России Антанта могла ждать лишь пользы для себя в своей империалистской политике. Не то было с интернационалистами, фигурировавшими в «черных списках»! Для них проезд через страны Антанты представлял риск интернирования, ареста или потопления парохода, как это и имело место с некоторыми, избравшими такой путь в Россию. Ильич прекрасно понимал это.

«Англия ни за что не пропустит ни меня, ни интернационалистов вообще... — писал он Ганецкому 30 марта 1917 г.— Ясно, что приказчик англо-французского империалистского капитала и русский империалист Милюков (и К^0) способны пойти *на все*,

---

[1] Заголовок воспоминаний дается по рукописи. *Ред.*
[2] Воспоминания написаны в 1937 г. *Ред.*
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 89—90.
[4] Там же, т. 49, с. 419.

на обман, на предательство, на все, на все, чтобы помешать интернационалистам вернуться в Россию. Малейшая доверчивость в этом отношении и к Милюкову, и к Керенскому (пустому болтуну, агенту русской империалистской буржуазии по его объективной роли) была бы прямо губительна для рабочего движения и для нашей партии, граничила бы с изменой интернационализму»[1].

Но какой же другой путь избрать? Один фантастический план сменялся у Владимира Ильича другим, но все они были неосуществимы. В бессонные ночи, обдумывая возможности вырваться из Швейцарии, он решил как-то прикинуться глухонемым и с паспортом шведа пробраться в Швецию. Ганецкий должен был найти шведа, похожего на Ильича, и добыть у него паспорт. К письму с изложением этого плана была приложена и фотография Владимира Ильича. «Прочтя записку, я почувствовал, как томится Владимир Ильич,— рассказывает Ганецкий,— но, сознаюсь, очень хохотал над этим фантастическим планом... Однако присланная фотография (Владимира Ильича.— *М. У.*) была сейчас же использована. Через два дня она красовалась в ежедневной газете левых шведских социал-демократов «Политикен»[2], а под ней — передовица, написанная Воровским: «Вождь русской революции»...»[3]

Изверился скоро Владимир Ильич и в успехе попыток комитета по возвращению в Россию русских политических эмигрантов добиться через Совет рабочих депутатов содействия Милюкова на проезд через Германию в обмен на германских пленных. Милюков не мог одобрить такой план. Единственной реальной возможностью было добиться разрешения германского правительства проехать через Германию, которое было получено через нейтральных швейцарских социалистов.

Это был, конечно, рискованный шаг, так как ясно было, что русская буржуазия и социал-шовинисты попытаются использовать проезд большевиков через Германию для клеветы и инсинуаций против них. Ввиду этого переезд надо было обставить так, чтобы устранить всякую возможность обвинения в сделках с германским правительством и немецкими социал-шовинистами. Владимир Ильич поручил швейцарскому коммунисту Фрицу Платтену предъявить германским властям условия переезда. В основном они заключали в себе требование экстерриториальности вагона, паспорта едущих не должны были предъявляться, никто, помимо

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 418—419.
[2] Politiken, 1917, 6 арг.
[3] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. 3-е изд. М., 1984, т. 2, с. 375.

т. Платтена, который сопровождал Владимира Ильича и его товарищей до Стокгольма (в Петроград его не пустило русское правительство), не имел права ни выходить из вагона, ни вести с кем бы то ни было дорогой каких-либо переговоров. В силу этого их вагон получил впоследствии название «запломбированного».

9 апреля (н. ст.) Владимир Ильич выехал из Цюриха. С ним ехала лишь небольшая часть эмигрантов, главным образом большевиков. Другие признали этот переезд «политической ошибкой» и устроили даже при отходе поезда враждебную демонстрацию нашим товарищам. Впоследствии, однако, они вынуждены были избрать тот же путь, изверившись в возможности проехать в Россию как-либо иначе.

Приезд Владимира Ильича в Петроград, как мы ни ждали его, был неожиданным. Лишь 16 апреля днем получены были из Торнео телеграммы от него с известием о приезде. Это был праздничный день [1]. Заводы не работали, газет не было, но из уст в уста разнеслась по рабочим районам радостная весть, что вечером должен приехать вождь большевиков. Рабочие стали готовиться к торжественной встрече своего признанного, любимого вождя и учителя.

Встреча началась с Белоострова. Кроме ближайших товарищей Владимира Ильича и его родных сюда приехали и сестрорецкие рабочие и работницы со своими знаменами. Ильича вынесли из вагона на руках, и на вокзале он обратился к рабочим с речью. Он говорил о значении Февральской революции, которая должна быть «ступенькой» к всемирной социалистической революции.

Эта встреча произвела на Владимира Ильича большое впечатление. Все лицо его светилось, он был очень возбужден. Засыпая товарищей вопросами о положении дел, он высказал в то же время опасение, что в Петрограде его, вероятно, арестуют. Но вместо ареста его ждала на Финляндском вокзале еще более торжественная встреча. У всех, кто присутствовал при ней, встреча оставила неизгладимое, незабываемое впечатление.

К моменту прихода поезда вся площадь и прилегавшие к ней улицы были заполнены народом. Тут были десятки тысяч рабочих и работниц, пришедших со своими знаменами. На перроне был выстроен почетный караул из матросов флотского экипажа, солдат пулеметной роты, Московского и Преображенского полков. При появлении Владимира Ильича солдаты и матросы взяли на караул, а военный оркестр заиграл «Марсельезу». Выслушав рапорт, Владимир Ильич обратился к почетному караулу с лозунгом: «Да здравствует социалистическая революция!» Затем его провели в «парадные покои», где ему пришлось выслушать

[1] Пасха. *Ред.*

кисло-сладкое приветствие Чхеидзе [1], приехавшего встретить его от исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов. И опять в своей ответной речи Ильич употребил тот же, очевидно сильно огорошивший Чхеидзе, лозунг.

Выйдя на площадь, Владимир Ильич сел было в приготовленную для него легковую машину, но рабочие делегации, громко приветствовавшие его, потребовали, чтобы он вышел из машины и поднялся на броневик. Освещенный прожектором, броневик тронулся к дому Кшесинской [2], а Ильич, оборачиваясь то в одну, то в другую сторону, приветствовал окружавших его рабочих и солдат, освободивших Россию от самодержавия. «Да здравствует социалистическая революция!» — восклицал он. Медленно двигалась за броневиком рабочая толпа. Во главе ее шла заводская и районная вооруженная милиция, по краям рабочие образовали цепь из своих рядов.

Во дворце Кшесинской собрались партийные товарищи. Посыпались приветствия, но Владимир Ильич очень быстро перевел разговор на деловые темы. Он обратился к собравшимся с речью, в которой изложил свою точку зрения на ближайшие задачи, стоящие перед партией в связи с создавшимся положением. Он высказал те положения, которые были на следующий день изложены им на фракции Петроградского Совета рабочих депутатов и нашли свое выражение в его знаменитых Апрельских тезисах [3].

Они вызвали бешенство буржуазии, дикий вой меньшевиков и эсеров. «Запломбированный» вагон, проезд через Германию были широко использованы ими с целью оклеветать вождя партии В. И. Ленина, отвлечь от большевиков несознательные слои рабочих и солдат, находившихся в плену мелкобуржуазных иллюзий. Лишь меньшинство рабочих понимало тогда позицию Ленина, правильность которой была так блестяще подтверждена через несколько месяцев и обеспечила успех и победу Великой Октябрьской революции.

20 лет прошло со дня приезда Ленина из эмиграции в апреле 1917 г. Лозунг, брошенный им рабочим массам в этот знаменательный день, претворен в жизнь.

Ульянова М. И. О Ленине. 4-е изд. М., 1971, с. 67—72

---

[1] Н. С. Чхеидзе — один из лидеров меньшевиков, был председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, активно поддерживал буржуазное Временное правительство. *Ред.*

[2] Дом (дворец) балерины М. Ф. Кшесинской (Кронверкский проспект в Петрограде, ныне проспект М. Горького в Ленинграде) во время Февральской буржуазно-демократической революции был захвачен броневым дивизионом. В нем помещались Центральный и Петербургский комитеты РСДРП (б), правления некоторых профессиональных союзов, читальня и солдатский клуб. *Ред.*

[3] См.: *Ленин В. И.* О задачах пролетариата в данной революции.— Полн. собр. соч., т. 31, с. 113—118. *Ред.*

ИЗ ПИСЕМ К ЛЕНИНУ

Среди старых бумаг и рукописей, относящихся к первым годам революции, я наткнулась на пачку писем, адресованных частью непосредственно Владимиру Ильичу, частью в редакцию «Правды» или мне для передачи ему. Это были первые письма Владимиру Ильичу от трудящихся, главным образом с фронта от солдат, которые по статьям «Правды» впервые знакомились с речами Владимира Ильича, с мыслями и взглядами, представлявшими, как пишет один фронтовик, «резкий контраст со статьями других газет настоящего и дореволюционного времени». Эти взгляды встретили тогда, в первые месяцы Февральской революции, сочувствие громадного большинства измученных империалистической войной окопников, и в своих письмах они спешили выразить благодарность «дорогому заступнику, господину Ленину».

Но взгляды эти так для них новы и так много в них непонятного еще, что их надо хорошенько осмыслить и выяснить себе. И летят письма с вопросами: «Как же кончить войну?», с просьбой прислать «программу с разъяснениями» и пр. и т. д.

Буржуазные газеты и прислужники буржуазии, меньшевики и эсеры, стараются всячески очернить Ленина в глазах солдатских масс, изображая его немецким шпионом, врагом родины и пр. Но большинство солдат не верит этой клевете, чутьем понимает, чем она вызывается.

«Товарищи солдаты и рабочие,— пишет один матрос,— не верьте буржуазным газетам и ихним провокаторам, которые всеми силами стараются осквернить перед народом нашего борца за свободу и равенство. Подумайте, товарищи, сами и разберитесь, понравится ли им, чтобы у них, капиталистов, отняли последнюю надежду»...

В «отзыве благодарности господину Ленину», присланном группой солдат различных пехотных полков, мы читаем:

«Мы выводим из Ваших слов, сказанных в Вашей речи, видно, только Вы один имеете сочувствие к настоящей свободе и сочувствие об измученных солдатах. Господин Ленин, Ваши слова произнесенной Вашей речи вполне соответствуют правильности. Но хотя против Вас много говорят, но кто их слушает?»

Твердой уверенности у многих все же нет, надо выяснить все досконально. Характерно в этом отношении следующее письмо:

«Товарищу-гражданину, господину Ленину.

Товарищ Ленин! Как н миогие солдаты действующей армии, я постояиио слышу разговоры о Вас и Ваших действиях, как борца за свободу и истиииого друга пролетариата. Но в то же время солдат хотят уверить в том, что Вы — враг пролетариата, и подсовывают иам газеты, страиицы которых пестрят иападками против Вас. И постояиио жужжат иам в уши, что Вы — враг иарода н России и т. д. Но солдаты этому всему ие верят н сочувствуют Вам. И вот солдаты для того, чтобы выяснить иедоразумеиие, попросилн меия иаписать Вам письмо с просьбой сообщить им Ваше миение об аграриом вопросе и о положеиии дел на фроите, ииыми словами, как Вы думаете, что лучше: идти в иаступлеиие или ждать мира. Товарищ Леиии, от имеии товарищей прошу Вас нсполить мою просьбу».

Разъясиить действительио надо еще миого, потому что взгляды, проповедуемые Владнмиром Ильичем, с которыми солдаты на фроите знакомятся часто по кадетским газетам, далеко еще не ясны, путаницы миого.

«Мы ие отказываемся от войны, как говорит г-н Леиии,— пишет группа солдат,— мы ие хотим воткнуть штыки в землю, ио все-такн иужно стараться поскорее закоичить войиу по миеиию г-на Ленина. Извнияемся, господии Леиии, мы иарод, так сказать, малообразоваиный, потому иам боялось открыть глаза старое правнтельство, так что проснм Вас, пожалуйста, ие остаиавливайтесь ни перед чем, особеиио против этнх большевиков». К Лениич оии отиосятся с полиым сочувствием, верят ему, желают ему «всего хорошего, успеха Вам начатого дела, г-и Леиии», а вот «этн большевики» — другое дело, иедаром же так ругают их солдатам.

Но у иекоторых ии сомнеиий, ии колебаиий иет:

«Товарищ, друг Леиин. Помии, что мы, солдаты (такого-то полка), все, как одии, готовы идти за тобой всюду и что твоя идея есть действительио выражеиие воли крестьяи и рабочих».

«Честиое мое слово и вторгиувшихся в мое положение товарнщей монх,— пишет один окопник,— подписуемся на том положеиии, что оружия мы не бросим, хотя и домой пойдем и еще сильиее вооружимся». И прибавляет: «С подлиниым верио расписуюсь (такой-то)».

Правда, иаряду с письмами, полиыми солидарности, в иекоторых встречается н иедоверне.

«Товарнщ Леини,— пишет один приехавший с позицин солдат.— Вы везде проповедуете «Долой войиу», и Ваши последователи тоже проповедуют. Я много слышал про это, и когда спрошу, как коичнть войиу, то оии ие могут ответнть».

Некоторые письма полны возмущения «за виесеиие разлада и дезоргаиизации в ряды армин» и просто ругаии, ио их иемиого,

особенно искренних, приходящих действительно с фронта, а не от исконных врагов революции, пытающихся изобразить, что они пишут с передовых позиций.

Советская власть победила, война кончена, и письма к Владимиру Ильичу, число которых все более и более возрастает, касаются уже других тем. Так же много вопросов и просьб дать разъяснение, но уже по вопросам строительства, отношения к другим партиям, крестьянским делам, указания на различные непорядки и пр. и т. д. Во многих письмах речь идет и о различных делах: о помощи, об устройстве на работу и пр. Первое время Владимир Ильич делает попытку лично просматривать направляемые ему письма, но скоро вынужден от этого отказаться. Помню, как он рассказывал мне, что, взявшись за одно письмо в несколько страниц и узнав в конце концов, что все оно сводилось к просьбе достать для автора пишущую машинку, Владимир Ильич решительно отказался в дальнейшем от чтения такого рода писем, поручив особым товарищам при Управлении делами СНК просмотр писем, выполнение тех просьб, которые возможно выполнить, а также составление ответов.

Понятно, что все деловые письма партийных товарищей, лично знакомых Владимиру Ильичу, и т. п. шли непосредственно к Ильичу, о содержании многих других писем его осведомляли, и он давал указания, как надо ответить. Те же письма, в которых трудящиеся РСФСР слали Владимиру Ильичу свои приветствия, справлялись о его здоровье и т. п., передавались ему обыкновенно через меня. В старой связке писем, о которой я говорила в начале этой заметки, сохранилось несколько из таких писем.

Они говорят о глубокой любви, об исключительном уважении, которым пользовался Владимир Ильич среди широких трудящихся масс. Особенно велик был наплыв этих писем во время ранения и болезни Владимира Ильича, а также ко дню его 50-летия. Вот письмо сотрудника экспедиции Чрезвычайного комиссара по продовольствию:

«Посылаю свое сердечное пожелание, как вождю измученного многими годами пролетариата — товарищу Ленину за освобождение трудового пролетариата из-под власти тигра, державшего долгими годами в своих лапах, впустившего острые и долгие когти в тело рабочих и крестьян бедного класса. Проклятие поднявшим предательскую руку с покушением на жизнь как вождя революции. Честь и слава работникам пролетарской рабочей власти, стоящей во главе Всемирного рабочего и крестьянского пролетариата».

А к письму этому приписка такого содержания: «При сем посылаю, как болевшему от предательской руки с покушением на жизнь, товарищу Ленину 50 штук яиц».

Такие «приложения» бывали нередко и имели иногда трогательный характер. Раз солдат-крестьянин принес Владимиру Ильичу краюху хлеба — «а то, мол, может у него нет» — и попросил разрешения только минутку посидеть и посмотреть на Владимира Ильича. Когда Ильич поправлялся от ранений, один товарищ прислал ему из Сибири посылочку с домашним печеньем. «Покорнейше прошу Вас принять мой гостинец,— пишет он,— этот гостинец моя жена Ульяна Маркеловна своими руками приготовила. Покорнейше прошу Вас, дорогой друг, покушать деревенских сухарьков». Бывали и более крупные посылки, но Владимир Ильич их направлял обычно в больницы, детские дома и т. п.

Письма приходили не только от рабочих, но и от крестьян, из деревень. Вот одно из них:

«От граждан Лево-Ламской волости (Тамбовской губернии) села Правых Ламок. Мы осмеливаемся без разрешения Вашего поздравить Вас, т. е. Высокого вождя русского рабочего крестьянства Владимира Ильича Ульянова-Ленина, день Вашего рождения 23-го апреля сравнявшихся 52-летие. Мы громко за Ваше здоровье пропели 3-й Коммунистический Интернационал»... «Мы желаем Вам быть здравым навсегда и быть передовым вождем русского рабочего крестьянства. Мы готовы в любой секунд грянуть на помощь стеной Высокому вождю Владимиру Ильичу Ульянову-Ленину, если кто позволит против нашего вождя и рабочего класса сопротивляться... Мы извиняемся,— читаем мы дальше в письме,— и просим прощения, что побеспокоили Вас, а может быть, даже и обидели своим письмом, мы были бы рады если бы Вы нам хотя бы одну строчку написали, т. е. известили нас, что письмо наше Вы получили... Письмо писали все беспартийные, все малограмотные, если не так написано, то простите нас, мы хотя беспартийные, но сердца наши и дух наш коммунистический, мы поняли, что в данный момент, действительно, власть трудящихся».

Интересно было бы знать, где теперь автор этого письма, насколько вырос он политически за время, которое прошло с тех пор, как он писал это письмо, может быть, несет уже большую работу в нашем хозяйственном строительстве, стал не только «сердцем», но и формально членом нашей партии?

Помню, как просветлело лицо у Владимира Ильича, когда он читал это письмо.

Он наказал мне непременно напомнить ему ответить и действительно ответил.

«У нас крестьяне все понимают, что наш отец Ленин только может спасти Россию, если все мы будем к нему держаться и идти по его закону»,— читаем мы в другом письме из деревни, написанном в мае 1917 г.

«Вас и вообще всех идущих совместно с Вами,— значится в письме из глухого угла Вятской губернии,— зовут большевиками. Первоначально я не понимал, что такое большевики и меньшевики, ко многим обращался за разъяснением, но не мог получить разъяснения. Причиной тому, весьма возможно, было уклонение от правильного ответа или на самом деле непонимание партий. Без всякой, кажется, посторонней помощи я пришел к такому заключению, что партия социал-демократов имеет две программы: программу-минимум, с которой знаком, хотя в общих чертах. Но с программой-максимум, представителем или, скажу более, отцом этой программы, как я понимаю, являетесь вы, знаменитый, прогремевший на всю Россию, Ленин, я не знаком».

И дальше автор письма просит прислать ему «обстоятельную программу «максимум», чтобы иметь возможность выступать публично в защиту взглядов Ленина», «для прений с вашими, а также моими противниками».

Раз пришла открытка и от итальянских рабочих с приветом Ленину. «Рабочие Вероны желают на много лет счастья тебе и всему Советскому правительству»,— значилось там.

«Следя за сообщениями в печати,— читаем мы в одном письме,— о состоянии здоровья великого вождя пролетариата РСФСР Владимира Ильича Ульянова-Ленина, в случае неблагополучного исхода болезни которого русский пролетариат понесет великую утрату, осмеливаюсь от чистого пролетарского сердца предложить на рассмотрение Президиума ВЦИКа РСФСР одно малоизвестное медицинское средство, могущее, по моему глубокому убеждению, способствовать восстановлению здоровья великого учителя товарища Ленина и вновь вернуть его в ряды пролетариата для общей народной пользы».

А сколько авторов писем предлагали себя в качестве доноров для переливания своей крови больному Ильичу![1]

Ульянова М. И. О Ленине. 4-е изд. М., 1971, с. 73—78

---

[1] Далее в первой публикации следует текст: «Я привела здесь только несколько выдержек из многочисленных писем, адресованных Владимиру Ильичу в разные периоды его советской деятельности, только несколько штрихов из воспоминаний, как образец отношения к нему широких масс рабочих и крестьян» (Прожектор, 1930, № 3, с. 14). *Ред.*

ПОДПОЛЬЕ В «СВОБОДНОЙ» РОССИИ

ПОИСКИ ИЛЬИЧА В ПЕРВЫЕ ДНИ ИЮЛЯ 1917 г.

В ночь на 5 июля была разгромлена «Правда». Юнкера чуть не застали там Ильича, который всего за полчаса перед их набегом заезжал туда по какому-то редакционному делу. О разгроме мы не знали до следующего дня. Утром, когда мы только еще вставали, к нам пришел Я. М. Свердлов и, рассказав о происшедшем ночью, стал настаивать на необходимости для Ильича немедленно скрыться. Было совершенно очевидно, что разгромом редакции дело не ограничится и что Ильичу грозит опасность попасть в лапы юнкеров. Яков Михайлович накинул на брата свое непромокаемое пальто, и они тотчас же ушли из дому совершенно незамеченными. А мы стали готовиться к визиту непрошеных гостей, в котором нимало не сомневались. К таким ночами посещениям мы достаточно привыкли при царизме, но как странно, как оскорбительно было подвергаться обыску в «свободной» России!

Поздно вечером на нашей тихой, безлюдной улице (мы жили в конце Широкой улицы, Петроградской стороны) раздался грохот огромного грузовика, который остановился около нашего дома. «Это к нам, это они!» — воскликнула я. И действительно, подойдя к окнам, мы увидели, что грузовик остановился около дома, в котором мы жили, и солдаты уже направляются к подъезду. Мы из окон слышали их громкие голоса, слышали, как они переговаривались с дворником или швейцаром, а через несколько минут раздался звонок и громкий стук в дверь.

Мы открыли тотчас же, так как скрывать было нечего, и вся наша квартира наполнилась свирепой толпой юнкеров и солдат с ружьями в руках. Они едва предъявили нам ордер на обыск и уже принялись спешно за разыскивание того, за кем приехали. Помощник начальника контрразведки с двумя или тремя офицерами и солдатами направились в комнату, где жил Ильич, остальные заняли все другие комнаты.

Хотя мы и сказали, что Ильича в квартире нет, они принялись все же искать его всюду, где только можно было предположить, что может спрятаться человек: под кроватями, в шкафах, за занавесками окон и т. п. Потребовали ключи и, когда я открывала ту или иную корзину или сундук, набрасывались и прокалывали содержимое штыками. При этом, видимо, не соображали даже, что иной раз это была корзина таких размеров, в которой взрослому человеку никак не поместиться. После осмотра той или иной вещи

я опять запирала ее на ключ, но скоро убедилась, что это еще больше разжигает страсти. «Если запирает, тут-то он и есть»,— вероятно, думали они, и на корзину тотчас же налетали другие солдаты и снова заставляли отпирать ее, рылись, кололи штыками. Что лежало в корзине, их не интересовало, вещи они не осматривали: им надо было только убедиться, что там не спрятался тот «немецкий шпион», которого они пришли искать. Старший дворник сновал вместе с ними. Теперь язык у него развязался, и он не боялся уже говорить прямо. «Да если бы я знал раньше, я бы его такого-сякого собственными руками задушил!» — кричал он.

В комнате Владимира Ильича, где были помощник начальника контрразведки и двое-трое офицеров, обыскивавшие держались более сдержанно. Перерыв все и забрав часть бумаг, они делали все новые попытки что-нибудь выпытать от нас, а двое солдат сидели в это время у стола и перебирали некоторые письма Ильича. Там было немало писем с фронта от солдат, и большинство их было полно восторга и благодарности Владимиру Ильичу, который указывал им путь к окончанию проклятой войны. Я знала эти письма и, глядя теперь на читавших их солдат, видела на их лицах выражение удивления. Как! Немецкому шпиону, предателю интересов родины, которого они пришли арестовать как своего злейшего врага, их товарищи по оружию, солдаты, из окопов, пишут такие письма!

Один из офицеров тоже был точно в каком-то недоумении. Он все время засыпал нас вопросами, где Владимир Ильич жил раньше, что он делал, какие книги написал. «А нельзя ли эти его книги посмотреть?» — спросил он наконец. «Конечно, можно,— ответила я,— да не хотите ли их почитать?» «А можно их взять?» — спросил наивный офицер, но его товарищи стали делать ему знаки и шептать что-то, очевидно, что, мол, неудобно это, и сконфуженный офицерик умолк.

Выведать, где находится Владимир Ильич, офицерам, конечно, не удалось. Один из них особенно настойчиво допрашивал об этом Надежду Константиновну. «Ведь и по старым царским законам жена не обязана была выдавать своего мужа»,— прервала я его. Он умолк. Но все же ему удалось узнать, что незадолго перед тем Владимир Ильич был в Финляндии у Бонч-Бруевичей [1]. Это имело свои последствия.

Не найдя ничего, офицеры и солдаты удалились, уведя с собой Надежду Константиновну, М. Т. Елизарова, у которого кто-то

---

[1] Далее в рукописи следует: «Надежда Констаитиновна рассказала об этом, ие думая, что контрразведка пустится отыскивать Владимира Ильича там. Но это...» (далее по тексту). *Ред.*

нашел сходство с Владимиром Ильичем, и нашу прислугу. Последняя не сумела сказать, как зовут «барина», у которого она служит, и контрразведка заподозрила, что она что-то скрывает. Но их продержали недолго и отпустили в ту же ночь, после того как переусердствовавшие контрразведчики получили от своего начальства нагоняй за то, что привели не того, кого искали.

Прошло несколько дней. Был пятый час вечера. И опять наша улица наполнилась солдатами, и скоро они опять рыскали по квартире. На этот раз визит их, так как дело было днем, привлек большую толпу любопытных, которые окружили дом со всех сторон. Во главе отряда, пришедшего делать обыск, был молодой офицер. Он был и во время первого обыска, но тогда держался прилично. Теперь же, чувствуя себя старшим и будучи, вероятно, до последней степени обозлен, что поиски не приводят к желаемым результатам, он крайне резко напустился на нас, требуя указать, где Владимир Ильич. Контрразведке, мол, известно, что он приехал сюда. «Его здесь нет, поищите, и вы сами это увидите»,— отвечали ему. Он принялся за поиски, побежал и в кухню. Прислуга наша была довольно несообразительная крестьянка. Она что-то буркнула сердито в ответ на вопрос о том, не приезжал ли кто-нибудь в квартиру, и скоро после этого выбежала по черному ходу на лестницу. Как выяснилось позднее, она вспомнила как раз в это время, что надо купить что-то, и побежала в лавку. Ее очень быстро вернули, но верить, что она направлялась в лавочку, офицер никак не хотел. Он был убежден, что ее направили в какую-нибудь другую квартиру этого же дома предупредить Владимира Ильича, который, очевидно, успел скрыться еще раньше. Накричав на прислугу, но получив от нее довольно решительный отпор — «что вы, мол, ко мне привязались, не знаю я ничего»,— офицер заявил, что он будет вынужден обыскать весь дом. «А у вас есть разрешение на это?»— спросил его М. Т. Елизаров. Офицерик задумался на минуту и потом, признавая, очевидно, правильность указания, что без разрешения делать обыск во всем доме нельзя, побежал вниз звонить по телефону в контрразведку. В то же время он отдал распоряжение оцепить весь дом, не выпускать никого и обыскать прилегавший к дому пустырь. А на пустыре были свалены бревна, дрова и всякие обломки, и обшарить все это было дело нелегкое. Солдаты носились взад и вперед, приподымая прикладами бревна, спускались в подвальные помещения дома, заглядывали во все щели, но поиски их не увенчались никаким результатом. А офицерик безумствовал. Он ведь был в Финляндии на даче Бонч-Бруевича и получил там от кого-то сведения, что Ленин должен быть в Петрограде у себя на квартире.

Из контрразведки получилось разрешение произвести обыск лишь в одной квартире, расположенной этажом ниже, в которой

жил в то время товарищ Алексей (Пушас). Обыска там не производили, но осмотрели все комнаты, проверили документы у присутствовавших и убедились, что там Владимира Ильича нет.

Таким образом прошло несколько времени. В нашей квартире оставлены были двое солдат. Мы угощали их чаем с бутербродами и вели с ними разговоры. Бутерброды они ели охотно, жаловались, что вот, мол, землишки мало и война надоела, но к нашим словам относительно Владимира Ильича, кто он такой и за что борется, относились недоверчиво. Слишком крепко им вбили в голову, что это немецкий шпион, слишком поражал этих несознательных людей факт его проезда во время войны через Германию. А почему, мол, других не пускают, а его пропустили?

Во время обыска Надежда Константиновна, возвращавшаяся из Выборгского района, где она работала, подошла было уже совсем к дому, но, увидав, какой переполох там творится, повернула обратно.

И еще, в третий раз, навестила нас контрразведка. Мы жили тогда уже на другой квартире [1]. К Марку Тимофеевичу приехал племянник [2], которого в доме не знали. Кто-то нашел в нем сходство с Владимиром Ильичем, сообщил об этих своих предположениях куда следует — и снова ночной визит и переворачивание всей квартиры вверх дном. И опять без результата.

Но скоро он (В. И. Ленин.— *Ред.*) был переправлен из Петербурга сначала в Сестрорецк, а затем и дальше в Финляндию, и на душе стало спокойнее.

Ульянова М. И. О Ленине. 4-е изд. М., 1971, с. 79—83

---

[1] Все три обыска были в квартире на Широкой улице, д. 48 (ныне ул. Ленина, д. 52), кв. 24. *Ред.*

[2] Имеется в виду Петр Павлович Елизаров, племянник М. Т. Елизарова, агроном из Симбирской губернии. *Ред.*

ПЕРВОЕ ПОКУШЕНИЕ НА В. И. ЛЕНИНА

1 (14) января 1918 г., под вечер, Владимир Ильич выступал в Михайловском манеже перед первым отрядом социалистической армии, уезжавшим на фронт.

На митинг его сопровождали: швейцарский товарищ Платтен [1] и пишущая эти строки. Выйдя после митинга из манежа, мы сели в закрытый автомобиль и поехали в Смольный. Но не успели мы отъехать и нескольких десятков саженей, как сзади в кузов автомобиля как горох посыпались ружейные пули. «Стреляют»,— сказала я. Это подтвердил и Платтен, который первым долгом схватил голову Владимира Ильича (они сидели сзади) и отвел ее в сторону, но Ильич принялся уверять нас, что мы ошибаемся и что он не думает, чтобы это была стрельба. После выстрелов шофер ускорил ход, потом, завернув за угол, остановился и, открыв двери автомобиля, спросил: «Все живы?» «Разве в самом деле стреляли?» — спросил его Ильич. «А то как же! — ответил шофер.— Я думал — никого из вас уже и нет. Счастливо отделались. Если бы в шину попали, не уехать бы нам. Да и так ехать-то очень шибко нельзя было — туман, и то уже на риск ехали».

Все кругом было действительно бело от густого питерского тумана.

Доехав до Смольного, мы принялись обследовать машину. Оказалось, что кузов был продырявлен в нескольких местах пулями, некоторые из них пролетели навылет, пробив переднее стекло. Тут же мы обнаружили, что рука т. Платтена в крови. Пуля задела его, очевидно, когда он отводил голову Владимира Ильича, и содрала на пальце кожу.

«Да, счастливо отделались»,— говорили мы, поднимаясь по лестнице в кабинет Ильича.

Ульянова М. И. О Ленине. 4-е изд. М , 1971, с. 84—85

[1] Фридрих (Фрнц) Платтен (1883—1942) — швейцарский левый социал-демократ, затем коммунист. В 1917 г. он был организатором переезда В. И. Ленина из Швейцарии в Россию. В конце декабря 1917 г. Платтен приехал в Советскую Россию с последней группой русских эмигрантов в качестве сопровождающего группы. В 1919 г. принимал участие в организации Коминтерна, был членом Бюро Исполкома Коминтерна. В 1921—1923 гг. был секретарем Коммунистической партии Швейцарии, одним из организаторов которой он являлся. С 1923 г. Платтен возглавлял сельскохозяйственную коммуну швейцарских рабочих в Симбирской губернии. Затем работал в Международном аграрном институте и в Московском педагогическом институте иностранных языков. В марте 1938 г. по ложному обвинению Платтен был арестован и репрессирован. Умер в апреле 1942 г. Реабилитирован посмертно. *Ред.*

ПЕРЕЕЗД СЕМЬИ ЛЕНИНА В КРЕМЛЬ ИЗ ГОСТИНИЦЫ «НАЦИОНАЛЬ»[1]

Наконец удалось переехать в Кремль, но вначале опять-таки в Кавалерский корпус. Это было, конечно, значительно удобнее, чем в номерах гостиницы, но все же не так удобно и покойно, как при жизни в собственной отдельной квартире. В Кавалерском корпусе (в трех комнатах) мы прожили довольно долго[2]. И пожалуй, и здесь еще чувствовали себя до некоторой степени на бивуаках. У Ильича не было своей собственной комнаты, где он мог бы уединиться; приходилось иметь дело со старыми кремлевскими служащими, которые варили нам где-то обед, приносили чайник с кипятком и пр. ...[3]

Кунецкая Л. И., Маштакова К. А.
В Кремле жил и работал Ленин.
2-е изд., доп. и перераб.
М., 1980, с. 114—115

---

[1] Заголовок дан составителями. *Ред.*

[2] В Кавалерском корпусе В. И. Ленин и Н. К. Крупская жили в двухкомнатной квартире (№ 24), М. И. Ульянова — по соседству с ними (№ 26) с 19 по 28 марта 1918 г. *Ред.*

[3] На этом рукопись обрывается. *Ред.*

НА ОТДЫХЕ

В начале лета 1918 г., когда встал вопрос о том, где проводить дни отдыха, В. Д. Бонч-Бруевич предложил Владимиру Ильичу ездить к нему на дачу в Тарасовку. Там имелись две свободные комнатки во втором этаже дачки, находившейся рядом с домом, где жила семья Владимира Дмитриевича. Столоваться мы должны были у него.

В Институте Ленина сохранилась записка, написанная, очевидно, на каком-либо заседании,— Владимир Ильич обычно практиковал такой способ, не допуская никакого шума и переговоров на заседаниях,— следующего содержания:

1) Как дела на даче?
2) Можно поехать на следующее воскресенье?
3) Вдвоем или втроем?
4) Можно ли *там* заставить ждать авто?

Владимир Дмитриевич дал положительные ответы на эти вопросы, указав, что он уже отдал распоряжение об отправке постельного белья и пр.

«Картошку купил,— прибавлял он.— Молоко и творог великолепны, есть и другой продукт».

Итак, дело с дачей было на мази. Но побывали мы на ней не более двух-трех раз, несмотря на гостеприимство В. Д. Бонч-Бруевича. Дело в том, что Владимир Ильич любил отдыхать в полном уединении.

«Здесь отдых чудесный,— писал он матери из Стирсуддена (Финляндия), где он жил летом 1907 г.,— купанье, прогулки, безлюдье, безделье. Безлюдье и безделье для меня лучше всего»[1].

А в Тарасовке было довольно многолюдно. Правда, мы обыкновенно уходили с утра одни на прогулку в лес, забираясь возможно дальше, чтобы избежать встреч со знакомыми и неизбежных разговоров, от которых Владимир Ильич уставал и в городе. Но избежать этих встреч все же было нельзя — на обедах, во время чаепитий и т. п. И настоящего отдыха для Владимира Ильича не получалось. Но самым большим злом на даче в Тарасовке были комары, которых Владимир Ильич совершенно не переносил. Сеток в окнах не было, и они беспрепятственно наполняли комнатки нашего «монрепо» своим жужжанием. И раз, безуспешно пытаясь

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 238.

заснуть ночью, Владимир Ильич сбежал с дачи на рассвете в город, и с тех пор поездки в Тарасовку были оставлены.

Другой дачи не было, и, чтобы подышать свежим воздухом в свободный день, мы с тех пор взяли себе за правило выезжать хотя бы на несколько часов за город, забирая с собой вместо обеда бутерброды. Ездили в разных направлениях, но скоро излюбленным местом Владимира Ильича стал лесок на берегу Москвы-реки, около Барвихи. Мы выбирали уединенное место на горке, откуда открывался широкий вид на реку и окрестные поля, и проводили там время до вечера. Товарищ Гиль, шофер Владимира Ильича, со своим авто располагался поблизости — охраны у Владимира Ильича тогда не было. Местечко это мы хорошо изучили и знали уже, какой мостик на проселке, ведущем к нашему «монрепо», выдержит машину.

Знали, правда, после некоторого плачевного опыта: один маленький мостик пострадал при переезде через него тяжелой машины. Но Владимир Ильич попросил тотчас же остановиться и привести его, насколько это было возможно, в надлежащий порядок.

Раз на дороге нам встретился понтонный мост. Мы остановились около него в нерешительности, но бывший поблизости крестьянин уверил нас, что ехать по нему на машине нельзя, указав, что его давно не ремонтировали.

— Ведь теперь, извините за выражение, Советская власть,— прибавил он.

Дело было в начале Советской власти, когда население не убедилось еще, что рабочий класс способен строить новое, а видело лишь, что он способен разрушать старое.

Иногда к нашей машине, когда мы проезжали по деревне, со всех ног бежала стая белоголовых крестьянских ребятишек с просьбой покатать их. Владимир Ильич, который очень любил детей, просил Гиля остановиться, машина наполнялась до отказа шумной, ликующей толпой ребят. Проехав километр-полтора, ребята высаживались и с веселым криком бежали обратно по направлению к деревне.

Как ни примитивен был такого рода отдых — о другом в то время трудно было думать,— он оставлял у всех нас очень хорошее воспоминание, и мы возвращались домой освеженные и довольные.

Ульянова М. И. О Ленине.
4-е изд. М., 1971, с. 86—88

РАНЕНИЕ

Пятница 30 августа 1918 г. Утром получилось сообщение об убийстве в Петрограде тов. Урицкого. Настроение было тревожное.

В то время по пятницам на фабриках и заводах устраивались митинги, и Ильич обыкновенно выступал на них. Собирался он ехать в районы и в этот день. Я попросила т. Бухарина [1] заехать к нам обедать и помочь нам отговорить Ильича от выступлений в этот день. Ильич отшучивался и не давал определенного ответа: «Там, мол, посмотрю, как выйдет». Меня по случаю простуды засадили дома, и в редакцию я вечером не поехала. Около 5 часов Ильич пришел из своего кабинета уже в пальто и сказал мне, что все же поедет на митинг, и категорически отказался взять меня с собой. Проходит час, другой. С нетерпением караулю у окна возвращение знакомой машины. Вот наконец она несется как-то особенно быстро. Но что это? Шофер соскакивает и открывает дверцы. Этого никогда раньше не бывало. Ильича выводят из автомобиля какие-то незнакомые люди. Он без пальто и без пиджака, идет, опираясь на товарищей. Бегу вниз по лестнице и встречаю их уже поднимающимися наверх. Ильич очень бледен, но идет сам, поддерживаемый с двух сторон. Сзади наш шофер Гиль. На мой вопрос Ильич успокаивающе отвечает, что ранен, только в руку, легко; бегу отворять двери, приготовлять постель, куда через несколько минут Ильича и укладывают. Товарищи, привезшие Ильича, помогают. Это тов. Гончарова, работающая сейчас в агитотделе МК, тов. Полуторный и рабочий Иванов [2].

---

[1] Нниколай Иванович Бухарии (1888—1938) — члеи большевистской партии с 1906 г., крупный теоретик марксизма, экономист. После Октябрьской социалистической революции — редактор «Правды», член Политбюро ЦК, член Исполкома Коминтерна. В 1928 г. был избран в Академию наук СССР. Во время борьбы В. И. Ленина за Брестский мир стоял во главе «левых коммуиистов», но после революции в Германии прнзнал ошибочность позицин левых. В период культа личностн Сталина Н. И. Бухарин необосиованно привлекался к уголовиой ответственности по так называемому «антисоветскому правотроцкистскому блоку» и в марте 1938 г. осуждеи и расстрелян.

Постаиовлением пленума Верховного суда СССР от 4 февраля 1988 г. приговор Военной коллегии отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступлеиия. Доброе имя «любимца всей партии», как писал о Н. И. Бухарие В. И. Ленин в «Письме к съезду», полиостью восстановлено. *Ред.*

[2] Далее в рукописн следует: «...и один из рабочих завода б. Михельсона. Я ие знаю, к сожалеиию, его фамилии, а между тем он сделал немало, чтобы спасти жизнь Ильича. Сразу после ранеиия, ие теряя присутствия духа, ои пере-

Товарищ рабочий не теряется и тут.

— Скорее доктора, йоду, бинтов,— говорит он.

Кому звонить? Я соображаю, что в 8 часов должно быть заседание Совнаркома, на котором Ильич должен был председательствовать. Теперь уже около восьми. Товарищи, вероятно, собрались. Бегу в Совнарком и прошу скорее вызвать врачей: Ильич ранен. Тов. Винокуров, бывший там, бежит со мной: он ведь врач и может оказать первую помощь. Накладывает повязку. А в квартиру приходят все новые товарищи расспросить, узнать, что надо сделать. Звонит телефон — не сразу соображаем попросить кремлевских телефонисток не соединять. Несколько человек едут за врачами. Тут и шофер Гиль. Он наспех рассказывает, как было дело, а потом бежит звонить в аптеку, а также встретить и подготовить Надежду Константиновну, которая вот-вот должна вернуться. Но она и без подготовки догадывается, в чем дело, и спрашивает только: «Жив?»

Мало-помалу порядок несколько восстанавливается. Приезжают и другие врачи, и из них одной из первых — тов. Величкина-Бруевич, которая вместе с другими дежурила около Ильича все первое трудное время. Вот Вейсброд, Обух, Минц, позднее Розанов, Мамонов. Они серьезны, бледны. На наши вопросы дают неопределенные ответы — случай серьезный, ничего пока нельзя сказать, но организм сильный. Тяжелая ночь. Ильич лежит и слабо стонет. Он бледен, ни кровинки в лице. Но когда в комнате появляюсь я или Надежда Константиновна, он старается бодриться; ему неприятно, что мы беспокоимся. И мы стараемся не показываться ему. А ближайшие товарищи из ЦК — Свердлов, Зиновьев и др.— расположились на ночь на креслах в кабинете Ильича, готовые по первому зову вскочить и прийти на помощь. Появляются санитары, приготовляют все нужное для вливания физиологического раствора. Вейсброд остается на ночь. Он укладывается на кушетке в проходной комнате. Но его поднимают чуть ли не ежеминутно. Кажется, что, если он не спит, а сидит или ходит тут, око-

---

тянул Ильичу руку веревкой около плеча, благодаря чему удалось избежать большой потери крови. Этого товарища уже нет в живых, если не ошибаюсь, в 20-м году он умер от сыпного тифа. Но его фамилию надо узнать, надо расспросить его близких и товарищей о нем и записать их рассказы».

Вскоре после опубликования воспоминаний «Ранение» в «Правде» было напечатано следующее «Письмо в редакцию»:

«Спешу исправить ошибку, допущенную мной в моих «Отрывках из воспоминаний» («Правда» от 30 августа с. г.). Товарищ рабочий, о котором я писала там и который привез раненого Ильича на квартиру, к счастью, оказывается жив. На заводе имени Владимира Ильича (б. Михельсона) мне дали неверные сведения. Тов. Полуторный — так его фамилия — был действительно болен сыпным тифом в 1920 г., но выздоровел и перешел на работу в Мосторг, где в настоящее время и работает... *М. Ульянова*» (Правда, 1925, 12 сентября). *Ред.*

ло нас, дело пойдет лучше. А наутро Ильич уже свежее, чуть-чуть улыбается, протягивает руку.

Улучшение продолжается медленно, постепенно. Первая опасность миновала. Но может быть еще заражение. Надо подождать четвертого, пятого дня. А потом, как трудно удержать Ильича в постели! Как он внушает в отсутствие врачей, что не надо уж очень-то их слушать, что надо подобрать газеты за время его болезни. Все — чтобы ни одного номера не пропало. Дать их ему или прочесть вслух.

Первое время врачи, сестра и санитар дежурят круглые сутки. Но дело все больше идет на улучшение. Ильичу позволяют садиться. Скоро он решает, что уже достаточно силен, и начинает понемногу ходить. И лишь тотчас приехавшие врачи, припугнувшие его, что с сердцем может быть плохо, несколько сдерживают его путешествия. Сдерживает несколько и сломанная рука. Наконец и ходить можно. Можно ехать и в Горки на окончательную поправку. Ильич протестует; но Вейсброду удается все же настоять, что он поедет проводить его туда. Машина трогается. Но вот на дворе ее останавливает издали тов. Свердлов. «Последнее напутственное слово»,— говорю я. Все смеются. Еще несколько минут — и мы за городом на лоне природы. А через час и в Горках, где поправка идет быстро.

В марте 1923 г. за несколько часов до потери Ильичем речи мы сидели у его постели и перебирали минувшее. «В 1917 г.,— говорит Ильич,— я отдохнул в шалаше у Сестрорецка благодаря белогвардейским прапорщикам; в 1918 г.— по милости выстрела Каплан. А вот потом — случая такого не было...»

Случая не было, и напряженная работа сломила его.

Ульянова М. И. О Ленине.
4-е изд. М., 1971, с. 89—91

НАПАДЕНИЕ БАНДИТОВ

Зимой 1918/19 г. разруха давала себя знать во всех областях: застой в промышленности, недостаток продуктов и топлива, полутемные, почти не освещаемые улицы города, заколоченные магазины, снежные сугробы на улицах, сильно затруднявшие передвижение, и, как одно из следствий этой разрухи, воровство, грабежи, бандитизм, побороть которые было не так просто. Нередки бывали случаи, когда бандиты отнимали у кого-нибудь автомобиль, чтобы потом на нем совершать налеты на различные учреждения и частные квартиры, причем иной раз они выдавали себя за агентов ЧК, приехавших произвести обыски.

Поэтому постовые милиционеры нередко останавливали автомобили и требовали у пассажиров предъявления пропусков. Было два или три случая, когда милиционеры останавливали и автомобиль Владимира Ильича. Раз это было, когда мы проезжали по Триумфальной-Садовой. С нами вместе ехали, кажется, т. Илья Цивцивадзе и еще кто-то из товарищей. Шофер не заметил знака милиционера и не остановил машину сразу по его требованию. Недолго думая (время было беспокойное), милиционер выстрелил, впрочем, кажется в воздух. Помню, что Владимир Ильич выговаривал милиционеру, что нельзя, мол, так сразу палить, не выяснив, кто едет, а тот смущенно оправдывался, что время такое, что некогда выяснять и если его требование остановить машину и предъявить пропуск сразу не исполняется, то ему ничего другого не остается, как пускать в ход оружие.

В другой раз милиционеры открыли стрельбу, когда Владимир Ильич после подавления восстания левых эсеров ехал осматривать дом, где находился их штаб. Был и еще случай, когда автомобиль Владимира Ильича навлек на себя подозрение усердных охранителей московских улиц и был под охраной препровожден в отделение милиции. С вооруженными милиционерами на подножках автомобиля подкатили мы к милиции, нас высадили, провели в отделение, где Владимир Ильич с улыбкой показал свой пропуск и был отпущен. Задержавшие Владимира Ильича товарищи были немало смущены этим случаем, но Владимир Ильич просто и ласково успокоил их.

Но, несмотря на все меры борьбы с бандитизмом, случаи нападения на пешеходов и проезжих, грабежи и убийства происходили

довольно часто. Жертвой одного из бандитских набегов стал в начале 1919 г. и Владимир Ильич.

Незадолго перед этим Надежда Константиновна, болезнь которой (базедова болезнь и болезнь сердца) значительно обострилась, была помещена по совету врачей в лесную школу в Сокольниках. Там ей была предоставлена во втором этаже отдельная комнатка, и персонал, обслуживавший школу, проявил к Надежде Константиновне много внимания и заботливости. Врачи надеялись, что хороший воздух, отстранение от работы и покой окажут на ее здоровье хорошее действие. Выбор пал на эту лесную школу и потому, что она была недалеко от Москвы, благодаря чему Владимир Ильич мог часто навещать Надежду Константиновну.

Итак, Надежда Константиновна была переселена в Сокольники, а мы с Владимиром Ильичем довольно часто навещали ее, отправляясь туда обычно по вечерам на автомобиле. Кроме шофера нас сопровождал в этих поездках товарищ Чебанов, состоявший в охране Владимира Ильича. Отправились мы в Сокольники и в воскресенье 19 января. В школе, при которой жила Надежда Константиновна, должен был состояться в этот вечер детский праздник и елка, и нас просили приехать к определенному сроку, чтобы принять участие в празднике, об устройстве которого, чтобы позабавить детишек, немало хлопотал В. Д. Бонч-Бруевич.

Поехали мы, помнится, около шести часов вечера. По случаю праздничного дня на улицах было довольно много народу. Много гуляющих было и на Сокольническом шоссе, по которому мы направлялись в Сокольники. На одном из поворотов вдали вдруг раздался свист, на который Владимир Ильич обратил внимание. Мы продолжали, однако, путь, не придав этому особого значения. Но когда мы были почти у железнодорожного моста, раздался вдруг крик: «Стой!» Кричали несколько человек, которые стояли у самой дороги.

Думая, что мы имеем дело с милиционерами, которые хотят проверить наши документы, и опасаясь, что, если не остановить сразу машину, можно подвергнуться опять обстрелу со стороны милиции, мы попросили шофера остановиться. Машина остановилась. Но каково же было наше изумление, когда остановившие наш автомобиль люди (помнится, их было трое) моментально высадили нас всех из автомобиля и, не удовлетворившись пропуском, который показал им Владимир Ильич, стали обыскивать его карманы, приставив к его вискам дула револьверов, забрали браунинг и кремлевский пропуск.

— Моя фамилия Ленин,— сказал им Владимир Ильич.

Но они не обратили на это внимания. Не понимая, что происходит и с кем мы имеем дело — формы у милиции тогда еще не было,— я бросилась к одному из остановивших нас, который про-

должал держать дуло револьвера у виска Владимира Ильича. Это был высокий блондин в короткой теплой куртке, с серой меховой папахой на голове, с очень спокойным и невозмутимым лицом.

— Что вы делаете,— сказала я ему,— ведь это же товарищ Ленин! Вы-то кто? Покажите ваши мандаты.

— Уголовным никаких мандатов не надо,— спокойно ответил он мне с усмешкой.

Бандиты вскочили в автомобиль, направили на нас револьверы (особенно энергично действовал один из них, черный, с довольно-таки разбойничьей физиономией) и пустились во весь опор по направлению к Сокольникам.

Надо отдать им справедливость, что вся эта операция была проделана так артистически ловко и необыкновенно быстро, что даже не обратила на себя внимания прохожих. Думаю, что бандиты поняли, что перед ними Ленин, потому что на лице одного из них было заметно какое-то замешательство, когда он посмотрел пропуск Владимира Ильича. Они почувствовали, вероятно, что попали в серьезную историю и что вся Москва (как и произошло на самом деле) будет поставлена на ноги для их поимки. Но рассуждать было уже поздно, и они, повторяю, во весь опор пустились наутек. А мы остались на дороге, не сразу придя в себя от неожиданности и от быстроты, с которой вся эта история произошла, а потом громко расхохотались, увидав, что товарищ Чебанов стоит с бидоном молока (мы везли молоко Надежде Константиновне). Несмотря на трагичность положения, он не забыл вынуть этот бидон и теперь держал его в руке, как большую драгоценность. Посыпались рассказы, как все произошло, у кого отобрали револьвер (у меня он остался в кармане, так как на меня вообще бандиты не обратили внимания, шофер Гиль спрятал свой револьвер под подушку сиденья). Товарищ Гиль заявил, что он не решился стрелять, так как это привело бы лишь к выстрелам со стороны бандитов, и в этом он был, конечно, прав. Не мог стрелять и товарищ Чебанов, видя, что на Владимира Ильича наведены револьверы.

Но что же делать? Мы были на дороге около железнодорожного моста. Кто-то из прохожих указал нам, где помещается Сокольнический Совет, и мы отправились туда, не переставая подтрунивать над Чебановым и его бидоном. В Совете, куда нас не сразу согласились пустить, было довольно пусто; там был, кажется, только один товарищ, отнесшийся к нам сначала с некоторым недоверием. Его попросили вызвать председателя Совета, а сами тем временем стали звонить по телефону. Вызвали машину для себя, сообщили о происшедшем в ВЧК и, кажется, лично Дзержинскому. Пришел и председатель Совета или его заместитель. Покачивая головой, Владимир Ильич сказал ему, что это, мол, уже ни на что не похоже, что у самого Совета грабят на улице людей, и спро-

сил, часто ли это у них случается. Председатель ответил, что случается довольно часто, что они борются с бандитизмом, насколько могут, но это мало помогает. Владимир Ильич опять покачал головой и сказал, что терпеть такого безобразия нельзя и надо поэнергичнее взяться за борьбу с бандитизмом. Тем временем подошла машина, и скоро мы катили уже по направлению к лесной школе на елку. К елке мы, правда, опоздали, но на вечере ребят все же присутствовали, хотя настроение у нас (у меня особенно) было для этого не особенно подходящее.

Между тем в ВЧК и уголовном розыске происшествие это вызвало переполох, все было поставлено на ноги, и в тот же вечер автомобиль наш был найден в противоположной части города — на набережной около Крымского моста. Благодаря обилию снега на улицах он застрял там в сугробе, бандиты разбежались, а около автомобиля, как рассказывал товарищ Гиль, поехавший на розыски его, лежали убитые милиционер и красноармеец. Как выяснилось потом, в Москве были в этот вечер убиты бандитами 22 постовых милиционера.

Бандиты, совершившие налет на автомобиль Владимира Ильича, были арестованы (часть из них была расстреляна при вооруженном сопротивлении) лишь через довольно продолжительное время. Это оказались матерые бандиты, мастера своего дела, имевшие за собой «богатое» прошлое по части грабежей и убийств. Кто-то из них рассказывал потом на допросе, что они якобы не поняли сначала «спьяна», что имеют дело с Лениным (им показалось, что была произнесена фамилия Левин) и что когда они рассмотрели хорошенько его документ, то повернули обратно, чтобы его убить. «Что мы сделали,— говорил якобы один из главарей этой шайки, Яков Кошельков,— ведь это ехал Ленин; если мы догоним и убьем его, то на нас не подумают, а подумают на контрреволюционеров, и может быть переворот».

Но едва ли они решились бы ехать обратно на поиски Ленина. Задачей их было в первую голову замести следы, а затем использовать автомобиль для налетов, что бандиты нередко тогда практиковали.

На следствии выяснилось, что эта шайка совершила огромное количество грабежей и убийств. Наглость их доходила до того, что с документами агентов МЧК они произвели однажды «обыск» на Афинерном заводе. «Обыск» этот происходил в присутствии большого количества рабочих; бандиты вызвали даже представителей заводского комитета для присутствия на нем, а в результате забрали около 3 фунтов золота в слитках, около $3^1/_2$ фунта платиновой проволоки и 25 000 рублей и скрылись. На этом же следствии выяснилось, что главарь этой шайки Яков Кошельков писал своей невесте (сохраняем орфографию письма): «За мной охотятся,

как за зверем, не какого не пощадят. Что же они хотят от меня? Я дал жизнь Ленину». И как ни ловок он был, но чувствовал, что от ареста ему не уйти, и убивал последнее время на улице каждого встречного, если ему казалось только, что тот подозрительно на него смотрит.

Позднее в своей книжке «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Владимир Ильич использовал случай с нападением на него бандита.

«Представьте себе,— пишет он там,— что ваш автомобиль остановили вооруженные бандиты. Вы даете им деньги, паспорт, револьвер, автомобиль. Вы получаете избавление от приятного соседства с бандитами. Компромисс налицо, несомненно. «Do ut des» («даю» тебе деньги, оружие, автомобиль, «чтобы ты дал» мне возможность уйти подобру-поздорову). Но трудно найти не сошедшего с ума человека, который объявил бы подобный компромисс «принципиально недопустимым» или объявил лицо, заключившее такой компромисс, соучастником бандитов (хотя бандиты, сев на автомобиль, могли использовать его и оружие для новых разбоев). Наш компромисс с бандитами германского империализма был подобен такому компромиссу»[1].

На этот раз Владимир Ильич дешево отделался от бандитов. «Компромисс» помог. А в Москве через несколько дней после нападения на его автомобиль было введено военное положение, борьба с бандитизмом значительно усилилась, и город пришел вскоре в более спокойное состояние.

Ульянова М. И. О Ленине.
4-е изд. М., 1971, с. 92—98

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 19.

ВСТРЕЧА НА ПРОГУЛКЕ

На охоте бывали весьма интересные встречи. Владимир Ильич одевался очень просто. При мне так бывало: идем, встречается какой-нибудь крестьянин или крестьянка. Владимир Ильич всегда пользовался случаем, чтобы расспросить их о разных мероприятиях Советской власти или просто поговорить. Бывало так, что какая-нибудь тетенька или старичок не знают его в лицо и начнут ругать Советскую власть и Ленина ему в глаза почем зря.

Помню, в 1918 г., чтобы немного отдохнуть в праздничные дни, мы брали с собой бутерброды и уезжали на машине за город. Чаще всего в Барвиху. Расположимся там и отдыхаем. Любили отыскивать новые пути. Едем раз, вдруг плашкоутный мост, неизвестно, можно по нему проехать на машине или нельзя. Остановились, решаем: выдержит или не выдержит? Стоит какой-то крестьянин.

Спрашиваем: «Как, проехать можно?»

«Да, нет, извините,— говорит,— за выражение, теперь Советская власть, давно не чинили».

И конечно, не чинили. А какой же тут ремонт, когда кругом фронты? Не до ремонта было.

Приедем в деревню — бегут ребята: «Прокати, прокати!» Владимир Ильич насажает полную машину ребятишек, и они с торжеством едут до другой деревни. Вообще детей он очень любил. Своих у него не было, но с племянниками, воспитанниками Анны Ильиничны, в свое время кутерьму поднимал необычайную. За границей приходили к нему маленькие приятели. Он с ними беседовал, играл.

Пионер, 1936, № 1, с. 25

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ

В своих коротких воспоминаниях о Владимире Ильиче я остановлюсь на некоторых чертах Владимира Ильича, наиболее характерных для него, как для человека и революционера.

Но прежде всего несколько слов о том, что способствовало у него выработке именно этих черт.

Помимо больших способностей, исключительной одаренности, которыми Владимир Ильич обладал от рождения, у него в детские и юношеские годы были очень благоприятные условия для развития.

Отец и мать наши были люди культурные и идейные, самый пример которых влиял развивающим и гуманизирующим образом. Отец, мещанин по происхождению, выбрался в люди (как тогда говорили) или получил среднее и высшее образование главным образом благодаря своему упорству и большой трудоспособности. Стипендии он не получал, хотя считался у педагогов «даровитым мальчиком», этому мешало его мещанское происхождение, ибо дети людей из податного сословия были лишены тогда стипендии; стипендии давались только детям чиновников и дворян. Работа по народному образованию была его любимым делом, делом всей его жизни, которому он отдавался с огромной энергией, беззаветной преданностью, не щадя своих сил. Одухотворенный лучшими идеями 60-х и начала 70-х гг., он пошел работать для простого народа, для тех, кому труднее всего было добиться образования, что он знал по собственному опыту, пошел организовывать школы для детей вчерашних рабов. Это было трудное дело в то время. Отсутствие средств, всякие препоны, которые правительство ставило делу народного образования, темнота и невежество крестьян, которые боялись школ, относились к ним с недоверием, ибо не видели в них никакого толка, кроме лишних поборов и лишения семьи работников, настолько плохи были тогда школы. Метко писал об этом времени Щедрин, что «и просвещение, и продовольствие, и народная нравственность, и холера, и сибирская язва, и оспа — в одной горсти было». Надо было много сил и настойчивости, чтобы преодолевать эти препятствия, сохранить душу живую, веру в свое дело, несмотря ни на что. Надо было колесить по губернии и в метели, и в осеннюю и весеннюю слякоть и распутицу, обследуя школы, распинаясь на мирских сходах крестьян, следя за постройкой новых училищ, настаивая на ассигновании средств на

школы у земств и т. п. И усилия его давали результаты, недоверие крестьян к школам уменьшалось, под его руководством воспитывались новые идейные учителя, которые вместо битья и бессмысленной зубрежки несли в деревню свои знания, горя тем же огнем, что их руководитель, готовностью отдать свои силы на благо народное. И время работы отца в Симбирской губернии так и осталось в памяти его современников, как «ульяновское» время, а учителя, выпестованные им, назывались «ульяновцами». Пример отца, вечно занятого, всегда горящего на работе, был очень велик, но, помимо того, он и детям уделял очень много внимания, отдавал им весь свой досуг. Он старался и им привить чувство долга, которое было у него так сильно, выработать у них характер и трудоспособность. Он следил за их занятиями, развивал их вкус к лучшим произведениям тогдашних писателей, принимал участие в их играх и прогулках и пользовался их большой любовью. Большой демократ по натуре, доступный всем, очень простой в обхождении и в своих потребностях, он и тут влиял на детей благотворным образом. Большое влияние на воспитание детей в нашей семье имела и мать. Это был недюжинный человек, очень одаренный, обладавший кроме того, большим педагогическим тактом, большой силой воли и горячим мужественным сердцем. Не прибегая почти к строгости и наказаниям, не стесняя без нужды свободы детей, она имела на них огромное влияние, пользовалась их неограниченным уважением и любовью.

Кроме родителей большое влияние оказывал на Владимира Ильича старший брат — Александр Ильич, тоже очень способный, сильный юноша, с большим характером, огромной трудоспособностью (14—16 часов в день), очень высоким нравственным обликом. Владимир Ильич очень любил старшего брата, во всем следовал его примеру, читал те книги, которые хвалил ему Александр, и пр. Гибель этого брата — он погиб на виселице за покушение на Александра III — глубоко поразила Владимира Ильича. И тогда-то стала складываться, вероятно, у Владимира Ильича одна из его наиболее характерных черт, которая отличает всю его жизнь, всю его деятельность во все ее этапы. Этой чертой была *целеустремленность*. Поставив себе еще юношей цель жизни — революционную работу, он неуклонно шел к ней и ни разу в жизни не изменил этой цели, не отошел от нее ни на шаг. Помните, что он писал как-то, что *надо торопиться жить, чтобы все силы отдать революции*. Характерен в этом отношении и отзыв, который дал о Владимире Ильиче его заклятый враг, меньшевик Дан на Копенгагенском конгрессе в 1910 г. На этом конгрессе резко выявились все раздражение и вся злоба представителей различных течений в русской секции конгресса против Владимира Ильича. Он был страшно одинок, но не хотел сделать ни шагу по пути соглашения

со своими противниками, выступавшими довольно сплоченным фронтом. И это особенно выводило их из себя. «Один против всех, ни на что не похоже...» «Он губит партию...» «Какое счастье было бы для партии, если бы он куда-нибудь исчез, испарился, умер...» Вот какие фразы раздавались на заседаниях русской секции во время дебатов с Владимиром Ильичем.

И когда одна старая партийка [1] автору этих словечек Дану сказала: «Как же это так выходит, что один человек может погубить всю партию и что все они бессильны против одного и должны призывать смерть в сообщницы?» — он со злобой и раздражением ответил буквально следующее: «Да потому, что нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию. Подите-ка справьтесь с ним».

Дело было, конечно, не только в том, что был один человек, который все силы отдавал революционной работе, а в том, что его линия была правильной и за ним шли рабочие массы. Но как бы ни как, отзыв этот очень характерен для Владимира Ильича, для его целеустремленности.

Еще парочка штрихов. Когда Владимир Ильич был уже болен и врачи старались всячески ограничить его работу, а мы пытались убедить его в необходимости меньше работать, он как-то на мои уговоры сказал мне: «У меня ничего другого нет». *«Ничего другого нет»,* и это была сущая правда. Он был весь в революции, в революционной работе и без этой работы чувствовал себя, как рыба, выброшенная на берег. И еще позднее, когда Ильич не мог уже вставать, врачи, видя его тяжелое состояние духа, решили сделать ему некоторое послабление и предложили свидания с товарищами, но с условием, чтобы он не говорил с ними о политике. Но Владимир Ильич наотрез отказался. «Какие чудаки,— говорил он нам, когда врачи ушли,— они думают, что политические деятели, встретившись после долгой разлуки, могут говорить о чем-либо другом, кроме политики»[2]. И еще позднее, когда он захотел диктовать свои записки, свои последние статьи и врачи было воспротивились этому, Владимир Ильич заявил, что, если ему откажут в этом, он вообще не будет лечиться.

---

[1] Зинаида Павловна Невзорова-Кржижановская (1870—1948) — жена Г. М. Кржижановского, профессиональный революционер. Революционную деятельность начала с 90-х гг. Принимала участие в работе петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В июне 1896 г. была арестована. Отбывала ссылку вместе с Г. М. Кржижановским в Сибири. З. П. Кржижановская была близкой подругой Н. К. Крупской, хорошо знала всю семью Ульяновых. *Ред.*

[2] В варианте рукописи М. И. Ульянова пишет: «В 22-м году летом Владимиру Ильичу была запрещена всякая работа. «Если нельзя заниматься политикой,— сказал он,— буду заниматься сельским хозяйством». Много тут было планов в Гор-

Гибель старшего брата дала, несомненно, большой толчок Владимиру Ильичу в смысле его стремления заняться революционной работой. Но как ни любил и ни уважал он Александра Ильича, он рано понял, что не таким путем надо идти, что индивидуальным террором не достигнуть цели, что благодаря ему лучшие представители революционеров лишь отрываются от масс, от влияния на эти массы. Но глубокое уважение к народовольцам за их героизм и самоотвержение он сохранил на всю жизнь, он впитывал в себя их опыт, их революционную закалку и уже позднее, живя за границей, говорил, что нам надо учиться у Халтурина, народовольцев. Но путь их, повторяю, был не его путем. Он рано понял, что «идеи становятся силой, когда они овладевают массами»[1]. Но он понимал также, что, для того чтобы идти к массам и звать их за собой, надо быть самому хорошо подкованным теоретически. И он упорно работал над своим самообразованием, работал систематически, по определенному плану. Он позднее писал как-то брату, который сидел в это время в тюрьме, что читать просто мало толку, надо выбрать один какой-нибудь вопрос и заниматься им систематически. Такой была его работа всегда. Он в совершенстве усвоил революционную сущность учения Маркса, он пропитал этим учением всю свою революционную практику. Задачу революционных марксистов он видел в том, чтобы не только объяснить мир, но его переделать.

Помню, с какой иронией рассказывал Владимир Ильич позднее о своем разговоре с одним из «легальных марксистов» в Петербурге о том, какую, мол, деятельность считать важнее — легальную или нелегальную. Для «легального марксиста»-профессора такой деятельностью была его легальная литературная деятельность, для Владимира Ильича и тени сомнения не было, что на первый план выдвигается нелегальная, подпольная работа.

Упорная теоретическая работа не делала Владимира Ильича сухим книжным человеком. Ту страсть, которую он вкладывал в

ках, где он в это время жил, разговоров о выписке семян из Америки, всем он советовал читать книгу «Обновленная земля». Но это увлечение продолжалось недолго. Здоровье стало улучшаться, он получил возможность читать и писать и к октябрю уехал в Москву на работу. Увы, это улучшение было слишком кратковременным, и скоро он снова выбыл из строя. Но и когда он лежал парализованный, хотя и владел еще речью, он последним мощным усилием дал, может быть, лучшее из всего, что он писал во всю свою жизнь,— свое политическое завещание, о котором говорил Бухарин в своем выступлении 21 января [1925 г.], он диктовал эти статьи стенографистке, потом заставлял прочитывать ее написанное и исправлял. Врачи не сразу разрешили ему эту работу, но скоро им пришлось уступить, так как Владимир Ильич категорически заявил, что, если ему не будет разрешена эта работа хотя бы в течение получаса в день, он отказывается от всякого лечения». *Ред.*

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 332.

работу, ои вкладывал в отдых, прогулки и пр. Ои любил жизнь во всех ее проявлениях, любил людей. Болел душой за их страдания, за иесправедливость по отиошеиию к ним.

Прав был Горький, который писал, что ои ие встречал, ие зиает человека, «который с такой глубииой и силой, как Леиии, чувствовал бы ненависть, отвращеиие и презреиие к иесчастиям, горю, страдаиию людей»[1].

И поэтому-то столько страсти виосил Владимир Ильич в свою работу, проявлял в ней такой горячий темпераметт. Когда Владимир Ильич был еще юношей и его арестовали в первый раз за студеические волиения, пристав сказал, обращаясь к нему: «И чего вы бунтуете, молодой человек, ведь перед вами стеиа». «Стеиа, да гнилая, ткии и рассыплется»,— ответил ему Владимир Ильич.

Живя в казанской, самарской, а потом в сибирской деревие, Владимир Ильич присматривался к жизии крестьяи, изучал ее и был хорошо с ней зиаком. В то же время в казаиский и самарский период своей жизии Владимир Ильич вошел в сиошеиия с революциоииой молодежью, которой читал рефераты. Некоторые из иих потом составили его первые произведеиия, и в том числе одио из иаиболее замечательиых его произведеиий — «Что такое «друзья народа»...». Несколько лет провел Владимир Ильич за этой теоретической работой, ио скоро его потяиуло из Самары в более живой промышлеииый центр, ои почувствовал себя в Самаре, как в палате № 6 Чехова, как говорил ои сестре [2]. И ои уехал в Петербург, чтобы принять непосредствеииое участие в революциоиим движеиии, войти в сношеиие с рабочими массами, вести среди них пропаганду и агитацию.

Это было осенью 1893 г. И с тех пор Владимир Ильич весь в революциоиной борьбе, куда бы ии забрасывала его судьба. Ои заводит связи с рабочими, воюет с «легальиыми марксистами» и народниками на собраниях и в печати, едет за границу, чтобы связаться с группой «Освобождеиие труда», и привозит оттуда транспорт иелегальной литературы. И, попав в тюрьму, ои не оставляет революциоииой работы. Помимо работы иад киигой «Развитие капитализма в России», которая имела крупиейшее зиачеиие для победы марксистской идеологии в России, он пишет в тюрьме проект программы партии, пишет иелегальиые листки для рабочих, которые передает на волю, и они издаются «Союзом борьбы за освобождеиие рабочего класса». Сколько изобретательиости виосит тут Владимир Ильич, чтобы надуть жаидармов. И, попав в

[1] Воспомннання о Владнмнре Ильнче Ленине: В 5 т. 3-е нзд. М., 1984, т. 2, с. 251.

[2] Имеется в вннду повесть А. П. Чехова «Палата № 6» (см. об этом «Воспомннания об Ильнче» А. И. Ульяновой-Елнзаровой в кн.: Воспоминания о Владнмире Ильнче Леннне: В 5 т. 3-е нзд. М., 1984, т. 1, с. 34. *Ред.*

ссылку в глухое сибирское село, за четыре с лишним тысячи верст от культурных центров, он продолжает революционную работу. Не только его легальные произведения были направлены к продвижению идей марксизма, к борьбе с народниками и «легальными марксистами», он пишет в ссылке и нелегальные произведения: брошюру «Задачи русских социал-демократов», статьи для партийного органа «Рабочая газета», редактором которой он избирается заочно на I съезде партии. Так велик в то время был уже его авторитет в партии. Он пишет там и свое знаменитое «Антикредо»[1] против «экономистов», бернштейнианцев под русским соусом, проводит его на собрании близких товарищей, списывается по поводу него и с другими ссыльными.

Товарищи, близко наблюдавшие Владимира Ильича в ссылке, поражались, с каким упорством и энергией он работал и там. Целеустремленность была и здесь его основной чертой. А между тем скольких губила «проклятая тина ссыльной жизни». Мартов, который отбывал ссылку в Туруханском округе, написал тогда стихотворение об этом. Один куплет звучал так: «Там, в России, люди очень пылки, там к лицу геройский наш наряд, но со многих годы долгой ссылки живо позолоту соскоблят. И глядишь, плетется доблестный герой в виде мокрой курицы домой». Но под конец ссылки и Владимир Ильич стал выходить из равновесия: он боялся, как бы не надбавили срока, что иногда бывало, он полон был планов о дальнейшей работе, о постановке партийного органа, около которого, как леса около здания, создавалась бы партия, и он боялся новой отсрочки. Но срока ему не надбавили, и он получил возможность вернуться в Россию. Он списывается и сговаривается с товарищами, организует «псковское совещание»[2], едет в Питер, чтобы повидаться с товарищами, и лишь случайно отделывается там трехнедельным арестом [3].

Отношение к людям, сближение с ними тоже определяется у Владимира Ильича его основной идеей — революционной борьбой, интересами дела. «Без прений, споров и борьбы мнений никакое движение, в том числе и рабочее движение, невозможно»[4],— писал Владимир Ильич. И в эти споры, как ни резок, как ни непримирим бывал Владимир Ильич к своим противникам, он не вносил

---

[1] Имеется в виду написанный В. И. Лениным «Протест российских социал-демократов» (см.: Полн. собр. соч., т. 4, с. 163—176). *Ред.*

[2] Имеется в виду совещание революционных марксистов с «легальными марксистами» (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановским) в конце марта — начале апреля 1900 г. по вопросу о содействии последних изданию газеты «Искра» и журнала «Заря». На этом совещании обсуждался написанный В. И. Лениным «Проект заявления редакции «Искры» и «Зари». *Ред.*

[3] В. И. Ленин был в заключении с 21 по 31 мая (с 3 по 13 июня) 1900 г. *Ред.*

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 166.

ничего личного. В этом была его сила. Если посмотреть письма Владимира Ильича к товарищам, опубликованные и неопубликованные, то видно, как иной раз он за ту или иную ошибку или неверную линию ругает того или иного товарища почем зря, кажется, места сухого не остается. А там, глядишь, ошибка исправлена, линия выправлена, и идет опять дружная работа, и у товарищей нет ни обиды, ни неприязни, как будто бы ничего и не было. Интересы дела были на первом плане. Конечно, если дело шло не о скоропреходящей ошибке, а о глубоком принципиальном расхождении, Владимир Ильич относился иначе. Он рвал тогда с человеком, как бы близок он ни был ему раньше (Плеханов, Мартов). Редко к кому Владимир Ильич относился с бо́льшим уважением, редко кого он больше любил, чем Плеханова, мало к кому он питал такую нежную симпатию, как к Мартову,— но интересы дела были на первом плане. Но такого рода расхождения, всякого рода расколы давались Владимиру Ильичу необычайно тяжело. После II съезда и его раскола он опасно заболел.

Он принимал меры для того, чтобы снова и снова перетащить на свою сторону Плеханова, Мартова, ибо это было в интересах революции.

Другой основной, наиболее характерной чертой Владимира Ильича было его *отношение к массам*...

У Владимира Ильича было какое-то особенное чутье масс, тяготение к ним, постоянная тесная связь. Изучать эти массы Владимир Ильич начал, как я говорила, еще будучи юношей. Он знакомился с крестьянской массой, когда жил в казанской, самарской деревнях, а позднее в Сибири. И в Питере, когда он вел работу среди рабочих, у него был совсем особенный подход к ним. Владимир Ильич интересовался каждой мелочью, рисовавшей быт, жизнь рабочих, по отдельным черточкам старался охватить жизнь рабочего в целом, найти то, за что можно ухватиться, чтобы лучше подойти к рабочему с революционной пропагандой. Увязка теории и практики — вот что было особенностью работы Владимира Ильича в кружках. И когда он говорил с рабочими или писал для них, он старался всегда говорить и писать так, чтобы рабочие его понимали. Когда члены группы «Освобождение труда» получили брошюру Ленина «Объяснение закона о штрафах...» и написали ему свой хвалебный отзыв о ней, Владимир Ильич отвечал им, что отзывы Плеханова и Аксельрода о его литературных попытках (для рабочих) его «чрезвычайно ободрили. Я ничего так не желал бы,— писал он,— ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих»[1]. Кларе Цеткин Владимир Ильич

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 12.

сказал как-то, что во время его речи он все время думает о рабочих и крестьянах как о своих слушателях. «Я хотел, чтобы они меня поняли. Где бы ни говорил коммунист, он должен думать о массах, он должен говорить для них»[1]. За границей, в эмиграции, Владимир Ильич страшно тяготился отрывом от масс. В своих письмах к товарищам этого периода он постоянно просит товарищей, работающих в России, давать рабочим больше писать в заграничный орган [2], писать не только для печати, а для того, чтобы оторванные от этих масс заграничные работники-литераторы не теряли связи с этими массами, чтобы они знали их запросы, их жизнь и борьбу от них самих. Он просит в этих письмах «...давать хоть иногда и прямые картинки бесед с рабочими (о чем говорят в кружке? какие жалобы? недоумения, запросы? темы бесед? и проч. и проч.)»[3]. А когда за границу приезжал кто-нибудь из местных работников, особенно из рабочих, Владимир Ильич буквально впивался в него, стараясь рядом наводящих вопросов разузнать о настроениях рабочих в России, и почерпал из таких расспросов очень многое. Безгранична была его вера в рабочие массы, в их творческие силы.

Огромные возможности в смысле непосредственного влияния на массы дала Владимиру Ильичу революция. Между Владимиром Ильичем и революционными массами установилось настолько близкое единство, что отделить их друг от друга было невозможно. Владимир Ильич был лабораторией революционной мысли для миллионов восставших рабочих и крестьян, он был гениальной головой, для которой были понятны как самые интимные мысли рабочих и крестьян, так и самые высокие вершины научных знаний. В разрешение каждой очередной проблемы Владимир Ильич уходил с головой, проверяя каждый шаг на опыте и личными разговорами с отдельными, часто рядовыми работниками. Особенное значение он придавал объяснению каждой меры широким народным массам и тому, как тот или другой закон или распоряжение правительства воспринимается рядовыми рабочими и крестьянами. По его предложению А. Д. Цюрупа, который был тогда наркомом продовольствия, вызвал к себе несколько рядовых крестьян поговорить с ними «по душам» и узнать без прикрас думы и чаяния крестьянских масс.

Сам Владимир Ильич постоянно беседовал со всеми приезжавшими к нему рабочими и крестьянами. Им к нему был доступ вне всякой очереди. «Чем велик Ленин?» — задает в своих воспоми-

---

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. 3-е изд. М., 1984, т. 5, с. 31.

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 107.

[3] Там же, т. 46, с. 254.

наниях вопрос крестьянин Чернов, не раз бывавший у Ленина. «А вот чем. Он не меня, конечно, слушал как персону необыкновенную, *а через меня он слушал все крестьянство, и через меня он учел всю сложность обстановки на низах*»[1].

Я привела вам здесь, товарищи, только несколько примеров для иллюстрации того, как проявлялись у Владимира Ильича те наиболее характерные его черты, о которых я говорила в начале моего слова. Этих примеров можно было бы привести, конечно, гораздо больше, вы найдете их в том огромном литературном наследии Ленина, которое надо изучать и штудировать и которое еще на долгие годы будет путеводителем в нашей работе и борьбе. И дело тут, понятно, не в отдельных цитатах, а в том, чтобы понять и усвоить, проводить в жизнь суть, дух учения Ленина.

Ульянова М. И. О Ленине. 4-е изд. М., 1971, с. 99—109

---

[1] Воспомииаиия о Владимире Ильиче Леииие: В 5 т. 3-е изд. М., 1984, т. 4, с. 308.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА [1]

Характерными чертами Владимира Ильича были большая аккуратность, пунктуальность, четкость, прекрасное выполнение взятой им на себя работы. Он органически не мог относиться поверхностно, кое-как к любому, хотя бы к самому незначительному, делу. Всякая его работа, начиная с юношеских лет, носила на себе отпечаток большой продуманности, четкого ее выполнения, всестороннего изучения вопроса. Это касалось не только содержания, но и формы, стиля и прочего.

Будучи крайне требовательным к себе, он требовал и от других хорошего, добросовестного, культурного выполнения задания. Ничто не выводило его так из себя, как разгильдяйство, халатность, бесцельная суетня и трескотня. Он бичевал эти черты обломовщины с присущим ему сарказмом, указывая, что главная трудность для социализма состоит в дисциплине труда.

За внедрение этой дисциплины предстояло долго и упорно бороться. Обеспечение ее обусловливалось наличием ряда предпосылок материального и культурного порядка, которых не было налицо в первые годы Советской власти, в то время, когда мы начали, как говорил Владимир Ильич, строить социализм с участием тех людей, которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены.

И понятно, что тогда особенно часто приходилось встречаться с плохой, неряшливой, кое-как сделанной работой, с плохим качеством продукции.

В узком кругу Владимир Ильич называл обычно такую работу «советской работой».

Расползается ли по швам новый костюм, торчат ли гвозди там, где им совсем не надлежит быть, не заклеиваются ли конверты, несмотря на все прилагаемые к тому усилия, скрипит ли и трещит паркет так, что вскакивают ночью и с недоумением стараются понять, что произошло,— «советская работа», говорит со вздохом Ильич.

[1] Воспоминания написаны в 1937 г. для газеты «Экономическая жизнь», публикуются с сокращениями. *Ред.*

Однажды Владимир Ильич выразил желание иметь у себя в кабинете большую накатанную на палку передвижную карту РСФСР, чтобы можно было видеть в большом масштабе любой ее уголок. Однако он очень сомневался, что такую карту смогут сделать как следует в Советской России. Но товарищи постарались, и карта вышла довольно удовлетворительной. Владимир Ильич был доволен, однако его скептицизм относительно качеств русского работника сказался и тут.

— Неужели у нас, в Советской России, сумели так хорошо сделать? — спросил он...

Печатается по тексту газеты «Экономическая жизнь», 1937, 22 января, сверенному с рукописью и дополненному

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ

Вторую годовщину [1] переживаем мы со дня смерти Владимира Ильича Ленина. Уже второй год приходится трудящимся СССР строить новое общество, где не будет бедных и богатых, где не будет угнетения одного класса другим, без своего признанного вождя и учителя.

Невольно вспоминается вся его жизнь.

Долгие годы пришлось Владимиру Ильичу провести в эмиграции за границей, в чужих странах, потому что царское правительство преследовало его в России и не давало вести ту революционную работу, которой он посвятил всю свою жизнь с раннего юношества.

Но и будучи оторванным от непосредственного общения с широкими рабочими и крестьянскими массами, он умел всегда правильно подмечать их настроения и запросы. Живя за тысячу верст от России, он поддерживал всегда самую деятельную переписку с работавшими в России товарищами, настаивал всегда, чтобы в нелегальную газету «Искра», издававшуюся тогда за границей, 25-летие которой мы справляем в этом году, писало как можно больше рабочих.

«Давайте пошире возможность рабочим писать в нашу газету, писать обо всем решительно, писать как можно больше о будничной своей жизни, интересах и работе»[2].

Интересовался он и жизнью и нуждами крестьянства, но связи с деревней тогда, в царские времена, были слабее и революционная работа поставлена хуже, чем в городах, на заводах.

Но, помимо переписки, он искал всегда случая порасспросить о настроениях трудовых масс в России всех приезжавших за границу товарищей. Приезд свежего человека, связанного с революционной работой в России, был для Владимира Ильича всегда праздником, и никто не умел так много узнать от приезжих о подлинной жизни в России, как тов. Ленин.

Когда в апреле 1917 г., после Февральской революции, Владимир Ильич приехал в Россию, он получил наконец возможность постоянного общения с трудящимися. В редакции «Правды» в Петрограде, где он тогда работал, он часами беседовал с предста-

---

[1] Воспоминания написаны в 1926 г. *Ред.*

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 107.

вителями фабрик и заводов, с солдатами, приезжавшими с фронтов.

Он прислушивался к разговорам в трамваях, заводил разговоры с «простыми» людьми на прогулках, он не пропускал ни малейшего случая общения с ними, ибо он понимал, что для партии, которая ставит своей задачей освобождение всех трудящихся, необходимо хорошо знать повседневную жизнь этих трудящихся, их нужды и запросы.

И позднее, когда Владимир Ильич стоял во главе громадного государства и был занят с утра до поздней ночи важной работой на пользу всей страны, он также охотно и подолгу беседовал с делегациями от рабочих и крестьян, приезжавшими к нему, стараясь никому из них не отказать, распоряжаясь пропускать их к себе в первую очередь.

В редкие дни, когда ему удавалось уехать на отдых в Горки, он беседовал там с местными крестьянами и крестьянками, расспрашивая их об их жизни, помогая им всем, чем только мог.

Бывали случаи, что, гуляя где-нибудь в лесу около Горок или отправляясь на охоту за несколько десятков верст от Москвы, он заводил разговоры с встречавшимися ему крестьянами, расспрашивал их о том, как они относятся к тем или иным мероприятиям Советской власти, как работают у них Советы и пр. и т. д.

Эти разговоры давали ему возможность лично проверять, насколько правильны эти мероприятия, какие изменения нужно в них внести.

После покушения на Владимира Ильича товарищи охраняли его и противились, когда он один ходил по улицам Москвы, боясь за него, но эта охрана сильно тяготила его, и он нередко незаметно скрывался от нее, чтобы походить по улицам, поближе посмотреть на жизнь.

Чуткому, внимательному отношению к трудящимся и их нуждам учил Владимир Ильич и работавших с ним товарищей.

Владимира Ильича нет теперь с нами, но он оставил в наследство нам выпестованную им Коммунистическую партию, которая неуклонно выполняет его заветы.

Под руководством этой партии все большее и большее число рабочих и работниц, крестьян и крестьянок берется за общественную работу, за налаживание нашей промышленности и сельского хозяйства, за улучшение работы Советов, учебы и тому подобное.

Все более широкие массы начинают понимать, что дело Коммунистической партии — их дело и что нужны дружные усилия всех трудящихся, чтобы добиться лучшей доли. Недаром Владимир Ильич говорил, что «социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»[1].

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 57.

В этой общественной работе все большее и большее участие принимают и трудящиеся женщины — работницы и крестьянки. Им труднее это, чем мужчинам. Домашнее хозяйство, ребятишки — все это ведь на их руках. Но и они все сознательнее становятся, и они все больше начинают понимать, что прав был товарищ Ленин, когда говорил, что освобождение трудящихся женщин есть дело самих этих женщин.

Товарищи крестьянки! Помните этот завет тов. Ленина и принимайте шире участие в общественной работе. Никто не сможет большего сделать для улучшения вашей жизни, чем вы сами!

Ульянова М. И. О Ленине.
4-е изд. М., 1971, с. 110—112

ИЗ ДОКЛАДА В «ТИМИРЯЗЕВКЕ» В ЯНВАРЕ 1925 г.

Я остановлюсь здесь на некоторых чертах, особенно характерных для Владимира Ильича.

Основной из них была целеустремленность, подчинение всего себя, всей своей деятельности одной определенной цели.

Он знал, *что идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами.*

Но прежде чем идти к массам, он решил подковать себя в теоретическом отношении.

«...«Читать» вообще — мало проку»,— писал он младшему брату [1], когда тот сидел в тюрьме. Владимир Ильич работал систематически, штудировал книги, делал выписки.

Он умел работать, не теряя попусту время. Характерно, например, что перед поездкой в Сибирь, в ссылку (ему разрешили ехать на свой счет и остановиться в Москве на несколько дней для свидания с матерью), он и эти немногие дни использовал для посещения Румянцевской библиотеки и просмотра нужных ему для работы книг.

Много работал он в библиотеках и за границей. Отчасти это вызывалось неимением средств, которые у Владимира Ильича были всегда очень ограниченны, а главным образом тем, что в библиотеках он имел возможность работать спокойно, в более благоприятных условиях. Его не отрывали там визитеры и пр.

Но Владимир Ильич в то же время любил жизнь во всех ее проявлениях. Любимым его отдыхом были прогулки. Он старался отыскивать новые красивые места, по преимуществу более безлюдные, ездил на далекие прогулки на велосипеде, и это давало ему настоящий отдых от умственной работы, от трепки нервов, которой так много было в обстановке эмигрантской жизни, с ее дроблением на группы, течения и пр.

За исключением кратковременных поездок на отдых в деревню (за границей), во время которых он, конечно, тоже не порывал с политической работой, я не знаю ни одного месяца, больше того, ни одного дня, когда бы он не жил жизнью партии, не болел ее неудачами, не радовался ее успехам.

И когда Владимир Ильич заболел и врачи настаивали, чтобы он больше давал себе отдыха, и я напоминала ему об этом, видя, что он плохо исполняет их указания, Владимир Ильич говорил мне: «У меня ничего другого нет».

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 92 (в письме, адресованном матери, М. А. Ульяновой, говорится о младшем брате, Д. И. Ульянове). *Ред.*

Позднее, когда Владимир Ильич был уже прикован к постели, врачи, видя, что моральное состояние его очень тяжелое, предложили ему повидаться с кем-либо из товарищей, с условием, однако, не говорить о политике. Владимир Ильич наотрез отказался. «Чудаки,— говорил он нам, когда врачи ушли.— Они представляют себе, что политические деятели, встретившись после долгой разлуки, могут говорить о чем-либо другом, кроме политики».

Владимир Ильич жил революционной работой и всякие неудачи в ней переживал необычайно тяжело. Надо перечитать его письма к Шляпникову и Коллонтай в эпоху империалистической войны, чтобы понять весь его гнев, боль и возмущение шовинизмом, охватившим даже лучших представителей революционной интеллигенции. Он стремился хоть немного разорвать эту завесу, открыть рабочим глаза. А возможности для этого были так незначительны, связь с Россией так слаба. Своих немногих корреспондентов он забрасывает письмами, подталкивает, настаивает.

Так, т. Коллонтай он пишет 19/III 1916 г.:

«Пожалуйста, похлопочите, узнайте, добейтесь, обругайте, заставьте, присмотрите!» [1]

Стремление добиться исполнения, проверить выполнение проявляется Владимиром Ильичем и в дальнейшем, когда он становится во главе победившей республики Советов.

Другой отличительной чертой Владимира Ильича была его способность общаться с массами, узнавать постоянно их интересы и запросы, проверять мероприятия Советской власти и партии путем этого общения.

Еще лишь приступая к революционной деятельности, он ходил в Петербурге даже в трактиры, где имел возможность прислушиваться к разговорам рабочих, узнавать у них условия их жизни, их требования.

Такого же рода общение поддерживал он и в ссылке, где у него на почве юридических советов установилась связь с местным крестьянством.

За границей, живя долгие годы в эмиграции, Владимир Ильич буквально обсасывал со всех сторон всякого свежего, попадавшего за рубеж человека. Особенно любил он беседовать с рабочими, непосредственно сталкивавшимися с массами [2].

Ульянова М. И. О Ленине. 4-е изд. М., 1971, с. 113—115

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 201.

[2] Далее в рукописи: «Такой же интерес он проявил вначале к Гапону, который, прибыв за границу, выразил желание повидаться с Владимиром Ильичем. Брат проводил с ним долгие часы, расспрашивая о движении питерских рабочих, выясняя себе и физиономию этого «деятеля», так позорно затем кончившего свою карьеру». *Ред.*

ВОЖДЬ, ТОВАРИЩ, ЧЕЛОВЕК

Через несколько дней исполнится четыре года [1] со дня смерти Владимира Ильича. То, чему он учил нас при своей жизни, его богатое литературное наследство становится год от года достоянием все большего количества пролетариев не только в СССР, но и далеко за его пределами. Это вполне понятно. Все большее количество трудящихся всех стран, самим ходом истории, на своей жизни, на своей борьбе убеждаются в правильности того пути, которым он учил идти и по которому он привел к победе над эксплуататорами, к возможности строительства социализма рабочими и трудящимися крестьянами нашей страны. И чтобы не свернуть с этого пути, чтобы на всех этапах борьбы применять правильную ленинскую тактику, которая одна только наиболее безболезненно и быстро может привести к победе, пролетарские коммунистические партии всех стран, все сознательные пролетарии учатся на его Сочинениях, проверяют себя и свои методы борьбы на его богатом революционном опыте. И все возрастает спрос на его Сочинения, и на все большее количество иностранных языков их переводят.

Никогда так много не читали Ленина при его жизни. Тогда он был с нами. Он сам руководил борьбой, определял линию партии и Коминтерна, давал сам указания на всех этапах революции. Во всех трудных случаях можно было обратиться непосредственно к нему и получить у него советы и указания. Не то теперь. Да и, помимо того, великие, гениальные люди только после своей смерти вырастают для своих современников, своих потомков во весь свой гигантский рост; после их смерти вполне и целиком оценивают оставшиеся в живых все их значение. Таким человеком был Владимир Ильич.

Но он велик не только своим учением, не только как вождь мировой пролетарской революции, он велик и как человек, в лучшем смысле этого слова; его должны знать все трудящиеся, чтобы на его примере учиться вырабатывать из себя настоящих коммунистов, у которых слово не расходится с делом, которые завоевывают авторитет и доверие всей своей жизнью.

Владимир Ильич принадлежал к тем немногим людям, которые, поставив себе раз и навсегда одну определенную цель в жизни, неуклонно идут к ней, не сворачивая с избранного пути, не смущаясь никакими трудностями и опасностями. Их дело становится

[1] Написано в 1928 г. *Ред.*

для них высшей целью и интересом. Таким делом была для Владимира Ильича его революционная работа.

Еще юношей, только что покинув школьную скамью, он с необыкновенным упорством и настойчивостью берется за книгу, чтобы подготовить себя к этой революционной работе. Та же настойчивость проявлялась у него всегда — как в подпольные времена, так и после завоевания Советской власти.

Период империалистической войны был одним из наиболее тяжелых периодов для революционеров, находившихся в эмиграции, за границей. Связи с Россией были крайне затруднены, денег не было, работу было вести трудно; многие эмигранты шли на фронт защищать «свое отечество». Мало было людей, кто выступал открыто против войны, за интернационализм. И по письмам, которые сохранились с того времени, мы видим, с каким упорством и настойчивостью Владимир Ильич боролся против империалистической войны, с какой неослабной энергией вел он агитацию, старался восстановить связи с Россией и пр. И, давая то или иное задание, он стремился к тому, чтобы оно было выполнено срочно, без промедления. Так, в одном письме к т. Коллонтай он пишет: «Пожалуйста, похлопочите, узнайте, добейтесь, обругайте, заставьте, присмотрите!» [1] Сколько в одних этих словах настойчивости, упорства, желания во что бы то ни стало добиться результатов.

Когда Владимир Ильич был уже тяжело болен и не покидал постели, врачи, чтобы несколько развлечь его, предложили ему повидать кого-нибудь из близких товарищей, но с условием не говорить с ними о политике, боясь, что такой разговор взволнует больного. Владимир Ильич наотрез отказался от такого свидания и, когда врачи ушли, с усмешкой говорил: вот, мол, чудаки; они думают, что политические деятели могут говорить между собою о чем-либо другом, кроме политики.

Но, отдавая жизнь революционной борьбе, Владимир Ильич не был ригористом, сухим человеком. Он любил жизнь во всех ее проявлениях, любил людей, был чуток и внимателен к ним, бывал заразительно весел и остроумен в обществе. С детьми он становился точно сам ребенком, бегал и играл с ними, возбуждая их горячую привязанность к себе. Лучшим его отдыхом были прогулки. Природу он страстно любил и быстро знакомился обыкновенно со всеми красивыми уголками той местности, где ему приходилось жить. И, бродя где-нибудь с ружьем по лесам, он всегда пользовался случаем при встрече с крестьянином или крестьянкой поговорить с ними о их житье-бытье, расспросить их о том, как идет их хозяйство, о их нуждах и пр. Такие встречи он использовал для большего общения с массами.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 201.

Владимир Ильич был очень заботлив к товарищам, и, встречаясь с ними, он наряду с разговорами о делах никогда не забывал справиться о том, как товарищ живет, отдыхал ли он, не нуждается ли в чем-либо. И потом поручал их врачам, с просьбой осмотреть такого-то, заботился, чтобы нуждающимся товарищам помогли и комнатой, и одеждой и пр. Он находил время для этого, несмотря на перегруженность работой.

К себе Владимир Ильич был необычайно строг и от других требовал точного выполнения взятых на себя обязанностей, строго взыскивая за всякие упущения. Но в то же время он умел бывать и снисходительным к ошибкам товарищей, если их ошибки и промахи вызывались не злой их волей или нерадением, а особым несчастным стечением обстоятельств. И тогда потерпевший товарищ находил всегда поддержку Ильича и защиту от требовавших более суровых кар по отношению к виновному. Сколько раз, бывало, совершишь какую-нибудь ошибку (а кто застрахован от них?), кажется, что уже все на свете пропало, лучше уж не показываться на глаза Ильичу; его ведь особенно стыдно видеть в такие минуты. А он придет сам, и вместо строгости и недовольства видишь милую улыбку и желание успокоить и утешить. И при виде этого новые силы находишь в себе и от ошибок исправляешься лучше, чем при применении строгостей и взысканий,— лучше потому, что такой метод не вызывает озлобления, не приводит к подавленности человека, который и сам сознает свою ошибку.

В краткой заметке не опишешь образа Ильича. Для этого потребуется много томов, участие в собирании материалов о нем всех знавших его, подробная его биография. И тогда трудящиеся всех стран не только будут изучать его Сочинения, будут знать его не только как вождя, но и просто как доброго, отзывчивого, прекрасного человека и товарища.

Ульянова М. И. О Ленине.
4-е изд. М., 1971, с. 116—119

АККУРАТНОСТЬ, ПУНКТУАЛЬНОСТЬ, ЧЕТКОСТЬ

Одной из отличительных черт Владимира Ильича была большая аккуратность, пунктуальность, четкость во всякой взятой им на себя работе. Он органически не мог отнестись поверхностно, кое-как, нашармака к любому, хотя бы и незначительному, делу.

Эта черта была присуща Владимиру Ильичу с юных лет. Еще в гимназические годы он с необыкновенной тщательностью выполнял все школьные задания. Это относилось главным образом к письменным работам, так как при богатых способностях Ильича и прекрасной памяти устные задания усваивались им обычно на уроке, во время объяснения учителя, и дома ему оставалось лишь слегка проглядеть их по книге или восстановить в памяти по записям. Зато тщательность подготовки письменных работ тогда еще буквально била в глаза и очень импонировала нам, меньшим.

Дмитрий Ильич рассказывает, как ему, мальчику 12—13 лет, нравилось следить за тем, как Владимир Ильич пишет сочинения [1], за которые он принимался сразу, как только объявлялась тема и назначался для написания срок, обычно двухнедельный. Тут же он составлял план сочинения, просматривал нужную литературу, делая выписки, которые могли ему пригодиться для сочинения. Черновик сочинения набрасывался Владимиром Ильичем на одной стороне согнутого вдоль листа. «Постепенно, день за днем, правые полосы листа первоначального черновика испещрялись целым рядом пометок, поправок, ссылок и т. д.». Времени было достаточно, и можно было не спеша, основательно разработать тему. Недаром сочинения Владимира Ильича отличались всегда продуманностью, логичностью, богатым использованием материала и получали высшую оценку со стороны учителя словесности, который нередко ставил Владимиру Ильичу за сочинения не просто пять, а пять с плюсом.

Составленная им табличка спряжения неправильных французских глаголов наглядно показывает, как тщательно Владимир Ильич подходил к каждой работе, если даже она делалась им для себя, а не для того, чтобы подать преподавателю по его заданию.

Аккуратность и четкость в выполнении этой, казалось бы, незначительной таблички давала Ильичу возможность легче уло-

---

[1] См.: *Ульянов Д. И.* Как работал Леиин в молодые годы.— В ки.: Воспоминаиия о Владимнре Ильиче Лениие: В 5 т. 3-е изд. М., 1984, т. 1, с. 87—88. *Ред.*

жить ее в памяти, проще отыскать нужную форму при справках.

Мне нередко приходилось прибегать к помощи Владимира Ильича во время приготовления уроков в низших классах гимназии. И ярко осталось в памяти его неодобрение всякой наспех, кое-как сделанной работы. Приходилось переделывать, ибо это неодобрение Ильича было хуже всякого наказания.

Составление плана при писании статьи или книги сделалось привычкой Владимира Ильича. Опубликованные в Ленинских сборниках и Сочинениях Ленина материалы показывают, что и к своим устным докладам, которые он делал обычно без записей, он составлял всегда предварительно план. Мы знали обычно по его настроению и углубленности в себя, что Ильич обдумывает какую-либо работу или доклад. Он бывал в такие моменты неразговорчив, а иногда приговаривал что-то себе сквозь зубы — «шипел», как выражалась Надежда Константиновна, и мы старались не отвлекать его ничем посторонним.

Тщательное, всестороннее изучение предмета, выписки, пометки, просмотр целой груды литературы по тому или иному интересовавшему Владимира Ильича вопросу давали ему возможность выступать во всеоружии, быть подкованным в нем, что называется, на все четыре ноги. Недаром он считал, что «читать» вообще — мало проку» [1].

Строгое требование тщательной, добросовестной работы, которое Владимир Ильич предъявлял прежде всего к себе самому, он предъявлял и к другим. В этом ему помогала проверка исполнения, в которой он наряду с подбором кадров видел гвоздь вопроса [2].

С какой горячей настойчивостью добивался Владимир Ильич выполнения данных им поручений, видно хотя бы из следующей фразы его письма т. Коллонтай: «Пожалуйста, похлопочите, узнайте, добейтесь, обругайте, заставьте, присмотрите!»[3].

Известно, что им же было введено обыкновение требовать расписки на конверте. Но Владимир Ильич не довольствовался этим, а еще запрашивал сам или поручал запросить секретаря по телефону, получено ли письмо, что предпринято по нему, требуя сплошь и рядом донесения ежедневно по ряду важных поручений, сводки об исполнении. Таким путем он приучал аппарат как Управления делами и секретариата Совнаркома, так и других учреждений к аккуратности и исполнительности.

Указанной выше привычке к размеренному труду, аккуратности и пунктуальности Владимир Ильич остался верен до последних дней своей жизни. Уже будучи тяжело больным, лишенным речи,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 92.
[2] См. там же, т. 45, с. 16.
[3] Там же, т. 49, с. 201.

он требовал, чтобы в строго определенное время велись с ним занятия по восстановлению речи, которые проводили врач и Надежда Константиновна. Это относилось и к просмотру газеты, которую Владимиру Ильичу в то время приносили после обеда, когда он отдыхал в своем кресле, и к чтению вслух и пр. и т. д.

Своей прочно установившейся привычке он не изменял и тогда, когда всякий другой, больной такой тяжелой болезнью, лишенный возможности обмениваться с окружающими, высказать самые настоятельные свои нужды, человек предался бы унынию, апатии и перенес бы, как это бывает в большинстве случаев, все свои мысли на свое здоровье.

Но то, что свойственно обыкновенным людям, иначе выражается у таких гигантов ума и действия, каким был Ильич. Он глубоко затаил в себе боль за вынужденное бездействие, отстранение от любимой работы, которая давала ему цель жизни, и старался наперекор всему продолжать работать, хотя бы в той области, которая одна только осталась ему доступной [1].

Ульянова М. И. О Ленине. 4-е изд. М., 1971, с. 120—122

---

[1] Последний абзац рукописи опущен. *Ред.*

ОДНА ИЗ САМЫХ СИЛЬНЫХ СТОРОН ЛЕНИНА

Простота н скромиость, большой демократизм и доступиость отличали Владимира Ильича н в личиой жнзин и в его отиошеийи к людям. «Наша иравствеииость,— говорил ои,— выводится из интересов классовой борьбы пролетариата» [1] — и примеиял это правило прежде всего к самому себе.

Приведу лишь иесколько штрихов для иллюстрации.

Владимнр Ильнч относился к людям виимательио и приветливо, иезавнсимо от того, каково было положеине человека, место, заиимаемое им по служебиой лестинце, в обществе. Рабочих, делегатов от крестьяи, которые прнходили к иему иа прием,— с иими Владимир Ильич особеиио любил поговорить — он встречал приветливо и извииялся перед ними, если ему прнходилось заставить их иемиого подождать. Обычио же ои строго соблюдал часы приема делегаций, поручая своему секретарю вести точиый их учет, зараиее давать им пропуска в Кремль, проверяя выполиеиие через иекоторое время. Без проверки выполнения своих поручеиий ои вообще ие мог работать.

Интересио было наблюдать выражеиие лиц иекоторых бывавшнх иа прнеме крестьяи до н после свидаиия с иим.

Вот в приемиой Владимира Ильича ждут иесколько крестьян. Оии смущеино стоят, перемнияясь с иогн иа иогу, держат в руках шапкн. На лицах у инх радость от предстоящего свидаиия с главой Советского правительства, но в то же время заметиа и иекоторая тревога: как ои нх прнмет н что нм скажет. Перед тем как войти к нему в кабииет, они стали в очередь, впереди самый старый; иекоторые перекрестнлнсь... Товарнщ, вошедший в кабииет к Ильичу через некоторое время, наблюдал такую картииу: Владимир Ильич сидел в своем кресле, за столом, иемного отодвииувшись, а полукругом около иего сиделн крестьяие. Владимир Ильич чему-то громко смеялся, вместе с ним смеялись все крестьяие. Вид у иих был совершеиио другой, чем тот, когда оии ждали в приемиой, точио дружеская, задушевная беседа сияла с иих те заботы и тревоги, с которыми они пришли к Владимиру Ильичу.

Весной 1920 г. т. Шотман встретился в Сибирн со сгорбленым старнком, лет 75, с большой седой бородой. Оказалось, что это коммунист, едет нз Омска, с партийных курсов, к себе в стаиицу.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 309.

— Мне скоро умирать,— говорил он,— но перед смертью хотелось бы видеть Владимира Ильича Ленина. Только бы увидать его, родного, а потом можно и умереть.

— Я решил устроить ему свидание с Владимиром Ильичем,— рассказывает т. Шотман.— Ленин с удовольствием согласился.

Когда я ввел т. Путинцева в кабинет, т. Ленин встал из-за стола, подошел к растерявшемуся старику и, взяв его обеими руками за руку, сказал:

— Здравствуйте, Илья Данилович.

От неожиданности Илья Данилович совсем растерялся и от волнения едва произнес:

— Любезный деятель, поклон из Сибири.

Усадив старика против себя на стул у окна, Ленин стал подробно расспрашивать его о жизни сибирских казаков.

Илья Данилович отвечал на все вопросы очень обстоятельно, указывал без стеснения на недостатки советского механизма, за хорошие декреты хвалил без лести. Владимиру Ильичу т. Путинцев, видимо, очень понравился, говорил с ним, как со старым знакомым, вспоминал о своей жизни в Сибири и пр.

На прощание Владимир Ильич обнял старика и крепко, по-товарищески поцеловал его [1].

Характерен и такой случай. Заинтересовавшись как-то беседой с одним крестьянином, Владимир Ильич предложил ему написать статью в газету. Тот мотивировал отказ тем обстоятельством, что в дороге он потерял свои очки, а достать их очень трудно. Владимир Ильич взял перо и написал т. Семашко:

«Николай Александрович!

У меня сидит тов. Иван Афанасьевич *Чекунов,* очень интересный трудовой крестьянин, по-своему пропагандирующий основы коммунизма.

Он потерял очки... Нельзя ли помочь ему достать хорошие очки?

Очень прошу помочь и попросить секретаря Вашего сообщить мне, *удалось ли*»[2].

---

[1] В. И. Ленин принял И. Д. Путинцева 26 июня 1920 г. *Ред.*

[2] *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 52, с. 83—84.

В рукописн далее следует: «Несмотря иа совершенно нечеловеческую перегружеиность делами, Владнмир Ильич иаходил время побеседовать, хотя бы иесколько минут, с рабочими и крестьянами. А если не побеседовать, то прочесть десяток-другой крестьяиских писем. Леиии высоко цеиил эти письма. Он говорил т. В. Карпиискому:

«Ведь это же подлиииые человеческие документы. Ведь этого я ие услышу ии в одиом докладе».

Новому типу бюрократов — советским бюрократам с партбилетом в кармаие — некоторое число их имеется еще в нашем аппарате — ие грех задуматься над примером отношеиия Лениина к личиым обращеииям и письмам трудящихся и проявлять к иим больше внимания...

Когда Владимир Ильич незадолго до своей роковой болезни поехал в Костино, он в один из последующих дней по приезде направился к скотному двору, чтобы осмотреть его. Служащие совхоза «Костино» еще не знали Владимира Ильича, и, так как вход на скотный двор для посторонних был запрещен, сторож не пропустил Ленина. Владимир Ильич спокойно повернул вспять, не сказав ни слова.

Дело доходило до того, что, приходя в кремлевскую парикмахерскую, Владимир Ильич садился, чтобы дождаться своей очереди, но тут уже присутствовавшие восставали, они не могли допустить, чтобы он так непроизводительно тратил свое время.

В первые годы Советской власти, когда бывал нехваток продуктов, Владимиру Ильичу нередко направлялись лично для него мука, мясо и т. п. Но обычно Ильич направлял все эти продукты в детские дома или больницы или, если продукты поступали в небольшом количестве, предлагал разделить их между целым рядом товарищей, не забывая и лечивших его и Надежду Константиновну врачей, отказ которых от гонорара всегда очень смущал его.

Исключение, впрочем, делалось для посылок с продуктами, которые присылали ему близкие товарищи...

Очень характерны для скромности Владимира Ильича анкеты, заполнявшиеся им на съездах и конгрессах. На вопрос, говорит ли он свободно на каком-нибудь иностранном языке, Владимир Ильич в анкете III конгресса Коминтерна записал: «Ни на каком»[1]. А между тем известно, какие громовые овации встречали его речи со стороны западноевропейских делегатов. Произносились эти речи Владимиром Ильичем на правильном немецком языке, разве только иногда он затруднялся в подыскании отдельного слова, да и то передавал свою мысль в таких случаях другими оборотами [2].

В первые годы Советской власти широкие слои трудящихся не знали часто Владимира Ильича в лицо — не до фотографироваиия было в тот период разрухи, голода и холода. И бывало, что, когда Владимир Ильич входил в Кремль, здание правительства или даже в свою квартиру, часовые резко бросали: «Пропуск», подозрительио поглядывая иа просто одетого человека. Владимир Ильич, который обычно делал им под козырек, спокойно вынимал пропуск из кармана и терпеливо ждал, пока часовой его рассматривал. Узнав, что он остановил Ленина, часовой смущался, но Владимир Ильич ласково успокаивал его и, откозыриув, проходил дальше». *Ред.*

[1] М. И. Ульянова, по-видимому, имеет в виду анкету, заполнениую В. И. Лениным во время всероссийской переписи членов РКП(б) 13 февраля 1922 г., в которой на вопрос, на каких языках кроме русского ои свободно говорит, В. И. Леиии ответил: «Свободно ии иа одном» (*Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 44, с. 509). *Ред.*

[2] Далее в рукописи следует: «На XI съезде партии Владимир Ильич на вопрос:

Образцом скромности Владимира Ильича является и его речь на праздновании его юбилея в день его 50-летия:

«Товарищи! Я прежде всего, естественно, должен поблагодарить вас за две вещи: во-первых, за те приветствия, которые сегодня по моему адресу были направлены, а во-вторых, еще больше за то, что меня избавили от выслушания юбилейных речей». (Владимир Ильич приехал на собрание с запозданием.)

Закончил он пожеланием, «чтобы мы никоим образом не поставили нашу партию в положение зазнавшейся партии...» [1]

Ульянова М. И. О Ленине. 4-е изд. М., 1971, с. 123—127

«Какую партийную работу исполняете в настоящее время?» — ответил: «Член ЦК РКП», а на вопрос: «Какое участие принимаете в настоящее время в кооперации и в профдвижении?» — ответил: «Никакого». Он подразумевал под этим, что не принимает непосредственного участия в первичной кооперативной ячейке и в первичной профорганизации. Это было верно, но верно также и то, что, будучи руководителем всей нашей страны, ее хозяйства и всех организаций, он неизбежно и очень пристально руководил и всей суммой вопросов профдвижения и кооперации». *Ред.*

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 325, 327.

Далее в рукописи: «Еще несколько примеров. Известно, что авторы особенно болезненно реагируют не только на браковку своих статей, но и на правку их редакцией. Не то было с Ильичем. Однажды, когда т. Карпинский просил его написать статью к четырехлетнему юбилею «Бедноты», Владимир Ильич ответил, указав на целый ряд серьезных помех: «...поэтому написать что-либо путное не могу. Если подойдет прилагаемое, поместите, не подойдет, бросьте в корзину, это будет лучше».

Простота и скромность отличали Владимира Ильича, как я указывала, и в личной жизни. Нечего уже говорить о периоде эмиграции, когда он имел «existenz-minimum парижского рабочего», как он выражался, а на поверку и того меньше. Но и в советский период, когда материальные условия его резко изменились к лучшему, он оставался верен себе. Все должно было быть просто, скромно, никаких излишеств».

В варианте рукописи сказано: «Владимир Ильич был подлинным коммунистом, и большее знакомство с его жизнью, с его характером, чертами и обычаями принесет многим и многим из молодых членов партии большую непосредственную пользу, будет иметь для них воспитательное значение, показав им, как должен проявлять себя настоящий коммунист, предохранит от многих неправильностей, высокомерия и зазнайства.

Владимир Ильич прекрасно знал себе цену и понимал свое значение, и простота и скромность, отличавшие его, были не признаком недооценки им этого значения и не преуменьшением своей роли, а проявлением подлинно высокой, гениальной культуры». *Ред.*

ОТВОЕВАННЫЕ МИНУТЫ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ИЛЬИЧЕ

В феврале (1923 г.), когда в состоянии здоровья Владимира Ильича наступило некоторое улучшение и Ферстер [1] разрешил ему заниматься, диктовать более продолжительное время, занятия его длились иногда по два — два с половиною часа в день. Так сказать, официальные, зарегистрированные занятия. Но в это время не включалось, конечно, обдумывание статей. Они разрабатывались в голове Владимира Ильича в то время, когда он лежал, как могло показаться, в полном бездействии. Но работа мысли продолжалась и тогда.

Время для диктовки было ограничено, надо было торопиться и вследствие этого надо было заранее подготовиться, чтобы и без того короткая возможность зафиксировать свои мысли иа бумаге не пропала понапрасну. И когда Владимир Ильич бывал в лучшем состоянии, он диктовал быстро, не останавливаясь. Производило впечатление, что он не диктует, а говорит быстро, сопровождая свою речь жестикуляцией.

Надо еще принять во внимание, что Владимир Ильич не привык диктовать свои статьи. Он никогда не пользовался услугами стенографа, когда был здоров, указывая, что ему трудно обходиться без рукописи, которая была бы перед ним. Кажется, только один раз в своей жизни он по совету одного товарища попробовал диктовать, но опыт был неудачен. Владимир Ильич стеснялся, торопился, и сделанная стенографом [2] запись совершенно не удовлетворила Ильича; он всю статью написал потом заново. Тем больше предварительной подготовки требовалось ему вследствие этого тогда, когда он был лишен возможности писать сам и поневоле должен был прибегать к помощи стенографа.

Расшифрованные статьи Владимир Ильич поручал читать ему, внося поправки и дополнения, работая над ними до тех пор, пока они не удовлетворяли его. И в те дни, когда работа клеилась лучше и Владимир Ильич видел результаты ее, он бывал в лучшем настроении, шутил и смеялся. Но и в это время Владимир Ильич был занят, конечно, не только записями, на которые, по формулировке врачей, «не должен был ожидать ответа». Он был занят и текущими делами, старался влиять и на них.

Забытым быть не может. М., 1963, с. 19—20

[1] Отфрид Ферстер, профессор-невропатолог. *Ред.*
[2] Речь идет о стенографисте Я. Хлебникове. *Ред.*

СТЕНОГРАММА
БЕСЕДЫ С УЧАЩИМИСЯ 364-Й ШКОЛЫ г. МОСКВЫ 23 НОЯБРЯ 1936 г.

Я хочу вам рассказать немного о вожде и основателе нашей партии В. И. Ленине. Владимир Ильич был от природы очень одаренным человеком, очень способным человеком, но если он стал тем, кем он был, если к его голосу прислушивались, как прислушиваются и сейчас пролетарии всего мира, угнетенные народы всех стран, то это произошло потому, что он умел упорно и настойчиво над собой работать. Для его воспитания, для того, чтобы он сложился таким, каким он был, были очень благоприятные условия. Наши родители были людьми культурными, идейными, уделяли детям очень много внимания. Отец был сначала учителем, затем инспектором и директором народных училищ в Симбирском, теперешнем Ульяновском районе. Тогда, в конце 60-х гг. прошлого столетия, это было дело очень трудное. Он решил посвятить себя делу начального народного образования.

Царское правительство вообще не было на стороне того, чтобы просвещать народ, открывать ему глаза. Ему гораздо легче было расправляться с народом темным, несознательным, и борьба за школы, за большое количество их, за лучшую организацию их встречала большие препятствия. Специальных средств правительство не ассигновывало на школы. Содержались они на средства крестьян и для того, чтобы больше было взносов на содержание школ и их организацию, нужно было самих крестьян заинтересовывать в пользе обучения их детей.

В ту пору, это было в 1869 году, когда отец приехал в Симбирск, теперешний Ульяновск, там во многих школах дело обстояло очень плохо. Там применялись телесные наказания, зубрежка. Очень часто дети из этих школ мало выносили знаний. Крестьяне смотрели на эти школы как на обязанность, заинтересованы в них не были. Нужна была упорная работа для того, чтобы крестьян заинтересовать, чтобы лучше поставить школы, чтобы крестьяне видели толк в обучении детей. Отцу приходилось колесить по губернии во всякую погоду, и осенью, и зимой. В одном месте нужно было поговорить с крестьянами на сходе, в другом — найти попечителя, который оказывал бы материальную помощь, в третьем — просмотреть, как учитель преподает. Дело было очень трудное, но отец увлекся этим делом, это стало делом всей его жизни, он на нем горел, отдавая ему все свои силы.

Эта его работа давала большие результаты. Школы стали обслуживаться, удалось воспитать ряд учителей, их позднее называли «ульяновцами», а время, в которое отец работал, называлось «ульяновское время». Отец хотел, чтобы учителя смотрели на это дело не только как на заработок, но чтобы они идейно шли на это дело и чтобы они действительно были хорошими преподавателями. Отец организовал курсы, и выработались кадры новых учителей. Мы видели отца постоянно горевшим на работе, не щадившим себя, мы привыкали видеть, что долг выше всего. Пример отца имел очень большое значение для детей, в том числе и для Владимира Ильича.

Мать наша была человек культурный, идейный, впоследствии она стала нашим товарищем в нашей нелегальной работе. Она помогала нам обводить жандармов, помогала писать письма, прятать литературу. Она уделяла детям очень много внимания, не стесняя их свободы, умела всегда поддержать дисциплину, и она, и отец уделяли много внимания развитию детей. Они приучали нас читать лучшие произведения классиков, русских и иностранных. Старшая сестра и Владимир Ильич рассказывали, что эта привычка оказалась настолько сильной, что, когда их одноклассники предлагали им какой-нибудь бульварный роман, это не завлекало их.

Дети рано стали читать и классиков, и критические статьи, Писарева и Добролюбова, которые тогда еще не были разрешены. Владимир Ильич с ранних лет привык упорно и много работать. У него создалась большая трудоспособность и большая аккуратность в выполнении своих работ. Я редко помню, чтобы можно было видеть его незанятым. Обыкновенно бывало так: выходной день, а тогда воскресенье, либо в гости шли, либо в театр, либо гулять, а Владимир Ильич этот день тоже сидел, занимался, читал. Читать тоже можно по-разному. Иногда люди читают, но это недостаточно укладывается у них в голове. А у него была способность, если он за какой-нибудь вопрос возьмется, скажем, история, то он не ограничивается только теми книгами или заданным уроком, которые надо прочесть. Он подписывался в библиотеке, брал оттуда книги и очень много читал. Старший брат [1] мне рассказывал, когда задавали сочинение, он очень любил наблюдать за Владимиром Ильичем. Бывает у нас часто так: зададут сочинение, а мы ждем — не хочется браться, оставляем до последнего дня, когда уже нельзя откладывать. А он обыкновенно брался за эту работу сейчас же. Разделит бумагу, на одной стороне остается чистое поле. Затем набрасывает план работы, о чем бы сочинение ни было, он набрасывал план. Потом отправляется в библиотеку, подбирает литера-

[1] Д. И. Ульянов. *Ред.*

туру, читает, некоторые книги берет домой, выписывает то, что ему кажется подходящим. Собрав материал, он пишет на одной стороне сочинение, причем карандаш чинился страшно тонко, и строчки ложились как нити на бумаге. Это он писал начерно. Затем перечитывает, вносит кое-что новое, заполняя правую сторону листа. Таким образом, оставалось только взять чистую тетрадь и переписать набело. Обыкновенно за свои сочинения он получал пятерки, пятерки с плюсом, даже с двумя плюсами.

Вот он привык так основательно все изучать, изучать не для того, чтобы только не провалиться, ответить учителю, а сам предмет его интересовал. Благодаря этому он предмет изучал хорошо.

У меня до сих пор сохранились его записи. Он изучал французский язык, неправильные глаголы, более трудные склонения и спряжения он выписывал аккуратнейшим образом.

Он со мной языками занимался зимой в городе, а летом в деревне. Я удивлялась его аккуратности. Он кончил курс с золотой медалью около 17-ти лет и принялся за самообразование. В это время он со мной занимался. Иногда я приходила к нему спрашивать то, что не понимала. Я до сих пор помню такой случай: когда я только поступила в школу, пришлось рисовать карту Европы. Я взяла и от руки нарисовала карту. Он меня заставил переделать и говорит мне: «Кто же так карту рисует. Возьми циркуль, смеряй все, чтобы все было точно». Мне пришлось покориться, но зато вторая карта, которую я ему показала, заслужила его одобрение.

Я занималась с ним языками. Как-то он заставил меня сшить тетрадь для записи слов. Я взяла бумагу, сложила пополам и черной ниткой ее сшила. Он посмотрел и говорит: «Как, белая тетрадь и черные нитки, это некрасиво, кто так делает?» Мы жили тогда в Самарской губернии, там есть сейчас колхоз «Уголок Ленина». Летом он устроил себе такой кабинет: врыл стол, поставил лавочку и с утра до самого обеда сидел и занимался, а ему было только еще 18—19 лет. Никто его не заставлял это делать, но человек сам хотел пополнить свое образование. Он изучал различные серьезные вопросы, всегда делал выписки, конспекты, чтобы лучше запомнить. Занимаясь со мной языками, он заставлял меня переводить саму: «Переводи, как умеешь, если неверно, я помогу, но работать нужно самой». Занятия у нас шли не так, что я долбила слова, а я читала, он останавливал мое внимание на каком-нибудь слове, а через несколько дней возвращался к нему.

Это упорство у него осталось на всю жизнь. Он брал пример с сестры Ольги, которая была очень трудоспособна. Большое влияние оказывал на него старший брат Александр Ильич, который когда учился в университете, говорил: «Больше 16-ти часов в сутки я не могу работать». А бывает так: если человек очень способный,

то упорство и настойчивость у него не вырабатываются. Он схватывает сверху, а вглубь не идет, и получается пустоцвет, потому что основательно предмет не изучен.

Все выписки, статьи и сочинения Владимира Ильича разрабатывались очень тщательно, упорно, на основе массы материалов.

Наш старший брат погиб в 1887 г. за покушение на Александра III. Владимир Ильич брата очень любил, тот был для него высший авторитет, и на него это произвело сильное впечатление. Это был большой толчок к тому, что он сам пошел по революционной дороге. Владимира Ильича называли министром по уму, но ему совершенно не важна была его карьера, где он устроится, как будет служить, а важно было вести революционную работу. Он понимал, что старший брат пошел по неверному пути, чтобы изменить жизнь, нужно добиться освобождения рабочего класса, надо сами массы просветить и двинуть их на борьбу. Все свои молодые годы он упорно работал. Он понимал, что должен хорошо изучить основоположников марксизма и, чтобы вести за собой рабочих, нужно самому теоретически подковаться.

В университете он учился только 3 месяца. Его вообще не охотно приняли, как брата казненного революционера. Нашей матери посоветовали, чтобы он пошел в Казанский университет, а не в столичный. А там, в Казанском университете, получились беспорядки. У студентов условия были ужасные: кружкам собираться нельзя, везде бегали педеля — надсмотрщики. И вот студенты устроили беспорядок, требовали бо́льших прав себе. Владимир Ильич через 3 месяца после поступления был исключен и выслан из Казанской губернии [1]. Тогда он принялся за чтение и учебу. Он хлопотал, чтобы его пустили за границу учиться,— не пустили. Но через 4 года он подготовился и сдал экстерном, экзамен он сдал блестяще, и не потому, что хотел сделаться адвокатом, но какой-то заработок был нужен ему. Но все мысли его были полны борьбой за освобождение, о революционной работе.

В 1893 г. мы видим его в Петербурге, он там заводит кружки среди рабочих, подбирает подходящую публику, чтобы вести эту работу. Время это было очень трудное. Сейчас вам трудно себе представить, в каких условиях тогда приходилось собираться, чтобы говорить с рабочими. Нужно было отыскивать какую-нибудь квартиру почище, которая не была на заметке у полиции, собирались по несколько человек, приходилось караулить, нет ли шпиков. Техники, как мы тогда называли, не было никакой, и первый листок, который Владимир Ильич хотел распространить на одном заводе, он написал от руки в четырех экземплярах. Вы подумай-

[1] В. И. Ленин был выслан в деревню Кокушкино Лаишевского уезда Казанской губернии. *Ред.*

те, в скольких экземплярах выходит теперь наша «Правда», и сравните. Два листка попали к рабочим, а два были подхвачены сторожами.

В таких тяжелых условиях начиналась революционная работа. Долго в те времена революционную работу нельзя было вести. Это обращало на себя внимание и кончалось арестом.

В 1895 г. Владимир Ильич был арестован. Мы считали, что тюрьма — это санаторий. Не потому, что условия хорошие были, а просто потому, что можно было отдохнуть от бегания, замести следы... А Владимир Ильич пишет в тюрьме книгу «Развитие капитализма в России», а потом связывается с волей и из-за тюремной решетки продолжает вести революционную работу, пишет листки на волю. Тогда был такой порядок: один раз в неделю свидание личное, а второй раз — за решеткой. Все время нужно было быть начеку. Владимир Ильич давал много поручений, чтó кому передать, и ему нужно было многое передать с воли, а свидание при жандарме, и нужно было делать таким образом, чтобы не попасться. Владимир Ильич шел на всяческие ухищрения: одно слово говорил по-немецки, одно по-французски, одно по-английски. Как-то старшая сестра разговаривала с ним на таком интернациональном языке, подошел жандарм и говорит: «Только по-русски можно говорить». Владимир Ильич говорит: «Скажи этому золотому человеку то-то и то-то». А фамилия этого человека была Гольдман, что по-немецки значит золотой человек. Он на всякие такие вещи был очень хитер. Со всеми сидящими товарищами он был в постоянных сношениях, поддерживал их и продолжал работать.

Он написал в тюрьме проект программы, листки. Для того чтобы писать конспиративными чернилами, он устроил маленькие чернильницы из черного хлеба. В тюрьме есть такой глазок, куда смотрит надзиратель за тем, что делает заключенный. Как-то раз на свидании Владимир Ильич смеется: «Какой день незадачливый выпал. 6 чернильниц пришлось съесть». Каждый раз, как только он начинал писать, кто-нибудь заглядывал, и он отправлял чернильницу в рот.

В ссылке продолжалась такая же работа. У человека была единственная цель — добиться освобождения трудящихся, и к ней он шел очень упорно, очень настойчиво, продолжая работать и в тюрьме, и в ссылке, а позднее в эмиграции.

Несколько слов еще о том, какой человек был Владимир Ильич. Это был очень веселый и жизнерадостный человек. Крокетом и городками он увлекался, как ребенок, и с большим азартом и весельем предавался этим играм.

Он страшно любил ребят. Стоило попасть ему в общество ребят, как начиналась беготня, хохот, кутерьма, точно он век знаком с ними. Даже в 1923 г., когда он был болен, живя в Горках, мы устро-

или елку, созвали ребят, и, когда они немного расшалились, мы старались их остановить, сдержать, а Владимир Ильич знаком нас останавливал, говорить он тогда уже не мог,— пусть играют, пусть веселятся. Это доставляло ему большое удовольствие.

Владимир Ильич как-то говорил, что наша нравственность вытекает из интересов классовой борьбы пролетариата. Он был настоящий коммунист.

Какие наиболее характерные черты его — большая простота, доступность, демократизм, никакого зазнайства. Когда он был Председателем Совнаркома — он оставался таким же простым человеком. Всякие лишние траты он запрещал. В Музее Ленина висит на стене выговор управляющему делами [1] за то, что тот повысил ему жалованье, не спросив у него. В квартире всегда очень просто, ничего лишнего, никакой роскоши. Это черты настоящего коммуниста — у него они были особенно ярко выражены. Очень много он оказывал внимания людям. Будете читать Ленинский сборник, увидите массу записок — устройте такого-то, помогите такому-то. У меня была всегда масса поручений от него: достань тому-то шубу, пригласи к тому-то врача, у врача он требовал всегда отчета, что нужно сделать, чтобы товарищ поправился. Очень чуткое и внимательное отношение к товарищам, очень простое отношение [2]. Иногда несдержанные товарищи критиковали его за новые идеи, которые были им непонятны. Он очень спокойно и обстоятельно разъяснял им их ошибки.

Я думаю, что наша красная смена должна учиться не только по большому литературному наследству, которое у нас осталось от Ленина, следуя которому наша партия во главе со Сталиным добилась больших успехов, но вы должны больше знакомиться с Лениным как человеком и коммунистом. В этом смысле вы можете

[1] Речь идет о распоряжениях Совнаркома от 23 мая 1918 г., в которых В. И. Ленин объявил строгий выговор управляющему делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичу и секретарю СНК Н. П. Горбунову за произведенное ими самочинно повышение ему жалованья с 500 до 800 рублей (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 78—79). *Ред.*

[2] Здесь уместно привести и следующий, не публиковавшийся ранее отрывок из воспоминаний М. И. Ульяновой: «... он любил жизнь во всех ее проявлениях, и ту страсть, которую он всегда вкладывал в свою работу (о чем ниже), он вкладывал и в отдых, в прогулки и пр. и пр. Он любил людей. Тов. Голубева, близко знавшая Владимира Ильича по Самаре, рассказывает, что он как стратег присматривался к каждому новому человеку, имея в виду использовать его. Это же давало ему возможность еще в молодые годы хорошо изучить жизнь. Изучение крестьянства. Необычайно развитое чувство товарищества у Владимира Ильича (поездка в ссылку, помощь товарищам всегда и во всем. Стоило ему, например, заметить, что у того или иного товарища болезненный вид, как он, не долго думая, распоряжался послать к нему врача, посылал съестное, устраивал квартиры; случай в Кракове, когда он принес товарищу, едущему в Россию, подушку и одеяло)». *Ред.*

очень многое для себя взять. Это будет для вас очень полезно, чтобы вырасти стойкими коммунистами, достойной красной сменой нам, старым бойцам. Бои предстоят немалые. Вы это можете видеть по Испании, как два класса неприкрыто противостоят один другому, какая идет упорная борьба. Для того чтобы подготовить себя к этой борьбе, к новым боям и победам, нужно хорошо использовать ваши юные годы, когда у вас больше свободного времени, свежая голова и когда вы можете большего достигнуть в смысле подготовки себя к этой работе.

Я выражу пожелание, чтобы вы не только сочинения Ленина хорошо изучили, но больше знакомились с ним как с человеком.

Вопрос: Как Ленин относился к учителям?

Тов. Ульянова. Тут надо немного уйти в область прошлого, чтобы на этот вопрос ответить. Вы не забудьте, что учился он в гимназии в конце прошлого столетия. Гимназии были очень плохие. Учителя были старые реакционеры, которым важно было только одно: продвигаться по службе. Я помню по рассказам Владимира Ильича, что состав учителей был очень плохой. Некоторые выезжали на том, что заставляли зубрить, другие относились к преподаванию спустя рукава. Благодаря этому особого уважения к себе учителя не могли внушить.

Но характерно было для учебы Владимира Ильича то, что он всегда на уроках слушал очень внимательно то, что объясняли, и усваивал урок прекрасно. Иногда старшие сестры, другие члены семьи жаловались, что он крутится и мешает им заниматься. Отец позовет его к себе в кабинет, спросит урок — знает, начинает латинскую грамматику спрашивать — знает...

Хорошая память и внимание давали ему возможность хорошо запоминать объяснения на уроках, поэтому сидеть дома и зубрить ему не приходилось, и у него была возможность много читать. Отметки были у него хорошие, и он многим товарищам помогал, раньше уходил в гимназию, чтобы объяснить товарищам то, что им непонятно.

Конечно, близкой связи с учителями в то время не могло быть. Он рано встал в оппозицию к старому укладу, к старому строю, а в школе учителя все были допотопные, которые больше своего предмета ничего дать не могли. Сколько-нибудь свободомыслящего человека в учителе не потерпели бы тогда.

Вопрос: Во время работы в партии получались большие разногласия. Порывал ли Ленин личные связи с тем, с кем расходился во взглядах?

Тов. Ульянова. К людям он относился хорошо, но мерило было такое: стоит человек на революционной точке зрения или свернул куда-нибудь. Для него это имело огромнейшее значение.

Если разногласия маленькие, их можно было уладить — он выступал с резкой критикой.

Плеханов, например. Ленин относился к нему с большим уважением. Мартов был видный меньшевик. Ленин был с ними очень дружен, а когда он увидел, что они изменили, пошли по другому пути, что для них дело революции не на первом месте, что они идут на соглашательство, для него идея была выше личных отношений, и с ними не могло быть никаких дружеских отношений.

Правда, он потом делал попытку перетащить их. Он ценил Плеханова, это был большой ум. Но быть дружным с человеком, с которым он идейно расходится, он никогда не мог и расходился с людьми, если они стояли на неверном пути и шли на поводу у буржуазии. Но сплошь и рядом для таких заблуждающихся, которых можно перетянуть, он пускал в ход все, чтобы на них воздействовать. Личного он не вносил в борьбу ничего, но принципиальность была большая, и поэтому, если не было никакой возможности столковаться, он с этими людьми порывал.

Полностью публикуется впервые;
частично напечатано в книге:
Ульянова М. И. О Ленине.
4-е изд. М., 1971, с. 128—130

ЛЕНИН И ГОРЬКИЙ

Ушел из жизни большой человек, гигант художественного слова. И, как всегда бывает с людьми такого масштаба, после смерти их роль, их личность, их работа для человечества кажутся еще больше, еще значительнее. Это чувствуется очень остро с кончиной Алексея Максимовича.

Вспоминается роль, которую играл он, его произведения для каждого из нас. Вспоминаются глухие годы подполья. Значение Горького для молодежи того времени, лишенной свободного слова. Как мы зачитывались его произведением «Мать», заучивали наизусть бессмертную «Песню о Буревестнике».

В конце 90-х гг. я лишь мельком встречалась с Алексеем Максимовичем в Нижнем Новгороде, куда была выслана под надзор полиции. Ближе, как человека, я узнала его в Петрограде перед революцией. Наши свидания происходили у него на квартире на Петербургской стороне, куда я приходила к нему с письмами и поручениями от Ленина. Ильичу нужен был заработок, дороговизна в связи с империалистической войной нарастала с каждым днем, и как ни умел он ограничиваться лишь самым необходимым минимумом в своих потребностях, но одно время невозможность найти литературную работу и «пристроить» свои книги сказались особенно остро. Алексей Максимович выручал.

Если в то время многое из политической, особенно эмигрантской, жизни отталкивало Горького и ему было непонятно порой, как люди, «хорошие» люди могут расходиться, раскалываться из-за политических убеждений, то Ленина, ту роль, которую ему суждено сыграть для нашей страны и всего человечества, Горький понял сразу. И сразу полюбил его. Ильич отвечал ему тем же. Мало было людей, к которым Ленин относился бы с такой любовью, как к Горькому. Как-то оживлялось всегда его лицо при свиданиях с Алексеем Максимовичем. Он мог беседовать с ним часами, и видно было, что эти беседы доставляют ему истинное удовольствие. Горький был одного масштаба с Ильичем, он был таким же гигантом, хотя и в другой области. Кроме того, он был милым, простым, обаятельным человеком. И это сближало их обоих.

И встают в памяти: концерты у Горького на квартире, где играли любимые музыкальные вещи Ильича, Горький у нас на даче в Горках и его частые визиты в Кремль, на городскую квартиру Ленина.

У Горького всегда были про запас какие-либо дела к Ильичу, большое количество просьб за разных людей. И так чутко шел Ленин всегда навстречу этим ходатайствам Горького, если выполнить их представлялась хотя бы какая-либо возможность.

Необычайно велика роль Горького как воспитателя молодых начинающих литераторов. Надо было поражаться, как успевал он прочитывать то огромное количество писем, которое направлялось ему на Капри с просьбой помочь, посоветовать, прочесть ту или иную вещь и т. п. Некоторые из них проходили через меня, когда я работала в «Правде», и, вероятно, ни один из этих запросов не оставался без ответа.

А когда он получил возможность приехать, сначала на короткий срок, в Союз ССР, он лично посещал собрания и слеты рабселькоров, выступал на них, часами разговаривая с рабочими, работницами и крестьянками. Сколько из них он воодушевил своей поддержкой, советом, дружеским словом!

Теперь его нет. Но и после своей смерти он будет продолжать дело, которому отдал свою жизнь. По его бессмертным сочинениям трудящиеся всего мира будут учиться ценить человека, бороться за лучшую, светлую жизнь во всем мире, за коммунизм.

Ульянова М. И. О Ленине.
4-е изд. М., 1971, с. 131—132

ЛЕНИН И МУЗЫКА [1]

Владимир Ильич очень любил «Замучен тяжелой неволей». Одним из любимых оперных мотивов Владимира Ильича, который он часто насвистывал, была ария «Пиковой дамы»: «Я Вас люблю, люблю безмерно, без Вас не мыслю дня прожить...»

В последние годы своей жизни Владимир Ильич довольно редко слушал музыку — он был слишком занят и у него не оставалось времени для развлечений. Но несколько раз мне приходилось быть свидетельницей того, что он слушал музыку с удовольствием и она производила на него сильное впечатление. Однажды, это было после какого-то его выступления, откуда его, кажется, Алексей Максимович затащил на симфонический концерт, Владимир Ильич был доволен концертом, часть которого ему пришлось услышать, и говорил, что надо бы иногда ходить слушать музыку. В другой раз он с удовольствием слушал игру Добровейна на квартире Алексея Максимовича [2]. Между прочим, он попросил Добровейна сыграть сонату «Аппассионата» Бетховена, которую очень любил. Он был знаком с ней по исполнению ее И. Ф. Арманд, которая хорошо играла и исполняла ее в бытность свою за границей. Добровейн обещал повторить эту сонату и сыграть ее Владимиру Ильичу как-нибудь в другой раз, но, насколько помню, это новое свидание не состоялось...

Но «Appassionat'у» Владимиру Ильичу сыграла как-то т. М. И. Выговская-Стецкевич. Она играла ряд вещей, но Владимир Ильич попросил сыграть ее Бетховена и слушал ее с большим вниманием.

Когда в 1922 г. переделывали нашу квартиру, Владимир Ильич попросил, чтобы одну комнату отделили глухой стеной, завесили портьерой и пр. Это желание вызывалось тем, что он хотел предоставить мне бо́льшую свободу приглашать к себе знакомых. Он знал, что среди них было несколько музыкантов, и имел основания предполагать, что я не приглашаю их, когда он дома, боясь, что его побеспокоит музыка.

Но мне он объяснил это желание и тем, что при таком устройстве он сможет, когда захочет, ненадолго приходить послушать музыку с тем, чтобы потом [быть] изолированным от нее.

---

[1] Заглавие дано составителями. *Ред.*

[2] Это было 20 октября 1920 г. на квартире Е. П. Пешковой (Машков пер. (ныне ул. Чаплыгина), д. 1а, кв. 16). *Ред.*

Такой домашний концерт состоялся осенью 1922 г., однако только раз...

Владимир Ильич пришел к нам, послушал немного игру на фортепиано и пение [1] и ушел к себе. Музыка, очевидно, слишком сильно действовала на его нервы и утомляла его.

И затем музыку он слушал уже в Горках, за несколько месяцев до своей смерти. Один из товарищей, ухаживавший за Владимиром Ильичем, врач Н. С. Попов, садился за рояль, когда Владимир Ильич бывал в своей комнате наверху или на террасе. Но он с видимым удовольствием прислушивался к звукам музыки, доносившимся до него, и теми немногими словами, которые мог произносить, поощрял Николая Семеновича продолжать игру.

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых.
М., 1978, с. 139—140*

---

[1] Пела знакомая М. И. Ульяновой С. А. Крылова под аккомпанемент О. П. Тоом. *Ред.*

БЕЗ ЛЕНИНА

ЛЕНИН — ЭТО МЫ САМИ

Леиии умер. Междуиародиый пролетариат ведет борьбу с капитализмом, со старым, отживающим строем, за водвореиие на земле светлого царства труда без своего призиаииого вождя и учителя.

Леиии умер. С этой мыслью трудио примириться, к этому факту трудио привыкиуть. Слишком велика была роль Леиина в иашем общем деле. Геиальиый ум и железиая воля в соедииении с широким теоретическим образоваиием, миоголетиим опытом борьбы и ясиым предвидеиием давали ему возможиость безошибочио определять тактику партии в самые трудиые момеиты ее истории, смело вести массы в бой в иаиболее благоприятиое для этого время, лавировать, выжидать и отступать, когда этого требовали обстоятельства.

И рабочие массы и бедняцкие слои крестьянства, не говоря уже о членах нашей партии, верили ему безусловно, чувствовали себя как за каменной стеной, имея такого вождя. Они видели, что им руководили лишь интересы дела, что вся его личиая жизнь, если можио говорить о ней, была сплетена в одио иеразрывиое целое с этим делом, которое с юных лет стало единственным смыслом его жизни. Оии видели в нем своего, близкого человека, ибо ои просто, по-товарищески говорил со всяким рабочим и крестьяниием, имевшим до иего нужду, стараясь вникнуть в их иитересы и запросы, стараясь, чем возможно, помочь им даже в их мелких, повседиевиых иуждах. Его простое, ласковое, любовиое отиошеиие к иим, в котором иикогда ие было ии теии заиосчивости и высокомерия, привлекало к нему всех. И, с другой стороны, это постояииое его общеиие с рабочими и крестьяиами давало ему возможиость при определении тактики партии, при иамечеиии тех или ииых мероприятий Советской власти верио учитывать иастроеиия, запросы и нужды этих масс.

«Мы можем управлять только тогда, когда правильио выражаем то, что народ созиает»,— говорил он в своей речи на XI съезде партии [1].

И в другом месте:

«Только тот победит и удержит власть, кто верит в иарод, кто окуиется в родиик живого иародиого творчества» [2].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 112.
[2] Там же, т. 35, с. 61.

И он умел и «правильно выражать», и «окунаться» в этот родник своей доступностью и близостью к массам.

«Ленин — это мы сами»,— говорили про него рабочие.

Ленина нет больше с нами. Но мы должны чувствовать себя счастливыми тем, что он был с нами.

Его колоссальное литературное наследство, которое надо читать и штудировать еще десятки лет, будет для всех продолжателей его дела неиссякаемым источником, из которого они будут черпать указания для дальнейшей борьбы.

Партия, созданная им, не сложит оружия до полного завершения дела его жизни, ибо Ленин — ее знамя.

Его личный пример будет, как светоч, привлекать все новых и новых борцов в наши ряды.

«Победа будет за нами».

Ульянова М. И. О Ленине.
4-е изд. М., 1971, с. 133—134

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ ИЛИ ЭСПЕРАНТО? [1]

Международной связи между рабочими разных стран, укреплению интернациональной солидарности между ними сильно препятствует различие языков. Это обстоятельство служит в значительной степени препятствием к установлению живой, разговорной связи при посещении заграничными рабочими делегациями, например, страны Советов, и переписке между рабочими разных стран, потребность в которой все более возрастает, в первую голову, в силу того интереса, который проявляют иностранные рабочие к нашему Союзу, и тому строительству, которое в нем ведется. В связи с этим неизбежно встает вопрос о языке, на котором эта связь должна осуществляться. Вопрос этот не новый и на страницах нашей печати он поднимался уже неоднократно, так как «язык,— как говорил справедливо Ленин,— есть важнейшее средство человеческого общения»[2].

В своей брошюре «Рабкоровское движение за границей и международная связь» [3] автор этих строк предлагал рабочим обратить внимание в первую голову на изучение иностранных языков, так как «помимо возможности переписки с рабочими других стран и чтения иностранной литературы, это даст им возможность и живого общения с иностранными рабочими во время их экскурсий в Страну Советов, которые становятся все более частым явлением». В этой же брошюре отмечалось, что «язык эсперанто следует рассматривать лишь как паллиатив, как временное средство, а не как идеал для такой переписки. Правда, его легко изучить...» — указывали мы [4].

...Если бы этот язык мог по своим качествам (а не только потому, что его легко изучать) тягаться с любым из живых иностранных языков, никакие насмешки и клеймения не оказались бы достаточно сильными и он давно бы перешел из зародышевой формы в более высокую, получил бы и большее признание и распространение.

Гораздо интереснее, однако, распространяться не о положительных качествах и недостатках эсперанто, а постараться проана-

---

[1] Статья написана в 1928 г., печатается с сокращениями. *Ред.*

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 258.

[3] См.: *Ульянова М. И.* Рабкоровское движение за границей и международная связь. М.: Изд-во «Правда» и «Беднота», 1928.

[4] Там же, с. 108, 107.

М. И. Ульянова

И. Н. Ульянов. 1882—1883 гг. Симбирск

М. А. Ульянова. 1898 г. Москва

И. Н. Ульянов. 1863 г. Нижний Новгород

М. А. Ульянова. 1863 г. Нижний Новгород

Семья Ульяиовых. Стоят — Ольга, Алексаидр, Аииа;
сидят — Мария Алексаидровиа с младшей дочерью Марией (иа колеиях),
Дмитрий, Илья Николаевич, Владимир. 1879 г. Симбирск

А. И. Ульянов в студенческие годы. 1887 г. Петербург

А. И. Ульянова. 1883—1887 гг.

В. И. Ульянов в гимназические годы. 1887 г. Симбирск

О. И. Ульянова в год окончания гимназии. 1887 г. Симбирск

Д. И. Ульянов в студенческие годы. 1900—1901 гг. Юрьев

Мария и Дмитрий Ульяновы. 1880 г. Симбирск

Мария Ульянова. 1881 г. Симбирск

М. И. Ульянова. 1893 г. Москва

Н. К. Крупская. 1895 г. Петербург

Д. И. Ульянов, М. И. Ульянова и М. Т. Елизаров. 1896 г. Москва

М. Т. Елизаров,
М. А. Ульянова,
Д. И. Ульянов
и М. И. Ульянова.
1902 г. Самара

А. И. Ульянова-Елизарова
и М. И. Ульянова.
1912 г. Саратов

М. А. Ульянова и М. И. Ульянова.
1913 г. Вологда

М. И. Ульянова
в группе политических ссыльных во время ссылки.
1914 г. Вологда

В. И. Ленин, Н. К. Крупская и М. И. Ульянова
на Красной площади во время праздника
войск Всевобуча. 25 мая 1919 г. Москва

В. И. Ленин в кругу семьи в своей квартире в Кремле. Сидят — В. И. Ленин, Н. К. Крупская, А. И. Ульянова; стоят — М. И. Ульянова, Д. И. Ульянов и воспитанник А. И. и М. Т. Елизаровых Гора Лозгачев. Осень 1920 г. Москва

В. И. Ленин и М. И. Ульянова в Горках. Начало августа 1922 г.

М. И. Ульянова. 1924 г. Москва

М. И. Ульянова в группе саратовской делегацнн на III Всесоюзном совещанни рабселькоров н юнселькоров прн газетах «Правда», «Беднота» н «Комсомольская правда». Июнь 1926 г. Москва

М. И. Ульянова и редактор «Дейли уоркер» Энгдол в редакции журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент». 5 мая 1927 г. Москва

М. И. Ульянова. 22 мая 1927 г.

М. И. Ульянова. 1928 г.

М. И. Ульянова, Н. И. Бухарин, М. Е. Кольцов в президиуме III Всесоюзного совещания рабселькоров. Июнь 1926 г. Москва

лизировать те доводы, которые эсперантисты приводят против изучения живых иностранных языков: французского, немецкого и английского и пр. Против изучения их они прямо, впрочем, не говорят, но их «проповедь» необходимости этого изучения ведется таким образом, что легко может разубедить взяться изучать иностранные языки любого, кто их послушает и примет их доводы всерьез. В самом деле. С одной стороны, заявляется, что «изучать иностранные языки необходимо,— это не подлежит сомнению» (П. Канцелярский). Но в том же сборнике [1], в ряде статей других авторов, мы встречаем на все лады ссылки на «трудности изучения иностранных языков», или «значительной трудности» их изучения, благодаря «чрезвычайно сложному и запутанному правописанию», и т. п. Для большей убедительности приводится в пример и тов. Ленин, который, «несмотря на пребывание в эмиграции за границей свыше 10 лет [2], по собственному признанию, свободно ни на каком языке, кроме родного, не говорил». Делается вывод, что «изучение иностранных языков для миллионов недоступно сейчас, недоступно оно и *в будущем»* (!) (П. Канцелярский). «Нужно совсем отказаться от преподавания иностранных языков в трудовых школах» и т. д. Зато усиленно ратуется за введение изучения эсперанто в трудовые школы и всячески превозносятся выгоды от такого изучения.

Цель тут ясна вполне: запугать трудностями иностранных языков для того, чтобы продвинуть шире эсперанто. Только напрасно совсем ссылаются на пример Владимира Ильича — он неуместен. Тов. Ленин вообще был очень строг к себе, и если он часто жаловался на недостаточное знание иностранных языков, то это надо понимать относительно. Правда, ему трудно было выступать без подготовки на больших собраниях с иностранной аудиторией, но читал он на нескольких языках свободно, знал и разговорную речь. А затем, надо ведь вспомнить, какую жизнь вел Владимир Ильич за границей, и тогда отпадет утверждение, что трудность иностранных языков настолько велика, что даже Ленин за 10 лет своего пребывания за границей не смог освоиться с ними. Все свое время Владимир Ильич тратил не на общение с иностранцами, на это уходило сравнительно минимально мало времени, а на революционную работу для России, для русских рабочих, на колоссальную работу по редактированию газеты («Искры» и других, пришедших ей на смену). Надо понять, что при обилии статей на русском языке, написанных им как для газеты, так

[1] Имеется в виду сборник статей «На путях к международному языку» (под общ. ред. Э. К. Дрезена. М.; Л., 1926). *Ред.*

[2] За границей В. И. Ленин находился всего около 15 лет (в 1895, 1900 - 1905, 1907—1917 гг.). *Ред.*

и для ряда журналов, большом количестве брошюр и капитальных трудов и т. п., при такой загрузке, имея одну целеустремленность, Ильич не мог сколько-нибудь заметное время тратить на самоусовершенствование в языках. И все же он изумительно быстро осваивался с новым языком для того, чтобы понимать самое главное, когда это вызывалось необходимостью. Так, поехав в Швецию на полторы недели для свидания с матерью, он предварительно просмотрел несколько шведских книг и освоился с языком настолько, что мог просматривать газеты и понимать в них все наиболее важное и нужное для себя. Конечно, Ильич стоит в этом смысле на недосягаемой высоте для нас, средних людей. *В настоящее время* миллионы не изучат иностранные языки (как не изучат миллионы, конечно, и эсперанто, несмотря на уверенность в этом сторонников этого языка), но все передовые рабочие, несомненно, могут многого добиться в этом отношении, и не отпугивать их трудностями, которые, кстати сказать, совсем не так велики, должны мы, а всячески облегчать им это дело, разъясняя им всю важность знания иностранных языков не только для международной переписки, но и для того, чтобы легче приобщиться к буржуазной науке и технике, значение чего подчеркивал так часто и Владимир Ильич, а также и для более тесной связи с иностранными рабочими.

Эсперантисты указывают, что Ленин ничего не сказал по вопросу об этом языке («у них,— у Маркса и Ленина,— были более серьезные дела и специально заниматься этими вопросами они, конечно, не могли»). Насчет «специально» может быть и верно, но что Ленин ничего по этому вопросу не сказал, не соответствует действительности. Владимир Ильич неоднократно высказывался об эсперанто — и притом крайне неодобрительно, считая его слишком искусственным, упрощенным, мертвым. Речь о языке заходила у нас с ним неоднократно — он был большой лингвист и очень любил копаться в словарях,— но он высказывал только мнение — это было незадолго до его болезни — о том, что надо бы завести один общий алфавит, что и будет, конечно, сделано после революции. Так что в своих доводах в пользу эсперанто товарищам лучше не ссылаться на Ленина, взгляд которого на этот предмет для них совершенно неизвестен...

Рабоче-крестьянский корреспондент, 1928, № 21, с. 6—9

О НЕКОТОРЫХ «ВОСПОМИНАНИЯХ» ОБ ИЛЬИЧЕ

...В своих воспоминаниях о Ленине — «Страница из дневника о Ленине» («Прожектор» № 4)[1] — тов. В. Милютин очень верно замечает: «Воспоминания о таком гениальном человеке, как тов. Ленин, требуют особенно тщательной проверки всех фактов, той проверки, которой так часто учил тов. Ленин тех, кто с ним работал».

К сожалению, не все товарищи, пишущие теперь о Ленине, относятся с такой щепетильностью к своим воспоминаниям о нем. Благодаря этому получается много неверностей, неточностей и «Ленин, как человек» приобретает иной раз, в этих писаниях, черты, которые были ему совершенно несвойственны или даже чужды. Такого рода неверные сведения перепечатываются потом товарищами, составляющими характеристики Ленина, и приобретают тем самым характер уже чего-то установленного и достоверного.

Между прочим, ряд таких неверностей находим мы в № 2 журнала юных пионеров «Барабан»[2]. Молодые товарищи нашли даже объяснение, «почему Ильич назывался Лениным». Оказывается, вопреки действительности, что мать Ленина звали Еленой, по имени ее назывался Лениным Александр Ильич, а потом эту кличку оставил за собой и В. И.

Но то, что простительно юным пионерам, которыми, несомненно, руководило желание составить свой журнал, посвященный Ленину, возможно более полно и разнообразно,— в значительной степени это им и удалось,— и у которых многие неточности объясняются, вероятно, большой спешкой с выпуском журнала,— то совсем непростительно людям, давно вышедшим из «барабанного» возраста.

В сборнике «На могилу Ильича», выпущенном в Ленинграде рабочим издательством «Прибой», помещена статья А. Меньшого «Ленин, как человек»[3]. Задача большая, но она не выполнена т. Меньшим главным образом потому, что факты, приводимые им для характеристики Ленина как человека, не отвечают в большинстве своем действительности.

Вот несколько примеров:

---

[1] Прожектор, 1924, № 8, с. 8—13.
[2] Барабан, 1924, № 2, с. 41.
[3] На могилу Ильича. Л., 1924, с. 72—77.

«Любил Ленин своих сестер... На столике письменном в Смольном — в октябрьские дни 1917 г.,— на столике письменном в кабинете Ленина (бывшая комната классной дамы смольнинской) фотографические карточки стояли — простых добрых людей, к которым был привязан Ленин. Он был *привязчивый* человек».

Ни в Смольном, ни в каких других комнатах, в которых жил Ильич, не стояло *никогда* на «письменном столике» ни одной фотографии его близких или друзей.

«Он быстро научился косить — и не отставал от крестьян, работал всей душой, весь ушел в работу. Поработавши, с наслаждением курил махорку...»

Ильич никогда не косил и не курил, ни с «наслаждением», ни без наслаждения.

«Ленин никогда не смотрелся в зеркало. В течение последних десяти лет своей жизни не видел он лица своего. Осмотрите все комнаты, в которых жил Ленин в последние годы — ни в одной из них зеркала нет».

И опять неправда. Все это взято из головы.

«Жил Ленин с женой, сидел на стуле у стола, читал и писал. Жена готовила обед на «примусе», — такой они вели образ жизни — «примитивный». Иногда кто-нибудь к ним приходил,— тогда они сидели и тихо беседовали. Иногда сами они уходили — и потом возвращались...»

Такой «примитивный» образ жизни вел, по словам Меньшого, Ленин и в Цюрихе, и во дворце Кшесинской (где он, к слову сказать, никогда не жил), и в Смольном, и в Кремле, и в Горках.

Это не все. Можно было привести и еще выписки в таком духе. Но мы думаем, что достаточно и сказанного.

Человека, которому ничто человеческое не [было] чуждо, который любил жизнь во всей ее многогранности, жадно впитывал ее в себя, как верно отметила Надежда Константиновна Крупская в своих воспоминаниях об Ильиче [1], тов. Меньшой изобразил каким-то ханжой и филистером.

А вот № 36 «Долой неграмотность» журнала, предназначенного для чтения в школах и кружках малограмотных. В статье «Ленин и Октябрьская революция» читаем, что в июльские дни «было решено переправить т. Ленина в Кронштадт. Переезд из Петрограда в Кронштадт был обставлен всеми предосторожностями. Тов. Ленин был переодет в костюм простой женщины. В таком виде он прибыл к Неве, где ожидал его катер...»

Далее рассказывается, как Ильич переоделся матросом и «глубоко в трюме, в жаре, у котлов, регулярно отрабатывал свою смену в качестве помощника кочегара».

[1] См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. 3-е изд. М., 1984, т. 1, с. 589.

Из предосторожности его перебрасывали с одного корабля на другой, и Ильич был в должности кочегара в течение двух недель на трех кораблях.

> «Здесь около раскаленных котлов, обливаясь потом, обдаваемый угольной пылью, вождь революционного пролетариата обдумывал дальнейшие пути революции».

Сильно сказано и красиво, только... неверно с начала до конца.

Эта версия о том, где скрывался Ильич в июльские дни, фигурировала в 1917 г. в «Петербургской газете», позднее она попала как-то на страницы «Известий ВЦИКа». Но ведь после этого появилась статья тов. Емельянова о «Таинственном шалаше» [1], которой вся эта басня опровергается. Зачем же нужно повторять ее?

Воспоминания о Ленине нужно писать. Каждый факт, каждый штрих из его жизни, описанный его современниками, будет иметь значение для будущего биографа Ленина. Но только факты строго проверенные, а не такие, какие приводятся в указанных выше «воспоминаниях».

Мария Ильинична Ульянова.
М., 1978, с. 48—50

[1] См.: Красная летопись, 1922, № 4, с. 133—139.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ[1]

В нашей литературе, и вообще-то далеко не богатой хорошо написанными воспоминаниями о Владимире Ильиче, его жизнь и работа периода 1917 г. и начала 1918 г. наименее освещены. И поэтому нельзя не приветствовать предлагаемую читателям книжку тов. М. Н. Скрыпник, работавшей в течение ряда месяцев в качестве второго секретаря Совнаркома. Эта работа давала ей возможность изо дня в день соприкасаться с Ильичем в этот напряженный период нашей революции, наблюдать его как вождя и как человека, его отношение к людям и т. д.

Одним из наиболее интересных мест воспоминаний М. Скрыпник является, на наш взгляд, то, где она говорит о делегациях от крестьян, в большом количестве приезжавших тогда к Владимиру Ильичу, и описывает его отношение к ним.

Крестьяне-ходоки ехали из различных губерний за разрешением самых разнообразных больных и злободневных для них вопросов. Они ехали к «главному большевику» и получали у него и совет и указания. «Все он растолковал нам, как есть справедливо»,— говорили они. И тов. Скрыпник, на обязанности которой лежало принимать делегатов-ходоков и предварительно беседовать с ними, чутко и обстоятельно входила в их нужды, подробно ознакамливалась с делом каждого из них; и потому особенно интересен и ярок ее рассказ об этих делегатах, описание впечатления, которое производила на них беседа с Ильичем, его отношения к ним и пр.

«Мне выпало на долю,— пишет она,— быть свидетельницей того, как счастливы были те из них, которым удалось видеть этого чудесного человека».

И очень верно отметила тов. Скрыпник тот особый подход — «обходительный», пишет она, который был у Ильича по отношению к крестьянам-ходокам. Это был подход более мягкий и осторожный, как к людям, которых надо еще завоевать, убедить, приблизить к своему миропониманию; он разнился поэтому от отношения к делегатам-рабочим, классовое сознание которых ставило их на гораздо более высокий уровень.

[1] Этим предисловием М. И. Ульяновой открывается первое издание книги Марии Скрыпник «Воспоминания об Ильиче», выпущенной Госиздатом в 1927 г. *Ред.*

Интересны в воспоминаниях тов. Скрыпник и факты, приводимые ею для характеристики отношения Владимира Ильича к товарищам. Они лишний раз рисуют его необыкновенную чуткость, его умение, несмотря на перегруженность большой политической работой, подмечать, казалось бы, мелкие личные переживания и обиды окружавших его, относиться к ним заботливо и внимательно.

Из всех родов литературного творчества писание воспоминаний, пожалуй, одно из наиболее трудных. И при этом труднее всего возможно более отвлечься от своей собственной роли при описании другого лица, касаться возможно меньше своих личных переживаний и настроений, не являющихся часто необходимыми для полноты и яркости описываемого. Немногим авторам удается соблюсти при этом должную пропорцию, хотя, может быть, у них совсем нет желания придать своей личности какой-либо особенный вес или значение. Не вполне удалось соблюсти эту пропорцию и тов. Скрыпник, что объясняется, вероятно, в ряде случаев ее желанием отметить такие проявления Ильича в отношении к людям, которые не были бы, по ее мнению, достаточно выявлены, если бы не были описаны более подробно переживания человека, являющегося объектом его внимания и заботливости.

Как бы то ни было, ее воспоминания еще более выиграли бы, если бы эта пропорция была больше соблюдена.

В книжке тов. Скрыпник есть и некоторые неточности, касающиеся как условий жизни Ильича в то время (питание, охрана и пр.), так и некоторых характеристик... Но неточности эти могут быть легко исправлены. А за всем тем книжка тов. Скрыпник, читающаяся с интересом, явится, несомненно, полезным вкладом для характеристики Владимира Ильича. Надо лишь пожелать, чтобы и другие товарищи, близко соприкасавшиеся с Владимиром Ильичем по работе, поделились в печати своими воспоминаниями о нем, что даст возможность более полно осветить его образ в различные периоды его жизни и работы...

Мария Ильинична Ульянова.
М., 1978, с. 50—52

РЕЧЬ НА 12-й ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВЛКСМ 4 ЯНВАРЯ 1931 г.[1]

Товарищи, в 1930 г. исполнилось 10 лет с того времени, когда Владимир Ильич Ленин произнес свою известную речь на 3-м Всесоюзном съезде комсомола. Эта речь должна быть настольной книгой, должна быть известна, должна быть проработана всеми комсомольцами, потому что задачи, которые там наметил Владимир Ильич для воспитания комсомола, этого верного помощника нашей партии, остаются в силе и еще долгое время будут нашей путеводной звездой для воспитания красной смены, той рати, которая идет на смену нам, старикам, и которая, как говорил Владимир Ильич, построит коммунистическое общество. Он говорил, что одна из главных задач комсомола состоит в том, чтобы учиться, но как он себе представлял, как должен учиться комсомол?

Он говорил, что комсомол должен себе ясно представлять, что такое коммунизм, из-за чего идет борьба. Эту учебу нельзя почерпнуть из книг, из лозунгов, нужно серьезно проработать вопрос, нужно молодые годы использовать на то, чтобы познакомиться с теорией коммунизма, с учением вождей коммунизма, и вот наряду с учебой, наряду с тем, чтобы уяснить, как должно идти строительство общества, определить верную политику и тактику партии и нашей борьбы, вместе с тем должно идти и практическое воспитание комсомола.

Десять лет прошло с тех пор, как Владимир Ильич произнес эту речь. Мы вступаем уже в период социализма, мы строим фундамент, задачи перед партией и комсомолом все более разрастаются, становятся все более грандиозными, и в этот период особенно нужно много энергии, чтобы молодежь принимала самое активное участие в этом строительстве, не только училась, но и непосредственно участвовала в борьбе.

---

[1] Заголовок дан составителями.

М. И. Ульянова получила следующее приглашение от участников конференции: «Марии Ильиничне

Двенадцатая областная конференция Дагестанского комсомола шлет в лице Вас старой гвардии большевиков пламенный комсомольский привет. И приглашает Вас принять участие в праздновании десятилетнего юбилея Дагестанского комсомола и работе двенадцатой областной конференции ВЛКСМ.

Президиум конференции.

По поручению председателя конференции (Верба)». *Ред.*

Задачи, которые стоят перед комсомолом, те же, что и перед партией,— это выполнение генеральной линии партии, построение промышленности, развитие сельского хозяйства на базе коллективизации, организация советских хозяйств — во всех этих областях члены комсомола, как и члены партии, должны принять самое деятельное участие, всюду они должны быть деятельными и активными помощниками партии.

В колхозах молодежи нужно следить за укреплением и ростом колхозов и работать над вовлечением новых членов, они должны разъяснить своим односельцам, которые не поняли еще значения коллективизации, они должны втягивать в колхозы, на своем примере показывая, насколько колхоз выше и лучше, насколько колхоз больше приспособлен к нашей конечной цели.

На комсомольцах, которые работают на фабриках, лежит задача быть примерными борцами в борьбе за выполнение промфинплана, в борьбе за поднятие нашей промышленности.

И вот, во всей этой постоянной борьбе комсомолец должен вырабатывать из себя хорошего коммуниста. Он должен стремиться к тому, чтобы поднять грамотность. Мне за два дня пребывания здесь у вас пришлось убедиться в большой неграмотности у вас здесь, а неграмотный человек далек от политической жизни. Мне здесь пришлось в своей работе встретиться с такими моментами, что сплошь и рядом коммунисты, благодаря своей неграмотности, не могли проводить правильную политику партии, они сплошь и рядом оказывались на поводу у кулаков, они сплошь и рядом, когда бандиты восставали против коммунистов, оказывались в хвосте, убегали в лес, они не сумели бороться и отстаивать Советскую власть, они не сумели быть действительными стойкими коммунистами.

Одна из больших задач, которая ложится сейчас на комсомол, особенно в Дагестане, состоит в том, чтобы принять возможно более энергичное участие в ликвидации неграмотности. Каждый комсомолец, каждая комсомолка должны принять участие в этом деле, должны осознать, что только тогда они будут действительными комсомольцами и комсомолками, когда примут активное участие в этой работе.

Я очень мало знаю ваш город, но, когда я ехала с вокзала, я обратила внимание на Бюро по очистке города. Мне вспомнилось, как когда-то Владимир Ильич радовался, когда он получил письмо от группы крестьянских ребят, что они у себя в селе организовали вывозку навоза, что они работают коллективно и т. д. Я не знаю, принимаете ли вы участие в работе по созданию более культурных условий, я это привела пример того, что и в этой работе комсомол может принять активное участие, комсомол может бороться за создание более культурных условий, за создание более культурной жизни.

Надо сказать, что на вашем съезде довольно слабое участие принимают женщины — девушки.

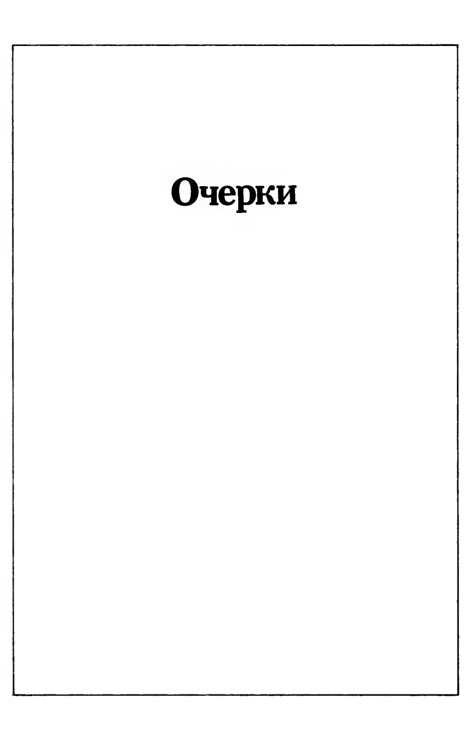
В ваших условиях одна из больших задач — это вовлечение женщин и девушек-горянок в вашу работу, чтобы рука об руку вместе перестраивать жизнь. Комсомол должен приложить больше усилий, чтобы втянуть девушек в свою организацию.

Те великие задачи, которые стоят перед нашей партией, тот генеральный план, план выполнения пятилетки в четыре года, должен встретить поддержку со стороны молодежи Красного Дагестана, должен встретить самую энергичную его помощь.

Я призываю вас всех к возможно более энергичной борьбе, к усилению учебы и практической работы, к борьбе со всякими уклонами, которые вам станут вполне ясными опять-таки только тогда, когда вы себе хорошенько представите борьбу за коммунизм.

Кончая свое краткое выступление, я позволю себе приветствовать вашу 12-ю конференцию Дагестанского комсомола и пожелать вам полного успеха в работе. *(Аплодисменты.)*

Печатается впервые,
по стенограмме



Очерки

ОТЕЦ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА — ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ УЛЬЯНОВ

1831—1886

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сколько-нибудь полной биографии Ильи Николаевича Ульянова нет еще до сих пор [1]. Между тем характеристика отца Владимира Ильича имеет большое значение не только для научной биографии В. И. Ленина, подготовка которой ведется в настоящее время Институтом Ленина [2]. Илья Николаевич и сам по себе был незаурядной личностью для того времени, в которое жил и работал. Это был один из пионеров в деле начального народного образования, его неутомимым деятелем в течение не одного десятка лет в ту пору, когда работа по просвещению народа была связана с большими трудностями, когда, по образному выражению Щедрина, «и просвещение, и продовольствие, и народная нравственность, и холера, и сибирская язва, и оспа — в одной горсти было» или только начинало пробивать себе путь.

В ту пору нужно было иметь большую веру, беззаветную преданность своему делу, подлинный идеализм и неиссякаемую энергию для того, чтобы, несмотря на все препятствия, которые ставились делу народного просвещения как правительством, так и реакционными слоями общества, сохранить душу живую, не охладеть и не опустить руки, как случалось впоследствии со многими деятелями на этом поприще эпохи «весны» [3], не свернуть на проторенную дорожку, а отдать все силы на служение народу, умереть за работой для него.

Илья Николаевич оставил после себя яркий след своей неутомимой деятельностью в своих учениках, в том кадре народных учителей и учительниц, в тех «ульяновцах», которых он выпестовал в духе лучших идей 60-х и 70-х гг., в тех своих современниках, которые, живя в «ульяновское время», заражались его неутомимостью и преданностью делу.

---

[1] Предисловие написано М. И. Ульяновой к первому изданию книги, напечатанному в июле 1931 г. *Ред.*

[2] Имеется в виду книга: *Сорин Вл.* «В. И. Ленин. 1870—1924. Краткая биография», подготовленная Институтом Ленина при ЦК ВКП(б) и выпущенная издательством «Московский рабочий» в 1931 г.

Решением Президиума ЦИК СССР Институт В. И. Ленина 3 ноября 1931 г. был объединен с Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса в Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) — ныне Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. *Ред.*

[3] Имеются в виду так называемые «освободительные» реформы 60-х гг. XIX в. *Ред.*

Предлагаемая читателям работа по биографии Ильи Николаевича является одной из первых попыток в этом направлении. Пишущей эти строки не было еще восьми лет, когда умер Илья Николаевич, и личные воспоминания о нем составляют поэтому лишь незначительную часть в данной работе. Основной материал для нее взят автором из ряда воспоминаний как о самом Илье Николаевиче, так и о той эпохе, в которую он жил и работал. Нами использованы, кроме того, ряд работ о начальном народном образовании эпохи 60-х и 70-х гг., так как нам казалось, что деятельность Ильи Николаевича, результаты, которых ему удалось достичь, а также условия, в которых она протекала, будут ярче и нагляднее на фоне общей, хотя бы и кратко очерченной картины положения народного просвещения в то время. До некоторой степени мы использовали и собственные свидетельства Ильи Николаевича о его работе — отчеты и обозрения начальных народных школ, которые он составлял ежегодно.

Из воспоминаний об Илье Николаевиче его родных, учеников, сослуживцев, а также других его современников мы выбрали лишь то, что вносит что-либо существенное в его характеристику и наиболее верно отражает его облик.

В цитатах из этих воспоминаний большое место уделяется нами очеркам В. Н. Назарьева, симбирского помещика, принимавшего одно время под влиянием «весны», которая характерна для эпохи 60-х и начала 70-х гг., и заразительного примера деятелей по народному просвещению, энергичное участие в общественной жизни, сначала в качестве мирового судьи, а затем члена училищного совета.

Эта деятельность дала Назарьеву богатый материал о положении школ, сблизила его с людьми, двигавшими в то время это дело вперед, и его очерки, печатавшиеся в «Вестнике Европы» и других изданиях того времени, вносят ценный вклад в характеристику эпохи и деятелей 60-х и 70-х гг. Перу Назарьева принадлежат и некоторые беллетристические произведения, как, например, «Бакенбарды», но особенно интересны его публицистические очерки, в которых он ярко рисует все перипетии борьбы за народную школу, усилия, которых это стоило в то время, и пр.

Недаром произведения Назарьева заслужили одобрительный отзыв известного критика П. Анненкова. «То, что я слышал из этой живописной этнографии (речь идет о «картине народного учебного дела в губернии, с его высшим и низшим персоналом и ее обстановкой».— *М. У.*), дает,— пишет он редактору «Вестника Европы» Стасюлевичу,— понятие об условиях провинциального образования более яркое, чем всевозможные трактаты».

Хвалебные отзывы давал об очерках Назарьева также И. С. Тургенев, который в одном из писем к Стасюлевичу писал о них: «Вот бы побольше таких!»

Назарьев близко знал Илью Николаевича, имел возможность на совместной работе наблюдать его деятельность.

В одном из своих писем Стасюлевичу Назарьев пишет, посылая ему свою статью «Современная глушь»: «Во второй главе вы, может быть, заметили идеального инспектора. Он бросается в глаза, потому что действительно представляет исключение. В шестой главе выступают инспектора иного склада, совершенно бесполезные и ненужные».

«В своей статье,— пишет он в другом письме,— я хлопотал более всего о том, чтобы передать правдивую историю школьного дела в нашем бывшем уезде и потому обязан был сказать правду о нашем бывшем инспекторе Ульянове, представляющем редкое, исключительное явление между инспекторами. Это старый студент, сохранившийся таким, каким сидел на студенческой скамье, до настоящего времени, это одна из личностей, которых когда-то так мастерски изображал Тургенев, это студент в лучшем смысле этого слова».

Некоторые характеристики, данные Назарьевым об Илье Николаевиче, приведены нами в настоящей работе.

Но, приводя отрывки из воспоминаний и характеристик Назарьева, мы должны сделать некоторую оговорку. Для автора «Современной глуши», «Вешних всходов» и других очерков, помещика по складу и привычкам, его деятельность была до некоторой степени лечением от скуки и временным, хотя, может быть, и искренним увлечением. Позднее он разочаровался в нем.

В своем письме от 23 марта 1880 г. Анненков, давая отзыв об очерке «Мученики захолустья», писал, что то, что прежде составляло предмет «увлечения и восторга» Назарьева «теперь... потемнело несколько в его глазах, но потому что ему и в голову не приходило подумать о том, чего следует ожидать и что может быть заложено в известном порядке вещей. Вот он и выкладывает свои разочарования и выкладывает хорошо и эффектно».

То, что для помещика Назарьева, избалованного жизнью, было большой жертвой и чуть ли не подвижничеством,— для Ильи Николаевича, разночинца, глубоко и всецело преданного своему делу, являлось лишь выполнением долга, давало ему высшее моральное удовлетворение.

Другую оговорку мы должны сделать относительно знакомств и связей Ильи Николаевича. Ввиду недостатка материала, мы смогли лишь бегло коснуться некоторых из них, основываясь главным образом на данных архивных фондов и небольшого количества свидетельств современников Ильи Николаевича.

Тем не менее мы считаем целесообразным не откладывать опубликование нашей работы, особенно ввиду того, что 26 июля 1931 г. исполняется столетие со дня рождения Ильи Николаевича.

М. Ульянова

I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИЛЬИ НИКОЛАЕВИЧА.— УСЛОВИЯ, С КОТОРЫМИ БЫЛО СВЯЗАНО ЕГО ОБРАЗОВАНИЕ.— СЛУЖБА В ПЕНЗЕ.— ЗНАКОМСТВА И СВЯЗИ

Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич Ульянов, родился в Астрахани 26 (14) июля 1831 г. Он происходил из бедной мещанской семьи. Дед его был крестьянином [1], а отец жил в городе и служил в каком-то торговом предприятии (по профессии он был портным)[2]. После смерти отца, который умер, когда Илье Николаевичу было всего семь [3] лет, семья осталась без всяких средств.

«Своим образованием — а он получил не только среднее, но и высшее — он обязан всецело своему старшему брату Василию Николаевичу. Не раз в жизни вспоминал Илья Николаевич с благодарностью брата, заменившего ему отца, и нам, детям своим, говорил, как обязан он брату. Он рассказывал нам, что Василию Николаевичу самому хотелось очень учиться, но умер отец, и он еще в очень молодых годах остался единственным кормильцем семьи, состоявшей из матери, двух сестер [4] и маленького брата. Ему пришлось поступить на службу в какую-то частную контору и оставить мечты об образовании. Но он решил, что, если самому ему учиться не пришлось, он даст образование брату, и по окончании последним гимназии [5] отправил его в Казань, в университет, и помогал ему и там, пока Илья Николаевич, с детства приученный к труду, не стал сам содержать себя уроками.

Василий Николаевич не имел своей семьи и всю жизнь отдал матери, сестрам и брату»[6].

---

[1] Согласно архивным документам, дед И. Н. Ульянова, Василий Никитич, был крепостным крестьянином. *Ред.*

[2] По сообщению тов. П. Усачева, в книге «На записку мастеров» астраханской ремесленной управы на 1834 г. Николай Васильевич Ульянинов (фамилия деда писалась в то время и Ульянов, и Ульянин, и Ульянинов) значится портным. О том, что Николай Васильевич был портным, сообщает и племянница М. Н. Горшковой (старшей дочери Николая Васильевича) С. А. Ветлугина... *М. У.*

[3] Когда умер отец, Илье Николаевичу было пять лет. *Ред.*

[4] Старшая из них, Мария Николаевна, вышла замуж еще при жизни отца. *М. У.*

[5] За все время своего обучения в гимназии Илья Николаевич только два раза получил из экономических сумм гимназии пособие по 25 руб. (см.: *Остроумов Т.* Исторический очерк астраханской 1-й мужской гимназии за время с 1806 по 1914 год. Астрахань, 1916, с. 720). *М. У.*

[6] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче.— В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. 3-е изд. М., 1984, т. 1, с. 13. *Ред.*

Василий Николаевич умер в 1878 г. На астраханском кладбище до сих пор сохранился памятник, сооруженный на его могиле сослуживцами, среди которых он оставил по себе добрую память. Мария Николаевна умерла еще раньше, и из

Илья Николаевич оправдал надежды, которые возлагал на него его старший брат. Способности у него были хорошие, и он окончил астраханскую гимназию одним из первых, с серебряной медалью [1]. Но в свидетельстве, выданном Илье Николаевичу по окончании гимназии, указывалось, что «Ульянову, как происходящему из податного состояния, не предоставляется тем никаких прав для вступления в гражданскую службу»[2]. Это же «податное состояние» затруднило ему получение стипендии при поступлении в университет. На ходатайство директора астраханской гимназии о предоставлении стипендии Ульянову, как «даровитому мальчику», не имеющему никаких средств, чтобы продолжать образование, последовал ответ попечителя Казанского учебного округа, в котором указывалось, что стипендии имеют целью «облегчить лишь чиновникам способы к воспитанию детей. Но для приема Ульянова, принадлежащего к мещанскому сословию... в число стипендиатов... нет достаточного основания». И, поступив на физико-математический факультет Казанского университета, «на своем содержании», Илья Николаевич в значительной степени сам зарабатывал средства к жизни, давая частные уроки.

Таким образом, отцу рано пришлось изведать материальные лишения, он рано стал самостоятельным, сам пробивал себе дорогу в жизни, и это закалило его характер, выработало большую трудоспособность, строгое отношение к выполнению своего долга (пример чего еще в детстве подавал ему брат Василий). Эти черты вместе с «большой настойчивостью в проведении намеченного плана всякой взятой на себя работы» были характерны для Ильи Николаевича в течение всей его жизни. Несмотря на слабое здоровье, он работал всегда очень много.

В 1854 г. Илья Николаевич окончил Казанский университет со званием кандидата математических наук, представив письменную работу [3], которая получила одобрение факультета,

---

родных отца я помню только Федосью Николаевну, младшую его сестру, добрую женщину, небольшого роста, с черным платком на голове, которая приезжала както к нам в Симбирск и которую отец, а после его смерти мать поддерживали, посылая ей денег. *М. У.*

[1] Число оканчивающих курс в астраханской гимназии и поступающих в университет было в то время очень незначительно и исчислялось единицами. В 1850 г., например, в год окончания гимназии Ильей Николаевичем, только он один из 4 окончивших курс гимназии поступил затем в университет (см.: *Остроумов*, цит. работа, с. 749). *М. У.*

[2] Из свидетельства об окончании астраханской гимназии за № 616 от 19 июля 1850 г. *М. У.* (Факсимиле «Свидетельства» опубликовано в кн.: *Горохов В. М., Рождественский Б. П.* Илья Николаевич Ульянов и его педагогическая деятельность. Казань, 1942, с. 10—11. *Ред.)*

[3] На тему «О способе Ольберса и его применении к определению орбиты кометы Клинкерфюса». *М. У.*

и в мае 1855 г. был назначен старшим преподавателем физики и математики в высшие классы Пензенского дворянского института.

Пензенская губерния даже на фоне дореформенной России представляла собою из ряда вон выходящее явление. Точно в средневековом феодальном княжестве чуть не 30 лет безответственно и бесконтрольно «княжил» там в чине губернатора местный крупный помещик Панчулидзев. Окружив себя теплой компанией родственников и друзей из среды дворянства, он пользовался среди местных помещиков неограниченным доверием и поддержкой, которые основывались на принципе «рука руку моет». А все остальное население терпело полный произвол, самоуправство и злоупотребления, которые принимали иногда прямо сказочный характер. Был, например, случай, когда становой пристав украл с большой дороги деревянный мост.

Во время владычества Панчулидзева подавленность в губернии достигала такой степени, что никто не решался возвысить голос, протестовать или жаловаться. Эта забитость и подавленность сказывалась еще долгое время после смещения Панчулидзева и его клики. Новый губернатор, граф Толстой, не понимая, в чем действительно было дело, объяснял незначительное количество тяжебных дел в губернии «кротостью и миролюбивыми наклонностями народонаселения». В течение 30 лет Пензенская губерния, несмотря на безобразия, творившиеся в ней, была в Петербурге на лучшем счету, потому что из Пензы туда «никогда не доходило ни одной истории». Вскрылась вся эта «панама» ревизией сенатора Сафонова, когда пензенцы, почувствовав веяние нового духа при новом царствовании, решились, наконец, на донос. Формально этот донос исходил от какого-то мелкого писца Полилогова, но «нет никакого сомнения,— писал сенатор Сафонов,— что Полилогов есть только орудие других людей с высшим образованием, со средствами и подробным знанием всех местных отношений и людей».

Пенза была глухим, провинциальным городком, и число жителей ее в 1860 г. не превышало 25 тысяч. Вступая в управление гу-

---

Последующий текст добавлен М. И. Ульяновой при подготовке 2-го издания книги: «Об этой работе профессор астрономии М. Ковальский дал следующий отзыв: «Сочинение студента 4-го курса г. Ульянова представляет полное изложение способа Ольберса для вычисления параболической орбиты кометы с дополнениями Энке и Гаусса. Применение этого способа к вычислению элементов кометы, виденной простым глазом в прошлом году, и согласие результатов г. Ульянова с результатами, опубликованными в Astr. Neuhr., показывает, что г. Ульянов постиг сущность астрономических вычислений, которые, как известно, весьма часто требуют особых соображений и приемов. Это сочинение я считаю вполне соответствующим степени кандидата математических наук». *Ред.*

бернией, генерал-лейтенант граф Толстой так описывал этот город во всеподданнейшем рапорте:

«Губернский город Пенза выстроен на оконечности и по скатам продолговатого, довольно возвышенного бугра, у подошвы которого протекает незначительная речка Пенза, впадающая в двух верстах от центра города в судоходную реку Суру. Вершина бугра образует покатую площадь, на которой стоит собор, архиерейский и губернаторский дома, присутственные места, одна приходская церковь, главный военный караул и небольшой общественный садик, окруженный решеткой. Лучшие улицы идут параллельно одна другой в обе стороны от этой площади по скатам бугра. Далее от подошвы городские строения наиболее бедных жителей занимают низкую равнину и оканчиваются принадлежащими к городу слободами государственных крестьян. Такое местоположение, весьма живописное, затрудняет, однако же, во многих местах внутреннее по городу сообщение, особенно в грязную пору года. К сему должно присовокупить, что город вовсе не мощен, по недостатку на то средств»[1].

Как ни сжата была вся губерния в полицейском кулаке, в ней, несмотря на это, или, может быть, как раз поэтому, развивались и росли среди молодежи революционные настроения. Далеко не все благополучно в смысле политической благонадежности как в учительской, так и в ученической среде, было и в мужской гимназии, а также в дворянском институте.

23 ноября 1860 г. в последнем разыгрался небывалый по тому времени скандал. На годичном акте института, на котором присутствовали высшие власти города в лице губернатора, архиерея, предводителя дворянства и т. п., а также родители учащихся, старший преподаватель словесности Логинов произнес речь на тему «Очерк сатирического направления русской литературы XVIII века». Под видом критики порядков и нравов XVIII в. Логинов ярко и зло высмеял современное ему общество. Иллюстрируя свою речь цитатами из Кантемира, Сумарокова и пр., он говорил о «невежестве, наглом презрении к законности и правам человечества, крайнем нравственном развращении, которым отличались люди... прошлого века, облеченные во всеоружие наружного блеска, чванной лживости и фарисейского лицемерия... самоуправстве, тупом презрении к народу, безверии, смешанном с ханжеством и боязнью черта, надменном высокомерии, так легко и быстро переходившем в подлость и унижение»[2] и т. п. Правда, в своей речи автор ее

[1] Дело департамента общих дел министерства внутренних дел № 28, 1860 г. «О первом обозрении генерал-лейтенантом гр. Толстым Пензенской губ. за 1859 г.» *М. У.*

[2] Дело департамента народного просвещения № 247, 1860 г. «О речи, произнесенной на акте Пензенского дворянского института старшим учителем Логиновым». *М. У.*

провозглашал «славу всещедрому создателю, что судил он нам жить теперь, а не в старые беспутные годы», но пензенское общество, недалеко ушедшее от этих «беспутных годов», узнало в речи само себя, и возмущению его не было пределов. Полетели доносы в министерство, посыпались выговоры, кары и т. п. Хотя речь получила предварительное одобрение и разрешение на прочтение ее на акте от Казанского учебного округа, который признал, что «общественное мнение нисколько не может быть затронуто резкими выдержками о прошедших предрассудках» и указанная речь «доставит, конечно, для просвещенной публики, для которой она написана, много поучительных воспоминаний о прошедшем общественном состоянии общества», но тем не менее автор речи получил выговор и был перемещен в другой город [1], выговор был объявлен и педагогическому совету Пензенского дворянского института, а также историко-филологическому факультету Казанского университета и в частности профессору Григоровичу, которому факультет поручил ознакомиться с речью и дать о ней свое заключение.

Логинов был не единичным представителем передового учительства в Пензе. Генерал-адъютант Огарев, командированный весной 1863 г. в Пензенскую и приволжские губернии с целью «обнаружения связей и злонамеренных сношений политических агитаторов», писал в своем отчете Александру II: «Общий дух отрицания и неверия, исходящий преимущественно из Казанского университета, явно обозначается на некоторых преподающих в различных учебных заведениях, которые поэтому в дело воспитания вносят основания безнравственности»[2].

К числу таковых Огарев отнес в Н. Новгороде В. И. Захарова, включенного в список лиц, подлежащих особому надзору, так как он «пользовался дурной репутацией во время службы в двух институтах»[3]. До переезда в Н. Новгород Захаров учительствовал в Пензенском дворянском институте и был дружен с Ильей Николаевичем, который жил у него на квартире. Среди учащихся Захаров пользовался любовью и уважением, и Н. С. Таганцев отзывается о нем в своих воспоминаниях как «о самом дорогом мне человеке моего гимназического курса, так двинувшего мое умст-

---

[1] В 1866 г., после покушения Каракозова, Логинов был сначала переведен из самарской гимназии, где он преподавал, «за стремление проводить между учащимися идеи крайнего социализма» в казанскую гимназию, а затем совсем лишен права заниматься педагогической деятельностью (Дело департамента народного просвещения № 113, 1866 г. «Об увольнении учителя 2-й казанской гимназии Логинова от службы»). *М. У.*

[2] Дело архива министерства внутренних дел по особой канцелярии № 131, 1863 г. *М. У.*

[3] Там же. *М. У.*

венное, да, пожалуй, и нравственное развитие»[1]. В числе его учеников были и будущие члены ишутинского кружка, а Ишутин и Каракозов жили одно время у Захарова на квартире[2]. Он был значительно умереннее «ишутинцев», что возбуждало позднее недовольство у его бывших учеников. Но как бы то ни было, Захаров «потерпел» по каракозовскому делу. На запрос следственных властей... заинтересовавшихся направлением учительского персонала в Пензенском дворянском институте и мужской гимназии, воспитанниками которых было большинство «ишутинцев», жандармский штаб-офицер характеризовал Захарова как человека, «в высшей степени вредно влиявшего на учеников политически», и Захарову пришлось оставить педагогическую деятельность[3].

Фамилия отца также упоминалась во время следствия по каракозовскому делу. До своего ареста, весной 1864 г., член ишутинского кружка Н. П. Странден[4], учившийся раньше в Пензенском дворянском институте, приехал в Н. Новгород, чтобы сдать там экзамен за гимназический курс. Он жил в Нижнем у своего товарища, Васильева. Будучи привлечен по каракозовскому делу, Н. Странден на вопрос следователя о его знакомых в Нижнем ответил: «Кроме родственников Васильева и бывших моих учителей, Ульянова и Ауновского, знакомых я там не имел»[5].

Это упоминание фамилии отца одним из обвиняемых по каракозовскому делу не имело никаких последствий для Ильи Николаевича, да, возможно, и Захаров был впутан в эту историю благодаря неистовству следственных властей, производивших колоссальное количество обысков и арестов у всех, хотя бы косвенно знакомых с кем-либо из обвиняемых по этому процессу. Возможно, что репрессии по отношению к Захарову (в Нижнем у него был

[1] *Таганцев Н. С.* Пережитое. Пг., 1919, вып. 2, с. 31. *М. У.*

[2] См.: *Клевенский М. М.* Ишутинский кружок и покушение Каракозова. М.: Изд-во Политкаторжан, 1927, с. 32. *М. У.*

[3] В Нижнем Новгороде он служил одно время управляющим у помещика Левашева, который тоже был отнесен в разряд неблагонадежных. *М. У.*

[4] Будучи еще учеником Пензенского дворянского института, Н. Странден и другие «ишутинцы» проявили себя разного рода протестами, кончавшимися нередко увольнением строптивых. По делу Каракозова Странден был приговорен к двадцатилетней каторге. Выйдя на поселение, он занимался совместно с Юрасовым сельским хозяйством и достиг в этой области больших результатов — их хозяйство считалось показательным. Кроме того, Странден занимался обучением грамоте якутских детей (см.: Покушение Каракозова. М.: Изд-во Центрархива РСФСР, 1928, с. 306—307). *М. У.*

[5] «Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии о покушении на жизнь его императорского величества 4 апреля 1866 г.», т. 4, л. 40. В деле фигурировало и письмо Ильи Николаевича, данное им одному из его бывших учеников, привлеченных позднее по каракозовскому делу, и имевшее целью облегчить подателю его поступление в Московский университет. *М. У.*

обыск) вызывались тем обстоятельством, что следствием была установлена подготовка «ишутинцев» к освобождению Чернышевского и подозревалось, что симпатии к сосланному писателю привиты бывшим ученикам Пензенского дворянского института их преподавателем словесности В. И. Захаровым.

Хорошие отношения были у Ильи Николаевича и с преподавателем естественных наук В. А. Ауновским. После службы в Пензе он был переведен в Н. Новгород, а затем служил недолго инспектором симбирской гимназии, исполняя одновременно обязанности секретаря Симбирского статистического комитета. Членом этого комитета был и Илья Николаевич, который принимал участие и в «Симбирских сборниках», издававшихся при Статистическом комитете и редактировавшихся Ауновским. Ауновский умер еще молодым в 1872 г.[1]

В Пензе, в семье своего сослуживца, инспектора дворянского института И. Д. Веретенникова, который был женат на старшей сестре нашей матери, Илья Николаевич познакомился в начале 60-х гг. и со своей будущей женой, Марией Александровной Бланк. Мария Александровна была дочерью врача, мещанина по происхождению, человека передового, идейного, сильного и самостоятельного, чуждого всякого карьеризма и прислужничества. Выйдя в отставку, А. Д. Бланк купил небольшое имение в Казанской губернии и занялся сельским хозяйством, оказывая в то же время медицинскую помощь окрестному крестьянству. В этой деревушке, в простой, суровой обстановке (дед воспитывал своих детей по-спартански) прошла большая часть детства и юности Марии Александровны. Она была очень одаренным, недюжинным человеком, и ей страстно хотелось учиться, но дед был против закрытых учебных заведений, а других в то время не было. Приглашать же учителей в деревню для занятий с дочерьми у него не было средств. И Марии Александровне пришлось ограничиться домашним образованием. С помощью тетки немки, воспитывавшей ее и сестер, она изучила иностранные языки и музыку, которую страстно любила. Позднее самостоятельно подготовилась и сдала экзамен на звание учительницы начальных училищ. По наружности Мария Александровна была очень красива: правильные черты лица, умные выразительные глаза, приветливое, спокойное и в то же время какое-то величавое выражение лица. Во всем ее существе чувствовалась большая нравственная сила, выдержка и цельность. Илья Николаевич женился летом 1863 г. и был очень счастлив в своей семейной жизни.

---

[1] В. А. Ауновский скончался в 1875 г. в Пскове. *Ред.*

II
МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ.— ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПЕНЗЕ И В Н. НОВГОРОДЕ.— ОБСТАНОВКА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ.— ВЛИЯНИЕ ЭПОХИ 60-х ГОДОВ.— ПЕРЕЕЗД В СИМБИРСК

В Пензе Илья Николаевич пробыл 8 лет. Помимо преподавания в дворянском институте на Илью Николаевича была возложена обязанность заведовать метеорологическими наблюдениями. Эта работа была поручена ему по предложению знаменитого математика, проф. Лобачевского, который был в то время помощником попечителя Казанского учебного округа и знал, что Илья Николаевич еще в университете занимался при метеорологической обсерватории. Метеорологическим наблюдениям придавала большое значение не только обсерватория при Казанском университете, в них было заинтересовано и с.-х. общество юго-восточной области, но для производства их одно время безуспешно подыскивался «надежный и сведущий» человек. Илья Николаевич вел работу безвозмездно за все время своей службы в Пензе, с чрезвычайной аккуратностью и тщательностью, как всякую работу, за которую он брался.

Заведующий метеорологическим бюро Пензенского губземуправления, ныне покойный В. Ф. Невзоров, писал в своих воспоминаниях, что «лишь с 50-х годов наши метеорологические наблюдения начинают принимать действительно научный характер, и отношение метнаблюдателей к метделу становится вполне серьезным. В этом отношении мы особенно должны отметить период 1856—1863 годов,— пишет он,— когда метнаблюдения на Пензенской метеорологической станции взял на себя Илья Николаевич Ульянов... С этого времени в Пензе в сущности и начинаются действительно научные метеорологические наблюдения»[1].

В то же время отец написал научную работу «О грозе и громоотводах», которая была предназначена для прочтения на акте и получила одобрение физико-математического факультета Казанского университета.

---

[1] *Невзоров В. Ф.* Климатический очерк Пензенской губернии.— В кн.: Юбилейный сборник. Памяти Ильи Николаевича Ульянова (1855—1925 гг.). Пенза, 1925, с. 47—48 (разд. паг.).

Материалы метеорологических наблюдений, произведенных Ильей Николаевичем, хранятся в архиве Главной географической обсерватории и Физического кабинета Казанского университета. «В обработанном виде результаты наблюдений И. Н. Ульянова использованы в работах: «Correspondance Meteorologique» («Метеорологический бюллетень»), 1857 и 1858 гг., профессора Купфера; «Материалы для географии и статистики России» Сталя и Рябинина, Пензенская губ., ч. 1, с. 163—227; «О температуре воздуха в Российской империи». С.-Петербург, 1878 г., академика Вильда. Подробно см.: Юбилейный сборник. Памяти И. Н. Ульянова (1855—1925 гг.). *М. У.*

«Ссылка И. Н. Ульянова на иностранный источник (де-ла-Рива, на французском языке), бывший в то время, по отзывам специалистов, совершенно новым,— пишет М. Молебнов,— говорит за то, что данная работа выходит за пределы казенщины и свидетельствует о высоте культурного развития автора и наличия у него чисто научного интереса. Работа к тому же написана прекрасным литературным языком»[1].

Условия для педагогической работы в Пензе, особенно в последние годы пребывания там Ильи Николаевича, были далеко неблагоприятны.

Хотя Пензенский институт именовался дворянским и обслуживал исключительно детей дворян, он содержался на средства крестьян [2], и с 1861 г., когда этот источник прекратился с освобождением крестьян и от дворянства также почти не поступало средств, материальное положение института пришло совсем в упадок [3].

«Последние годы службы И. Н. Ульянова в институте,—пишет М. Молебнов, основываясь на данных архивного фонда Пензенского дворянского института,— протекали в крайне неблагоприятной обстановке. Крайняя материальная необеспеченность института... расшатала учебное дело. В 1862 г. половина учеников осталась на второй год... Исключение, порка розгами стали единственными методами воспитания»[4].

Все это побудило Илью Николаевича еще в 1862 г. начать хлопоты о переводе из Пензы. При содействии директора нижегородской мужской гимназии А. В. Тимофеева [5], бывшего преподавателя астраханской гимназии в то время, когда там учился Илья Николаевич, и позднее служившего с ним одновременно в Пензенском дворянском институте, Илья Николаевич получил место старшего

---

[1] *Молебнов М.* Жизнь и деятельность И. Н. Ульянова в Пензе (1855 - 1863 гг.).— В кн.: Юбилейный сборник. Памяти И. Н. Ульянова, с. 14.

Ссылка на сочинение на французском языке в работе Ильи Николаевича показывает, что он владел им. В начале 60-х гг., когда Илья Николаевич познакомился в Пензе со своей будущей женой Марией Александровной, они занимались вместе, по рассказам Л. И. Веретенниковой, и английским языком. *М. У.*

[2] В 1839 г. сверх податей было положено собирать в течение 5 лет с души 33 с $^{1}/_{4}$ коп. ассигнациями на постройку дома, а потом по 43 с $^{1}/_{4}$ коп. ассигнациями на содержание института (из донесения директора Шарбе). *М. У.*

[3] Вследствие этого и без того незначительное жалованье учителей не выплачивалось месяцами. Илья Николаевич, например, часть заработанных им денег получил лишь после долгих хлопот в декабре 1863 г., когда он был уже в Нижнем. *М. У.*

[4] *Молебнов М.* Жизнь и деятельность И. Н. Ульянова в Пензе.— В кн.: Юбилейный сборник. Памяти И. Н. Ульянова, с. 16—17. *М. У.*

[5] С 1864 г. А. В. Тимофеев исполнял обязанности окружного инспектора при Казанском учебном округе, и в 1869 г., когда Илья Николаевич перевелся в Симбирск, они снова встретились на общей работе. *М. У.*

учителя физики и математики в этой гимназии и осенью 1863 г. переехал в Н. Новгород.

Помимо уроков в нижегородской мужской гимназии Илья Николаевич преподавал и в женской гимназии, давал уроки на землемерно-таксаторских курсах и исполнял обязанности воспитателя в Александровском институте [1]. Как в Пензе, так и в Н. Новгороде Илья Николаевич относился к своей педагогической деятельности с большим знанием и любовью. Физика была его любимым предметом, а кроме того, он «был педагогом в душе, любившим свое дело». «Он не ограничивался формальным знанием того, что необходимо преподавателю. У него был научный интерес к своему предмету, интерес тем более ценный, что он часто не находил себе практического применения в деле преподавания»[2]. Но и в этом деле он «не один раз выходил за пределы своих чисто учительских обязанностей, а в сфере последних был педагогом, по тому времени, далеко незаурядным»[3].

Илья Николаевич умел заинтересовывать учеников и добиваться в занятиях с ними хороших результатов не строгостью и наказаниями, к которым он не прибегал, будучи «снисходителен и терпелив с учениками», а тем авторитетом, который он завоевывал среди них.

Позднее, когда Илья Николаевич работал уже в качестве инспектора народных училищ в Симбирской губернии, он в отчете о состоянии школьного дела за 1872 г. писал:

[1] Обязанности воспитателя Александровского института Илья Николаевич выполнял только один год и в 1864 г. был освобожден от них согласно прошению. Отказ Ильи Николаевича от работы в институте совпал по времени с переводом Тимофеева, бывшего одновременно управляющим дворянским институтом, на должность окружного инспектора Казанского учебного округа. Перевод этот был замаскирован «повышением», но вызывался происками и интригами ставленника нижегородского дворянства, инспектора дворянского института Розинга, метившего на место Тимофеева. Несмотря на явную недопустимость действий Розинга, осужденных и попечителем Казанского учебного округа Шестаковым, признавшим, что «г. Розинг не может и не должен быть воспитателем ни в одном заведении округа», несмотря на согласие на увольнение Розинга со стороны министра народного просвещения, Розинг все же добился через некоторое время желанного поста. Назначение его директором дворянского института состоялось по распоряжению Александра II, который «в уважение ходатайства нижегородского дворянства» согласился на его просьбу. И в то же время, чтобы не обидеть только что перед этим уволившего Розинга попечителя Шестакова, произвел последнего в действительные статские советники. В связи с назначением Розинга директором «курс» в дворянском институте резко изменился, и, вероятно, это побудило Илью Николаевича просить об освобождении его от работы там в качестве воспитателя. *М. У.*

Последующий текст добавлен М. И. Ульяновой при подготовке 2-го издания книги: «Осенью 1865 г. он отказался и от преподавания физики в Мариинской женской гимназии, а в 1866 г., ввиду закрытия землемерно-таксаторских курсов, прекратил там занятия по планиметрии». *Ред.*

[2] *Молебнов М.* Жизнь и деятельность И. Н. Ульянова в Пензе. — В кн.: Юбилейный сборник. Памяти И. Н. Ульянова, с. 16. *М. У.*

[3] Там же, с. 11. *Ред.*

«В хорошо организованных училищах и у преданных своему делу учителей не встречается надобности употреблять какие бы то ни было меры взыскания с учащихся, потому что последние любят и уважают своих наставников и не позволяют огорчать их каким-нибудь поступком».

К этому выводу Илья Николаевич пришел, очевидно, на основании собственного педагогического опыта. А это было время, когда телесные наказания применялись не только в низших, но и в средних учебных заведениях.

В свободное время Илья Николаевич помогал отстающим, а с бедными учениками, не имевшими возможности приглашать репетиторов, занимался по воскресеньям бесплатно. В те времена учителя, относившиеся к своему делу не по-казенному, а с интересом и любовью, были редки, и немудрено, что Илья Николаевич пользовался большой любовью среди своих учеников.

«Илью Николаевича Ульянова мы — гимназисты — глубоко уважали и любили,— рассказывает его бывший ученик, проф. М. Карякин.— Уважали за прекрасное знание им своего предмета и за талантливое, толковое изложение его и любили его за его неизреченную доброту и снисходительность к нашим проступкам в поведении и промахам в математике. Насколько я помню, не было случая, чтобы Илья Николаевич пожаловался на ученика директору за дерзость или на упорную леность. Сора из своего класса он не выносил, покрывая все своим удивительным незлобием и добродушием. По наружности это был небольшого роста худощавый человек с лысинкой, с очень ласковыми карими глазами. Недаром, видно, сказано, что глаза — это «зеркало души». Это была действительно добрая, всепрощающая и любящая душа... Обаяние личности Ильи Николаевича оказывало на нас благотворное влияние: некоторые из нас полюбили математику настолько, что впоследствии, в университете, избирали ее своей специальностью...»[1].

Хорошие отзывы давало об Илье Николаевиче, как об учителе, и его начальство. В отчете «О состоянии дворянского института» за 1858 г. Илья Николаевич характеризуется «как выделившийся по способностям и успехам в преподавании». В 1859 г. он получает «за отличную усердную службу» награду в 150 руб. И в том же году сенатор Сафонов, производивший ревизию Пензенской губ., отмечает Илью Николаевича «за отличный порядок и добросовестное исполнение своих обязанностей». И наконец, во время ревизии Пензенского института осенью 1862 г. ревизор Постельс, наряду с отрицательным отзывом о преподавании в институте различных предметов, пишет: «По математике и физике успехи учеников

[1] *Карякин М.* И. Н. Ульянов (По воспоминаниям его ученика).— В кн.: Юбилейный сборник. Памяти И. Н. Ульянова, с. 19, 21.

достаточные: преподаватель Ульянов с усердием занимается своим предметом»[1].

В Н. Новгороде Илья Николаевич пробыл шесть лет.

«В Нижнем Новгороде, где родители прожили шесть лет,— рассказывает Анна Ильинична,— у них составился кружок знакомых из педагогического персонала гимназии, людей, подходящих по социальному положению и развитию, объединенных к тому же коридором гимназического здания, в котором большинство из них имело квартиры. У матери моей — от природы живого и общительного характера — были там добрые приятельницы; можно было, уложив детей, собраться почитать, поболтать, помузицировать вместе... Отец читал иногда вслух по вечерам, между прочим, печатавшуюся тогда частями «Войну и мир» Толстого»[2].

Но, несмотря на благоприятные условия работы в Н. Новгороде, который был в то время одним из наиболее оживленных провинциальных городов, несмотря на то, что Илья Николаевич имел там «спокойное и до некоторой степени насиженное место», он решил переехать в Симбирск. Это был гораздо более глухой, чем Н. Новгород, захолустный провинциальный городок. К. И. Коренев метко описал его в своем стихотворении «Воспоминание»:

Я не забыл тебя далекий,
Но сердцу близкий городок,
И Волги берег твой высокий,
И тротуары из досок;
Твои пастушеские нравы,
Стада баранов и коров,
Весной — чрез лужи переправы,
Зимой — бугры твоих снегов;
Главу блестящую собора,
Уютных домиков ряды,
А там, по склону косогора,
Твои фруктовые сады;
Твой тарантас шестиаршинный,
Костюм мордвы, чуваш, татар,
И чисто русский быт старинный
Твоих приветливых (!) бояр[3].

«С уважением вспоминали его, как любимого учителя, доктор Жбанков и такие «добившиеся степеней известных» при старом режиме люди, как сенатор Таганцев и прокурор Неклюдов» (*Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове.— В кн.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.: Сборник. М.; Л., 1927, с. 33). *М. У.*

[1] Дело департамента народного просвещения № 25, 1858 г. «Состояние пензенской и симбирской дирекций, осмотренных инспектором казенных училищ Казанского учебного округа». Дело департамента народного просвещения № 109, 1860 г. «О поручении члену Главн. правления училищ князю Цертелеву обозреть учебные заведения в Пензе». Дело департамента народного просвещения № 208, 1859 г. «Об обозрении учебных заведений Пензенской губ. сенатором Сафоновым». *М. У.*

[2] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове.— В кн.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 41. *М. У.*

[3] *Мартынов П.* Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1898, с. 55. *М. У.*

Симбирск назывался «дворянским гнездом» по обилию дворянских поместий в его окрестностях. Сословная солидарность была отличительной чертой тогдашнего дворянского общества в Симбирске. «Общая дружба, скрепленная близким родством, особенно отличала симбирское дворянство и придавала ему огромную силу. Если действия кого-либо из их среды были очевидно неправильны, то все общество, даже иногда в ущерб справедливости, принимало все меры к тому, чтобы как-нибудь оправдать поступок виновного и вообще выгородить его; если же случалось кому-нибудь из них быть обиженным, то гнев всего сплоченного общества обрушивался на виновника»[1]. Дворянство водило компанию в своей среде, соря деньгами, проводя жизнь в роскоши, празднествах и безделии. Освободительные реформы 60-х гг. не могли не нанести ущерба его материальному благополучию, и понятно, что все стремления реакционной части дворянства были направлены на то, чтобы эти реформы не были проведены в жизнь. Таково было, несомненно, желание громадного большинства дворянского сословия.

У реакционной партии «существовала уверенность, что возможно еще убедить Александра II отложить окончательное освобождение крестьян, которое должно было состояться 19 февраля 1863 года»,— пишет Кропоткин[2].

И как раз в это время, в начале 60-х гг., в Петербурге и в ряде провинциальных городов произошли грандиозные пожары. Они явились, несомненно, следствием поджогов, но виновники, которых искали преимущественно среди поляков и русских революционеров, так и не были обнаружены. Однако реакционеры использовали эти пожары и немедленно после них «сильно стали агитировать в пользу отсрочки освобождения и пересмотра практического применения закона»[3].

Возможно, что виновников искали не там, где они были в действительности. Это предположение подтверждает обстановка расследования причин ужасного пожара в Симбирске, во время которого сгорел почти весь город.

«...Когда туда был послан для следствия сенатор Жданов, он закончил расследование с твердым убеждением, что симбирский пожар был делом реакционной партии... В хорошо осведомленных кругах говорили, что Жданов возвращался в Петербург с положительными доказательствами виновности симбирских реакционеров; но он внезапно умер в дороге, а портфель его исчез и никогда не был найден»[4].

[1] *Мартынов П.* Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1898, с. 316. *М. У.*

[2] *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М.: Изд-во Политкаторжан, 1929, т. 1, с. 195. *М. У.*

[3] Там же. *М. У.*

[4] Там же. *М. У.*

На место Жданова [1], который вел расследование в течение двух лет, в Симбирск был послан генерал Ден, который «тотчас же освободил из тюрьмы всех лиц, заподозренных сенатором Ждановым» (а их было так много, что в тюрьмах не хватало мест для арестованных), и «прекратил расследование». А в 1869 г. Правительственный сенат постановил предать это дело «забвению»[2].

Реакционно настроенное дворянство в своем большинстве было одной частью симбирского общества, а другой его частью было «чиновничество, поддерживавшее знакомство по ведомствам, строго придерживаясь табели о рангах». Интереса для культурных идейных людей, какими были наши родители, это общество не могло представлять.

Но Илья Николаевич все же решился на переезд в Симбирск.

Что побудило его к этому? Мы думаем, что объяснение надо искать в особенностях эпохи, в настроении умов передового общества того времени.

Это была эпоха освободительного движения 60-х гг. Сознание необходимости работать в народе и для народа, которому надо было «заплатить долг», которого нужно было просветить и вывести из темноты, нищеты и бесправия, широко охватило все передовое мыслящее общество России в эту эпоху.

Это было время, когда, выражаясь словами Некрасова, Россия

Как невольник, покинув тюрьму,
Разгибается, вольно вздыхает,
И, не веря себе самому,
Богатырскую мощь ощущает.

Это было время, когда «люди прежде никогда ничего не читавшие, начали учиться, начали следить за литературой, знакомиться с «фантазиями молодости» и сознавать, что без этих фантазий трудно жить в нынешнем свете... В самых глухих городах, где до сих пор все насущные интересы состояли в картах, взятках и сплетнях, являются публичные библиотеки, журналы и газеты выписываются десятками экземпляров; иметь у себя книги сделалось потребностью этих городов. Везде и повсюду люди развивались,

---

[1] До сенатора Жданова расследование о пожаре в Симбирске производил барон Врангель, которому не удалось, несмотря на все усилия, раскрыть злоумышленников. Но «настроение ожесточенного несчастием населения было таково, что представлялась необходимость во что бы то ни стало найти виновных, и производившая расследование комиссия их нашла — двое солдат были приговорены к смертной казни» (*Мартынов П.* Город Симбирск за 250 лет его существования, с. 343). *М. У.*

[2] Там же, с. 344. *М. У.*

созревали, выходили на светлую дорогу просвещения из темных нор апатии и невежества»[1].

Это было время, когда «вся Россия говорила... об образовании... Любимыми темами для обсуждения в прессе, в кружках просвещенных людей и даже великосветских гостиных стало невежество народа, препятствия, которые ставились до сих пор желающим учиться, отсутствие школ в деревнях, устарелые методы преподавания и как помочь всему этому»[2].

Лучшие писатели и педагоги того времени Н. Пирогов, Л. Толстой, К. Ушинский, Н. Шелгунов, барон Корф и другие писали по вопросам образования. По этим вопросам ломались копья, велась полемика о путях и методах преподавания. А в то же время развивалась и практическая деятельность на этом поприще: возникали новые школы, причем некоторые из них имели показательный характер (Льва Толстого в Ясной Поляне, барона Корфа в Екатеринославской губ. и др.), организовывались народные библиотеки и воскресные школы для рабочих, составлялись и выходили в свет книги-пособия для народных школ, применялись новые, усовершенствованные методы преподавания, усилилась по глухим углам подписка на газеты и журналы и т. п.

А наряду с этим начался «поход в народ». У интеллигентной молодежи, которая шла в деревню в качестве учителей, фельдшеров и пр. «не было никакой еще мысли о революции, о насильственном переустройстве общества по определенному плану. Они просто желали обучить народ грамоте, просветить его, помочь ему каким-нибудь образом выбраться из тьмы и нищеты и в то же время узнать у самого народа, каков *его* идеал лучшей социальной жизни»[3].

Деятельность одних — революционно настроенной молодежи — не ограничилась впоследствии только просвещением народа, и они переходили все более к противоправительственной революционной пропаганде, а позднее, не удовольствовавшись малыми результатами ее, часть из них пошла под знаменем «Народной воли» на террор. Другие отдавали свои знания, лучшие силы своего ума, благороднейшие порывы своего сердца мирной культурнической работе. Они встречали на своем пути немало всевозможных терний, главным образом потому, что кратковременные либеральные веяния в правительственных кругах под угрозой растущей революционной пропаганды стали все более сменяться реакцией. Но эти препятствия не сламывали духа лучших из них, и они настойчиво шли своим путем, насаждая новые школы, вводя новые,

[1] Северная пчела, 1860, № 7. *М. У.*
[2] *Кропоткин П. А.* Записки революционера, т. 1, с. 112—113. *М. У.*
[3] Там же, с. 329. *М. У.*

невиданные ранее методы преподавания, пядь за пядью разрушая недоверие народа к школе, недоверие, которое складывалось веками, вколачивалось побоями, розгами, бессмысленным зубрением или полной бездеятельностью школ.

Илья Николаевич, происходивший из «податного сословия», с ранних лет знакомый с трудностями, с которыми было связано образование для «простого» народа, человек идейный и гуманный, «одушевленный лучшими идеями конца 60-х и начала 70-х гг.», не мог остаться глух к освободительному движению, к вызванной этим движением тяге к просвещению народа. Педагогическая работа в средних учебных заведениях перестала удовлетворять его. Ему захотелось «поля работы пошире и хотелось применять ее не для более обеспеченных учеников гимназии, а для самых нуждающихся, для тех, кому всего труднее получить образование, для детей вчерашних рабов»[1].

Отец был «из числа мирных культурных работников», о которых мы говорили выше... «Темнота и безграмотность нашей деревни была, по его пониманию, одной из главных причин несчастья и бедности русского народа...»[2]

И осенью 1869 г. Илья Николаевич взял место инспектора народных училищ Симбирской губернии. Это было время, когда правительство стало косо поглядывать на деятельность земских учреждений, в особенности в области народного образования, и введение института инспекторов народных училищ имело целью большее подчинение дела народного образования учебным округам и непосредственно министерству народного просвещения, большего контроля последнего за начальными школами. Эта мера была первым шагом к постепенному отходу от реформы 1864 г. («Положение о начальных народных училищах» 1864 г.), согласно которой заведование начальными народными училищами было поручено уездным и губернским училищным советам [3].

---

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче.— В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. 3-е изд. М., 1984, т. 1, с. 15. *Ред.*

[2] *Деларов Д. И.* Как я познакомился с семьей Ульяновых.— Север, Вологда, 1924, № 1, с. XVI. *М. У.*

[3] Уездные училищные советы состояли из представителей по назначению от ведомств, содержащих школы (министерства народного просвещения, министерства внутренних дел и духовного ведомства), и двух членов от земства, выбираемых уездным земским собранием. Губернский училищный совет, в компетенцию которого входило решение всех дел, касающихся народного образования в губернии, состоял под председательством архиерея. В него входили: губернатор, директор училища и два члена от губернского собрания. Непременным членом губернского училищного совета с 1869 г. был и инспектор народных училищ. Позднее, в 1874 г., председательство в губернских и уездных советах было возложено на губернских и уездных предводителей дворянства, так как, согласно рескрипту Александра II от 25/XII 1874 г., дворянство должно было «стать на страже народной школы». *М. У.*

Большинство инспекторов народных училищ были чиновниками-формалистами [1]. Но для Ильи Николаевича это было идейной работой, он «с увлечением взялся за организацию нового трудного дела...», которое «стало делом его жизни, в которое он вложил все свои силы и всю энергию...»[2].

III

ПОЛОЖЕНИЕ НАЧАЛЬНЫХ НАРОДНЫХ ШКОЛ НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ И В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ НЕЕ.— РАБОТА ИЛЬИ НИКОЛАЕВИЧА В КАЧЕСТВЕ ИНСПЕКТОРА, А ЗАТЕМ ДИРЕКТОРА НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ

Плачевно было в то время дело начального образования.

Правда, правительство, чтобы не ударить в грязь лицом перед Западной Европой и опровергнуть сведения, появлявшиеся на этот счет в заграничной печати, повествовало о том, что «Россия делает гигантские успехи, которые стремятся поставить ее в недалеком будущем в ряду наиболее просвещенных народов»[3], но на самом

---

[1] Илья Николаевич уже с первых шагов своей новой деятельности проявил большую активность и самостоятельность. Это сказалось, между прочим, при выработке инструкции инспекторам народных училищ. При ее составлении были запрошены мнения инспекторов, и из инспекторов Казанского учебного округа Илья Николаевич представил наибольшее число замечаний по поводу нее — они касались 15 ее параграфов, тогда как другие инспектора этого округа представили замечания о 2—5 и т. п. Стоит остановиться на некоторых из его замечаний. Одно из них касалось учителей, не соответствующих своему назначению. Илья Николаевич указывал, что в соответствующем параграфе инструкции ничего нет о законоучителях, из которых некоторые в высшей степени неаккуратно исполняют свои обязанности. Но его предложение о предоставлении инспекторам права увольнять таковых встретило противодействие министерства, которое считало, что это повело бы к столкновению с духовным ведомством, и предоставило инспекторам лишь право сообщать о «нерадивых» епархиальному ведомству. Другое замечание Ильи Николаевича касалось совместного обучения мальчиков и девочек, которое он поддерживал. Ученый комитет согласился с этим замечанием лишь при условии: «а) чтобы девочки были не старше 12 лет, б) чтобы мальчики и девочки помещались в классах на разных скамьях и в) чтобы выход для тех и других из классов был назначен в разное время». Но и с такими оговорками совместное обучение встретило противодействие со стороны министра народного просвещения графа Толстого, и предложения Ученого комитета были им вычеркнуты. Некоторые замечания Ильи Николаевича были приняты министерством (об учебных пособиях и т. п.), другие, как ни очевидны были они для пользы дела, были отклонены под предлогом недостатка средств и т. п. *М. У.*

[2] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове.— В кн.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 33. *М. У.*

[3] Précis du système, des progrès et de l'état de l'instruction publique en Russie. Redigé d'aprés des documents officiels, par A. Krusenstern, chambellenn de S. m. L'empereur dc Russie. Varsowie, 1837. Цитируем из ст. В. И. Чарнолуского «Начальное образование в первой половине XIX столетия».— В кн.: История России в XIX веке. Т. 4, вып. 13. Спб.: Изд-во бр. Гранат, с. 121. *М. У.*

деле, не только перед земской реформой, но и через несколько лет после нее картина начального образования в России была очень грустной.

Конечно, введение земских учреждений не могло не произвести сдвига в деле постановки начального образования. Но для сколько-нибудь заметного улучшения его потребовались годы даже в губерниях с передовым земством. В Симбирской же губернии земство было одним из наиболее консервативных и отсталых, «являлось мало активной творческой силой», и в 60-е гг. дело народного образования там мало двинулось вперед.

О школах того времени, постановке занятий в них и отношении к ним населения накануне и в первое время после введения земской реформы мы имеем ряд свидетельств деятелей того времени:

«...Бесталанная история научила его [народ] бояться старой казенной школы, как казенной больницы и казенного острога, а казнокрадствующая, лихоимствующая и мздоимствующая власть поддерживала в нем этот страх»[1].

«Казенная учеба, которая имела целью готовить волостных и сельских писарей, столь ненавидимых народом», тот факт, что народ не видел «никакого толка от учения», повели к тому, что «народ стал смотреть на школу как на какую-то повинность, установленную в неизвестных и непонятных ему видах от начальства, для народа совершенно бесполезную»[2].

Набор учеников в школы сопровождался слезами как самих учеников, так и их родителей. «Суровое принудительное обучение не привлекало в школы учеников», а родителей их «оно лишало... рабочей силы и вводило в излишние расходы по содержанию их» в школе. Благодаря этому «приезд головы в селение для набора детей в училище представлялся крестьянам настоящим бедствием»[3].

Понятно, что при таком положении крестьяне не только не были заинтересованы в том, чтобы посылать своих детей в школы, но и старались, если была возможность, откупиться от этой повинности «деньгами и продуктами питания», что давало некоторым «головам» возможность наживать целые состояния. Не отставали от них в возможности поживиться и некоторые учителя.

«Обнаруживались такие факты, что учителя брали с крестьян определенное жалование под условием не собирать учеников и не отрывать их от домашних занятий; законоучители под видом вознаграждения за обучение мальчиков получали с крестьян

---

[1] *Мордовцев Д. Л.* Десятилетие русского земства. Спб., 1877, с. 129. *М. У.*

[2] *Миропольский С.* Школа и государство. Спб., 1883, с. 101. *М. У.*

[3] *Суперанский М.* Начальная народная школа в Симбирской губ.: Историко-статистический очерк. Симбирск: Изд-во Симбирского губземства, 1906, с. 32. *М. У.*

от 120 до 150 руб. единственно как прибавку к своему содержанию».

Такие факты встречались не только до введения земских учреждений, но и позже, после введения «Положения о начальных народных училищах» в 1864 г., когда наряду с ними были созданы и училищные советы.

Вот что рассказывает член училищного совета Назарьев, обследовавший школы по губернии:

«Я в бедном, до крайности неопрятном доме сельского священника; меня ведут в кухню, где в ожидании моего приезда сидят восемь мальчиков и нетерпеливо скачет на одном месте новорожденный теленок.

Приступаю к испытанию, но священник останавливает меня и просит не беспокоиться, так как мальчики ничего не знают.

— За что же вы получаете 130 руб. в год?

— А вы думаете, дешево они мне достались? Сколько лет вымаливал, и насилу-то вырвал приговор. Верите ли, самому шесть ведер вина стоило,— с крайне наивным видом уверял священник, смотревший на свое учительское жалованье, как на прибавку... к его скудному содержанию»[1].

Следующие примеры характеризуют методы преподавания и познания учеников, дают представление и о помещениях, которые отводились под школы, а также о персонале, который преподавал в школах.

«Село... Тройка остановилась перед новенькой сторожкой возле церкви. В маленькой светлой комнате, где помещается школа, довольно уютно. К обледеневшим окнам приставлен стол, к нему припали десять мальчиков, и, не оглядываясь, не шевелясь, с каким-то исступлением выкрикивают: «ангел, ангельский» и т. д.

Опрятная, видимым образом, хозяйственная старушка проворно бросила свою прялку и принялась дирижировать учениками.

— Вы занимаетесь в школе? — спросил я.

— Нет, я только заставляю; хотя не умею, а заставляю, чтобы так не сидели, а твердили. У нас так не сидят, а все бормочут,— пояснила бойкая, словоохотливая старушка.

Явился местный священник, только что вернувшийся с соседнего базара. Это был плотный старичок в летней светло-зеленой ряске, с красненьким, саркастически улыбавшимся лицом. Он скоро положил конец всяким расспросам, сказав, что в его школе ни книг, ни бумаги, ни успехов и ничего, чему следует быть, не имеется.

[1] *Назарьев В. Н.* Современная глушь.— Вестник Европы, 1876, № 5, с. 181—182. *М. У.*

— А нз нуля иуль н выйдет,— добавнл фнлософ, заложив рукн за спнну н уже окончательио развеселнвшнсь...»[1]

«До моего приезда,— рассказывает однн учнтель,— обучеинем заинмался священиик, а самое обученне ограничивалось чтеиием вслух илн спнсыванием с кинг. В отсутствне же священника иадзор поручался солдату-сторожу, который заннмал своих воспитаиников маршнровкой нлн виезапными тревогамн; в последнем случае он внезапно влетал в школу с крнком: «а кто скорее сбегает в кабак за косушкой!»,— н учеинкн стрелой мчались по улицам, перегоняя друг друга» [2].

Нечего уж н говорнть, что занятня в школах «велись без всякой программы, плаиа и системы. Не было в школах ин определеиных учебников, ни учебных пособнй. Не было устаиовлеио определенного временн ин для иачала школьных занятнй, ни для окончання таковых. Каждый учитель заннмался в своей школе как бог на душу положит»[3].

Чтенню обучалн обычио по буквослагательному способу, и ученики разве только к концу года научалнсь разбирать слова. Объяснения прочнтанному не давалось н лучшим знаннем урока счнталось такое, когда ученнки задалбливалн его по учебннку слово в слово, хотя бы н не поннмая смысла.

И еслн некоторые учителя н применялн звуковой метод, считавшнйся в то время лучшнм, то за ненмением нужной подготовкн н опыта дело клеилось у ннх порой плохо н не достигало иеобходимых результатов. Вот что рассказывает об этом члеи училищного совета:

«...Большое базарное селенне с площадью, окружеииой голубыми вывесками и украшеииой полусгннвшнмн лавчонками, с иовой, распнсанной необычайио яркнмн краскамн церковью, около которой прнжалась иевообразимо жалкая сторожка, служившая помещеннем школы.

Крошечный чулан весь заставлен неуклюжнмн столамн и иаскоро сколочеиимн скамьями; пол грознт щелями, в которых легко завязнуть и сломать ногу; едннственное веиецнаиское окио с разбитымн стекламн заклееио сахарной бумагой, мокрой, надувшейся н хлопавшей, как паруса. Не было места, безопасиого от ветра, насквозь проинзывавшего хнлый чулан, а тут еще страшно навнсшнй потолок ежемниутио грознт падением и иаводит такой страх, что, невзнрая на испытання н торжественность минуты, все бывшие в чулане: учнтель, исключенный семннарнст, в узком лет-

[1] *Назарьев В. Н.* Современная глушь.— Вестник Европы, 1876, № 5, с. 181. *М. У.*

[2] Там же, № 3, с. 299. *М. У.*

[3] Отчет Бердянской уездной земской управы о народном образованнн, с. 3. *М. У.*

нем пальто и в громадных белых валенках, испитой, чахоточного вида священник, посиневшие от холода ученики и сановитые сельские власти — все это то и дело робко и недоверчиво взглядывало на роковой столб, стоявший посередине чулана и подпиравший потолок.

Старшие ученики школы кое-как читали, не отдавая себе отчета в прочитанном; но когда дошла очередь до звуковиков, то произошло нечто невообразимое: какое-то дикое смешение свиста, шипения и карканья огласило чулан. Даже недоумение и страх напали на присутствовавших крестьян; между тем как дело объяснилось таким образом, что учитель, не имея ни малейшего понятия о звуковом методе, стремился следовать ему во что бы то ни стало»[1].

Помещением для школ служили «церковные караулки, где иногда жил сторож с семейством, курные крестьянские избы и даже тепляки для пожарных инструментов».

А как относились к школе и занятиям в ней местные сельские власти?

Бывали случаи, когда во время занятий в школу являлся пьяный волостной старшина. «Он тотчас же прерывал занятия, заставлял мальчиков петь или посылал одного из них за вином и располагался бражничать в классе»[2].

Использование школьников для посылок вместо отлучившегося сторожа случалось нередко. А «во время сходов масса крестьян приходила в школу греться, так как, по их понятиям, это не могло мешать школьному делу»[3].

Кадр учителей был по своему умственному уровню и подготовке в громадном большинстве крайне низок. Полуголодное существование, на которое обрекал учителей мизерный оклад жалованья (в сельских школах Симбирской губернии учителя получали 8—10 руб. в месяц), к тому же нередко задерживавшийся, плохие жилищные условия и т. п. отпугивали от этой работы, затрудняли подбор персонала с более или менее удовлетворительной подготовкой.

В 1866 г., когда были введены училищные советы, «грамотность среди крестьян была распространена очень слабо». В Симбирской губернии, например, встречались селения, где «не оказывалось ни одного грамотного» и иногда даже должность старшин и старост занимали люди неграмотные. И даже по «преувеличенным», в смысле оптимизма, данным по крайней мере четвертая часть волостей в губернии (53 из 210) совсем не имела школ.

---

[1] *Назарьев В. Н.* Современная глушь.— Вестник Европы, 1876, № 5, с. 183—184. *М. У.*

[2] Там же, № 3, с. 299. *М. У.*

[3] Там же, с. 300. *М. У.*

Конечно, наряду с плохими школами были и удовлетворительные, но они являлись поистине «оазисами в пустыне». В общем же, как указывалось, в 60-е гг. дело начального образования в Симбирской губернии мало двинулось вперед, тем более, что и училищные советы по своему составу были первое время не на высоте положения, имели мало общего с живым делом.

Среди деятелей, двигавших вперед дело народного образования, которые появились в пору «весны» русской общественной жизни везде, в том числе и в Симбирской губернии, какой ни была она отсталой, первое место принадлежит, по единодушным отзывам современников, Илье Николаевичу Ульянову [1]. Это не был чиновник-формалист, который мог бы удовлетвориться «бумажным» отношением к своим обязанностям.

Искренне преданный делу народного образования, он вложил в него всю свою душу, посвятил ему все свои силы. Он не мирился с мишурой отчетов, согласно которым в губернии во второй половине 60-х гг. числилось более 600 школ; он посещал эти школы и раскрыл официальную ложь, с которой уже успели сжиться училищные советы. Он скоро выяснил, что большинство училищ существует только на бумаге, что батюшки и матушки (числившиеся учителями и учительницами) вовсе не бывают в школах, а их ученики не знают ни грамоты, ни самых употребительных молитв [2].

Как уже указывалось, в Симбирской губернии «отношение земства и училищного совета к школам было только фиктивное, в сущности же никто, исключая инспектора училищ, не знал и не хотел знать ничего, касавшегося народного образования»[3].

Илья Николаевич, от природы очень деятельный, взялся за новое дело с большой энергией и настойчивостью, которыми он заражал и воодушевлял других.

«Произошло нечто неожиданное...— пишет об этом времени Назарьев.— Точно вдруг среди суровой, слишком долго затянувшейся, зимы настежь распахнулось наглухо запертое окно и в него полились лучи яркого солнечного дня. Да, это была настоящая весна, это было время всяких неожиданностей и только что не чудес. Да и как же не назвать чудом появление в наших палестинах таких людей, как Илья Николаевич Ульянов, единственный в то время инспектор народных школ на всю губернию, с первого же

[1] См.: *Суперанский М.* Начальная народная школа в Симбирской губ., с. 87. *М. У.*

[2] См.: *Назарьев В. Н.* Современная глушь.— Вестник Европы, 1876, № 3, с. 292. *М. У.*

[3] Там же, с. 294. *М. У.*

шага отдавший всю свою душу возложенной на него обязанности»[1].

Его энергия всколыхнула лучшую часть симбирского общества; данные, сообщенные им после непосредственного знакомства с постановкой школьного дела в губернии, по своей безрадостности заставили серьезнее отнестись к делу и отрешиться от «казенного благополучия», царившего до тех пор. Работа предстояла огромная, а сил и средств для выполнения ее было слишком недостаточно. В 1874 г., когда Илья Николаевич был назначен директором народных училищ, он получил сначала двух, а потом пятерых помощников-инспекторов, и то при постоянных усиленных трудах и разъездах они едва справлялись с делом. Но первое время это дело «выносил на своих плечах один Ульянов, этот на первый взгляд хилый, уже не первой молодости человек»[2].

Много трудов пришлось положить Илье Николаевичу на лучшую организацию дела начального народного просвещения. В одно и то же время «инспектор был просветителем края, строителем училищ, архитектором; вечным просителем, назойливо (настойчиво.— *М. У.*), но в большинстве случаев тщетно вымаливавшим у земства лишний грош на школы; руководителем основанных земством при городском приходском училище курсов...» и пр. и т. д.

Почти постоянно приходилось ему «скакать на перекладных по нашим проселкам, замерзать во время зимних морозов и метелей, утопать в весенних зажорах, голодать и угорать на так называемых въезжих и т. д.»[3].

В одном месте нужно было посмотреть за постройкой новой школы, в другом проверить, хорошо ли учитель ведет занятия, в третьем побеседовать с крестьянами и убедить их оказывать большую помощь школам, постараться найти какого-нибудь состоятельного попечителя, который оказывал бы школе материальную поддержку, и т. п.

---

[1] *Назарьев В. Н.* Вешние всходы. Из воспоминаний, встреч и переписки 70-х годов.— Вестник Европы, 1898, № 4, с. 679.

Характерно, что министерство народного просвещения привело характеристику, данную Назарьевым Илье Николаевичу, в своем «разъяснении» (см.: Вестник Европы, 1876, № 5, с. 459—460) в ответ на письмо некоего Е. Ш., который подвергал сомнению институт инспекторов народных училищ (Вестник Европы № 3 за тот же год). При этом в «разъяснении» подчеркивалось, что «действительно энергия инспектора (имеется в виду И. Н. Ульянов) заслуживает полного внимания». *М. У.*

[2] *Назарьев В. Н.* Из весенних воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета.— Симбирские губернские ведомости (Отдел неофициальный), 1894, № 32, 14 мая. *М. У.*

[3] *Назарьев В. Н.* Современная глушь.— Вестник Европы, 1876, № 3, с. 294, 295. *М. У.*

«Бывало сидишь в теплой покойной комнате, прислушиваясь к нестерпимому завыванию метели, гулявшей по степному раздолью, ставни скрипят, в стекла мечет крупными хлопьями снег...— рассказывает Назарьев.— Но вот под самым окном прозвенел колокольчик, я уже в прихожей, рад гостю, а предо мною, весь занесенный снегом, с обледеневшими бакенами и посиневшим от холода лицом, стоит инспектор. Начинаются заботы о том, чтобы скорее обогреть и успокоить путника, но тот, как ни в чем не бывало, быстро ходит по комнате, расправляя свои окоченевшие члены, а сам уже заводит разговор о школьном деле, о своих наблюдениях, надеждах и продолжает свой рассказ во время чая, обеда, вечера... Он никогда... не озлоблялся и не впадал в уныние, а такую выносливость и силу может дать только одна безграничная, доходящая до самозабвения, преданность делу»[1].

Для Ильи Николаевича не было большего удовлетворения в работе, чем когда он видел ее положительные результаты. «Особенно осталась в памяти,— пишет Анна Ильинична,— его радость, проявляемая всякий раз, когда крестьянский сход постановлял открыть школу или выражал удовлетворение существующей»[2]. А чтобы добиться этого, надо было затратить немало усилий. «С одной стороны, крестьяне, по бедности и невежеству, не давали денег, с другой — помещики, еще недавно крепостники, не сочувствовали открытию новых разумных школ, подозревая их в политической неблагонадежности. Илье Николаевичу, разумеется, нужно было иметь много такта, терпения и неустанных трудов, чтобы заставить одних раскошелиться, других убедить не бояться просвещения, а больше всего бояться невежества масс... И когда это ему удавалось, он торжествовал победу и считал себя вполне вознагражденным за все свои труды...»[3]

По обозрениям народных училищ, составленным Ильей Николаевичем, и отчетам, подготовленным им [4], можно судить до неко-

[1] *Назарьев В. Н.* Современная глушь.— Вестник Европы, 1876, № 3, с. 295—296. *М. У.*

[2] *Ульянова-Елизарова А. И.* Ленин (Ульянов) Владимир Ильич.— В Энциклопедическом словаре Гранат, 7-е изд., т. 41, ч. I. Прил. к циклу статей «Союз Советских Социалистических Республик» — «Деятели СССР и Октябрьской революции», стлб. 305. *Ред.*

[3] *Калашников В. А.* Илья Николаевич Ульянов (Воспоминания бывшего учителя).— В кн.: Юбилейный сборник. Памяти И. Н. Ульянова, с. 45. *М. У.*

[4] Один из этих отчетов за десятилетие деятельности Ильи Николаевича (с 1869 по 1879 г.) был напечатан в журнале министерства народного просвещения за 1880 г. (кн. 209). Этот отчет-статья «Начальное народное образование в Симбирской губ. с 1869 по 1879 г.» (с картой о состоянии народного образования в губернии) был помещен без подписи Ильи Николаевича, но его авторство устанавливается из дела министерства народного просвещения за 1879 г. («По отчетам директоров и инспекторов народных училищ»). В делах министерства народного просвещения имеется и переписка по поводу этого отчета между министерством и попечителем Казанского учебного округа. «Это весьма интересный отчет, который

торой степени о проделанной им работе, можно видеть, на что устремлялось его внимание при объезде школ, а также результаты, которых ему удалось достигнуть.

При этих объездах Илья Николаевич выяснял всесторонне положение, в котором находилась та или иная школа. Понятно, что положение это в значительной степени зависело от средств, которыми располагало училище. А на последнее влияло отношение к школе местного населения, так как после земской реформы «содержание школ было отнесено за счет местных средств», т. е. главным образом крестьянских обществ [1]. Средства эти поступали в волостные правления и ими же расходовались.

В 1871 г., например, ассигнования из государственного казначейства на начальные народные школы не превышали 2,4%, а из земских сумм 16,3% (в 1873 и 1874 гг. лишь 11,4%) к общей сумме расходуемых на школы средств. Ассигнования эти, правда, увеличивались впоследствии, но все же даже в 1886 г., в год смерти Ильи Николаевича, 70% всех расходуемых на начальное образование средств поступало от крестьянских (51,1%) и городских (18,9%) обществ. Понятно, что при таком положении крайне важно было, между прочим, и для материального обеспечения школ убеждать население в пользе грамоты, и потому-то Илье Николаевичу приходилось не только «распинаться на земских собраниях, вымаливая прибавки», но и «по нескольку часов сряду надрываться на сельских сходах, говоря о пользе школ», о более аккуратном внесении средств на их содержание, ибо последнее «было далеко неаккуратным». К тому же часть тех средств, которые получались от крестьянских обществ, прилипала иногда к рукам сельских и волостных должностных лиц.

мог бы с пользой появиться в печати на страницах журнала министерства народного просвещения»,— значилось в препроводилке к отчету. «Отчет подобного рода трудно требовать от директоров народных училищ, имеющих много дела, но напечатание его в журнале могло бы поощрить многих знакомить таким путем с важным делом хода образования за известный период». Попечителю Казанского учебного округа было предложено, однако, поручить Илье Николаевичу несколько переделать статью, включив в нее и данные об инородческих школах, которые находились в ведении инспектора башкирских, киргизских, татарских и чувашских школ и не были подведомственны непосредственно директору народных училищ. Необходимость этого исправления министерство народного просвещения мотивировало тем, что выключение татарских и чувашских школ может «подать некоторым органам печати, например «Вестнику Европы», повод к кривым толкам насчет деятельности министерства по народному образованию», что деятельность последнего будет благодаря этому выключению как бы преуменьшена. Наряду с этим министерство разъясняло попечителю учебного округа, что «как в Симбирской, так и в других губерниях его округа татарские и чувашские школы должны находиться в ведении местных директоров и инспекторов народных училищ, чем, однако, не устраняется надобность в осмотре этих школ вышеназванными особыми инспекторами по поручениям попечителя». *М. У.*

[1] От 20 до 10 коп. и менее с души. *М. У.*

«Многие люди, знакомые с делом расходования сумм по содержанию училищ, особенно волостных,— пишет Илья Николаевич в своем отчете в 1874 г.,— прямо мне говорили, что не случайно назначается на ремонт училищных домов крупная цифра, а потому, что эта статья расхода представляет очень удобную статью дохода для известного рода людей. Таким образом, как ни скудны средства сельских училищ, но людская изобретательность находит и здесь возможность незаконной наживы. Много училищ, где ремонт дома соединяется почему-то с книгами, учебными пособиями, письменными принадлежностями, отоплением и даже освещением его. Ясно, что в этом случае дело обходится не без греха».

Поскольку средства, поступавшие от крестьянских обществ, не были централизованы в одной организации, следить за правильным их расходованием было, конечно, трудно. Постепенно, по мере улучшения школ и методов преподавания в них, недоверие крестьянских масс к школам стало ослабевать, средства на содержание школ от крестьянских обществ увеличивались (к 1886 г. они, по сравнению с 1871 г., возросли почти в $2^1/_2$ раза, от городских обществ — почти в 9 раз), но такого сдвига удалось достигнуть лишь постепенно, путем упорной кропотливой работы, работы, не дающей непосредственно ярких результатов.

При объезде училищ Илья Николаевич выяснял, что целый ряд школ находится в помещениях, которые не удовлетворяют своему требованию, а «неудобства школьного помещения оказывают влияние на посещаемость школы учащимися».

Деньги на содержание учителей и училищ, а также на ремонт последних взыскивались с крестьянских обществ, «но само общество от участия в школьном деле было совершенно устранено». И немудрено, что общества старались всячески обойти эту повинность, ссылаясь «на свою бедность или заявляя, что они считают, с своей стороны, училищные помещения удобными и не требующими поправок и расширения».

Нужен был более высокий культурный уровень крестьянства для того, чтобы появилось сознание неудовлетворительности этих помещений, но он повышался крайне медленно.

А со стороны земства, и притом уездного,— так как по решению губернского земского собрания «дело общего начального образования было отнесено к обязанности земств уездных, а не губернского»,— поступали лишь «пособия», имевшие случайный характер и «за неимением средств» в то время довольно незначительные. И попытки уездных земств исходатайствовать у губернского земства хотя бы заимообразно средства на постройку и ремонт сельских школ кончались в большинстве случаев отказом. Решив переложить расходы по начальному образованию в деревнях на уездные земства и отказавшись таким образом от объединения

дела начального образования по всей губернии в своих руках, согласно общему плану, губернское земское собрание оставалось верным себе. И когда, например, в 1872 г. Илья Николаевич поднял вопрос «о необходимости устройства при сельских школах помещений для учащихся, приходящих из других деревень», то вопрос этот был признан губернским собранием «не подлежащим обсуждению».

Задачей Ильи Николаевича было в первую голову выяснить действительное положение дела в области начального образования и откинуть все фиктивное, «бумажное». Данные, собранные им в 1869 г., показали, что школ в Симбирской губернии не 683, как значилось на бумаге по данным 1866 г., а лишь 463. При дальнейшем объезде школ выяснилось, очевидно, что и эта цифра оказалась преувеличенной, так как в 1871 г. школ значится уже 452. Уменьшение числа школ как в 1871 г., так и в некоторые последующие годы объяснялось рационализацией школьного дела. «Плохо организованные и необеспеченные школы, почти всегда малолюдные, помещавшиеся в церковных сторожках, в кухнях священников и т. п.», закрывались, а «мелкие школы соединялись». «Печальное состояние школ продолжалось до 1869 г., когда учреждена была должность инспектора народных училищ и школы стали осматриваться правильнее и чаще, причем оказалось много школ, существовавших лишь на бумаге, а женские школы, как не имевшие никаких средств к содержанию и потому не соответствовавшие своему назначению, начали упраздняться через присоединение их к мужским училищам, чем и объясняется уменьшение числа училищ в настоящее время»,— пишет в 1876 г. А. П. Каханов, член симбирского уездного училищного совета.

Но вместо закрываемых школ вырастали новые, сплошь и рядом в таких волостях, где раньше школ вообще не существовало, и притом такие, которые «и по помещению и по средствам, и по учительскому персоналу» стояли на более высоком уровне.

Избранные земством члены училищного совета в своем отчете симбирскому земскому собранию 1875 г. также отмечают качественный рост школьного дела.

«Если,— говорят они,— в настоящее время число школ в уезде не увеличилось, зато большинство их удовлетворяет потребностям времени, и самое дело народного образования значительно подвинулось вперед, стало на более или менее прочную почву... Самым отрадным фактом представляется водворение школы в таких селениях, где еще три года тому назад она существовала только на бумаге, где население, в течение 40 лет имевшее училище, заведенное удельным ведомством, относилось к нему не только с апатией, но с ожесточением, продолжая платить следуемый взнос и в то же время под разными предлогами удерживая своих детей от

всякого общения с школой, а в настоящее время совершенно изменившее свое отношение к школьному делу, вследствие чего обыкновенно пустые и бесполезные школы... теперь, благодаря заботам земства, переполнены учениками и пользуются доверием местного населения».

Отчет директора народных училищ за тот же год констатирует «открытие 1 двухклассного и 13 начальных народных вполне обеспеченных училищ взамен закрытых 18 с крайне скудным содержанием и определение на место учителей лиц с лучшей подготовкой, особенно окончивших курс в Порецкой учительской семинарии».

И как ни медленно росли новые школы, «число школьных неудобных зданий с каждым годом все уменьшалось и уменьшалось»[1], по свидетельству А. И. Червяковского (Корсунский уезд).

А наряду с этим непрерывно росло число учащихся [2]. В отчете за 1873 г. Илья Николаевич отмечает, что «иногда школа бывает даже переполнена учащимися, и является необходимость или расширить классное помещение, или устроить смены». К 1882 г. доверие к школам и заинтересованность крестьян в обучении детей еще более возросли. «Сельские общества более и более сознают нужду в училищах, добровольно, без всяких внешних мер побуждения отдавая детей в школы. В очень многих училищах приток учащихся так велик, что приходится, за недостатком мест, отказывать целым десяткам мальчиков, желающим поступить в школы»,— пишет Илья Николаевич в своем отчете.

Так называемые «освободительные» реформы 60-х гг. повысили несомненно культурные запросы населения, но немалое влияние на усилившуюся тягу в школу оказало и улучшение их в качественном отношении.

Осматривая школы, Илья Николаевич обращал внимание на все стороны школьного дела и принимал меры к устранению замеченных недостатков. Делая указания учителям и учительницам на их промахи в преподавании, вызванные недостаточной педагогической подготовкой, Илья Николаевич держал себя с ними как старший товарищ, а не как начальник. Он никогда, например, не делал учителю или учительнице замечаний при других, а отзывал их для этого в другую комнату, чтобы поговорить наедине. Но Илья Николаевич совершенно не терпел небрежного отношения к делу, халатности, манкирования со стороны учителей и в этих случаях бывал очень строг и требователен. Выяснив, например, при объезде губернии, что в одной школе «учитель манкировал уроками и не вел

[1] С 1869 по 1879 г. число удобных школьных помещений увеличилось на 150. *М. У.*

[2] С 1871 по 1886 г. оно выросло с 10 564 до 19 933, в то же время поднялся и процент оканчивающих школы. *М. У.*

классного журнала, из которого было бы видно, как посещали ученики школу, так и содержание уроков», Илья Николаевич обращает на это внимание учителя, прибавляя, что «если при следующем осмотре будут замечены те же недостатки, то он будет заменен другим, более усердным лицом».

В отношении требовательности к выполнению своих обязанностей со стороны учителей для Ильи Николаевича характерен такой случай, имевший место, когда он был уже директором народных училищ. Одна молодая учительница приходского училища очень увлекалась любительскими спектаклями. Для участия в них требовалось разрешение директора народных училищ. На ее просьбу дать это разрешение Илья Николаевич ответил, что не имеет ничего против, если это не отразится на ее школьных занятиях. Учительница в восторге, но чтобы успеть приготовиться, решает в день спектакля сократить свои занятия с учениками, отпустив их после большой перемены. Но планам ее не суждено осуществиться. Только что собирается она в день спектакля войти в класс, с папильотками в волосах, как случайно видит, что к ее школе направляется Илья Николаевич. Быстро приводит она в порядок свои волосы, а Илья Николаевич уже в классе, присаживается на задней скамейке, рядом со школьниками, и просиживает в классе, не говоря ни слова, все четыре урока. Да чуть ли и на другой день не заглядывает в класс, чтобы убедиться, что занятия идут нормальным порядком.

От внимания Ильи Николаевича не ускользает и отношение учителей и учительниц к учащимся и наоборот. «Со стороны учительницы,— пишет он после осмотра одной школы,— не заметно любви к занятиям, а, напротив, видно, что девочки боятся своей наставницы».

Большое внимание уделял Илья Николаевич и методам преподавания в школе, присутствуя в классе во время уроков и проверяя познания учеников. При низком уровне учительского персонала эти методы в большинстве случаев далеко не удовлетворительны. Илье Николаевичу нередко приходилось убеждаться в «незаконченности общего образования учителей и учительниц и нетвердости приобретенных ими самими сведений в родном слове», и он отмечал, что тому или иному учителю или учительнице «самому предстоит еще ознакомиться с методами преподавания предметов, входящих в курс начальных народных училищ».

Илья Николаевич дает после уроков подробные указания учительскому персоналу. «Педагог в душе», человек, любящий детей и свое дело, виден по этим указаниям, но в то же время человек, который не потерпит недобросовестного отношения к своим обязанностям. Он борется с «механическим чтением», без понимания прочитанного, с «заучиванием по книге» вместо рассказа собствен-

ными словами, настаивает на хорошей постановке объяснительного чтения, выражает неудовлетворение, что в одной школе «законоучитель не употребляет для чтения по гражданской печати доступных детскому пониманию книг, хотя некоторые из них и имеются в училище», предлагает приобрести различные новые пособия и пр., сочувственно отзывается о том, что при «преподавании арифметики в одной школе задачи согласуются с главным занятием жителей, именно сапожным ремеслом», и т. д.

И в то же время в 1871 г. «впервые приводится в известность по инициативе И. Н. Ульянова состав школьных библиотек». Он оказался, понятно, крайне неудовлетворительным: «книг для детского чтения, доступных детскому пониманию,— писал Илья Николаевич,— весьма мало». Да и учебники, имевшиеся в школах, в большинстве были устарелыми, и для занятий ощущалась потребность в целом ряде пособий, которые можно было приобретать лишь постепенно. Но работа в этом отношении шла неуклонно, и кроме того, «уездным земствам было предложено завести в каждом уезде, на первый раз, по одной библиотеке, снабженной как книгами и журналами педагогического содержания, так и учебными пособиями, необходимыми для преподавания предметов, составляющих курс народных училищ».

Как видно из отчетов Ильи Николаевича, большое внимание он уделял методам преподавания русского языка. В отчете за 1879 г. он отмечает, например, что «само сельское общество, прежде с таким недоверием и даже иронией относившееся к звуковой методе, теперь вполне сочувствует ей и мало-помалу начинает переносить свое недоверие на те школы, в которых до сего времени держится еще школьная старина с ее механическим зубрением и книжной рутиной».

Через несколько лет своей педагогической работы в Симбирской губернии Илья Николаевич мог сказать, «что народная школа принесла уже свои первые плоды и задача ее начала уже мало-помалу выясняться для сельских обществ, относившихся прежде к школе с таким недоверием».

Характерно, между прочим, что одну из мер борьбы с этим недоверием Илья Николаевич видел в приглашении «на годичные испытания кроме волостных старшин и сельских старост также и родителей учащихся, что доказало бы последним осязательную пользу обучения грамоте их детей и вместе с тем гарантировало бы училище и деятельность его общественным мнением».

Как мы увидим ниже, к концу жизни Ильи Николаевича, министерство народного просвещения постаралось подорвать работу всей его жизни, но, как ни сильно было в верхах стремление повернуть вспять, это удалось лишь отчасти, и семена новой школы, нового отношения к ней населения дали свои всходы.

IV

ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЬСКОГО ПЕРСОНАЛА.— УЧИТЕЛЯ «УЛЬЯНОВЦЫ».— ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КУРСЫ.— УЧИТЕЛЬСКИЕ СЪЕЗДЫ.— ПОЛИТЕХНИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА И ВСЕРОССИЙСКИЙ УЧИТЕЛЬСКИЙ СЪЕЗД В МОСКВЕ

Вопрос об улучшении состава учителей и учительниц несомненно должен был выдвинуться при таком положении на первый план, ибо для того, «чтобы поднять уровень школы, нужно прежде всего поднять уровень учащих». Но эта, казалось бы, азбучная истина была в то время, однако далеко не всеми осознана, а иногда встречала и отрицательное к себе отношение.

В высших сферах некоторые указывали, что «задача первоначального обучения не так сложна, чтобы улучшенные педагогические приемы были для нее безусловно необходимы», и считали, что «выходящие из педагогических семинарий учителя, хотя и взятые из народной среды, отчуждаются от этой среды во время прохождения курсов, не удовлетворяются своим положением, легко переходят в разряд недовольных условиями своего быта, вследствие чего могут легко поддаваться и влиянию революционной пропаганды» [1].

Как относились к новым земским учителям крепостники-помещики, даже значительно позднее, видно хотя бы из такого примера, приводимого М. Лемке. По его словам, ему был «лично известен факт увольнения волостного писаря одним из прославляемых земских начальников только за шапочное знакомство его с земским народным учителем, явившееся нарушением приказания — «не якшаться с этой сволочью...»[2].

В то время «еще очень немногие понимали, что подготовку учителей следует считать краеугольным камнем всего народного образования»[3].

И в 1879 г. из 30 тыс. сельских учителей по всей России едва 1 тыс. получила специальное педагогическое образование на учительских курсах и в учительских семинариях.

В Симбирской губернии этой подготовке было уделено много внимания.

Илья Николаевич прекрасно понимал, какое огромное значение имеет для правильной постановки народного просвещения воспитание хороших, знающих и любящих свое дело учителей и учитель-

[1] *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствованне. Спб.: Изд-во Суворнна, 1903, т. 2, с. 610. *М. У.*

[2] *Лемке М.* Санитарио-гигиеническое устройство н оборудованне сельскнх школ. Спб.: Изд-во «Русская мысль», 1901, с. 53. *М. У.*

[3] *Корф Н. А.* Наше школьное дело: Сборник статей по учнлищеведенню. М.: Изд-во бр. Салаевых, 1873, с. 193. *М. У.*

ниц. Подготовка таких учителей была его первой заботой, делом, которому он уделил много внимания с первых лет своей деятельности в качестве инспектора народных училищ и которое он проводил под своим личным наблюдением и руководством.

Симбирское губернское земство в этом вопросе пошло навстречу новым влияниям, и при его поддержке в 1869 г. были организованы педагогические курсы для учителей при симбирском приходском училище.

«Ученье на них,— пишет Илья Николаевич в своем отчете,— продолжается два года: в течение первого воспитанники педагогических курсов, кроме классных занятий, посещают городские приходские училища, а в течение второго — обучают в этих училищах, под руководством инспектора народных училищ».

Эти курсы были детищем Ильи Николаевича и, возвращаясь с утомительных объездов и обследований школ по губернии, он «тотчас же бежал на свои педагогические курсы».

Вот что рассказывает о них один из слушателей их, бывший учитель В. А. Калашников:

«...Высшее наблюдение за этим [1] принял на себя Илья Николаевич. Все мы приходили в класс утром, где сидели уже за столами дети различных групп: совсем не умеющие читать и писать, прошедшие чтение и письмо и более подготовленные по грамотности и арифметике. Каждый из нас, воспитанников, должен был по очереди давать уроки во всех трех группах, все же товарищи должны были следить за ним и делать заметки обо всех его промахах при ведении уроков. После уроков все воспитанники и наши руководители собирались в учительской комнате, где каждый и высказывал свои заметки товарищу-преподавателю для общего обсуждения, как вести дело без промахов, совершенствоваться в искусстве преподавания. На этих разборах уроков Илья Николаевич старался быть незаметным, чтобы не мешать нам свободно высказываться, возбудить в нас самодеятельность в этом направлении; авторитетное свое слово, если признавал нужным, вставлял последним, и мы чувствовали себя полными хозяевами нашего дела, стремясь к саморазвитию и самосовершенствованию. Недостатков в нашем преподавании было весьма много: мы сами, едва только грамотные, плохо владели языком, иногда не умели поддержать классную разумную дисциплину, не было еще в нас самообладания, нередко терялись и т. п. Илье Николаевичу много надо было иметь терпения, деликатности, снисходительности, чтобы на разборах товарищи высказали свои замечания в форме, не только не оскорбительной для самолюбия каждого, но и устраняющей всякую неприязнь между нами, юношами, нередко слишком горячими и не-

[1] Имеется в виду педагогическая практика учащихся курсов. *Ред.*

воздержанными. И все это ему удавалось. От него никто из нас никогда не слышал ни одного резкого слова или повышения тона, выражения раздражительности и т. п. Каждый из нас уходил с занятий под самым приятным впечатлением общей дружбы, общего стремления к самовоспитанию»[1].

Педагогические курсы просуществовали с 1869 по 1873 г., и за это время на них окончило курс 47 человек. «Учителя нового типа, выпущенные с педагогических курсов И. Н. Ульянова», характеризуются В. Назарьевым, как «одно из украшений того времени». «Благодаря, главным образом, энергии и беззаветной преданности делу... Ульянова,— пишет М. Суперанский,— учителя, получившие свое педагогическое образование на этих курсах, были лучшими учителями того времени». Кроме известной технической подготовленности, курсы «сообщали учащимся общее развитие и прививали им идеализм, в силу которого учительство было для них высоким служением».

«Покойный Ульянов,— находим мы в воспоминаниях педагога В. И. Анненкова,— насквозь пропитанный лучшими идеями своего времени, желал видеть в своих питомцах не простых ремесленников в важном деле воспитания и обучения, а художников-творцов, сильно вооруженных знаниями»[2].

Кадры новых учителей, подготовленных Ильей Николаевичем, назвали «ульяновцами», а время, пока (до своей смерти) Илья Николаевич стоял на посту сначала инспектора, а затем директора народных училищ, так и осталось в памяти учителей и учеников как «ульяновское время».

Это было время, когда многие боялись, что учителя будут слишком много знать, и даже известный педагог Ушинский считал, что «следует зорко наблюдать не только за тем, что учат будущие учителя, а и за тем, что они читают».

Тем более боялись этого зубры Симбирской губернии — «направление» новых учителей было им не по душе, и в губернском земском собрании ставился даже вопрос о том, что учителя, подготовленные в учительской семинарии, «являются не вполне удовлетворительными по нравственным свойствам». Вследствие этого в 1877 г. губернское земство сократило число стипендий слушателям открытой вместо педагогических курсов в селе Порецком учительской семинарии, а в 1884 г. совсем отказалось от выдачи их. И в 1887 г., уже после смерти отца, для учителей, подготовленных в этой семинарии, не оказалось даже «свободных вакансий» в Симбирской губернии, хотя им и полагалось прослужить

[1] *Калашников В. А.* Илья Николаевич Ульянов (Воспоминания бывшего учителя).— В кн.: Юбилейный сборник. Памяти И. Н. Ульянова, с. 43. *М. У.*

[2] *Анненков В. И.* Воспоминания.— Волжский вестник, 1898, 8 декабря. *М. У.*

там определенное число лет, как стипендиатам симбирского земства.

Помимо педагогических курсов большое значение придавал Илья Николаевич в деле воспитания учителей и учительским съездам.

«Для улучшения учебной части, для правильной постановки учебного дела необходимо в каждом уезде устраивать учительский съезд, задача которого и состояла бы в практическом ознакомлении преподавателей с лучшими методами обучения предметам, входящим в курс начального народного училища»,— писал он в отчете за 1872 г.

В учительской среде эти съезды оставили по себе добрую память, сделали большое дело. Вот что вспоминают о них деятели по народному образованию того времени:

«Слух о первом съезде,— читаем у Назарьева,— вызвал неописанное волнение между нашими сельскими педагогами: юнейшие из них ожидали съезд с жгучим нетерпением и надеждой разрешить массу педагогических вопросов, накопившихся в течение замкнутой и бесцветной жизни в глухом захолустье; между тем как немногие ветераны бывших удельных школ приняли съезд за какой-то экзамен и на всякий случай просматривали разные учебники, с отчаянием помышляя о возможности провалиться. В начале сентября со всех сторон потянулись к городу разнообразные телеги и брички с законоучителями, учителями и учительницами, стремившимися на съезд...»[1]

«На следующий день зала мирового съезда наполнилась массой представителей самых разнообразных типов, одежд и лиц и вообще имела какой-то поразительно пестрый и праздничный вид. На стенах развешаны картины; возвышение, на котором обыкновенно восседали судьи, уставлено всевозможными учебными пособиями. В первых рядах помещались дети — ученики народных школ, с которыми законоучители, учители и учительницы давали испытательные педагогические уроки. За ними устроились представители нашего высшего и среднего общества, далее следовали учители, между которыми встречались весьма приличные юноши, умевшие порядочно держать себя и толково говорить перед лицом публики; личности, обросшие бородами, облаченные в поддевки и видимым образом одичавшие вследствие долговременного пребывания в каком-нибудь удаленном селении, и белые, как снег, ветераны с бронзовыми медалями на шее; ...и, наконец, в самом углублении залы целый ряд учительниц, из которых только две или три выдавались вычурными шиньонами в виде маленьких башен или русскими национальными костюмами степенных цветов. Но так как положе-

[1] *Назарьев В. Н.* Современная глушь.— Вестник Европы, 1876, № 5, с. 206 *М. У.*

ние учительниц было новое, то они видимым образом стеснялись, то притихая и прижимаясь друг к другу, то чересчур развертываясь и поражая напускной бойкостью»[1].

«Каждый из учителей выяснял план своего будущего урока, а вступив на возвышение, вдруг становился предметом общего внимания и самого тщательного наблюдения сотни глаз и ушей, жадно следивших не только за общим ходом урока, но и за каждым движением преподавателя, даже за интонацией его голоса. Тотчас же по окончании урока завязывались нескончаемые споры и объяснения, тянувшиеся до тех пор, пока не составлялось, наконец, общее мнение, которое высказывал один из более даровитых учителей. Все носило на себе отпечаток небывалого одушевления и лихорадочного напряжения; обсуждения уроков становились все живее и живее; выяснялись главные положения педагогики и лучшие приемы обучения грамоте и счету»[2].

Но не только методы преподавания были предметом обсуждения на этом съезде, на нем поднимались и вопросы воспитания и меры взыскания в сельских школах. По последнему вопросу все пришли к единогласному решению всячески «стараться поддерживать классную дисциплину, не прибегая к мерам строгости и наказаниям, излюбленным ветеранами школьного дела»[3]. На это решение повлиял, несомненно, немало Илья Николаевич, который руководил первым съездом учителей.

А в последний день съезда «толпа учителей со своим инспектором [И. Н. Ульяновым] и одним из членов совета направилась к телеграфной станции, открытой от 5 до 7 часов утра. Здесь инспектор познакомил учителей с законами электричества и устройством телеграфа. После... толпа двинулась к военной гимназии, где в присутствии всех учителей и учительниц делались различные опыты в физическом кабинете, и незнакомые с физикой могли кое-что передать своим питомцам... Учителя разъехались, преисполненные небывалой энергией и самого искреннего стремления принести как можно более добра и счастья своим питомцам... Они [съезды] были для наших тружеников какими-то праздниками, светлыми точками среди вечных сумерек бесцветной, будничной жизни; они обновили их, многому научили и подняли в глазах нашего общества»[4].

«Илья Николаевич и здесь [на учительских съездах],— пишет В. Калашников,— поставил дело так же, как и на наших практи-

---

[1] *Назарьев В. Н.* Современная глушь.— Вестник Европы. 1876, № 5, с. 206—207. *М. У.*
[2] Там же, с. 208. *М. У.*
[3] Там же. *М. У.*
[4] Там же, с. 209. *М. У.*

ческих уроках: среди нас же он находил и образцовых преподавателей, и обстоятельных докладчиков, и разумных критиков. Сам он оставлял для себя лишь высшее руководство съездами. Тот же его такт, мягкость, деликатность, сдерживание слишком горячих в прениях с товарищами характеров в каждом из нас оставил воспоминания о съездах, как о счастливых днях, пережитых нами в ранней юности. Таких съездов при мне было два»[1].

Учительские съезды происходили в первые годы работы Ильи Николаевича в должности инспектора народных училищ каждый год то в одном, то в другом уезде. Один из таких съездов состоялся и в Корсунском уезде.

«Со времени этого съезда прошло уже более четверти века,— пишет один из его участников,— но отрадное воспоминание о съезде и до сего времени живо у тех немногих участников съезда, которые продолжают училищную службу»[2].

Но скоро министерство народного просвещения стало косо поглядывать на эти съезды, живой общественный характер их был правительству не по душе и «вследствие ограничительных распоряжений с его стороны дело это стало падать». Оно было отнято у земства, и даже инспектора народных училищ были устранены от непосредственного руководства съездами. Живая душа была вынута из этого дела, оно было оказенено и потеряло свое прежнее значение. Так преследовалось в те времена всякое живое общественное дело, хотя бы в нем не было ничего антиправительственного.

По тем же причинам редким явлением были в то время и всероссийские учительские съезды, как ни велика была в них потребность у людей, двигавших вперед дело народного просвещения. Но один из них все же имел место в Москве в 1872 г. При съезде была организована и политехническая выставка, выставка учебных пособий и т. п. Илья Николаевич, который был командирован на этот съезд вместе с несколькими учителями Симбирской губернии, пишет в своем отчете за 1872 г., что «командировка эта, кроме учебного отдела, где собрано было весьма много элементарных учебных пособий русских и иностранных народных школ и учительских курсов, читанных видными педагогами, принесла большую пользу инспекторам народных училищ разъяснением многих вопросов по народному образованию в заседаниях инспекторов...». «Между прочим, на этих заседаниях, где присутствовал чиновник особых поручений при министерстве народного просвещения, был поднят вопрос о невозможности одному инспектору иметь надзор за всеми народными училищами губернии».

[1] *Калашников В. А.* Илья Нвколаевнч Ульянов (Воспомннання бывшего учнтеля).— В кн.: Юбилейный сборннк. Памятн И. Н. Ульянова, с. 43—44. *М. У.*

[2] *Суперанский М.* Начальная народная школа в Снмбнрской губ., с. 199. *М. У.*

О поездке Ильи Николаевича в Москву на политехническую выставку вспоминает А. Покровский:

«Ясно воскресает в моей памяти наше первое знакомство с ним в 1872 г., в вагоне железной дороги на пути из Нижнего в Москву,— пишет он.— Двух-трех случайно брошенных слов в обращении к нему достаточно было, чтобы видеть, что это деятель по народному образованию, которое тогда вызывало всеобщее живое участие, деятель — не педант, трактующий себя полным знатоком этого столько важного, столько же сложного дела, хотя уже и в то время он немало над ним потрудился, а деятель, собирающий материал, необходимый для сообщения устойчивости этой деятельности, ищущий, где только можно, полезных уроков, которые бы сообщили его деятельности настоящую силу и практическую применимость. Илья Николаевич ехал тогда на политехническую выставку в Москве, где был выставлен богатый отдел учебно-воспитательных пособий вообще и в частности по народно-школьному образованию. И сколько раз ни случалось мне самому быть на этой выставке, всякий раз я его встречал в указанном отделе, и всякий раз он спешил поделиться с такой неподдельной задушевностью и простотой об усмотренном им каком-либо новом пособии, полезной книжке, о выслушанном им от других лиц, заинтересовавшихся этим делом, совете, сообщении о ходе народно-учебного дела. Так вот и напрашивается он на сравнение с трудолюбивой пчелой, которая с таким тщанием собирает вещество, которым воспользуется не столько сама она, сколько другие, но для которой тем не менее вся цель жизни заключается в том, чтобы собирать это вещество. Все собранное во время посещения этой выставки Ильей Николаевичем до мелочей было сообщено его сотрудникам по народному образованию во время происходивших тогда учительских съездов»[1].

V

ОТНОШЕНИЕ ИЛЬИ НИКОЛАЕВИЧА К УЧИТЕЛЯМ И УЧАЩИМСЯ.— ЛЮБОВЬ, КОТОРОЙ ОН ПОЛЬЗОВАЛСЯ СРЕДИ НИХ.— УСИЛЕНИЕ РЕАКЦИИ

В отношении Ильи Николаевича к учителям совсем не было того чиновничьего подхода, подхода начальника к своим подчиненным, которое так свойственно людям, занимающим высокое служебное положение. Это было в гораздо большей степени отношение старшего товарища, готового всегда прийти им на помощь советами и указаниями. В тесно сплоченную семью объединяло их общее лю-

[1] *Покровский А.* Из воспоминаний об И. Н. Ульянове.— Симбирские губернские ведомости, 1886, № 8. *М. У.*

бимое дело. И учителя запросто приходили к Илье Николаевичу на квартиру, чтобы разрешить целый ряд своих запросов и недоумений.

«Первое время моей работы Илья Николаевич редкий день не был у меня в школе,— рассказывает учительница В. В. Кашкадамова, которая познакомилась с Ильей Николаевичем в 1880 г., когда еще совсем молодой девушкой она только принималась за педагогическую работу,— слушал мои уроки, делал замечания и давал сам образцовые, показательные уроки. Я так привыкла видеть в школе директора, постоянно советоваться с ним, что, если случалось, он не приходил несколько дней, я шла к нему за разрешением тех или иных недоразумений — побеседовать о прочитанных мною книгах, о встречающихся иной раз в них противоречиях. Илья Николаевич серьезно выслушивал меня, давал ответы. Иной раз, я теперь скажу, мои вопросы и недоразумения были неважны, мелочны, и будь на его месте другой директор, сделал бы мне выговор, что я по пустякам беспокою начальство. Но он терпеливо выслушивал меня, без малейшего намека на неделикатность такого злоупотребления его временем, и я широко пользовалась его снисходительностью» [1].

Внимательное отношение к учителям осталось у Ильи Николаевича и тогда, когда (в 1874 г.) он был назначен директором народных училищ Симбирской губернии. Он оставался все таким же простым в образе жизни и обхождении человеком.

Илья Николаевич постоянно посещал школы, присутствовал на уроках, давал и сам показательные уроки, особенно, если видел, что объяснение учителя неудовлетворительно, а после урока беседовал с преподавателем о методах преподавания. Придя в класс, он старался сесть незаметно где-нибудь сзади, на скамейку со школьниками, которые очень любили Илью Николаевича, потому что он всегда охотно беседовал с ними, и появление его в классе встречали с радостью. Все они старались заполучить Илью Николаевича в свое соседство, каждый из них подвигался, чтобы дать ему место около себя, кивками приглашая сесть рядом [2].

Те из школьников, кому удавалось сидеть рядом с Ильей Николаевичем, протягивали ему свои тетрадки, а однажды на уроке В. В. Кашкадамовой одна девчурка, сидевшая на первой парте,

[1] *Кашкадамова В. В.* Воспоминания.— В кн.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 271—272. *М. У.*

[2] Последующий текст добавлен М. И. Ульяновой при подготовке 2-го издания книги: «Недавно погибший замнаркома НКЗдрава РСФСР Зиновий Петрович Соловьев рассказывал, что у него на всю жизнь осталось воспоминание о том, как Илья Николаевич, придя раз в школу, подсел к нему на парту, ласково обнял его и стал расспрашивать о его занятиях». *Ред.*

далеко от Ильи Николаевича, не боясь присутствия «начальства», на четвереньках пробралась к нему между парт, чтобы тоже показать ему свою работу. Он держал себя с детьми так, что они не испытывали перед ним страха, как перед начальством, а доверчиво шли к нему. Когда урок оканчивался, Илья Николаевич оказывался в тесном кольце обступивших его учеников: каждый наперерыв протягивал ему свои тетрадки, чтобы показать свои успехи в русском и арифметике и выслушать его отзыв, какой бы он ни был. А если несколько дней Ильи Николаевича не видно было в классе, школьники забрасывали В. В. Кашкадамову вопросами: «почему дилехтор-то не приходит? когда же он к нам придет?».

В то время так называемое «общество» мало обращало внимания на низшие школы. В них учились больше дети бедноты, так как сколько-нибудь состоятельные люди приглашали обычно домашних учителей к своим детям для подготовки их в средние учебные заведения. И для того, чтобы заинтересовать это общество низшими школами, их работой и их нуждами, привлечь к ним внимание, побудить оказывать им помощь и т. п., по инициативе Ильи Николаевича ежегодно весной, по окончании занятий, в городской управе устраивался торжественный акт. Помимо кончавших училище школьников и их преподавателей, а также родителей, на этот акт приглашались и представители высшего и среднего общества, из среды которого выделялись попечители и попечительницы (состоятельные люди, которые заботились о школах, оказывали материальную помощь бедным детям и пр.). Илья Николаевич привлекал к участию в нем и членов управы, стремясь заинтересовать и их школьным делом, побудить их оказывать этому делу активную поддержку.

Приглашенные занимали места вокруг стола, на котором были разложены похвальные листы и наградные книги, а школьники размещались в зале вместе со своими преподавателями. Илья Николаевич делал годовой отчет о состоянии и работе школ, а затем приглашенные, главным образом дамы, раздавали ученикам награды. Чтобы нагляднее показать достижения школ, в соседней с залой комнате устраивались выставки различных работ учеников: их письменные работы, рисунки, рукоделья девочек и т. п. Таким образом стремление Ильи Николаевича превратить школьное дело в живое, общественное дело сказывалось и здесь.

После акта в тот же или на другой день окончившие снова собирались в управе, часа в 4 дня, и оттуда с оркестром музыки направлялись вместе с Ильей Николаевичем и преподавателями в Александровский городской сад на детский праздник. У входа в сад их встречали члены управы и попечители школ. Детям раздавали пакеты с гостинцами, угощенье получали и преподаватели, которые потом вместе с детьми принимали участие в празднике.

До позднего вечера Александровский сад, украшенный по случаю этого дня флажками и фонариками, оглашался веселыми голосами детей, которые пели, танцевали под оркестр музыки, играли и веселились. Светлое воспоминание оставалось у детей от этого праздника, который они неохотно оставляли уже поздно вечером, когда в саду тушились огни. Такое внимание к детям в те далекие дни было редким явлением, и ученики средних учебных заведений, которые были лишены его, жалели, что тоже не могут повеселиться на весеннем выпускном празднике.

Если кому-либо из учителей приходилось пропускать занятия в школе по болезни, Илья Николаевич нередко заменял их на уроках, а однажды, будучи уже директором народных училищ, в течение полутора месяцев вел занятия в одной школе, учительница которой не могла сама заниматься по болезни.

Своим отношением к делу, чутким, внимательным отношением к учителям, заботами о них (Илья Николаевич немало ратовал, например, за улучшение их материального положения) [1] он завоевал среди них большую любовь и уважение. «Другого Ильи Николаевича не будет»,— раздавались голоса после его кончины, которую симбирское учительство восприняло как потерю близкого родного человека.

«...В течение своей долгой службы по народному образованию,— рассказывает В. В. Кашкадамова, которая прослужила учительницей более 40 лет,— я видела много начальников, и плохих и хороших, добрых, заботливо и внимательно относящихся к учителю, но педагога, так искренне и горячо любящего свое дело, так беззаветно преданного ему, я не встречала»[2].

А наряду с этим «школы Симбирской губернии были лучшими школами тогдашнего времени — это в Симбирске знали, и за это его [Ульянова] уважали самые прогрессивные и передовые слои симбирской общественности» [3].

Но реакция, сказывавшаяся уже в середине и конце 70-х гг., стала все более проявлять себя под влиянием все растущей революционной пропаганды и особенно после убийства Александра II первого марта 1881 г., что не могло не отразиться в первую голову на деле народного образования.

Метко определил тогдашние опасения правительства Щедрин: «Наука есть оружие обоюдоострое,— писал он,— с которым необходимо обращаться, по возможности, осторожно; посему,

[1] За десятилетне (с 1869 по 1879 г.) вознаграждение учнтельского труда в средием утроилось. *М. У.*

[2] *Кашкадамова В. В.* Воспоминаиия.— В кн.: Юбилейный сборник. Памяти И. Н. Ульяиова, с. 40. *М. У.*

[3] *Деларов Д. И.* Как я познакомился с семьей Ульяновых.— Север (Вологда), 1924, № 1, с. XVI. *М. У.*

ежели господа частные приставы не надеются от распространения наук достигнуть благонадежных результатов, то лучше совсем оные истребить, нежели допустить превратные толкования».

Деятельность земства в области народного образования все более берется под подозрение. Народному просвещению ставятся в народных школах узкие рамки: обучение лишь чтению и письму, «объяснительное чтение признается излишним», в народных школах рекомендуется «не задаваться побочными целями, например, сообщением учащимся разнообразных сведений из окружающего мира (мироведение)».

В соответствии с этим «в 1882/1883 г. комитет министров признал единогласно, что духовно-нравственное развитие народа, составляющее краеугольный камень всего государственного строя, не может быть достигнуто без предоставления духовенству преобладающего участия в заведовании народными школами». И в 1884 г. были изданы «правила о церковно-приходских школах», которые должны были находиться в ведении священников. Это были школы «с кратким курсом, общее образование в которых действительно сводилось к уменью читать, писать и считать».

Церковно-приходских школ в Симбирской губернии было в то время лишь 8, но уже к концу того же года число их возросло до 22, в 1885 г.— до 59, и в дальнейшем рост их был значительно более, чем рост школ земских. Средства, и без того ограниченные, шли теперь уже в первую голову на церковно-приходские школы и школы грамоты, заведенные в то же время. Рост числа этих школ совершался таким образом за счет земства. Понятно, что в отчетах уездных земств все чаще стали встречаться сообщения, что «увеличения числа собственно земских школ не замечается, причиной чему служит возникновение новых типов школы, так называемых церковно-приходских». Мало того. «Некоторые светские школы должны были закрыться вследствие открытия школ церковных».

Косо стало относиться правительство под конец жизни Ильи Николаевича и к его деятельности.

«Ввиду весьма печальных соображений,— пишет Назарьев еще Стасюлевичу, направляя ему свою рукопись «Современная глушь»,— я не решился сказать, что он (Ульянов) не пользуется вниманием министерства и далеко не благоденствует»[1].

В 80-х гг. это невнимание проявилось еще сильнее, даже больше того.

«...Реакция надвигалась все больше и больше,— рассказывает Анна Ильинична,— и последние годы жизни Ильи Николаевича были омрачены худшим отношением власть имущих к его детищу—

[1] М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Пб., 1912, т. 3, с. 697. *М. У.*

к земской школе. Ее стали заменять церковно-приходской, деятельность Ильи Николаевича стала подпадать под подозрение, и, несмотря на его выдающуюся работу, он был оставлен по выслуге 25 лет не на 5 лет, как обычно, а лишь на один год министром народного просвещения Сабуровым. Это косвенное неодобрение его деятельности было очень тягостно для Ильи Николаевича. Предстояло быть оторванным от дела всей жизни; тревожила, кроме того, перспектива остаться с большой семьей без заработка. И лишь вследствие того, что сам Сабуров был удален через год, Илья Николаевич был оставлен на пятилетие. Но ему не пришлось дослужить его...»[1] Илья Николаевич немало страдал, видя препятствия, которые все более вырастали на пути его любимого дела.

Уже будучи директором народных училищ и выполняя, так сказать, центральную работу, Илья Николаевич пользовался все же каждой возможностью, чтобы непосредственно объезжать школы. В декабре 1885 г. он предпринял объезд школ Корсунского и Сызранского уездов. Возвращаясь из Петербурга на каникулы в Симбирск, Анна Ильинична съехалась с Ильей Николаевичем в Сызрани и сделала вместе с ним путь на лошадях. «Помню,—пишет она,— что отец произвел на меня сразу впечатление сильно постаревшего, заметно более слабого, чем осенью,— это было меньше чем за месяц до его смерти. Помню также, что и настроение его было какое-то подавленное, и он с горем рассказывал мне, что у правительства теперь тенденция строить церковно-приходские школы, заменять ими земские. Это означало сведение насмарку дела всей его жизни. Я только позже поняла, как тягостно переживалось это отцом, как ускорило для него роковую развязку»[2].

VI

ИДЕЙНОСТЬ ИЛЬИ НИКОЛАЕВИЧА.— ЕГО ЛЮБИМЫЙ ПОЭТ.— ЗНАЛ ЛИ ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ О РЕВОЛЮЦИОННОМ НАСТРОЕНИИ СТАРШЕГО СЫНА? — КРУГ ЗНАКОМЫХ.— ХАРАКТЕР. — СХОДСТВО ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА С ОТЦОМ.— ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ В СЕМЬЕ.— ЕГО ПРИВЫЧКИ И СКЛОННОСТИ

Илья Николаевич проделал большую работу по развитию народного просвещения в Симбирской губернии, но «чрезвычайно скромный и строгий к себе, считавший, что его напряженная идейная работа есть выполнение долга, не больше...»

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Краткая биография Ильи Николаевича Ульянова.— В кн.: Юбилейный сборник. Памяти И. Н. Ульянова, с. 9. *Ред.*

[2] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове.— В кн.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 84. *Ред.*

Скромность и простота, как в личных потребностях, так и в отношении к людям, в смысле демократизма и доступности, были очень характерны для него [1]. Илья Николаевич был чиновником министерства народного просвещения, получал за свою службу чины и ордена [2], но остался чужд чиновничьего духа того времени с его прислужничеством и карьеризмом. Для него были важны не чины и ордена, а идейная работа, процветание его любимого дела, наилучшая постановка народного образования, во имя которого он работал не за страх, а за совесть, не щадя своих сил. Начальство ценило в нем исполнительного и ревностного работника, но стало косо поглядывать на него впоследствии, видя, что он недостаточно согласует свою работу с духом времени. А он оставался и в 80-е годы все тем же «шестидесятником, идеалистом», не способен был подделываться под новый курс, и в городе «его называли большим либералом».

И недаром гражданские мотивы, звучавшие, между прочим, в стихотворениях Некрасова, были близки Илье Николаевичу. Это был его любимый поэт. У нас в семье до сих пор сохранилась тетрадка, в которую отец переписывал из «Современника» некоторые стихотворения Некрасова. Сохранился и принадлежавший отцу маленький томик ранних стихотворений Некрасова, издания 1863 г., который он давал читать и детям.

«Саша обратил мое внимание в этой книжке,— рассказывает Анна Ильинична,— на «Песню Еремушке» и «Размышления у парадного подъезда». «Мне их папа показал,— сказал он,— и мне они очень понравились»[3].

По рассказам сестры, «в Кокушкине, во время прогулок по полям отец любил петь положенное на музыку студентами его времени запрещенное стихотворение Рылеева [4]:

По чувствам братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.
. . . .
Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется,

[1] Летом в Кокушкине, например, его часто можно было видеть сидящим на завалинке в деревне и беседующим дружески и непринужденно с крестьянами. Любил он и пошутить с ними, и крестьяне относились к нему с большой симпатией. *М. У.*

[2] Последний орден Владимира дал ему потомственное дворянство. *М. У.*

[3] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове.— В кн.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 53. *М. У.*

[4] Как окончательно установлено в 1954 г., данное стихотворение принадлежит не Рылееву, а Плещееву. Приведенные здесь четверостишия даны с уточнениями по книге: *Плещеев А. Н.* Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1964, с. 90. *Ред.*

И, верно, отзыв в нем найдется
На неподкупный голос мой.

Мы невольно чувствовали, что эту песню отец поет не так, как другие, что в нее он вкладывает всю душу, что для него она что-то вроде «святая святых», и очень любили, когда он пел ее, и просили запеть, подпевая ему... Эта песня и, главное, то, как отец пел ее, показывает, что восхождение по чиновной лестнице не помешало ему сохранить до пожилых лет верность чему-то вроде клятвы, что заключалось в словах: «будем мы питать до гроба вражду к бичам страны родной»[1].

Илья Николаевич не был революционером, и у нас слишком мало данных, чтобы судить о том, как он относился к революционной деятельности молодого поколения того времени. В своих воспоминаниях Анна Ильинична рассказывает лишь о двух случаях, когда ей пришлось наблюдать его отношение к такого рода вопросам. Однажды она присутствовала вместе с отцом при рассказе двоюродной сестры об аресте одной сельской учительницы, «идейной» народницы, которая, очевидно, не ограничивалась преподаванием грамоты ребятам, а собирала по вечерам крестьян, читала, беседовала с ними, сильно подняла их сознательность и вызвала большую любовь к себе среди них. В результате — донос, обыск, допросы крестьян и удаление, кажется, даже арест учительницы. «Помню,— пишет сестра,— горячий, возмущенный тон рассказчицы, рисуемый ею идеальный образ учительницы, с подчеркиванием, что ничего антиправительственного в ее деятельности не было; помню отца, молчаливого, сосредоточенного, с опущенной головой. Помню, что и на мои позднейшие расспросы об этой учительнице он больше отмалчивался. Мне было в то время 13—14 лет, это было в конце семидесятых годов, когда движение вступило уже на революционный путь»[2].

Сестра вспоминает и о том, с каким волнением воспринял отец весть об убийстве Александра II, но с ней он не говорил на эту тему. Она считает, однако, что «отец... не мог не говорить с братом [Александром], с которым он вообще с детства больше беседовал по общественным вопросам»[3].

И невольно встает вопрос о том, знал ли отец о революционном настроении старшего брата? Несомненно знал, не мог не знать. Слишком велика была их любовь друг к другу, слишком тесная дружба связывала их, и нельзя допустить, чтобы Александр Ильич не высказывал отцу, хотя бы в общей форме, своих взглядов. Вот что рассказывает об этом Дмитрий Ильич:

«У меня с детства сохранился в памяти следующий случай. Это

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове.— В кн.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 54. *М. У.*
[2] Там же, с. 55. *М. У.*
[3] Там же. *М. У.*

было в Симбирске летом 1885 г., за полгода до смерти отца. Все семейные куда-то уехали, остались дома только отец, Александр Ильич и я. Мне было тогда 11 лет.

Отец с братом гуляли по средней аллее сада. Гуляли очень долго и говорили о чем-то тихо и чрезвычайно сосредоточенно. Лица их были как-то особенно серьезны, и они настолько ушли в свой разговор, что совершенно не обращали внимания на мои попытки вмешаться и перейти к чему-нибудь общему и веселому. Иногда говорили горячо, но больше тихо, чуть внятно. Я вглядселся в их лица и понял, что обсуждается что-то очень важное, и я не должен им мешать. Этот момент мне резко врезался в память.

О чем они говорили? Тогда я ровно ничего не понял, меня поразил только самый характер необычного и слишком длительного разговора. Значительно позже, уже после трагической гибели старшего брата в полицейском застенке, мне вспомнился этот разговор и смутно увязался с событиями и почему-то с телеграммой Александра Ильича в январе 1886 г.: «Телеграфируйте подробнее о смерти папы».

В настоящее время я совершенно убежден, что описанный разговор был на политические темы и, несомненно, он был не единичный и случайный. Иначе и не могло быть в те годы, когда только что завершилась героическая борьба народовольцев с самодержавием. Если принять во внимание, что у отца с Александром Ильичем были — судя по всем данным — самые близкие товарищеские отношения, что отца чрезвычайно интересовали все переживания брата, нельзя допустить ни в коем случае, чтобы он мог скрыть от отца свои политические убеждения. Другой вопрос, насколько оформился у него к тому времени взгляд на террор.

Мои предположения вполне подтверждаются словами отца, сказанными Анне Ильиничне, уезжавшей в Петербург: «Скажи Саше, чтобы он поберег себя хоть для нас»[1].

Идейность Ильи Николаевича проявлялась и в том круге знакомых, которых он имел, с которыми поддерживал более близкие отношения. Он не вращался в обществе симбирских помещиков, поддерживая связи лишь с теми из них, которых, как и его, интересовало дело народного образования и которые работали в той же области, что и создавало у Ильи Николаевича с ними бо́льшую или меньшую общность интересов.

В нашем доме из знакомых отца бывали главным образом его сослуживцы — инспектора народных училищ, заведующий чувашской школой И. Я. Яковлев [2], много сделавший для развития

[1] *Ульянов Д. И.* Очерки разных лет, с. 41—42.

[2] И. Я. Яковлев (1848—1930) — выдающийся чувашский педагог-просветитель, писатель и переводчик, создатель чувашского алфавита, букварей для чувашей, книг для чтения. *Ред.*

образования среди чувашей; преподаватели средних и низших учебных заведений и т. д. В их кругу Илья Николаевич из молчаливого и замкнутого, каким он бывал в большом обществе, превращался в веселого, остроумного собеседника. С близкими знакомыми, с людьми, которые сочувствовали его делу, он любил поговорить о школах. И говорил с жаром, «быстро прохаживаясь по комнате, поглаживая рукой темя головы с прядью черных волос».

Когда Илья Николаевич оживлялся, шутил и острил, его глаза так же загорались и блестели, как глаза Владимира Ильича, когда он бывал в ударе и оживленно беседовал с товарищами.

Вообще физически Владимир Ильич был очень похож на отца. Он унаследовал его рост, его широкие скулы и черты лица, несколько монгольский разрез глаз, большой лоб. Он обладал таким же, как отец, живым характером. И смех у них был одинаковый, заразительный, часто до слез. Много общего было у них и в чертах характера, и в привычках. Сила воли, энергия, способность целиком и безраздельно отдаваться своему делу, гореть на нем, крайне добросовестное отношение к своим обязанностям, а также большой демократизм, внимательное отношение к людям — эти черты были общи для Ильи Николаевича и Владимира Ильича. Передалась Ильичу и некоторая картавость, с которой Илья Николаевич произносил букву «р».

Илья Николаевич был образцовым семьянином, и между ним и матерью, к которой он был глубоко привязан, дети никогда не видали никаких ссор и семейных сцен. Они жили всегда очень дружно. Не было между ними и споров или несогласий в вопросах воспитания... и дети видели всегда перед собой «единый фронт».

Горячо привязан был отец и к детям и отдавал им весь свой досуг. Любовь к нему детей и его авторитет среди них были очень велики.

«Едва только вернется он, бывало, из разъездов и сядет, усталый, за самовар,— рассказывает Анна Ильинична,— как мы уже окружим его и он расспрашивает нас о занятиях, обо всем из нашей школьной жизни. И ничем нельзя его было порадовать так, как нашими успехами»[1].

Но не только за занятиями, в самом тесном смысле, следил он:

---

[1] *Ульянова А. И.* К статье Назарьева «Из весенних воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета».— Симбирские губернские ведомости, 1889, № 72.

Сестра была свидетельницей, какой довольной улыбкой обменивались отец с матерью, когда Владимир Ильич, «быстро шагая мимо кабинета отца по проходной комнате, через которую шла его дорога к себе, наверх, скороговоркой на ходу рапортовал: «Из греческого пять, из немецкого пять». *М. У.* (*Ульянова А. И.* Детские и школьные годы Ильича. Воспоминания. М., 1981, с. 16. *Ред.*)

отец следил за нашим чтением, он помечал нам лучшие произведения русской литературы, познакомил нас со всеми выдающимися писателями, чем развил, несомненно, наш вкус, так что нас уже просто не интересовали многие из глупых романов, которыми зачитывались наши сверстники.

И все в нем — его речь, сама личность, проникнутая верой в силу знания, и добро,— действовало, несомненно, развивающим и гуманизирующим образом и на детские души, и мы рано научились признавать необходимость и важность знания.

«Дети, не видя его часто по неделям во время его разъездов, рано научались понимать, что дело — это нечто высшее, чему все приносится в жертву. Его оживленные рассказы об успехах строительства в его деле, о новых школах, возникавших по деревням, о борьбе, которой это стоило, и с верхами: власть имущими, помещиками, и с низами: темнотой и предрассудками массы, живо впитывались детьми»[1].

Вечно занятый, горя на работе на благо своему любимому делу, отец и детям старался привить то сознание долга, которое было так сильно у него, выработать у них характер, волю, трудоспособность, развить

Необузданную, дикую
К лютой подлости вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

Илья Николаевич всегда боялся, чтобы у детей не создалось легкое отношение к своим обязанностям, и был поэтому против «захваливания», как он выражался, считая вредным чересчур высокое мнение о себе. Его коррективы в этом смысле имели, несомненно, большое значение для детей во всей их жизни и деятельности. То строгое отношение к себе и своим обязанностям, например, которое отличало всегда Владимира Ильича, было в значительной степени заложено у него с ранних лет примером и влиянием отца.

Илья Николаевич «боялся изнеживающего домашнего баловства, считал полезным поставить мальчиков раньше под мужское влияние» и поэтому стоял «за раннее определение в школу, чтобы дети, особенно мальчики, привыкали к труду и втягивались в дисциплину, проходя гимназический курс с первых классов». И в выполнении детьми своих обязанностей Илья Николаевич был очень требовательным. «Следя за уроками обоих старших сыновей, он и до гимназии и во время прохождения ими младших классов при-

---

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Ленин (Ульянов) Владимир Ильич.— В Энциклопедическом словаре Граиат. 7-е изд., т. 41, ч. I. Прил. к циклу статей «Союз Советских Социалистических Республик»..., стлб. 305. *Ред.*

учал их к щепетильно точному, отчетливому выполнению всех уроков»[1].

Но в то же время своим веселым общительным нравом, горячей любовью к детям, стремлением порадовать и повеселить детей, не стеснять без нужды их свободы отец и мать привили им большую жизнерадостность, крепкую любовь к жизни. Счастливое детство, полное самоотверженной любви и внимания, оказало благотворное влияние на всю их дальнейшую жизнь. Старшие дети были во многом обязаны этим отцу.

Ярко характеризует семейную обстановку в нашем доме и стремление родителей всячески поощрять развитие детей, их отношение к опыту издания старшими из них еженедельного рукописного журнала. Журнал этот под названием «Субботник» (он выходил по субботам) возник по инициативе старшего брата Александра, который привлек к участию в нем кроме Анны также Владимира и Ольгу.

Журнал иллюстрировался карикатурами из наиболее забавных случаев семейной жизни, в нем помещались ребусы, загадки и пр., что лежало на Александре Ильиче.

«...Номер... читался вечером в присутствии отца и матери, принимавших самое живое участие в нашей затее, к которой они отнеслись чрезвычайно сочувственно»,— рассказывает Анна Ильинична.

«Помню их оживленные, довольные лица,— пишет она,— помню какую-то особую атмосферу духовного единения, общего дела, которая обволакивала эти наши собрания. Теперь, когда я гляжу назад, мне кажется, что эти вечера были апогеем коллективной близости нас, четверых старших, с родителями. Такое светлое и радостное оставили они воспоминание!»[2]

Живо интересуясь новыми усовершенствованными методами в области педагогики, отец следил за педагогической литературой и выписывал обычно все лучшие школьные пособия и детскую литературу. В его кабинете нередко появлялись и различные физические и другие приборы, которые он часто демонстрировал детям.

Большое впечатление в детские мои годы произвела на меня поездка с отцом в кадетский корпус, где демонстрировался, должно быть в первый раз в Симбирске, фонограф.

В свободное время, в часы отдыха, когда вся семья собиралась в столовой за чайным столом или на прогулке, Илья Николаевич любил поговорить с детьми. Живой и веселый, он шутил с ними,

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове.— В кн.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 45. *М. У.*

[2] Там же, с. 51—52. *М. У.*

рассказывал анекдоты, которых у него было немало из школьной жизни, и своими шутками и остротами оживляя всех [1].

Охотно принимал Илья Николаевич участие и в детских играх (например, в игре в крокет и пр.) и при этом «держал себя с детьми по-товарищески, увлекаясь не меньше их». Запомнилась мне и его беготня со мной, как меньшой, и другими детьми по комнатам нашего дома. В обращении с детьми, в умении завязать с ними быстро приятельские отношения и поднять шум и беготню, в способности увлекаться играми совсем по-детски Владимир Ильич очень напоминал отца.

Общее для них было и умение ограничиваться самым необходимым, не тратить лишних денег на себя и, помимо этого, как у Ильи Николаевича, так и у Владимира Ильича был своего рода консерватизм по отношению к вещам, платью и пр.; привыкнув к чему-нибудь, они потом неохотно с ним расставались.

Оба они очень любили природу. В. А. Калашников рассказывает, что однажды, когда они ехали вместе на пароходе, Илья Николаевич стал ему рассказывать, как в молодости, студентом, любил путешествовать. «На лице его,— продолжает Калашников,— играла светлая улыбка, глаза блестели, вся фигура выражала собой движение вперед и подъем духа»[2].

На летние каникулы наша семья уезжала обычно в имение деда по матери Кокушкино, и во время своего пребывания там Илья Николаевич предпринимал далекие прогулки по окрестным полям и лесам. При этом они с Марией Александровной забирали большую компанию ребят — племянников и племянниц — и уходили на прогулку на целое утро. По словам двоюродного брата Н. И. Веретенникова, приезд Ильи Николаевича в деревню бывал для них, детей, настоящим праздником, и они с радостью сопровождали его на этих прогулках, во время которых он играл и шутил с ними.

«Старшие иногда останавливали нас,— вспоминает Н. И.,— когда мы взбирались Илье Николаевичу на плечи и «висли» на нем, но, не видя протеста с его стороны, мы опять принимались за старое».

«Во время летних каникул,— рассказывает сестра,— когда отец пользовался хотя бы сравнительным отдыхом (бывали съезды или отчеты), он мог посвящать нам еще больше времени, и каждый год брал нас, старших, прокатиться по Волге, что было лучшим нашим удовольствием и предметом далеких планов и разговоров». Во время таких поездок он старался доставить детям возможно больше удовольствия, проявляя по отношению к ним самую трогательную заботливость.

---

[1] См.: *Кашкадамова В. В.* Воспоминания.— В кн.: Юбилейный сборник. Памяти И. Н. Ульянова, с. 39. *М. У.*

[2] *Калашников В. А.* Илья Николаевич Ульянов (Воспоминания бывшего учителя).— В кн.: Юбилейный сборник. Памяти И. Н. Ульянова, с. 45. *М. У.*

М. И. Ульянова в Горках.
Конец 20-х гг.

Д. И. Ульянов, М. И. Ульянова и А. И. Ульянова-Елизарова. 1930—1932 гг. Москва

Г. И. Петровский, Н. К. Крупская, М. И. Ульянова и С. И. Гусев. Май 1931 г. Мухалатка

М. И. Ульянова и А. И. Ульянова-Елизарова. 1931 г. Горки

М. И. Ульянова.
1931 г. Горки

М. И. Ульянова. 1932 г. Москва

М. И. Ульянова с племянниками — Ольгой Ульяновой (слева) и Виктором Ульяновым (справа). 1932 г. Горки

М. И. Ульянова с племянницей Ольгой (первая справа). 1932 г. Горки

М. И. Ульянова в своей комнате в Горках. 1932—1933 гг.

М. И. Ульянова и Анри Барбюс в редакции газеты «Правда». 1935 г. Москва

М. И. Ульянова. 1935—1936 гг.
Москва

М. И. Ульянова.
1935—1936 гг.
Москва

М. И. Ульянова, Д. И. Ульянов, Н. К. Крупская
в кремлевской квартире Д. И. Ульянова. 1936 г. Москва

В кремлевской квартире Д. И. Ульянова.
Стоят — А. Ф. Ульянова, М. И. Ульянова. Н. К. Крупская;
сидят — О. Д. Ульянова, Д. И. Ульянов и В. Д. Ульянов. 1936 г. Москва

М. И. Ульянова в Доме-музее В. И. Леннна в Ульяновске. 26 июля 1936 г.

Одним из любимых развлечений Ильи Николаевича была игра в шахматы, и, по отзывам старших, он был хорошим шахматистом, приохотив к этой игре и детей. Братья очень любили, когда отец звал их к себе в кабинет и предлагал сыграть в шахматы. Они играли впоследствии очень хорошо, а Владимир Ильич обыгрывал и своего учителя по шахматной игре — отца. «Помню,— пишет сестра,— только одну осень, когда отец и мы, трое старших, очень увлекались четверными шахматами и просиживали за ними поздно по вечерам. Но когда начались регулярные занятия, пришлось, конечно, оставить эту игру, которая обычно очень затягивалась»[1].

Часто играл в шахматы Илья Николаевич со своим близким знакомым Арсением Федоровичем Белокрысенко — управляющим удельной конторой. Белокрысенко принимал участие и в деле народного просвещения в качестве члена училищного совета, и общая работа создавала, вероятно, у отца с ним особенную близость. Белокрысенко приходил к нам обычно по субботам, и они проводили с отцом время за шахматным столом, играя в шахматы, которые Илья Николаевич выточил сам на токарном станке еще в Н. Новгороде.

Белокрысенко умер на несколько месяцев раньше отца, и я помню, как Илья Николаевич сказал однажды с грустью: «Вот и суббота, а поиграть в шахматы не с кем».

VII

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ ИЛЬИ НИКОЛАЕВИЧА.— ПОПУЛЯРНОСТЬ, КОТОРОЙ ОН ПОЛЬЗОВАЛСЯ В СИМБИРСКЕ.— ОТЗЫВЫ ОБ ИЛЬЕ НИКОЛАЕВИЧЕ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННИКОВ

Илья Николаевич умер 24 (12) января 1886 г. Он почти не болел перед смертью. 18 (6) он был еще вечером у инспектора народных училищ Стржалковского, у которого собрались некоторые сослуживцы. «В этот вечер,— рассказывает В. В. Кашкадамова,— он, как всегда, был весел, сыпал шутками и остротами...»[2] После этого вечера у него было небольшое недомогание, которому врачи не придали серьезного значения, находя лишь некоторое желудочное заболевание. Отец чувствовал слабость, но продолжал так же усиленно работать, готовя срочный годовой отчет.

«Достаточного внимания на болезнь не было обращено,— рассказывает сестра,— отец был на ногах, продолжал заниматься, к нему ходили его сотрудники-инспектора. Ночь на 12-е он провел

[1] *Ульянова А. И.* Детские и школьные годы Ильича, с. 12. *М. У.*

[2] *Кашкадамова В. В.* Семейство В. И. Ульянова-Ленина в Симбирске. Воспоминания.— Бакинский рабочий, 1926, № 17, 21 января. *М. У.*

почти без сна. Я находилась при нем, и он поручал мне читать какие-то бумаги; при этом я заметила, что он начинает немного путать и заговариваться, и я убедила его прекратить чтение»[1].

В самый день смерти отец продолжал часов до двух дня работать вместе с одним из своих помощников инспекторов. От обеда он отказался, сказав, что ляжет отдохнуть. Но когда мы все собрались за столом, Илья Николаевич вышел в столовую и, остановившись около двери, обвел всех нас долгим взглядом. Что-то особенное было в этом взгляде, как будто он чувствовал, что с ним творится что-то неладное. «Точно проститься приходил»,— говорила позднее мать. Глубоко запал в памяти этот его взгляд, такой сосредоточенный и серьезный. Потом отец повернулся и ушел к себе в кабинет. Когда мать после обеда заглянула к нему, она увидела, что отец лежит на диване и дрожит от озноба. Испугавшись, мать накрыла его потеплее и тотчас же послала за врачом, но доктор Лекгер уже не застал отца в живых.

Когда часу в пятом, рассказывает Анна Ильинична, мать позвала в тревоге меня и Володю, «отец был, очевидно, уже в агонии: содрогнулся пару раз всем телом и затих»[2].

Кончина Ильи Николаевича произвела на детей глубокое впечатление, особенно, конечно, на старших, так как меньшие не могли воспринять ее вполне сознательно.

О том, как реагировал на смерть отца старший брат Александр, который в это время был в Петербурге, рассказывает его товарищ по университету И. Н. Чеботарев:

На рождестве 1885 г. Александр Ильич усиленно работал «ночью и днем в лаборатории и дома над своим сочинением. Помню, спеша его окончить, он три ночи подряд буквально не спал. Работа подвигалась к концу, как вдруг Александр Ильич получил известие о внезапной смерти отца. На несколько дней он все забросил, метался из угла в угол по своей комнате, как раненый. На второй или третий день я зашел к нему и застал его шагающим по комнате своими крупными шагами с устремленным вдаль и ничего не видящим вблизи взглядом. Становилось прямо страшно за него»[3].

От какой болезни умер отец? Вскрытие, которое могло бы точно установить причины смерти, не было произведено. Может быть, сердце не выдержало напряженной работы, а возможно, как высказывались потом предположительно врачи, у отца было крово-

---

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспомииаиия об Александре Ильиче Ульянове.— В ки.: Алексаидр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 84. *М. У.*

[2] Там же. *М. У.*

[3] *Чеботарев И. Н.* Воспомииаиия об Александре Ильиче Ульяиове и петербургском студеичестве 1883—1887 гг.— В ки.: Алексаидр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 241. *М. У.*

излияние в мозг, которое и свело его в могилу на 55-м году жизни [1].

«...Смерть и похороны показали, какой популярностью и любовью пользовался он в Симбирске»[2], чуть ли не весь город пришел отдать ему последний долг, и на гроб его было возложено много венков.

В журнале «Новь» отмечалось, что И. Н. Ульянов «очень много потрудился на пользу народного образования, поставив его, как в Симбирске, так и в губернии едва ли не лучше, чем оно поставлено в других местностях России. О преждевременной смерти его должны горько пожалеть друзья и приверженцы народного образования»[3].

В некрологе, помещенном в «Симбирских губернских ведомостях», инспектор народных училищ А. Амосов писал:

«С самого начала службы в Симбирской губ. Илья Николаевич горячо полюбил народную школу. Но одной любви мало. Дело создания народного образования требовало от инспектора и деятельности энергичной. Деятельность же Ильи Николаевича была поистине неутомима и чрезвычайно разнообразна: ему приходилось не только вводить известные порядки в школах уже существующих, обеспеченных средствами и опытными преподавательскими силами, но и открывать самые школы, изыскивать средства для их существования и организовывать весь строй и систему учебной части. Обладая и сам светлым умом и педагогической опытностью и тактом, чутко прислушиваясь и внимательно следя за разработкой народного школьного обучения в литературе и практике, взвешивая и обсуждая применимость к школам того или иного метода и способа преподавания, Илья Николаевич должен был сам, так сказать, с самого основания строить все школь-

---

[1] Доктор Лекгер, который лечил отца, в ответ попечителю Казанского округа писал, что точно причина смерти отца установлена не была. «Я могу только предположительно, хотя с громадной вероятностью, сказать, что ближайшей причиной смерти было кровоизлияние в головной мозг» (apoplexia cerebralis). *М. У.*

Последующие три абзаца перенесены М. И. Ульяновой из основного текста в примечание при подготовке 2-го издания книги: «Обычно лечащим врачом в нашей семье в эти годы был А. А. Кадьян, привлекавшийся по делу 193-х и высланный в 1879 г. административным порядком в Симбирск. Это был очень знающий и опытный врач, идейный работник, мягкий и деликатный человек.

В Симбирске он пользовался большой популярностью, бывал и в нашем доме. Отец и мать относились к нему очень хорошо; «весьма сочувственно», по свидетельству Н. С. Таганцева, относился и Кадьян к Илье Николаевичу и Марии Александровне.

Во время последней болезни Кадьян был в отлучке, и, помню, как мать жалела об этом. Она высказала это и Кадьяну, когда он уже после смерти Ильи Николаевича посетил нас». *Ред.*

[2] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове.— В кн.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 85. *М. У.*

[3] Новь, Спб., 1886, т. 8, № 7, с. 393. *М. У.*

ное дело: определять задачу и цель обучения, в подробностях разработать и установить объем и курс обучения, распределить его по годам, избирать учебники, показать каждому учителю, как пользоваться ими на практике, как применять тот или иной метод и прием, и этим путем создавать самих учителей... Все это приходилось ему делать не в одном каком-либо пункте, даже не в одном уезде, а по всей Симбирской губ.

И вот начинаются памятные в губернии неутомимые разъезды Ильи Николаевича, продолжающиеся недели и месяцы, то с целью осмотра существующих школ и возможного их благоустройства, то с целью открытия новых; там руководит он педагогическими курсами; в другом месте наблюдает за постройкой училищного здания; там ходатайствует перед местными деятелями о материальных средствах для училищ, беседуя с сельскими обществами, располагая их к училищам и пр. Само собой понятно, что такие труды Ильи Николаевича были очень успешны. Успех их обусловливался также немало уменьем покойного обращаться с людьми крайне различных положений, образований и сословий, его симпатичной, привлекающей к себе личностью. Он прекрасно умел установить должные отношения как с людьми высокого, так и самого простого положения, и к многочисленному классу людей, в различной степени ему подчиненных. Ко всем последним он относился с редким вниманием и участием, никогда никого не подавляя авторитетом своего положения; без всякой принужденности умел одного обласкать, другого одобрить, иному сделать внушение и замечание, не возбуждая к себе ни малейшего чувства неприязни.

В местном обществе Илья Николаевич заслужил редкое внимание и уважение. Весть о его кончине быстро облетела город и все отдаленные концы Симбирской губ. ...все спешили в дом покойного поклониться его праху... Отрадно было видеть при гробе покойного это общее выражение внимания и уважения к его личности и заслугам...»[1]

И память об Илье Николаевиче осталась надолго среди деятелей народного образования. Об этом говорят, например, следующие слова педагога В. И. Анненкова, написанные им в 1898 г.:

«Как-то разговорились мы о действительности и личности нашего покойного директора народных школ Ильи Николаевича Ульянова. Припомнили огромные заслуги перед обществом как И. Н. Ульянова, так и ближайших его питомцев, и мы были поражены тем, как глубоко, беззаветно всего себя может отдать человек на служение идее; мы и мечтать не могли приблизиться к тому идеалу человека и гражданина, какой воплощал в себе И. Н. Улья-

[1] *Амосов А.* Илья Николаевич Ульянов (Некролог).— Симбирские губернские ведомости, 1886, № 7, 25 января. *М. У.*

нов и его ближайшие питомцы; чуть не клятвенное слово дали мы, хоть в слабых чертах печатно указать на их деятельность... Давно, почти десять лет назад это было; мы были молоды, забыли... И я вполне глубоко сознаю и понимаю благоговение и преклонение перед обаятельной личностью Ильи Николаевича Ульянова.

Да, редко дарит и балует нас мачеха-судьба такими выдающимися деятелями, возможными и понятными только в то время, о котором идет речь»[1].

Автор приведенной цитаты имеет в виду эпоху 60-х и начало 70-х гг., о которой мы говорили выше, когда число идейных культурных работников, подобных Илье Николаевичу, было еще очень невелико. На фоне чиновничества, прислужничества и карьеризма, на фоне спокойной и бездельной жизни помещиков, для которых, и не для худших из них, Илья Николаевич, ушедший с головой в свое дело, казался порой «односторонним и зачастую скучным»,— на этом фоне деятельность их освещалась особенно ярким светом.

Печатается по книге: Ульянова М. Отец Владимира Ильича Ленина — Илья Николаевич Ульянов, 1831—1886. М.; Л., 1931, сверенной с экземпляром, дополненным и исправленным автором при подготовке 2-го издания книги

---

[1] *Анненков В. И.* Воспоминания.— Волжский вестник. Казань, 1898, 8 декабря. *М. У.*

МАТЬ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА — МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА УЛЬЯНОВА

Мать наша, Мария Александровна, урожденная Бланк, была очень одаренным, недюжинным человеком. Она родилась в Петербурге 6 марта (22 февраля) 1835 г. Ее отец, Александр Дмитриевич, происходивший из мещан, окончил в 1824 г. Императорскую медико-хирургическую академию, как она называлась тогда, и из лиц податного сословия был переведен в «купеческое звание», а к концу своей службы врачом, через 20 с лишним лет, получил звание потомственного дворянина. Это был человек передовой, идейный, сильный и самостоятельный, чуждый всякого карьеризма и прислужничества. Черты эти влияли на его отношения с начальством, на сработанность с ним, и Александр Дмитриевич переменил за время своей служебной деятельности немало мест. Он служил и в Смоленской губернии и в Петербурге, где в 1838 г. «признан медиком-хирургом», короткое время был инспектором Пермской врачебной управы, а затем заведовал госпиталем на Юговском заводе Пермского округа. И в медицине Александр Дмитриевич шел несколько иным, необычным для того времени путем, вносил свое, новое. Так, он был большим врагом лекарств, считая, что врачи, применяя их, действуют сплошь и рядом втемную, не знают их всестороннего действия на организм человека, не учитывают, как порой, оказывая временное облегчение, то или иное лекарство вредно влияет на различные органы человека. В своей практике Александр Дмитриевич сводил употребление лекарств до минимума. При лечении внутренних и нервных болезней он широко применял водолечение и на Юговском заводе организовал водолечебницу. Как врач Александр Дмитриевич пользовался там большой известностью.

Выйдя в отставку, Александр Дмитриевич купил небольшое имение близ деревни Кокушкино и занялся сельским хозяйством, оказывая в то же время медицинскую помощь окрестному крестьянству.

Мария Александровна много рассказывала нам об Александре Дмитриевиче и своих детских годах. По ее рассказам дед остался в нашей памяти яркой индивидуальностью в умственном и моральном отношении. Любитель чтения, прекрасный шахматист, веселый собеседник, большой шутник. Любил он иногда подшутить и над детьми. Так, однажды, 1 апреля, в день именин Марии Александровны, дети с нетерпением ждали за обедом последнего блюда, сладкого. Им обещали, что в этот день будут на последнее би-

тые сливки. Каково же было их разочарование, когда, получив свои порции пирожного, они, не избалованные сладостями, собравшись приняться за вкусное блюдо, увидели, что дед подшутил по случаю 1 апреля; у них на тарелках был белый пушистый снег.

Из дочерей Александра Дмитриевича наша мать более других детей походила на своего отца, но особенно большое сходство чертами лица и характером, по отзывам всех, знавших деда, имеет с ним младший брат, Дмитрий Ильич. Сходство это, впрочем, бросается в глаза и по фотографии деда, сохранившейся до сих пор.

В воспитании детей у деда были тоже свои особые взгляды, сильно отличавшиеся от взглядов помещичьей среды того времени. Он старался закалить детей физически и нравственно, дать им простое, суровое воспитание, чуждое всякого баловства, изнеженности и барства. Дети должны были, поскольку могли, сами обслуживать себя. Рано утром бежали они, накинув что-нибудь теплое поверх ситцевых платьиц — других в детстве у них не было,— через холодные сени в кухню, чтобы согреть себе в маленьких горшочках молоко на завтрак. Ни кофе, ни чая им не давали не только в детстве, но и когда они были уже взрослыми: дед находил это вредным для них. «Самовар подавали только для дедушки и бабушки»,— рассказывала мать. И когда они ездили в гости к кому-нибудь из окрестных помещиков, что случалось, впрочем, очень редко, и их угощали там кофе или чаем, это было для них так необычно, что они, даже в гостях, не всегда решались нарушить этот запрет отца.

Старшие сестры матери брали уроки у учителей, которые приглашались к их рано погибшему брату, когда дед служил еще врачом, но приглашать преподавателей к младшим детям в деревню ему было не по средствам — за время своей службы он не умел зашибать деньгу. Слишком дороги были и закрытые учебные заведения, число которых было в то время очень ограничено, да дед был, кроме того, против воспитания детей в закрытых учебных заведениях. Таким образом, нашей матери, у которой были хорошие способности и страстное желание учиться, пришлось ограничиться домашним образованием. При помощи тетки, которая заменяла ей мать и к которой Мария Александровна была глубоко привязана, несмотря на ее строгость и требовательность, Мария Александровна изучила три языка: немецкий, который она знала особенно хорошо и говорила с детьми по-немецки, французский и английский. Почти самоучкой занималась наша мать и музыкой, которую очень любила, и достигла в игре на рояле больших результатов. Позднее знакомые не хотели верить, что Мария Александровна не брала уроков музыки, и изучала ее почти без посторонней помощи, самоучкой,— так много у нее было понимания музыки, такая выразительность и мягкость туше была в ее игре. А ус-

ловия для этих занятий были очень неблагоприятны. Рояль стоял в Кокушкине в большом зале, который очень плохо отапливался, и мать рассказывала нам, как страдала она от холода, как коченели ее пальцы, когда она часами просиживала там за упражнениями.

Плохо обстояло дело и с книгами. Их брали иногда из Казанской библиотеки, где дед подписывался, но оказии в город бывали нечасто, что значительно затрудняло обмен книг. Не было почти и знакомых среди окрестных помещиков.

«Такая скука бывала долгими зимними вечерами»,— рассказывала нам Мария Александровна. Но суровое, простое, чуждое всякого баловства и барства воспитание закалило характер нашей матери, сделало ее твердой, очень выносливой и терпеливой. Ни в детстве, ни в юности она не знала, что такое нервы, была физически очень крепкой и здоровой. Ее мадшая сестра, Софья Александровна, хуже переносила скуку и одиночество деревенской жизни и нередко горько плакала, но Мария Александровна умела находить себе занятие, обладала большой выдержкой. Она самостоятельно подготовилась и сдала экзамен на звание учительницы и позднее говорила мне, что была довольна, что имела это удостоверение и смогла бы в случае нужды подработать сама и не быть в тягость мужу, заработок которого был невелик.

Летом в Кокушкино приезжали старшие сестры со своими детьми, и жизнь становилась в деревне более оживленной. Много занималась Мария Александровна также садоводством и огородничеством. Ей с младшей сестрой отводили особые грядки, которые они должны были сами обрабатывать, засевать и поливать. Любовь к садоводству и огородничеству осталась у матери на всю жизнь, и везде, куда бы ни забрасывала ее позднее судьба, она всегда заводила, если к тому была хоть малейшая возможность, сад и огород и сама работала там.

С отцом наша мать познакомилась в Пензе, где она гостила у старшей сестры, Анны Александровны, муж которой И. Д. Веретенников, занимавший должность инспектора дворянского института, был сослуживцем Ильи Николаевича.

Двоюродная сестра, Л. И. Веретенникова, рассказывает, что, живя у них, Мария Александровна готовила ее в гимназию, занималась и языками, читая с ней по-французски и по-немецки. Но вечером это чтение часто прерывалось приходом кого-нибудь из знакомых. В их доме собиралось много молодежи, главным образом учителей Пензенского дворянского института. Часто бывал у них и Илья Николаевич. Иногда он приносил с собой новую книжку журнала и читал вслух. В. А. Ауновский [1], прозванный «соло-

---

[1] В. А. Ауиовский — учитель, сослуживец Ильи Николаевича Ульяиова. *Ред.*

вушком» за свой хороший голос, пел, пела и Мария Александровна, у которой был небольшой, но приятный голос. Занимались они вместе с Ильей Николаевичем и английским языком.

Мария Александровна вышла замуж летом 1863 г. Каждый год потом, особенно в первое время, они с Ильей Николаевичем ездили летом в Кокушкино.

У матери был, как я упоминала, сильный характер, много выдержки и воли. Всегда ровная, спокойная, веселая, очень чуткая и приветливая, она никогда не возвышала голос с детьми, редко прибегала и к наказаниям. Разве уж только расшалится кто-нибудь чересчур и тогда попадает на «черное кресло» (так называли дети кресло, стоявшее в кабинете отца) для того, чтобы успокоиться. Обычно же бывало достаточно серьезного тона матери, которым она делала замечание, чтобы дети слушались. Так велик был ее авторитет среди детей, которые глубоко любили и уважали ее и для которых недовольство матери их поведением уже само являлось наказанием. И Мария Александровна горячо любила своих детей, жила ими. Светского общества ни она, ни отец не любили, редко ходили в гости. У них был очень небольшой круг близких знакомых, главным образом сослуживцев отца, которые бывали в нашем доме, с детьми которых мы играли. Из этих сослуживцев отца инспектор народных училищ И. В. Ишерский, который после смерти отца был назначен на его место директора народных училищ, имел недурной голос и нередко пел у нас под аккомпанемент матери, говоря, что ее аккомпанемент особенно хорош и ему под него особенно легко петь.

Мария Александровна много занималась музыкой и в Симбирске и приохотила к ней всех своих детей. Хорошей музыкантшей сделалась, правда, только сестра, Ольга Ильинична, которая обладала хорошими музыкальными способностями и большим трудолюбием; но немного играли все. Учился музыке и Владимир Ильич в детстве и очень недурно разыгрывал детские пьески и вальсы, играл и в четыре руки с матерью. Но позднее, поступив в гимназию, он бросил занятия музыкой, о чем, будучи уже взрослым (в начале 90-х гг.), жалел. Мария Александровна часто собирала детей у рояля и пела вместе с ними детские песенки из «Гуселек».

Сама всегда занятая, мать не любила, когда дети слонялись без дела, и умела приучать их к труду, проявляя иной раз немало изобретательности, чтобы труд этот на первых порах не был принудительным, заинтересовывал и завлекал детей. Помню, сколько интереса доставляло мне, когда я была еще совсем маленькой, обучение вязанию и шитью. Мать подарила мне большой клубок красной шерсти и крючок для вязания. Я принялась за дело и скоро увидала с удивлением, что из-под шерсти торчат какие-то твердые предметы. Постепенно, по мере того как я вязала, из клубка

появлялись маленькие игрушки, конфеты и т. п. И я вязала с увлечением, стараясь поскорее разгадать все тайны, заключавшиеся в этом чудесном клубке. Или: я, опять-таки ребенком, подрубаю носовой платок, это еще первая моя работа, и она ладится у меня не особенно хорошо. Все же я ковыряю иголкой, сидя рядом с матерью, которая тоже занята работой. И вдруг, когда я подхожу к концу, на уголке платка оказывается приколотым кусочек шоколада, завернутого в бумагу. Я поражена: откуда он взялся? Ведь платок был все время у меня в руках, и раньше я на нем ничего не замечала. Мать так ловко сумела проделать свой фокус, что для меня так и осталось загадкой появление этого кусочка шоколада. К труду мы привыкали легко благодаря тому, что со стороны матери был умелый педагогический подход к воспитанию детей, много такта и никакой нервности, резкости и прикрикивания на детей. Как с ее стороны, так и со стороны отца не чувствовалось ненужного стеснения детской свободы, одергивания их.

Очень светлые воспоминания остались и от приготовлений к елке, для которой мы сами, дети, клеили различные украшения, золотили орехи и пр. под руководством матери и старшей сестры. Это давало нам интересное занятие, приучало к первоначальным трудовым навыкам. В теперешних детских садах такого рода работы практикуются очень широко, тогда детских садов почти не было и работы эти были мало в ходу. А в них был один из самых интересных моментов елки, и я помню, что, так сказать, «готовые» елки, на которые мы ходили к знакомым, производили на меня всегда меньшее впечатление, чем свои, для которых мы сами работали и которые сами же потом украшали. Елка зажигалась обычно в сочельник, и на ней присутствовала только наша семья, знакомых детей в этот день не приглашали. Но в этом была своего рода прелесть. Родители и старшие братья и сестры, обычно всегда занятые, собирались в этот вечер вместе, что уже само по себе давало много радости. А после елки раздавались подарки (дети тоже что-нибудь приготовляли родителям), старшие шутили и играли с нами, и мы бывали очень счастливы. И когда через день или через два к нам приходили знакомые дети и елку зажигали снова — обыкновенно она стояла в гостиной долго, пока не начинала осыпаться,— то впечатление на нас это производило значительно меньшее. Главную радость давала не горящая елка, а атмосфера любви и внимания к детям, для проявления которых елка давала только лишний, несколько необычный, праздничный повод. А мать и старшая сестра были к тому же так изобретательны на различные сюрпризы! Помню, как Владимир Ильич получил однажды в подарок большой пакет в оберточной бумаге. Он стал развертывать его: одна обертка спадала за другой, около него образовалась целая кипа бумаги, и он уже собирался бросить это

занятие, думая, что над ним подшутили и, кроме бумаги, в пакете ничего нет, но его убедили продолжать, и, сняв еще груду оберток, он нашел под ними, наконец, маленькие запонки.

Одной из любимых «сидячих» игр в нашей семье была в детстве игра в шарады. Один из играющих, который должен был отгадывать шараду, уходил из комнаты, другие выбирали шараду, распределяя ее слова между собой. На какой-либо вопрос отгадывающего, с которым он должен был обратиться к каждому из играющих в порядке, который ему указывался, надо было построить свой ответ таким образом, чтобы ввернуть слово из шарады, сделав это возможно более искусно. Когда шарада была разгадана, тот из играющих, кто недостаточно скрыл свое слово и помог отгадать шараду, уходил из комнаты, и ему загадывали другую шараду. Меньшим было труднее составить связный рассказ в ответ на вопрос и спрятать слово, но понемногу они приучались, и игра эта способствовала развитию сообразительности детей и приучала их излагать свои мысли. Мать очень любила эту игру и охотно играла в нее с нами. Распространено было и отгадывание предметов, людей и пр. (Какого царства? — спрашивал отгадывающий. Минерального, животного, растительного,— отвечали ему и пр.), игра в синонимы и т. п.

Дружная, любовная атмосфера, внимание и ласка делали наше детство очень счастливым, а этим мы были обязаны в значительной степени матери, которая уделяла нам весь свой досуг, стремилась всегда порадовать и повеселить нас.

По складу своего характера и по уму Мария Александровна не находила удовольствие в светской болтовне, выездах и нарядах. К тому же при большой семье на ней лежали все хлопоты по хозяйству, и лишь благодаря ее постоянному присмотру за ним и экономии удавалось сводить концы с концами при небольшом жалованье отца. На ней же лежали заботы о детях, за воспитанием которых она следила всегда сама. В нашей семье никогда не было гувернанток, а старушка няня, Варвара Григорьевна [1], прожившая в нашем доме около 20 лет, была простая деревенская женщина, которая нянчила лишь меньших, начиная с Владимира Ильича. Но, несмотря на занятость с детьми и по хозяйству, Мария Александровна находила время для чтения. Читала она всегда много, хорошо знала русскую литературу, любила читать и новые журналы и из них особенно «Исторический вестник», а потом делилась с нами своими впечатлениями, рассказывала о прочитанном. Много читала она книг и на иностранных языках, а раз перевела несколько небольших рассказиков и для печати.

«После твоего отъезда,— писала она мне в письме от 26 октяб-

---

[1] В. Г. Сарбатова. *Ред.*

ря 1898 г.,— засели мы с Аней [1] за переводы английских рассказов, так как Горбунов торопил их, и давно уже все покончили и отправили; теперь перевожу рассказик с немецкого. Занялась бы этим с удовольствием, если бы был интересный материал!»

Обладая хорошей памятью, Мария Александровна знала наизусть много произведений русских поэтов. Особенно запомнилось мне, как она декламировала «Демона», «Мцыри» и «Соседку» Лермонтова.

По наружности Мария Александровна была очень красива: правильные черты лица, умные выразительные глаза, приветливое, спокойное и в то же время какое-то величавое выражение лица. Во всем ее существе чувствовалась большая нравственная сила, выдержка и цельность. Мария Александровна поседела очень рано, в одну ночь, во время тяжелой, едва не стоившей ей жизни болезни, связанной с родами. Я не помню ее иначе, как с совершенно белыми, серебряными волосами, на которых она носила черную наколку. Позднее, впрочем, она оставила ее, подстригала волосы, и они падали вокруг ее лица мягкими, точно шелковыми прядями с завитками на концах.

«В высшей степени приятное впечатление производила мать Владимира Ильича, ныне уже покойная Мария Александровна Ульянова,— пишет в своих воспоминаниях В. Левицкий [2], который встречал ее в 90-х гг.— Это была пожилая, седая, но еще бодрая женщина с красивыми чертами лица; от нее веяло одновременно большой добротой и вместе с тем гордой сдержанностью».

Выросшая в деревне с ее полями, лугами и раздольем, Мария Александровна страстно любила природу. Любимым удовольствием ее было бродить по лесам и полям, собирать полевые цветы, ягоды и т. п. Как оживлялась она при этом, с каким чисто юношеским увлечением предавалась этим прогулкам! Жить летом в пыльном и душном городе было для нее чистой мукой. «Мне душно здесь, я в лес хочу»,— декламировала она, бывало. И близость к природе всегда преображала ее: она оживлялась, глаза ее блестели ярче, вся она точно молодела.

В Симбирске у нас был довольно большой сад с ягодными кустами и яблонями, разведен был, кроме того, и цветник. Главная часть забот о саде лежала на матери. При помощи детей, которые бегали поливать цветы, помогали собирать яблоки и пр., он содержался в большом порядке. Мы имели возможность лакомиться

---

[1] А. И. Ульянова-Елизарова. *Ред.*

[2] В. А. Левицкий — близкий знакомый семьи Ульяновых, работавший в 90-х гг. санитарным врачом в Подольском уезде Московской губернии, где в то время жили Ульяновы. *Ред.*

и ягодами и яблоками, но порядок был введен и здесь. Детям указывалось, когда и где можно рвать ягоды, яблоки, и мы строго следовали этим указаниям матери. И я помню, как удивили меня слова одной знакомой, которая, увидя, что в саду у нас все цело, сказала матери, что ее дети давно бы все растащили. Анна Ильинична рассказывает, что в одно лето по желанию матери три вишневых деревца, осыпанные ягодами, простояли нетронутыми до 20 июля, дня именин отца. И когда знакомые удивлялись опять-таки, что «при всей доступности их и обилии никто из детей не тронул их», мать отвечала: «Дети могли кушать ягоды в другой части сада, а эти деревья я просила их не трогать до 20-го».

Она любила делать такого рода сюрпризы своим близким, и я помню, как уже значительно позднее, когда мы жили в Подольске, на даче, в саду которой было много орехов, они были, по желанию матери, сохранены на кустах нетронутыми до освобождения Дмитрия Ильича, который в то время сидел в тюрьме. В этот год урожай орехов был большой, и кусты стояли, обвешанные спелыми, готовыми опасть орехами, а проходившие мимо нашей дачи удивлялись, что их никто не собирает. Зато, когда Дмитрий Ильич вышел (мы знали, что его должны скоро освободить), сбор этих орехов происходил уже вместе с ним.

Когда мы жили в Алакаевке (в Самарской губернии), цветник и огород был заведен и там, а также в Саблино, на даче М. Т. Елизарова, где мы жили в 900-х гг. И работой этой мать занималась всегда с большой охотой.

Матери пришлось перенести в жизни очень много тяжелого. Через год с небольшим после смерти Ильи Николаевича, которая сильно поразила ее, в Петербурге были арестованы по делу о покушении на Александра III Александр Ильич и Анна Ильинична. Двоюродная сестра, Е. И. Песковская, жившая в Петербурге, известила об этом нашу хорошую знакомую, учительницу В. В. Кашкадамову, с просьбой осторожно передать это известие матери, предварительно подготовив ее. Кашкадамова вызвала из гимназии Владимира Ильича и показала ему письмо Песковской. Он пришел, рассказывает она, как всегда, веселый и жизнерадостный, но, прочтя письмо, сразу изменился в лице. Это был уже не мальчик, а взрослый человек. «А ведь дело-то серьезное,— сказал он Кашкадамовой,— может плохо кончиться для Саши».

Решено было, пишет В. В. Кашкадамова в своих воспоминаниях, «чтоб он предварительно сообщил Марии Александровне о полученном мною письме, не упоминая, насколько замешан в этом Александр.— «Вечером я приду, и мы постараемся сообщить Марии Александровне обо всем».— Но не прошло и часу после его ухода, является Мария Александровна, бледная,

серьезная, готовая принять и это новое горе на свои слабые плечи.

«Дайте мне письмо»,— серьезно проговорила она. О подготовлении и предварительных разговорах не могло быть и речи. Я дала ей письмо. Она прочитала. «Я сегодня уеду; навещайте, пожалуйста, без меня детей»,— вот все, что она сказала, и ушла.

Перед отъездом Мария Александровна ровным, спокойным голосом делала распоряжения, давала наставления Владимиру Ильичу, как старшему из оставшихся»[1].

Она поехала в Петербург с одной мыслью, с одной целью — постараться спасти своих детей, облегчить им всем, чем только возможно, их заключение. И выказала при этом необычную силу воли и выдержку. О том, что она не только не падала духом сама, но и оказывала поддержку детям, рассказывает Анна Ильинична в своих воспоминаниях об Александре Ильиче. Отрезанная от мира тюремными решетками, сестра не знала всей сути дела:

«А выдержка и поразительная твердость матери обманывали меня. ...Я не могла допустить, что готовится, в последние дни заключения,— что произошло нечто непоправимое, видя ее, хотя потрясенную, грустную, но в полном самообладании... Она была настолько мужественна, что уже после казни брата, о которой она узнала из листка, раздаваемого прохожим на улице, одна, она пришла ко мне на свидание и, прося надзирательниц не ставить меня в известность о происшедшем, старалась ободрить меня, настаивала на необходимости мне беречь здоровье, успокаивала меня относительно себя.

Не умеющая лгать, как и Александр Ильич, она на мой вопрос о нем сказала только: «Молись о Саше». И хотя мне было безумно тяжело, я не поняла истинного смысла этих слов. Я обратила только внимание на то, с каким особым уважением пропускали ее фигуру в трауре, уходившую со свидания, лица тюремной администрации. Такая сила воли при ее переживаниях импонировала и им».

Ту же самоотверженную любовь проявила Мария Александровна при свиданиях с Александром Ильичем. Когда она во время заключения Александра и Анны приехала на короткий срок в Симбирск, она рассказывала Кашкадамовой, что хлопочет о смягчении наказания, и, как величайшее счастье, считает пожизненную каторгу: «Я тогда уехала бы с ним,— старшие дети уже большие, а младших я возьму с собой»[2].

Вернувшись в Петербург, Мария Александровна присутствовала на одном заседании суда, как раз на том, где Александр Иль-

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 274.
[2] Там же, с. 275.

ич произносил свою заключительную речь. «Я удивилась, как хорошо говорил Саша: так убедительно, так красноречиво,— рассказывала она позднее сестре.— Я не думала, что он может говорить так. Но мне было так безумно тяжело слушать его, что я не могла досидеть до конца его речи и должна была выйти из зала».

Когда приговор стал известен, у нее осталась одна надежда на сохранение жизни Александра Ильича: убедить его подать прошение о помиловании. Она просила его об этом на свидании после суда, но Александр Ильич не мог пойти на это, доказывая матери, что это было бы неискренне с его стороны, после того, что он делал, после того, что он говорил на суде. «Я больше не настаивала,— рассказывала потом Мария Александровна Кашкадамовой,— не уговаривала, видя, что ему было бы тяжело»[1].

Она имела еще одно свидание с Александром Ильичем уже после суда, в Петропавловской крепости, куда его перевели после приговора. Но и этого она добилась с трудом. Сенатор Н. С. Таганцев, который был учеником Ильи Николаевича в Пензенском дворянском институте, рассказывает, как она пришла к нему однажды в Петербурге вечером и просила помочь ей получить свидание с Александром Ильичем. «Ради бога, помогите,— сказала она,— мне сказали, что Вы это можете: я хочу видеть моего несчастного сына, а меня не пропускают, отказывают». «Она была при этом,— рассказывает Таганцев,— в страшном волнении и в слезах». И на другой день приходила к нему мать, но на этот раз не застала его. О чем хотела она еще попросить его, неизвестно, но жена Таганцева, которая ее приняла, рассказывала потом мужу, что Мария Александровна «произвела на нее потрясающее впечатление, когда каким-то страшным шепотом она сказала: «Сына я видела, ведь он приговорен к смерти».

Долго не могла потом мать говорить об Александре Ильиче со знакомыми, и лишь «спустя некоторое время, когда я была у них,— рассказывает Кашкадамова,— Мария Александровна молча дала мне конверт и сейчас же ушла в другую комнату. Я открыла конверт и нашла там две фотографические карточки Александра Ильича — одна в профиль, другая анфас. Эти фотографии были сняты с него в тюрьме и по ее просьбе переданы ей»[2].

По рассказам матери видно было, что своей выдержкой и удивительным присутствием духа в постигшем ее ужасном несчастье она завоевала к себе уважение и среди тюремщиков и начальства,

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 275.
[2] Там же.

с которыми ей приходилось иметь дело, когда она хлопотала о сыне и бывала на свиданиях у него.

Так, товарищ прокурора Князев, который должен был присутствовать на свидании Марии Александровны с Александром в доме предварительного заключения, уже после суда рассказывал, что, желая обставить это свидание возможно меньшими формальностями и стеснениями, он провел Ульянову в одиночную камеру, в которой содержался ее сын, оставшись сам в коридоре у открытой в камеру двери.

«Прошло около сорока лет с тех пор,— рассказывает он в своих воспоминаниях,— но не померкла в глазах моих тяжелая картина этого свидания подавленной несчастьем любящей матери и приговоренного к смерти сына, своим мужеством и трогательной нежностью старавшегося успокоить мать»[1].

А потом, когда на вопрос матери к Александру, не нужно ли ему чего-нибудь, Александр Ильич выразил желание иметь Гейне, Князев, «глубоко сочувствуя ей и желая облегчить ее чем-нибудь», вызвался достать эту книгу и передал ее Александру Ильичу.

Последнее свидание Мария Александровна имела с Александром в Петропавловской крепости. «Распространились слухи,— рассказывает Анна Ильинична,— что казни не будет, и материнское сердце, конечно, легко поверило им. Передать об этом при суровых условиях свидания она не могла, но, желая перелить в брата часть своей надежды и бодрости на все предстоящие ему еще испытания, она раза два повторила ему на прощание: «Мужайся!»

Так как надежды ее не сбылись, то вышло, что этим словом она простилась с ним, она проводила его на казнь»[2].

По мере того как время шло, боль матери, причиненная этой казнью сына, становилась менее острой, но не заживала никогда. И аресты и обыски других ее детей снова и снова растравляли эту никогда не заживавшую рану. Приходилось опять ходить по тюрьмам, с которыми были связаны такие горькие воспоминания, просиживать часами в приемных жандармов и охранников, прося свиданий с детьми, хлопоча о выдаче их на поруки. Но и тогда она проявляла свойственную ей выдержку и силу воли. Характерен в этом отношении случай, о котором рассказывает М. Б. Смирнов.

В 1899 г. он был вызван в департамент полиции для свидания с женой и там «увидел мать Владимира Ильича, которая приехала

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 124—125.
[2] Там же, с. 125.

в Петербург хлопотать о переводе ее сына из Енисейской губернии, в крайнем случае, в Псков. Вышедший из кабинета директор департамента, забывший, что перед ним стоит мать, с цинизмом царского опричника, громко, на всю залу, обратился к матери Владимира Ильича со следующими словами:

— Можете гордиться своими детками — одного повесили, и о другом также плачет веревка.

Трудно передать (для этого надо быть художником) фигуру и выражение лица матери Ильича в тот момент, когда, поднявшись, полная достоинства, она произнесла в ответ на это:

— Да, я горжусь своими детьми!»

Анне Ильиничне ссылка по делу Александра Ильича в Восточную Сибирь была заменена высылкой в Казанскую губернию благодаря хлопотам нашего родственника М. Л. Песковского, ссылавшегося на тяжелое состояние матери, и вскоре семья наша переехала из Симбирска в Казань. Последнее время пребывания в Симбирске отношение симбирского общества к нашей семье сильно изменилось, нас, видимо, побаивались и избегали. И после этого переезда у Марии Александровны порвались связи и с теми немногими знакомыми, которые у нее были, и она еще более замкнулась и ушла в семейную жизнь и заботы о детях. Для них она готова была пожертвовать всем на свете: своим спокойствием, удобствами, всем!

Это был вообще крайне добрый и самоотверженный человек, который мало думал о себе и своем благосостоянии. Дети были у нее на первом плане, и она постоянно болела за них душой, отказывала себе в самом необходимом, чтобы доставить им бо́льшие удобства, чем-нибудь обрадовать или облегчить их положение. Очень экономная вообще, на себя она тратила особенно мало, в течение ряда лет ухитрялась иметь одно более приличное платье, которое очень береглось, а потом переходило в наследство к дочерям. Когда ее уговаривали сделать себе что-нибудь новое, она обыкновенно отказывалась, ссылаясь на то, что она уже стара, обойдется и так. И обычно нужное ей платье и пр. ей делали дочери, но и тут она старалась лучшее сохранить для них же или отдать кому-нибудь из более нуждающихся. Ибо заботилась она не только о детях: ее большое любвеобильное сердце было открыто для всех несчастных, для всех нуждающихся в помощи, и им она не отказывала в ней никогда, если имела к этому возможность. Помню, как сердечно относилась она всегда к товарищам, навещавшим нас, какое большое впечатление производила на них. Людей она узнавала хорошо и нередко предупреждала нас относительно некоторых, которые бывали ей несимпатичны.

Но те, которые завоевывали ее симпатию, пользовались всегда

большим радушием, она умела, как редко кто, обласкать человека, согреть его своей лаской и участием. Иногда ее заботы о людях проявлялись даже в мелочах. Помню, как, собираясь куда-то ехать, мать, которая была в то время уже глубокой старушкой, складывала в мешочек разные швейные принадлежности: катушки, пуговицы, иголки и т. п. «Зачем ты так много берешь с собой, мамочка?» — спросила я ее. «Попросит кто-нибудь, нужно будет кому-нибудь — будет, что дать»,— ответила она мне. И при таких просьбах, если дело касалось даже мелочей, никто не слышал от нее отказа, недовольства, что ее беспокоят по пустякам. Она тотчас же поднималась с места и отправлялась на поиски просимого предмета, а часто и сама вызывалась дать его.

Характер у матери был очень общительный, и она быстро завязывала знакомства, пользовалась общей любовью и уважением всех, кто с ней соприкасался. Такое же простое и ласковое отношение было у нее к «простым» людям, людям физического труда. Она, как и отец, охотно беседовала с крестьянами, когда ей приходилось жить в деревне, и они искренне любили ее за доброту и ласку, за всякое отсутствие барства и высокомерия, за готовность прийти им на помощь.

В 1891 г. нашу семью поразило новое горе: в Петербурге умерла от брюшного тифа, осложненного рожей, сестра, Ольга Ильинична. Это была талантливая, сильная девушка, с большой выдержкой и громадной трудоспособностью. Получив известие о ее болезни, Мария Александровна быстро собралась и поехала в Петербург, чтобы быть с Ольгой и ухаживать за ней. Но Ольга Ильинична, которая много работала весь год пребывания своего на Высших женских курсах, переутомила свой организм, и спасти ее не удалось.

Смерть эта тяжело поразила Марию Александровну, но и здесь она проявила свою всегдашнюю выдержку и силу воли. И свое внимание и заботы, только еще в большем объеме, она перенесла на других детей.

Через несколько лет, получив сообщение, что Владимир Ильич заболел воспалением легких, она немедленно поехала к нему в Петербург, чтобы ухаживать за ним, чтобы поставить его на ноги. А через год, когда он был арестован, опять перебралась туда с весны, чтобы ходить к нему на свидания, заботиться о нем, делать ему передачи и пр. Она всегда бывала с тем из детей, кто особенно нуждался в ее помощи, кому она могла быть особенно полезной.

Когда Мария Александровна узнала, что Владимиру Ильичу местом ссылки назначено село Шушенское и что никто из его близких товарищей в одно с ним село не попал, она писала ему, что собирается поехать к нему, надеясь, между прочим, что это

даст ей возможность выхлопотать для Владимира Ильича перевод в село Тесинское, где жили его товарищи.

«Насчет того, чтобы тебе ехать сюда для того только, чтобы выпросить мне перемещение,— это уж совсем и совсем не стоит»,— отвечал он ей [1].

Здоровье у Марии Александровны было хорошее, она была очень крепкой и выносливой и до глубокой старости постоянно работала и возилась с чем-нибудь. Безделья она не терпела, будучи от природы очень деятельной. Она шила, вязала, хлопотала по хозяйству, которое лежало обычно на ней, а в свободное время много читала. А когда уставала работать и читать, садилась за рояль. Иногда она играла в четыре руки с кем-нибудь из дочерей, любила слушать и их игру. Занятия музыкой Мария Александровна не оставляла почти до самой смерти. Летом 1916 г., за месяц до ее смерти, мы поехали на дачу в Финляндию, где инструмента не было. Все уже собрались ехать на вокзал и поджидали лишь извозчика. А мать, уже одетая, подошла к роялю и сыграла что-то из своих любимых вещей, точно прощаясь со своим любимым развлечением. Любила она и игру в шахматы и нередко играла с детьми, особенно в последние годы своей жизни.

Мать не была религиозной. Немало влияло на это, вероятно, то обстоятельство, что она воспитывалась не в богомольной семье; не был религиозен и ее отец, Александр Дмитриевич. И Мария Александровна редко посещала церковь еще когда жила в Симбирске. С годами религия играла для нее все меньшую роль, и, уже будучи в очень пожилых годах, она совсем порвала с ней. На это, несомненно, сильно повлияло общее изменение ее мировоззрения, совершившееся не без влияния детей.

В Москве, куда мы переехали в 1893 г., мать еще иногда ходила в церковь, но это случалось очень редко. Вот что рассказывает Дмитрий Ильич об одном разговоре с ней на эту тему. Вернувшись раз откуда-то домой, мать рассказывала брату, что заходила между прочим в Иверскую часовню. «Какие они жадные, толстые, наглые,— говорила она о монахах,— как они нахально выпрашивают деньги. Один их вид может побудить людей перестать верить». Это говорилось, когда Марии Александровне было уже почти 60 лет. И позднее, будучи уже глубокой старушкой, она говорила про загробную жизнь: «Это все сказки, ничего там нет. Хорошо бы умереть тихо, как заснуть»,— прибавляла она.

Большим ударом для Марии Александровны бывали всегда обыски и аресты ее детей, которые особенно часто происходили в нашей семье с конца 90-х гг. Нередко при этом она оставалась

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 35.

совсем одна в чужом городе, так как мы немало кочевали из города в город, а она следовала всегда за нами. Помимо того что аресты бывали очень тягостны ей, благодаря ее прежним тяжелым переживаниям, она, кроме того, очень болезненно переживала всегда заключение своих близких. Для нее, незнакомой с условиями тюрьмы, заключение представлялось всегда хуже, чем оно было на самом деле, кроме того, беспокоила все время мысль, как отсидка отразится на здоровье и пр. Иногда беспокойство это бывало так сильно, что Мария Александровна, помимо свиданий, которые она имела с нами, когда мы бывали под арестом, приезжала к тюрьме и ходила вокруг нее в надежде, не удастся ли ей случайно повидать близких ей как-нибудь через окно или что-нибудь услышать о них.

Аресты родных влекли для Марии Александровны массу хлопот и забот. Прав был Владимир Ильич, который писал матери в одном письме в связи с арестом Дмитрия Ильича, что «мыкаться по разным «присутственным» местам (дело зачастую сугубо неприятное, более неприятное, чем сидение!)»[1]. Надо было ходить в охранное отделение или к жандармскому чину, который вел дело, добиваться приема у него, чтобы узнать о деле, получить свидание, похлопотать об освобождении. Кроме того, надо было ездить в тюрьму с передачей денег, белья и съестного, если его разрешали передавать, в другие дни — на свидания и т. д. При этом везде приходилось ждать или приходить вторично вследствие отсутствия того или иного из жандармских ротмистров и т. п. Приходилось и выслушивать от этих представителей власти всякие неприятные вещи, вроде того, о чем рассказывал М. Смирнов, или всякого рода запугивания. Жандармам иногда выгодно было представить матери дело арестованного серьезнее, чем оно было на самом деле, так как они через нее старались воздействовать на него и заставить быть откровеннее в своих показаниях. Так, в Киеве в 1904 г. жандармы наговорили матери невесть чего об ужасах, которые ожидали Дмитрия Ильича, дело которого они всячески старались раздуть, но на поверку у них ничего не вышло. Но ее своими россказнями они заставили, несомненно, сильно помучиться.

Вместе с Дмитрием Ильичем в Киеве были тогда арестованы по делу Центрального и Киевского комитетов партии его жена[2], Анна и Мария Ильиничны, и Мария Александровна осталась в чужом городе, куда мы переехали всего за несколько месяцев до ареста и где у нее почти не было знакомых, совсем одна. Заботиться приходилось о четырех арестованных, которые к тому же сидели

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 225.
[2] Антонина Ивановна Ульянова (Нещеретова). *Ред.*

не в одной тюрьме. Киевская губернская тюрьма, так называемая «Лукьяновка», имела ряд особенностей, благодаря которым в ней возникало много всяких тюремных беспорядков. С одной стороны, заключенные сидели там в общих камерах и имели с сидящими в том же коридоре или на том же этаже общие прогулки, возможность через выборного дежурного распределять между всеми в пределах этого коридора получаемые с воли передачи. С другой стороны, после побега из Лукьяновской тюрьмы 11 искровцев внутреннюю охрану в тюрьме несли жандармы, которые своим грубым обращением с арестованными вызывали ряд протестов с их стороны. Иногда, впрочем, протесты возникали и без достаточного основания, благодаря тому, что долгое тюремное заключение сильно отражалось на нервах, выводило людей из равновесия.

Во время нашего пребывания в «Лукьяновке» там проводился бойкот старшего жандарма, который водил нас на свидания и через которого поступали к нам передачи, за то, что он, по заявлению одной заключенной, толкнул ее на прогулке. В ответ на это после долгих обсуждений между собой заключенные заявили, что не будут ходить на свидания, если за ними придет бойкотируемый ими жандарм, не будут принимать передачи от него и пр., и требовали, чтобы он был убран. Но начальство не обратило на это требование ни малейшего внимания. Наоборот, жандарм, объявленный под бойкотом, стал особенно часто появляться в тюрьме. Ему были поручены сношения с арестованными и вне его служебного времени, когда обычно его заменял другой. Он приходил звать на свидание, с улыбкой выслушивал заявление заключенного, что с ним он не пойдет ввиду его некорректного отношения с арестованной, не обращал внимания на обструкцию, которую ему при этом устраивали, и уходил все с тем же спокойным видом. То же было с передачами и, кажется, даже с письмами. Больше всего страдали от такого рода протеста родные. Они приезжали к тюрьме с передачами, с разрешением на свидание, а жандармы встречали их сообщением, что арестованные не хотят идти на свидание и принимать их передачи. Не зная, что творится в тюрьме, им трудно было понять, чем вызывается такого рода отказ. Мать приезжала к нам в тюрьму из другого конца города, обыкновенно нагруженная пакетами. Она знала, что передачи у нас делятся поровну между сидящими на одном коридоре, и старалась приготовить передачу в таком количестве, чтобы хотя бы на один-два дня достало всем. «Сколько вас теперь на коридоре?» — спрашивала она нас при свидании. И старалась, чтобы в следующую передачу котлет, пирожков и пр., что она нам приготовляла, было как раз по числу заключенных. Это число, однако, часто менялось, и Мария Александровна огорчалась, узнавая, что нас на коридоре

уже значительно больше, чем было при последнем свидании, и ее расчеты, чтобы «всем достало», не удались. Тем более грустно было ей уезжать со всеми ее приготовлениями обратно, да к тому же выслушав от жандарма заявление, что ее дети не хотят идти к ней на свидание, и беспокоясь о том, что творится за стенами тюрьмы. Не помню, какой выход нашли мы в конце концов, чтобы закончить этот бойкот-протест. Но тюрьма была надолго выведена из равновесия: шли споры, объявлять ли голодовку, но в конце концов она была провалена. Вместо нее была устроена обструкция. В определенный час в тюрьме поднялся невообразимый грохот: все заключенные дубасили табуретками в дверь, а когда табуретки разлетались в щепки, брались за столы и т. п. Шум этот сопровождался криком, свистом, пением и пр. «Ну, опять политические обструкцию выколачивают»,— говорили сидевшие в других этажах уголовные. В тюрьму были введены солдаты, которых расставили по одному и по два на камеру для того, чтобы мешать заключенным производить обструкцию. Но кончилось все это в общем довольно благополучно, и тюремная жизнь вошла мало-помалу в относительную норму. Свидания опять возобновились. И характерно, что мы не услышали от матери и тени упрека, она только грустно качала головой. А ей было тогда почти 70 лет.

Но как ни тяжелы бывали для Марии Александровны наши аресты, к нашей революционной работе она относилась с полным сочувствием и всячески помогала нам надувать жандармов, прятать нелегальщину и пр. Иногда благодаря ей нам удавалось выпутаться из неприятных историй. Особенно характерен в этом отношении случай, который имел место во время нашего киевского ареста. У Дмитрия Ильича, которого взяли на улице, было при себе 500 рублей. Деньги эти, конечно, были партийные, и жандармы за таковые и сочли их, правильно полагая, что человек, не имевший в Киеве никакого постоянного заработка, не мог располагать такой крупной по тому времени суммой. Если бы брат не сумел опровергнуть это их предположение, деньги были бы конфискованы, да, помимо того, это ухудшило бы его положение, так как явилось бы лишним доказательством его партийной работы. На Дмитрия Ильича, как мы указывали, жандармы смотрели вначале очень серьезно. Его посадили в крепость, и свиданий с ним у матери не было. Между тем у Дмитрия Ильича создался план, как выпутаться из истории с деньгами, и он написал матери обычное письмо через жандармов, но в нем, конспиративно, путем отрыва букв, сообщил шифром свою просьбу сговориться с мужем Анны Ильиничны, что эти деньги (500 рублей и притом одной бумажкой) он получил от М. Т. Елизарова заимообразно, «на обзаведение». Мария Александровна разобрала это сообщение, хотя раньше ей

никогда не приходилось иметь дело с шифром, и она только слышала о нем от нас, передала Марку Тимофеевичу просьбу брата, и тот, спрошенный жандармами по указанию Дмитрия Ильича, показал именно так, как было условлено. Подозревать о том, что Дмитрий Ильич имел какие-либо нелегальные сношения с волей, жандармы не имели оснований, так как условия заключения в крепости были очень строгие, и обвинение в хранении партийных сумм, таким образом, отпало.

В 1910 г. мы жили с матерью в Москве в меблированных комнатах против губернской земской управы, где я служила в то время. Нагрянула полиция. Так как квартира была не наша, то мы не могли помедлить с открытием наружной двери. Раздался стук в дверь нашей комнаты. Помню, как мать, которой было в это время 75 лет, быстро, и не теряя присутствия духа, обратилась ко мне со словами: «Если у тебя есть что-нибудь, что надо спрятать, дай скорее мне». Я сунула ей спросонья какое-то письмо, которое не успела спрятать раньше, и мы открыли дверь. Хотя обыск был, как обычно, и личный, и обыскивали и мать, но у нее смотрели более поверхностно, и к тому же она так ловко припрятала данное ей мною письмо и держалась так спокойно, что не возбудила ни в ком подозрения. На этот раз меня не арестовали, а устроили у нас на квартире засаду. Из дома не выпускали первое время никого, и какие-то девицы, жившие там же, которые должны были ходить на службу, и хозяйка квартиры страшно негодовали на нас за то, что благодаря нам они тоже оказались под арестом, и всячески донимали этим Марию Александровну. Была пасхальная неделя, во время которой занятий в управе не было. И товарищи, приходившие ко мне по делу обычно в управу, не застав меня там, шли к нам на квартиру. Переодетый городовой открывал дверь на звонки и на вопрос приходящих обо мне отвечал, что я дома, а потом проводил пришедшего на кухню, где сидели шпики и околоточный, и начинался обыск и допрос. Но на второй и третий день засады бдительность нашей охраны несколько ослабела, и они уселись играть в зале в шашки. Мы с матерью воспользовались этим. Она стерегла, чтобы в нашу комнату никто не зашел, и следила за тем, что делают охранники, а я забралась на окно и старалась откивнуть приходящих ко мне знакомых. Приходилось просиживать на окне часами, соскакивая каждый раз по знаку, который мне подавала мать, но все же с ее помощью мне удалось дать знать ряду лиц, направляющихся в нашу квартиру, о том, что у нас полиция и чтобы они повернули вспять.

В 1912 г., после ареста в Саратове Анны и Марии [1], Мария Александровна осталась опять совсем одна. К делу, вероятно,

[1] А. И. Ульянова-Елизарова и М. И. Ульянова. *Ред.*

пристегнули бы и М. Т. Елизарова, который был в это время в отъезде. И, чтобы предупредить его о нашем аресте и посоветовать не заезжать в Саратов, а уехать куда-нибудь на время, Мария Александровна поехала на пристань к приходу парохода, с которым Марк Тимофеевич должен был приехать. Но когда она пошла потом в жандармское управление хлопотать о дочерях, силы изменили ей, и ей сделалось дурно. Возможно, что вследствие этого Анна Ильинична, об участии которой в местной с.-д. группе у жандармов не было данных, была скоро освобождена. Но опять-таки и матери и сестре пришлось все лето жить в душном городе и мыкаться в заботах о заключенной.

Коротали мы с ней вместе время и в ссылке. И здесь по ошибке с обыском, т. е. с ордером на обыск, пришли не ко мне, а к ней. Мы жили тогда в деревне под Вологдой. С обыском явился местный исправник, который решил сделать все «по закону» и, несмотря на то, что видел перед собой глубокую старушку, обратился к ней с предложением добровольно отдать ему все нелегальное, что у нее имеется. Находившаяся в то время у нас Анна Ильинична оборвала его словами: «Да вы что, издеваетесь? Вы не видите, с кем вы разговариваете?» Исправник несколько смутился, но в оправдание свое заявил, что он обязан сделать все «по форме». В результате он забрал с собой паспорт матери и почти все имевшиеся у нас легальные книги и удалился. Обыск был произведен и на нашей городской квартире, куда меня вытребовали со стражниками, а когда уже поздно вечером меня отпустили, я поторопилась вернуться в деревню к матери, которая была одна (сестру мы убедили уехать, боясь, чтобы и она не влетела). Каково же было мое изумление, когда, сойдя с поезда, уже почти ночью, я увидела на вокзале мать, которая поджидала меня. Дома она не могла усидеть: ее слишком беспокоил результат моей поездки, она хотела как можно скорее знать, что со мной, и для этого отправилась на вокзал ночью, хотя и не знала, что меня отпустят, и там поджидала в течение долгого времени.

Впрочем, встретить ее поджидающей вечером у ворот мне приходилось и раньше. Помню, как, возвращаясь откуда-то поздно вечером в Самаре в сопровождении кого-то из товарищей, я была поражена, увидя мать у подъезда нашей квартиры. «Я беспокоилась, почему тебя долго нет, проводит ли тебя кто-нибудь»,— сказала она.

Со времени эмиграции Владимира Ильича Марии Александровне мало приходилось жить вместе с ним. Но как ни грустно ей было быть вдали от него, Мария Александровна была все же довольна, что он живет за границей и не подвергается постоянной опасности ареста и ссылки. Еще в 1895 г., когда Владимир Ильич

ездил на несколько месяцев за границу, она в своих письмах советовала ему остаться там подольше.

«Насчет того, чтобы надолго остаться здесь,— отвечал ей Владимир Ильич,— я не думаю: «в гостях хорошо, а дома лучше»[1].

Во время эмиграции разлука с матерью, к которой Владимир Ильич был глубоко привязан, была ему очень тяжела, и он не раз высказывал желание, чтобы она переехала за границу и поселилась вместе с ним.

Так, в 1908 г., приглашая Марию Ильиничну приехать «надолго» за границу, он пишет: «Очень хорошо бы было, если бы и мама могла приехать... На сентябрь есть надежда, что будет хорошо здесь. Приезжайте!»[2]

«Мы поедем отдыхать летом (приблизительно в конце июня или начале июля...),— утащим ее (Марию Ильиничну.— *Ред.*) с собой,— пишет Владимир Ильич 21 мая 1909 г.,— а затем к осени она подождет здесь тебя, и в Париже все устроились бы чудесно»[3].

Но осуществить этот план не удавалось, между прочим, потому, что Мария Александровна бывала, как мы указывали, всегда с теми из своих детей, кому особенно нужна была ее помощь, а в России эта помощь очень часто была нужна тому из членов нашей семьи, на кого сыпались полицейские кары. И во время эмиграции Владимира Ильича Марии Александровне только два раза удалось на короткий срок побывать за границей для свидания с ним. В первый раз она ездила туда летом 1902 г. и прожила вместе с Владимиром Ильичем и Анной Ильиничной около месяца на севере Франции в деревушке Loguivy на берегу моря.

Во второй, и уже последний, раз свидание матери с Владимиром Ильичем состоялось осенью 1910 г. Владимир Ильич ездил тогда из Парижа на Копенгагенский конгресс и предложил нам с матерью съехаться по окончании его в Стокгольме. Владимир Ильич приехал в Стокгольм раньше нас, снял по объявлению в газете комнаты и встретил нас на пристани. За короткое время пребывания Марии Александровны в Стокгольме Владимир Ильич проявлял по отношению к ней самую трогательную заботливость, но не оставлял своей работы. По утрам он уходил обыкновенно в библиотеку и работал там до обеда. А потом мы нередко отправлялись вместе гулять по городу и его окрестностям.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 12.

[2] Там же, с. 253.

[3] Там же, с. 291.

В Стокгольме Мария Александровна присутствовала и на одном выступлении брата на собрании большевистской группы. Это было первый раз, что она слышала Владимира Ильича. И мне казалось, что, слушая его, она вспоминала другую речь, которую ей пришлось слышать,— речь Александра Ильича на суде. Об этом говорило ее изменившееся лицо. Но она слушала Владимира Ильича с большим вниманием, очевидно, сильно волнуясь. «Он хорошо говорил, так сильно и красноречиво,— сказала она мне потом,— только зачем он так сильно напрягается, так громко говорит — это ведь так вредно. Не бережет он себя!»

В день нашего отъезда проводил он нас на пароход. Сильно запало в памяти выражение его лица, когда он, стоя на пристани — на пароход он не мог войти, так как этот пароход принадлежал русской компании и его могли там арестовать,— смотрел на мать. Столько боли было тогда в его лице! Марии Александровне уже исполнилось 75 лет, и так мало вероятия было, что ему еще когда-либо удастся повидать ее. Так оно и вышло на самом деле. Во время империалистической войны мы были отрезаны от Владимира Ильича больше, чем когда бы то ни было, а до Февральской революции и возвращения Владимира Ильича в Россию Мария Александровна не дожила, и встреча в Стокгольме была их последним свиданием.

Но Владимир Ильич всегда очень аккуратно переписывался с матерью, проявлял и в письмах очень много внимания и заботы к ней. Особенно часто писал он ей — многие из его писем не сохранились — во время арестов кого-нибудь из нас. Оторванность от нее и невозможность своим личным присутствием и заботами о ней облегчить ее была ему тогда особенно тяжела, и он старался хотя бы чаще и подробнее писать ей.

«Боюсь, что ты слишком одиноко теперь себя чувствуешь...— писал он Марии Александровне 2 июня 1912 г., узнав об аресте Анны и Марии в Саратове.— Может быть, при более частой переписке ты будешь чувствовать себя все же несколько менее тоскливо»[1].

И письма Владимира Ильича всегда очень радовали мать. Просила она чаще писать и Надежду Константиновну. «Когда жили за границей,— рассказывает Надежда Константиновна,— я старалась описать ей как можно живее нашу жизнь, чтобы почувствовала она хоть немного близость сына»[2].

В 1897 или 98 г., когда Владимир Ильич был в ссылке, в газетах появилось как-то сообщение о смерти однофамилицы матери, причем сходились и имя и отчество. Газета эта дошла до Влади-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 327.

[2] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. 3-е изд. М., 1984, т. 1, с. 237.

мира Ильича раньше, чем наша телеграмма, посланная, чтобы успокоить его. «Пришел к Владимиру Ильичу,— рассказывал Оскар Энгберг, бывший в ссылке в одном с ним селе,— а он бледный, как полотно,— говорит: мать у меня умерла»[1].

Это сообщение глубоко поразило Владимира Ильича, что ясно видно было из его писем к нам, после печального известия. Но письма эти, к сожалению, не сохранились.

Александр Ильич говорил как-то, по словам Анны Ильиничны, с возмущением о том, что лучших людей при царизме держат в тюрьме. Те же слова слышала я не раз и от матери. «Как хорошо будет то время,— говорила она,— когда не будет ни тюрем, ни решеток, и люди будут свободны». И она вкладывала в эти слова так много веры в лучшее будущее, говорила их с таким увлечением. С таким же увлечением пела она вместе с нами революционные песни. И, несмотря на свои седые волосы и глубокие морщины на лице, она казалась тогда такой молодой, не старше той молодежи, в кругу которой эти песни пелись.

Других знакомых, кроме знакомых ее детей, у Марии Александровны не было, их интересы были ее интересами, потому-то так хорошо и чувствовали себя в ее обществе товарищи по революционной работе, товарищи по партии. А между тем в ее возрасте люди, особенно в те далекие дни, о которых идет речь, любили проводить время в обществе своих однолеток, с которыми у них были общие интересы, иногда очень отличные от интересов молодежи, и, во всяком случае, больше близости, чем с последней. Но Мария Александровна всю свою жизнь кочевала с детьми из города в город, благодаря чему старых связей с людьми ее возраста у нее не сохранилось, а затем и интересы и взгляды стали уже ближе к взглядам представителей более молодого поколения.

Но помимо сочувствия революционной работе у Марии Александровны было желание и самой делать что-либо для общего дела. Помню, как она поразила меня когда как-то в Вологде — ей было тогда уже почти 80 лет — сказала мне: «Не хочется так жить без дела, поехала бы я куда-нибудь в деревню, учить крестьянских детей грамоте».

Не было для нее и большего удовольствия, как иметь возможность оказать какую-нибудь помощь своим детям в их работе. В Самаре как-то, видя, что я сижу за срочной работой, она захотела непременно помочь мне и тщательно переписывала какие-то бумаги. Надо было видеть, с какой радостью оставляла она собственные занятия, если знала, что может быть в чем-нибудь полезной другим.

---

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. 3-е изд. М., 1984, т. 1, с. 237.

Незадолго до своей смерти Мария Александровна сказала мне как-то: «Если бы можно было проснуться через несколько десятков лет и посмотреть, что будет тогда на земле, как будут жить тогда люди». Ни она, ни мы не предполагали тогда, что не только через несколько десятков лет, но уже через несколько месяцев наступит так долго жданная революция и свобода, за торжество которой погибло так много лучших людей. Всего несколько месяцев не дожила Мария Александровна до февраля 1917 г., до возвращения Владимира Ильича из эмиграции. А какой радостью было бы для нее видеть свободу в России, каким хорошим завершением ее прекрасной жизни явилось бы это!

Мы нередко вспоминали об этом впоследствии, особенно в первые дни приезда Владимира Ильича из-за границы и в октябрьские дни 1917 г. Вспоминали и в тревожные дни июля и августа того же года, когда каждый день надо было бояться за свободу и жизнь Владимира Ильича.

«А, пожалуй, хорошо,— говорила тогда Надежда Константиновна,— что наши старушки не дожили до этого — как-то перенесли бы они эти волнения. Не под силу было бы им это».

Мария Александровна умерла 27 (14) [1] июля 1916 г. И до последней минуты думала о детях. «Я ухожу... ухожу... ухожу в могилу,— говорила она, все более слабея,— а ты живи счастливо в семье, которую я искренне люблю».

Она лежит на Волковом кладбище, рядом с могилой Ольги Ильиничны.

«Грустно думать, что нет уже Марии Александровны, необыкновенного и милого человека,— писал нам один знакомый после ее смерти.— Кто знал ее хоть немного, уже никогда не забудет на редкость милого, простого и приветливого, но величавого ее образа... Удивительно цельная была жизнь. Не многим удается так прожить».

Да, это была цельная жизнь, полная самой светлой красоты и силы. Свои большие, недюжинные способности, которым условия жизни не дали развернуться, светлый ум и горячее сердце она отдала безраздельно своим детям. Жестокие испытания, сыпавшиеся в изобилии на ее голову, не сломили и не ожесточили ее. До могилы донесла она свою силу воли, свою глубокую веру в лучшую жизнь, которая рано или поздно наступит на земле, жизнерадостность, сердечное и внимательное отношение к людям.

«Этот чудесный образ матери революционеров (и каких революционеров!),— пишет Кржижановская,— должен войти в исто-

---

[1] М. А. Ульянова скончалась 12 (25) июля, а 14 (27) была похоронена на Волковом кладбище. *Ред.*

рию жизни ее детей, ибо ее жизнь неразрывно была с ними связана, им посвящена, и кто учтет, в какой мере она своим прекрасным и сильным духовным обликом повлияла на весь уклад их характера и их мировосприятия».

Чертами лица Владимир Ильич не походил на мать. Он унаследовал их больше от отца, как и сходство в фигуре, в целом ряде привычек, вкусов и многом другом. Но глаза у Владимира Ильича были глазами матери. От нее же унаследовал он, между прочим, большую чуткость и исключительное внимание к людям. Так же, как она, Владимир Ильич как-то сразу серел лицом, волновался и мучился, если ему казалось, что он недостаточно позаботился о ком-нибудь из близких или товарищей, недостаточно хорошо их устроил и пр. И такой же цельной, прекрасной, хотя и в другом роде, была и его жизнь.

Вопросы истории КПСС
1964, № 4, с. 39—53

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ИЛЬИЧА УЛЬЯНОВА [1]

Сегодня исполняется 50 лет со дня гибели на виселице старшего брата В. И. Ленина — Александра Ильича Ульянова и его четырех сопроцессников, казненных царским правительством 20 мая 1887 г. за организацию покушения на Александра III.

В мрачную эпоху реакции середины 80-х гг. прошлого столетия вышли они — группа студенческой молодежи — на поле битвы с царским самодержавием. Это были тяжелые годы перепутья между народовольцами и социал-демократами... Партия «Народная воля» была разбита. Жестокими карами — виселицами и пожизненным заключением — расправилось царское правительство с ее корифеями. Но народническая идеология, для которой тогдашняя русская действительность представляла благоприятную почву, еще не была поколеблена. Предстоял еще долгий путь борьбы за победу марксизма в России. А между тем, по словам Ленина, в первый период истории социал-демократии (приблизительно 1884—1894 гг.): «Число сторонников нового направления [2] в России измерялось единицами. Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития» (Ленин, т. IV, с. 499) [3].

...Не надо забывать, что «правильность этой — и только этой — революционной теории [4] доказал не только всемирный опыт всего XIX века, но и в особенности опыт блужданий и шатаний, ошибок и разочарований революционной мысли в России. В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории... Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма...» (Ленин, т. XXV, с. 174—175) [5].

Александр Ильич был знаком с учением Маркса и даже перевел и подготовлял к печати одно из его произведений. Из его за-

[1] Статья написана М. И. Ульяновой за несколько месяцев до ее кончины, в начале 1937 г., к пятидесятилетию со дня гибели А. И. Ульянова. *Ред.*

[2] То есть социал-демократии. *М. У.*

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 180.

[4] Марксизма. *М. У.*

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 7—8.

меток о книге В. В. «Судьбы капитализма в России», хранившихся долго у его товарища, видно, что Александр Ильич «критически относился к идеям В. В. и выражал сомнение в прочности русской общины, как базы социального переустройства». Он отзывался о «Наших разногласиях» Плеханова, как об «интересной книге».

В то же время в революционной пропаганде среди рабочих — Александр Ильич вел ряд кружков на Васильевском острове, часть которых передавал своим товарищам,— он призывал рабочих не только к борьбе с самодержавием, но и с капитализмом.

И все же на нем сказалась эпоха перепутья. Написанная им «Программа фракции партии «Народная воля»» (так называла себя его группа), хотя и показывает уже некоторые попытки отхода от программы народовольцев и приближения к марксизму, является в основном народнической. Методом своей борьбы Александр Ильич и его товарищи избрали метод «Народной воли» — террор. Они повторили ошибку народовольцев, которая была в том,— писал Ленин,— «что они опирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией, и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества» (т. IV, с. 464)[1].

Александр Ильич был прекрасным, талантливым юношей, человеком, который безраздельно отдавался делу, в правоте которого был убежден. С юных лет он очень остро воспринимал социальные несправедливости и притеснения.

«Я могу отнести к своей ранней молодости,— говорил Александр Ильич на суде,— то смутное чувство недовольства общим строем, которое, все более и более проникая в сознание, привело меня к убеждениям, которые руководили мною в настоящем случае. Но только после изучения общественных и экономических наук это убеждение в ненормальности существующего строя вполне во мне укрепилось, и смутные мечтания о свободе, равенстве и братстве вылились для меня в строго научные и именно социалистические формы. Я понял, что изменение общественного строя не только возможно, но даже неизбежно»[2].

...Есть только один правильный путь воздействия на общественную жизнь, это путь пропаганды пером и словом... Но «те попытки, которые я видел вокруг себя... убедили меня в том, что жертвы совершенно не окупят достигнутого результата»[3].

Александр Ильич жил в эпоху, когда рабочие массы еще не вышли на арену борьбы, когда вся общественная жизнь была ско-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 135.
[2] 1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др. М.; Л., 1927, с. 289.
[3] Там же, с. 290.

вана невиданной в мире реакцией, подавлявшей всякое прогрессивное слово, пресекавшей арестами и ссылками не только социалистическую, но и мирную общекультурную работу. При этих условиях молодежи казалось, что «жертвы совершенно не окупят достигнутого результата».

Демонстрация, организованная молодежью в день 25-летия смерти Добролюбова (17 ноября 1886 г.), была разогнана полицией и казаками. Многие из ее участников были арестованы и высланы, и это новое насилие послужило как бы последней каплей, переполнившей чашу терпения.

Путь, которым пошел Александр Ильич, был неправилен, но он и его товарищи отдали за благо народа «все, что могли», — свою жизнь.

Не только природные свойства влияли на выработку в Александре Ильиче недюжинного человека, беззаветно преданного делу угнетенных, но и условия его развития, та обстановка, в которой проходили его детские и юношеские годы. А эта обстановка была исключительно благоприятной. С детских лет (Александр Ильич родился 31 марта 1866 г.) перед его глазами был пример отца, отдававшего свои силы с огромным упорством и настойчивостью своему любимому делу — делу всей его жизни — просвещению вчерашних рабов, делу начального народного образования. Александр Ильич не мог не видеть, каких усилий стоило в то время отцу бороться с препонами, стоявшими на его пути, препонами со стороны власть имущих, для которых гораздо выгоднее было иметь дело с «темной скотинкой». Он видел радость отца, когда ему удалось добиться открытия новой школы, выпуска на специально организованных им курсах новых, идейных учителей, которых называли «ульяновцами». Он видел, что симпатии свои отец, которого одушевляли передовые освободительные идеи 60-х гг. прошлого века, отдает простому народу, тем, кого угнетают сильные мира.

Отец, прекрасный семьянин, был другом своих детей и все свободное время уделял им. Ту исключительную работоспособность, которая отличала позднее Александра, а также Владимира Ильича, они в значительной степени выработали в себе благодаря влиянию отца. А трудоспособность Александра Ильича была на редкость большой, и как-то в студенческие годы он сказал старшей сестре с сожалением: «Больше 16 часов в сутки я работать не могу!»[1]

Отец влиял и на умственное развитие детей, знакомил их с лучшими произведениями русских и иностранных классиков, указывая, в частности, на те стихи своего любимого поэта Некрасова, в которых звучали гражданские мотивы.

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 76.

Показателен для дружной семейной спайки, которая существовала в нашей семье и которая наложила благотворный отпечаток на всю жизнь, факт издания старшими детьми журнала «Субботник». Он составлялся Александром Ильичем, но в нем участвовали брат и сестры. А в чтении его принимала участие вся семья, при самом живом и активном участии отца и матери.

Наша семья жила только на заработок отца, и нужно было очень экономить, чтобы свести концы с концами. И характерно для Александра Ильича, который поступил в университет, когда ему было 17 лет, что он настаивал, чтобы отец посылал ему на прожитие в Петербурге не более 30 рублей в месяц. И когда отец все же не согласился и стал посылать 40 рублей, Александр Ильич откладывал каждый месяц по 10 рублей, и, приехав на каникулы домой, отдал отцу сбереженные таким образом деньги.

Отец был товарищем детей в их играх — в крокет, шахматы и пр. Несмотря на свои усиленные занятия, Александр Ильич не был книжным человеком и принимал в этих играх деятельное участие. А в игре в шахматы он достиг такого совершенства, что стал вскоре обыгрывать своего учителя — отца.

Очень большую роль в нашей семье играла и мать — человек исключительной душевной красоты и мужества. Александр Ильич более других детей походил на нее. У него было «то же редкое соединение чрезвычайной твердости и ровности характера с изумительной чуткостью, нежностью и справедливостью. Но более строгий и сосредоточенный, еще более мужественный характер» (Сборник «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.». Воспоминания А. Ульяновой).

Все в семье (в том числе и Владимир Ильич) очень любили Александра Ильича и старались равняться по нему. Нравственный облик его был очень высок. Характерно, что, еще будучи мальчиком 11 лет, на вопрос старшей сестры: «Какие самые худшие пороки?» — он, не задумываясь, ответил: «Ложь и трусость». Учился Александр Ильич прекрасно и был общим любимцем товарищей, которым он помогал в приготовлении уроков, приходя для этого в гимназию на полчаса раньше. По отзывам одного однокурсника, он «один на весь класс работал»[1].

Любимым его предметом еще в гимназические годы было естествознание. Он тогда еще штудировал Менделеева и производил химические опыты в кухоньке флигеля, где устроил себе химическую лабораторию.

По окончании гимназии (Александр Ильич кончил ее с золотой медалью) он поступил на естественный факультет Петербургского университета. И там он был душой и любимцем студенческой среды.

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 34, 41, 60. Упомянутый однокурсник — Савушкин. *Ред.*

«С первой же встречи Александр Ильич, или просто Ильич, как называли его в студенческой среде.., производил неотразимое впечатление... Вместе с кристаллически чистой душой и способностью отдаваться безраздельно раз усвоенному убеждению, в Александре Ильиче была в высшей степени привлекательна другая черта, это — деликатное, бережное отношение его к человеческой личности...

Естественно, что при таких душевных качествах, при недюжинном вместе с тем уме, Ильич сразу занял среди молодежи выдающееся положение»[1].

Первые два с половиной года в Петербурге Александр Ильич занимался, главным образом, своей любимой наукой — естествознанием, обратив на себя внимание известного зоолога Н. Вагнера, а также профессора химии Бутлерова. На третьем курсе университета Александр Ильич был награжден золотой медалью за работу по зоологии, которая расценивалась, как новый вклад в науку. Его — талантливого и знающего естественника, ожидала кафедра профессора, если бы он жил в другие времена, но кругом царил безраздельный произвол и бесправие, которые толкнули Александра Ильича на путь революционера. И в последние полтора года своей жизни, не оставляя до последних ее дней занятий в университете, Александр Ильич уделял гораздо больше внимания политико-экономическим вопросам, участию в кружках, чтению рефератов, общественной жизни студенчества и участию во всякого рода протестах (демонстрация в годовщину освобождения крестьян, добролюбовская демонстрация, писание листовок и т. п.), а позднее примкнул к кружку, подготовлявшему покушение на царя.

Он не был главным организатором покушения, но принял деятельное участие в работе по изготовлению метательных снарядов, использовав при этом свое знакомство с химией. Но после отъезда двух участников кружка (одному из них, Говорухину, Александр Ильич помог скрыться за границу, заложив для этой цели свою золотую медаль) на него легла вся основная работа по подготовке покушения, которое, как известно, из-за неконспиративности некоторых членов кружка, потерпело неудачу. Александр Ильич не был метальщиком, и его роль в покушении выявилась вследствие откровенных признаний некоторых и его полного признания в участии в этом деле, после того, как он об этих показаниях узнал.

---

[1] Сборник «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.». Мы отсылаем товарищей, желающих более подробно познакомиться с личностью Александра Ильича, к этому сборнику, с большой тщательностью и любовью составленному сестрой А. И. Ульяновой-Елизаровой. *М. У.*

Приведенные высказывания принадлежат С. Хлебникову (см. указанный сборник, с. 263, 265, 264). *Ред.*

На суде Александр Ильич держал себя геройски. Он отказался от защитника и произнес сильную принципиальную речь, обосновывавшую необходимость бороться с царским самодержавием всеми доступными средствами. Благодаря этой речи он превратился в основную фигуру процесса. Прекрасная личность Александра Ильича выявилась во весь рост не только во время этого процесса, но и в его поведении в тюрьме, в отношении его к арестованной вместе с ним сестре и особенно к матери.

Мать и сын оказались достойны друг друга в эти тяжелые дни.

Приехав в Петербург, при первом известии об аресте детей, она принесла им не укор, а горячую материнскую любовь. Александр Ильич всячески старался успокоить ее и примирить с неизбежным для него концом, доказывая ей, что если он хотел убить человека, то и его могут убить. Потеряв надежду сделать что-либо для сына, мать проводила его на казнь словом: «Мужайся!»

И как ни тяжела была ее рана, которая не зажила до последних дней ее жизни, она нашла в себе силы скрыть от находившейся в заключении Анны Ильиничны смерть Александра Ильича, прося и других не проговориться ей об этом, так как боялась, что известие это совсем сломит Анну. Редкое мужество проявила она при этом и стала нам еще ближе, еще родней. А впоследствии мать была для нас и идейным товарищем, помогая всем нам, в том числе и Владимиру Ильичу, в нашей революционной работе, являя пример матери-друга и товарища, стойкого и мужественного.

На могилах казненных участников 1 марта 1887 г. стараниями М. В. Новорусского водружен в первые годы Советской власти памятник.

Александр Ильич и его товарищи пошли неправильным путем, который не мог обеспечить победу рабочему классу и крестьянству, освобождение его от ига самодержавия и капитала. Они действовали оторванно от масс, без их поддержки и активного участия.

«Но их дело не пропало».

«Чествуя Герцена,— писал Ленин,— мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с наро-

дом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах» (т. XV, с. 468—469)[1].

Через несколько лет после того, как были написаны эти слова, буря разрослась в целый шквал и под руководством Ленина снесла самодержавие, капиталистов и помещиков, открыв путь к строительству и победе коммунизма не только в нашей стране, но и во всем мире.

Но дело «молодых штурманов будущей бури», к числу которых относятся А. И. Ульянов и его сопроцессники, самоотверженно отдавшие свои молодые жизни за счастье своего народа, не пропало. Память их должна быть дорога всем гражданам социалистического Союза, всем рабочим капиталистических стран, следующим в своей борьбе примеру великого Советского Союза...

Правда, 1963, 18 февраля

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.

СЕСТРА ОЛЬГА ИЛЬИНИЧНА

Ближайшим товарищем в детские годы была для Владимира Ильича средняя сестра Ольга Ильинична, которая была моложе его на полтора года [1] и больше других подходила ему по возрасту. Она не уступала Владимиру Ильичу в живости и подвижности, недаром в детстве ее прозвали обезьянкой. «Живая девчурка,— рассказывает Анна Ильинична,— очень не любила вечерний час, когда раздавался возглас: «пора спать». Она уверяла, что вообще никогда не спит, а только лежит с закрытыми глазами, и встречала нежеланный приказ ревом, про который мы говорили: «Оля взвыла»[2].

Но если, как и Владимир Ильич, Ольга любила шумные игры и беготню, то рано пристрастилась она и к чтению, выучившись читать у матери одновременно с Владимиром Ильичем, когда ей не было еще четырех лет. Оба они читали всегда много и охотно, а Ольга любила и заучивать наизусть, иногда очень длинные стихотворения.

Гимназию Ольга Ильинична и Владимир Ильич кончили одновременно в 1887 г., но Ольга пробыла в ней лишь четыре года, поступив сразу в четвертый класс. Это была допотопная гимназия, как большинство средних учебных заведений в то время, но Ольга училась там охотно и добросовестно, брала от гимназии все, что она могла ей дать. В одном из своих писем к подруге, которых у нее, в отличие от Владимира Ильича, было много в ее гимназические годы, она писала, вспоминая о гимназии: «Мне грустно думать, что у нас в гимназии был какой-то институтский дух, главными распространительницами которого были пансионерки. Ведь у нас в классе, за ничтожными исключениями, никто не имел любви к науке, серьезного отношения к ней, желания узнать что-нибудь, кроме учебников, и узнать для себя, а не для ответа учителю. Гимназия же могла дать хоть краткие, но очень дельные сведения, и больший процент учащих был хороший. А сколько у нас было хороших учениц, т. е. хороших в смысле способностей, а не в отношении к делу. Всех губили эти институтские глупости: беганье, бантики, ленточки, балы, кадеты и т. п., и все интересы становились мелки и пусты».

Ольга Ильинична шла в гимназии все время первой ученицей

---

[1] О. И. Ульянова родилась 4 ноября (ст. ст.) 1871 г. *Ред.*

[2] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 52.

и кончила ее с золотой медалью очень молодой — когда ей не было еще полных 16 лет. Но и тогда она была на редкость серьезной и вдумчивой девушкой. Она сама признавала это, когда, говоря о переписке своей с подругой, считала ее (переписку) «довольно серьезной, с философской подкладкой, подчас,— даже слишком серьезной для нас — только что кончивших курс, которых в книгах обыкновенно изображают (и не без основания!) бабочками, ищущими пестрых цветов». Таковыми были, действительно, в большинстве своем молодые девушки, кончавшие среднее учебное заведение в то время: «почти вся жизнь проходила для них в четырех стенах гимназии и все интересы сосредоточивались там». Общественных интересов в этих стенах, как и вокруг, не было, с настоящей жизнью молодые люди сталкивались лишь позднее, да и то из рамок личных интересов, помыслов о своем узком личном счастье и благополучии выходили лишь очень немногие.

Помимо большой одаренности и развития не по летам, которому чрезвычайно благоприятствовали семейные условия, Ольга Ильинична обладала еще огромной трудоспособностью. Без преувеличения можно сказать, что она не работала только тогда, когда спала. Она так увлекалась своими занятиями, в частности математикой, которую очень любила, что вечером, когда вся наша семья собиралась в столовой к вечернему чаю, матери стоило большого труда настоять, чтобы Ольга отложила свои книги и тетради и присоединилась ко всем.

Кроме занятий в гимназии Ольга много читала, изучала языки и музыку, в которых достигла больших результатов. И здесь сказалась ее большая усидчивость. Анна Ильинична рассказывает, что Владимир Ильич, слушая как-то упражнения Ольги на рояле — она просиживала за ними часами,— сказал: «Вот чьей трудоспособности можно позавидовать». Ольга Ильинична любила серьезную музыку, понимала ее — в Казани она училась в музыкальной школе Орлова-Соколовского — но это не было той областью, которой Ольга могла бы целиком отдаться. «Музыка — чудная, прекрасная вещь, источник чистого наслаждения,— писала она подруге,— но мне кажется, что как-то совестно отдаться музыке, если можешь приносить какую-нибудь более существенную пользу». И в дальнейшем занятия музыкой стали отходить для Ольги на задний план. Так, весной 1889 г., когда из-за ушиба пальца она лишена была возможности играть на рояле, она писала: «Я совсем не так огорчена невозможностью играть, как это все думают: у меня теперь голова полна мечтами о поездке в Гельсингфорс» (для поступления в университет).

Но пока Ольга Ильинична жила в семье, она продолжала занятия музыкой, а кроме ее игры в нашем доме нередко раздавалось и пение: это Владимир Ильич пел под аккомпанемент сест-

ры. У него был хороший слух, он легко схватывал мотивы и любил музыку и пение. Пела и Ольга Ильинична. До сих пор сохранилась в нашей семье большая нотная тетрадь, переписанная Ольгой со свойственной ей тщательностью и аккуратностью с нот, которые ей одалживали знакомые. По этой тетради можно судить до некоторой степени о репертуаре, который они оба любили.

Музыкой занималась Ольга Ильинична и со мной, и я не помню ни одного случая, чтобы у меня с моей учительницей выходили какие-либо недоразумения. Это происходило не потому, что я была хорошей ученицей, а потому, что Ольга была очень терпелива и снисходительна. Я была очень привязана к ней и уже из одного этого дело спорилось у меня в занятиях лучше.

Характером Ольга очень походила на Александра Ильича и вместе с большой выдержкой и твердостью отличалась и редкой ровностью его, мягкостью и добротой. Она была любимицей Александра Ильича, но и все другие братья и сестры очень любили ее. Нам с младшим братом [1] она нередко помогала в наших занятиях. Дмитрий Ильич вспоминает, что, когда он при приготовлении уроков обращался за помощью к Владимиру Ильичу, тот требовал от него самостоятельной работы. «Ведь тебе задали урок, а не мне»,— говорил он.— «Думай сам». Но Дмитрий Ильич иногда не выдерживал такой методы и отправлялся за помощью к Ольге, которая подробно рассказывала ему урок.

Обладая хорошей памятью, Ольга нередко рассказывала нам, особенно мне, как младшей в семье, что-нибудь из прочитанного. Иногда это бывали длинные повести и рассказы. И она рассказывала мне их по частям. Рассказы ее производили на меня очень большое впечатление, я очень любила их, пожалуй, в то время больше, чем чтение, и с нетерпением ждала продолжения рассказа. Особенно памятно осталось мне в этом отношении последнее лето нашей совместной жизни в Алакаевке. Мы уходили с Ольгой далеко на прогулки, и я с наслаждением слушала ее рассказы или просто болтала с ней. Так много было в ней ласкового, любовного отношения, что она привлекала к себе все сердца.

Как все в нашей семье, Ольга очень любила природу. Живя в деревне, она много гуляла по окрестным полям и лесам, ездила верхом, каталась на лодке, а иногда отправлялась в поле смотреть на полевые работы.

Гибель Александра Ильича, к которому Ольга была очень привязана, глубоко поразила ее. Это видно, между прочим, по письмам ее к гимназическим подругам, переписку с которыми она поддерживала и по окончании курса. «Мы обе что-то уж слишком серьезны и разочарованы,— писала она в апреле 1888 г.— Но я, конечно,

[1] Дмитрий Ильич Ульянов. *Ред.*

имею на это более чем достаточную причину, а ты?». Трагедия 1887 года наложила на нее свою печать. «Где счастливые люди? — писала она.— Нет, я положительно не верю в счастье [1], а верю только, что можно забывать о несчастьях — своих и чужих — (и то только отчасти), исполняя свой долг. По-моему, весь смысл жизни в этом слове». Как напоминает это отца и Александра Ильича, для которых тоже весь смысл жизни был в этом слове. Но, как и они, Ольга обладала большой выдержкой и силой воли. «Сожалений я не принимаю,— пишет она, например, подруге,— это не из гордости, а просто не в моем характере».

Но как ни тосковала Ольга Ильинична о любимом брате, это настроение не было у нее беспросветным. «В душу человека вложено стремление к истине, к идеалу,— писала она в другом письме,— человек всегда должен верить в людей, в возможность лучшего на земле, несмотря на личные разочарования... Шиллер сказал: «а смертный все ищет, все лучшего ждет». И Ольга старается в деле найти лекарство от своей тоски.

В характере Ольги, очень схожем с характером Александра, было много жертвенности, стремления жертвовать собою для других. Это сказалось, между прочим, на ее отношении к рассказу Г. Успенского «Три письма», который был прочитан как-то в нашей семье вслух. В то время, как Владимир Ильич и Анна Ильинична совершенно отрицательно высказались по отношению к жертве, принесенной героем рассказа, Ольга Ильинична, наоборот, одобрила ее.

И все ее помыслы сосредоточиваются все больше и больше на мысли о том, чтобы приносить «хоть небольшую пользу». Неюношескую серьезность проявляет эта глубокая и сильная девушка в своем стремлении подготовиться к общественной деятельности. «Я теперь не хочу читать романов,— пишет она в январе 1888 г. (в возрасте 16 лет),— а читаю серьезные книги». И она читала много. У меня до сих пор сохранились некоторые ее записи и конспекты и по ним видно, как много и систематически она работала. Она штудировала исторические сочинения, прочла много книг и по общественным наукам, в частности, по политической экономии. Позднее она читала и Маркса и переводила (в Самаре и Петербурге) некоторые его вещи на русский язык. О ее работе можно судить и по записям, которые она вела каждый день, отмечая в тетрадке все, что ей удалось сделать за истекший день: сколько страниц прочла она в той или иной книге, насколько двинула вперед занятия языками, сколько времени занималась музыкой и т. п. В этих

[1] Характерно вообще, как Ольга понимала счастье. «Она счастлива,— писала Ольга об одной девушке,— потому что люди сами создают свое счастье, т. е. внутреннюю гармонию, так как я только это называю счастьем». *М. У.*

занятиях, в выборе книг для чтения на Ольгу оказывал, вероятно, влияние Владимир Ильич. Иногда Ольга читала и вместе с Владимиром Ильичем. В Алакаевке, на хуторе, где наша семья проводила летние месяцы, когда мы жили в Самаре, Ольга иногда просила меня заменить ее в лежавшей на нас с ней обязанности мыть посуду после послеобеденного чая (обыкновенно один день мыла ее я, другой — она), чтобы идти читать вместе с Владимиром Ильичем.

Как и старшая сестра, Анна Ильинична, «первым сознательным стремлением которой было стать учительницей»,— так был велик пример и влияние отца,— и Ольга Ильинична считала, что «учительство одно из самых полезных и высоких занятий». При этом ей была «более симпатична должность учительницы народной школы». И к этому роду деятельности Ольга относилась очень серьезно. Она считала, что «завидна доля того человека, который приносит действительную пользу из желания приносить ее». Ей не симпатичны были практические люди.— «Я ее не люблю,— пишет она об одной девице,— именно за полное отсутствие идеальности, т. е. стремления к *лучшему* не с материальной, а нравственной точки зрения». Но Ольга Ильинична скоро поняла — лишним подтверждением чему была ее неудачная попытка получить место учительницы в Самаре,— что после 1887 г. эта область работы закрыта для нее. И она решает поступить на медицинский факультет. В России это осуществить было невозможно, так как Женский медицинский институт в Петербурге был закрыт, а в университеты женщины в то время не принимались, и Ольга Ильинична стремится поехать в Швейцарию, чтобы учиться там. Поездка эта, однако, не состоялась, главным образом, вероятно, потому, что Ольге не хотелось доставлять матери лишнего огорчения, связанного с долгой разлукой. Возможно, что имели значение и соображения материального порядка. И Ольга Ильинична останавливается на Гельсингфорсе, как более близком по расстоянию и принимается усиленно изучать шведский язык. «У меня теперь голова полна мечтами о поездке в Гельсингфорс,— пишет она подруге весной 1889 г.,— я уже говорила об этом с мамой, и хотя она приводила многие возражения, но я знаю, что она так добра, что ни в чем мне не откажет. Но она говорит, что непременно нужно подождать, потому что я слишком молода, и я должна с этим согласиться, как оно ни горько. Шведский язык надо будет знать отлично, чтобы понимать лекции на нем... Вообще труда надо будет положить немало, но когда я подумаю о том, чего можно достигнуть, то чувствую, будто у меня крылья вырастают». Шведский язык Ольга Ильинична усвоила основательно, изучив его в короткий срок почти самостоятельно (делала позднее и переводы со шведского языка), но попасть в Гельсингфорсский университет ей все же не удалось. Выяснилось, что, помимо шведского языка, для поступления в этот университет нужно и зна-

ние финского и, чтобы не терять время на его изучение, Ольга Ильинична решила поступить на физико-математическое отделение Высших Бестужевских курсов в Петербурге, и уехала туда осенью 1890 г. Много работала Ольга Ильинична и там, ответы ее на тех немногих экзаменах, которые ей удалось сдать весной, были оценены экзаменаторами в 5 баллов. Учившиеся вместе с Ольгой на Бестужевских курсах З. П. Кржижановская и А. А. Якубова-Тахтарева отзывались о ней, как об очень выдающейся девушке.

«Ольга Ульянова была тоже не совсем обычный тип курсистки того времени,— пишет в своих воспоминаниях З. П. Кржижановская,— маленький, черный жучок, скромный и незаметный, на первый взгляд, но умница, одаренная, с какой-то тихой сосредоточенной силой воли и упорством в достижении намеченного. Глубокая и серьезная, несмотря на свои 19 лет, и чудесный товарищ».

Но поучиться Ольге Ильиничне удалось на курсах только один год. Весной 1891 г. она заболела тяжелой формой брюшного тифа, который осложнился у нее в больнице, где она лежала (Александровских бараках [1]), рожистым воспалением. Переутомленный организм не вынес болезни и 8 мая Ольга Ильинична скончалась [2].

У нас мало данных, чтобы судить о политических взглядах Ольги Ильиничны, особенно в последние годы ее жизни в Петербурге. Но, принимая во внимание весь склад ее ума и характера, нельзя сомневаться, что, если бы Ольга жила дольше, она встала бы на революционный путь, отдала бы свои недюжинные способности и большое, любвеобильное сердце за дело рабочего класса так, как отдал их Владимир Ильич.

Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых.
М., 1978, с. 312—318

[1] Александровская больница (ныне больница памяти 25 Октября) находилась на набережной реки Фонтанки, д. 132. *Ред.*

[2] 10 (22) мая 1891 г. О. И. Ульянова была похоронена на Волковом кладбище в Петербурге. *Ред.*

Письма

1890 г.

О. И. УЛЬЯНОВОЙ

В С.—Петербург
Слушательнице Высших женских курсов
Ольге Ильиничне Ульяновой.
Васильевский остров, 10 линия, д. 39, кв. 28

Дорогая Леля!

Извини, что так долго не отвечала тебе на твое письмо, я все ждала, что нам дадут табели, и хотела послать тебе, да, должно быть, напишу тогда еще раз. Марк [1] подарил мне чижика, который висит в нашей комнате. У нас из французского теперь другая учительница, которая задает очень много и строго спрашивает. Читала я до сих пор все рассказы Анненской [2] и другие рассказы, а теперь еще не знаю, что буду читать. Из истории мы учим о Иоанне III, учитель наш г-н Морозов часто спросит какую-нибудь ученицу, она начнет говорить не так, и он целый час объясняет, почему так нельзя сказать. Теперь я шагаю в гимназию не по грязи, а по пыли. К нам приехал зверинец, в который я думаю сходить с Аней. Уроки я учу так же, как и прежде, целый вечер. Мы подписываемся в библиотеке на 4 книги, и ходят в нее обыкновенно Марк или Аня. Целую тебя крепко, дорогая, милая моя Лелька.

Твоя *Маня*

7 ноября 1890 г.

Послано из Самары в Петербург

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 41

[1] М. Т. Елизаров. *Ред.*

[2] А. Н. Анненская (1840—1915) — детская писательница; одна из организаторов Высших женских курсов, секретарь комитета общества для доставления средств курсам. *Ред.*

1898 г.

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

Поздравляю тебя, дорогая Анечка, с днем ангела и желаю на будущий год твоей жизни всего лучшего, а главное быть очень, очень здоровой и толстой — еще толще меня! Ты ведь, верно, не ходишь теперь по горам так много, как в Швейцарии — Марк ведь плохой спутник в таких прогулках, сразу задохнется. Да это и лучше: тебе надо отдыхать больше, а не бегать... Я еще не знаю, когда еду, хотя думаю, что уж, наверное, поеду — не хочется в Москве оставаться. Вот жду письма из Брюсселя [1] от своей новой знакомки [2]. На днях видела твою «Аньтю»[2], она шлет вам обоим большие поклоны, спросила твой адрес, так что, верно, сама напишет. Ученица ее [2] экзамен выдержала. Марку передай мое поздравление с именинницей и с тем, что он распростился с своей старой враждой к винограду — это очень похвально — уже пусть бы все плоды там выучился есть...

Всего лучшего *М.*

Вчера видела Маруську — она пополнела и поздоровела за лето, чему я очень рада.

5 сентября 1898 г.

Послано из Тулы в Крым

Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917. М., 1969, с. 81—82

---

[1] Речь идет об отъезде М. И. Ульяновой на учебу в Брюссель. 2 августа 1898 г. в письме к М. А. Ульяновой В. И. Ленин писал из Шушенского по этому поводу: «План Маняши ехать в Брюссель мне кажется очень хорошим. Вероятно, учиться там можно лучше, чем в Швейцарии. С французским языком она, вероятно, скоро справится. В климатическом отношении, говорят, там хорошо» (Полн. собр. соч., т. 55, с. 95). *Ред.*

[2] О ком идет речь, установить не удалось. *Ред.*

1899 г.

В. И. ЛЕНИНУ [1]

Анна Ильинична Елизарова сейчас в Москве и напишет тебе, верно, о статье Булгакова [2], когда вернется. Я не успела зайти к Ecrivain [3], когда была в Питере, а просила это сделать одну свою подругу [4]. Он ей сказал, что все твои статьи переданы им в редакцию «Жизни»[5], но не знает, когда они будут напечатаны по цензурным условиям. Его статья тоже лежит с июня. В настоящее время цензура прижимает «Жизнь».

Бернштейна [6] ты можешь оставить себе, а вот Вандервельде [7] придется вернуть. Полемику о Бернштейне постараюсь достать [8]

---

[1] Публикуемое письмо найдено в делах департамента полиции. Текст письма чиновники снабдили следующей справкой: «Выписка из полученного агентурным путем письма М. И. Ульяновой, Подольск, Московской губернии, от 16 сентября 1899 г., к Владимиру Ильичу Ульянову в Минусинск, Енисейской губернии. Резолюция г. директора: «Со всей перепиской по поводу поступления Елизарова в доклад г. министру» и «Его высокоблагородию П. А. Лемтюжникову. 22 сентября № 1701». *Ред.*

[2] Имеется в виду вторая статья В. И. Ленина «Капитализм в сельском хозяйстве (О книге Каутского и о статье г. Булгакова)» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 139—152). *Ред.*

[3] П. Б. Струве. *Ред.*

[4] О ком идет речь, не установлено. *Ред.*

[5] «Жизнь» — литературный, научный и политический журнал; выходил в Петербурге с 1897 по 1901 г. В апреле 1902 г. социал-демократическая группа «Жизнь» за границей — В. Д. Бонч-Бруевич, В. А. Поссе, В. М. Величкина, Г. А. и М. А. Куклины и др.— возобновила издание журнала, но в декабре 1902 г. группа распалась и издательство было ликвидировано. *Ред.*

[6] Речь идет о книге Э. Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (Bernstein E. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Stuttgart, 1899), в которой он подверг ревизионистской критике марксистскую теорию социалистической революции.

Эдуард Бернштейн (1850—1932) — лидер крайне оппортунистического крыла германской социал-демократии и II Интернационала, теоретик ревизионизма и реформизма. *Ред.*

[7] О какой книге Э. Вандервельде идет речь, установить не удалось.

Эмиль Вандервельде (1866—1938) — лидер Бельгийской рабочей партии, председатель Международного социалистического бюро II Интернационала, оппортунист и ревизионист. *Ред.*

[8] В «Саксонской рабочей газете» за 1898 г. были напечатаны две статьи Парвуса против Бернштейна: «Бернштейн — бедняк Том» (№ 57, 68 и 70) и «Э. Бернштейн извращает социализм» (№ 22, 25, 30—32, 35, 40, 43, 45, 47, 49, 54).

В приложениях к № 253—255 «Саксонской рабочей газеты» за 1898 г. была опубликована статья Г. В. Плеханова «За что нам его благодарить? (Открытое письмо Карлу Каутскому)», в которой резко критиковался Бернштейн (*Плеханов Г. В.* Соч. М., 1928, т. 11, с. 27—39). *Ред.*

какую смогу, да и Анна, вероятно, много интересного будет получать этот год из Германии,— туда поехал ее хороший знакомый.

В номере от 8 сентября «Франкфуртской газеты»[1] есть изложение новой статьи Бернштейна [2], где он уже прямо нападает на программу.

Интересно, чтó решат на предстоящем партайтаге,— может быть, исключат Бернштейна из партии [3], а «Франкфуртская газета» выражает пожелание, чтобы его взгляды распространение получили.

Марку Тимофеевичу Елизарову так и отказали в выдаче свидетельства о благонадежности. Он [4] вообще против того, чтобы лица его возраста поступали в высшие учебные заведения. Как ни вертелся вице-директор департамента, князь Хилков [5] принял его на свой риск [6].

16 сентября 1899 г.

Послано из Подольска в Шушенское

Ленин — Крупская — Ульяновы. Переписка (1883—1900). М., 1981, с. 293—294

---

[1] «Frankfurter Zeitung» («Франкфуртская газета») — ежедневная газета, орган крупных немецких биржевиков. Выходила во Франкфурте-на-Майне в 1856—1943 гг. *Ред.*

[2] О какой статье идет речь, не установлено. *Ред.*

[3] Ганноверский съезд Германской социал-демократической партии проходил 27 сентября — 2 октября (9—14 октября) 1899 г. По главному вопросу порядка дня: «Нападения на основные взгляды и тактику партии» — с докладом выступил А. Бебель. В. И. Ленин писал, что его речь против оппортунистов надолго останется «образцом отстаивания марксистских взглядов и борьбы за истинно социалистический характер рабочей партии» (Полн. собр. соч., т. 23, с. 369). Однако съезд хотя и высказался против ревизионистских взглядов Бернштейна, но не дал развернутой критики бернштейнианства. *Ред.*

[4] Имеется в виду вице-директор департамента полиции. *Ред.*

[5] М. И. Хилков (1834—1909) — князь. В 1895—1905 гг. был управляющим министерства путей сообщения. *Ред.*

[6] Речь идет о поступлении М. Т. Елизарова в Московское инженерное училище. *Ред.*

1903 г.

В. И. ЛЕНИНУ

В. Ульянову. Женева, Chemin privé du Foyer, 10[1]
Киев. 25/XII 1903 г.

Дорогой Володя! Все наши [2] и я шлем тебе поздравления с праздниками и Новым годом и пожелания всего хорошего. Твое письмо получили, но то, о котором ты упоминаешь там и которое, по всей видимости, было ответом на мои письма,— очевидно пропало. Напиши, пожалуйста, что ты писал там о своих деньгах, полученных от Водовозовой [3]. Они теперь у меня. Большие приветы Наденьке и Е. В. Как они поживают? Как бы я была рада, если бы Надя мне написала. Всего, всего хорошего. Пиши.

Видел ли ты новую книгу Булгакова «От марксизма к идеализму»? [4] Интересует ли она тебя?

Маняша

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 152

---

[1] Адрес печатается по перлюстрации письма, сохраиившейся в делах департамеита полиции. *Ред.*

[2] Имеются в виду М. А. Ульяиова, Д. И. Ульяиов и его первая жеиа А. И. Ульяиова (Нещеретова), а также А. И. Ульяиова-Елизарова. *Ред.*

[3] М. И. Водовозова — киигоиздательиица в Петербурге. Издательство, осиоваииое в 1895 г., способствовало распростраиеиию марксистской литературы в России в 90-х гг. *Ред.*

[4] В 1903 г. в Петербурге вышла книга С. Н. Булгакова «От марксизма к идеализму. Сб. статей (1896—1903)». *Ред.*

С. Н. Булгаков (1871—1944) — буржуазиый экоиомист, философ-идеалист. В 90-х гг.— «легальиый марксист», в начале 900-х гг. выступил с ревизией учеиия Маркса по аграриому вопросу. Поздиее эволюциоиировал к идеализму и поповщиие. *Ред.*

1905 г.

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

Ст. Саблино Николаевской ж. д.
ЕВБ Марии Александровне Ульяновой. Russie

8/VII.

Дорогая мамочка! Вчера получила твое письмо — merci большое. Теперь жду вестей из Саблина [1]. Эти дни все ездим на велосипедах в поисках за пансионом. Хочу пожить немного, недельку в деревне. Крепко целую.

25 июня (8 июля) 1905 г.

Послано из Женевы

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 157

М. И. УЛЬЯНОВА и А. И. УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА — В. И. ЛЕНИНУ и Н. К. КРУПСКОЙ

Из Петербурга

Письма Фрея [2] и Рыбки [3] от 6-го и 7-го получены. Мимоза [4] отдаст их сегодня. Извиняется, что мало пишет; все время уходит на то, чтобы наладить технику, работы много, и на остальное почти не остается времени. (Прибавляю от себя (Игорь [5]), что она бегает, как оглашенная, уезжая отсюда ранним утром и приезжая поздним вечером; и сильная нервность и переутомление сказываются уже сейчас.)

Работа пока идет слабо: мало людей было все время, только последние дни начинает кое-кто съезжаться. Бродский [6] провалился. В Москве взяты Южин [7], Юрочка [6] и другие. Народу вообще съеха-

---

[1] В поселке Саблино около одноименной ж.-д. станции под Петербургом жила А. И. Ульянова-Елизарова с мужем М. Т. Елизаровым и с матерью М. А. Ульяновой. *Ред.*

[2] В. И. Ленин. *Ред.*

[3] Н. К. Крупская. *Ред.*

[4] М. И. Ульянова. *Ред.*

[5] А. И. Ульянова-Елизарова. *Ред.*

[6] О ком идет речь, установить не удалось. *Ред.*

[7] Михаил Иванович Васильев-Южин (1876—1937) — участник революционного движения в России с 1896 г., вел партийную работу на Юге. Активный участник

лось много, бюро реформируется, и это междуцарствие сказывается, верно, на переписке. Киска [1] ушла в местную работу. Секретарем теперь Вайнштейн [2].

У нас идут горячие прения по вопросу о резолюции ЦК о Государственной думе. Знаем пока о ней лишь из устного изложения представителя ЦК, и некоторых удивляет приурочивание восстания к собранию Государственной думы. Так значит не восстание повлечет за собой насильственное срывание Думы и политическую стачку? Многие сильно восстают против этого, но своей резолюции еще не успели вынести.

Пришлите адреса для писем. Фекла [3] часто пишет, верно письма теряются. Крепко обнимаю. Пишите.

Мимоза

Переписав это письмо Мимозы, прибавляю и от себя. Пришлите адреса,— у нас давнишние, и многие, очевидно, не действуют. Писал на Baden Emmendingen [4] № 27а. Мимоза говорит, что не доходили многие. Действительны ли №№ 1а, 41а, 31а, 33а, 29а и 44а? Вы отменяете их в «Пролетарии»[5], но это нам не помо-

---

революции 1905 г. в Москве. С июля 1905 г. работал в Московском комитете большевиков. В разгар подготовки всеобщей стачки был арестован, просидел несколько недель и освобожден в конце сентября 1905 г. На заседании федеративного комитета по подготовке и руководству вооруженным восстанием в Москве в ночь на 8 декабря снова был арестован и заключен в Таганскую тюрьму. В марте 1906 г. подлежал ссылке на три года в Восточную Сибирь, но ссылка была заменена высылкой за границу. *Ред.*

[1] Л. А. Фотиева. *Ред.*

[2] Возможно, имеется в виду П. Я. Вайнштейн — искровец. В 1902—1903 гг. в Каменец-Подольске организовал прием и распространение искровской литературы. Арестован в 1903 г. по делу об «Искре», осужден на пять лет ссылки в Восточную Сибирь. Летом 1905 г. бежал из ссылки за границу. *Ред.*

[3] Б. С. Перес — участник революционного движения с 1897 г. В 1901 — 1903 гг. работал в Тифлисе и Орле. С осени 1903 г.— в Берлинской большевистской группе, встречался с В. И. Лениным в Женеве. После 9 января 1905 г. работал в Одесском комитете большевиков. С августа 1905 г.— член Петербургского комитета большевиков. В июле 1906 г. был арестован вместе с другими членами ПК и приговорен к полутора годам заключения в крепости, замененного позднее ссылкой на три года в Архангельскую губернию.

В своих письмах из Одессы в Женеву в ЦК РСДРП Б. С. Перес подписывался псевдонимом «Фекла». На этот же псевдоним Н. К. Крупская адресовала письма Б. С. Пересу. *Ред.*

[4] Местечко в Швейцарии на реке Эльц у подошвы гор Шварцвальда. *Ред.*

[5] «Пролетарий» — нелегальная большевистская еженедельная газета, Центральный Орган РСДРП, созданный по постановлению III съезда РСДРП. Ответственным редактором ЦО пленум ЦК назначил В. И. Ленина. Газета издавалась в Женеве с 14 (27) мая по 12 (25) ноября 1905 г. Вышло 26 номеров. «Пролетарий» продолжал линию старой, ленинской «Искры» и сохранил полную преемственность с большевистской газетой «Вперед». *Ред.*

гает, ибо мы его не видим. Так обидно! №№ о Думе не видели ни одного. Получил на днях 13 № на адрес инженера путей сообщения; продолжайте и дальше посылать ему. Вот он: Бекку (?)[1], Болотная, д. 3, кв. 3. На Саблино не посылайте больше.

«Рабочий»[2] видел один №. Очень изящен, но бледноват и тяжеловат. Дон Жуан [3] выглядит очень измаянным.

О Мимозе писал уже... С секретариатом здесь работа дьявольская. Петербургский комитет скорее район комитетов, здесь каждый район больше многих комитетов.

Забыл на чем и где прервался и места нет. Шлю приветы от всех. Пришлите всего побольше с Малых [4].

Игорь

Конец августа или начало сентября 1905 г.

Послано в Женеву

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 158—159

---

[1] По-видимому, имеется в виду Б. В. Беккер — университетский товарищ М. Т. Елизарова, инженер путей сообщения. *Ред.*

[2] «Рабочий» — нелегальная популярная социал-демократическая газета, издавалась по постановлению III съезда РСДРП Центральным Комитетом в Москве. Выходила с августа по октябрь 1905 г. Вышло четыре номера. *Ред.*

[3] Центральный Комитет РСДРП. *Ред.*

[4] М. А. Малых (1879—1967) — издательница революционной литературы в царской России. Созданное ею в 1901 г. издательство выпускало отдельные работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Подвергалась преследованиям царских властей, многие издания конфисковывались. *Ред.*

1907 г.

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

2/I 07.

Дорогая Аня!

Получила сегодня твое письмо. Danke schön! [1] Прежде всего отвечу на вопросы. Книги доставили всего несколько дней тому назад — 2430 экз. в обложках и 780 в папке. Заказов ниоткуда нет. Был только один из Нижнего, как я уже писала. Я отправила, но забыла сделать при указании наложенного платежа скидку! Послала потом открытку, где указала, что скидка не была сделана по ошибке и что может быть восполнена книгами. Ответа еще нет. Просят еще во «Вперед»[2] (он откроется, вероятно, 15-го января) 100 шт. Это мне говорил В. Д., который с супругой был вчера у нас [3].— От Леща [4] было письмо, которое прилагаю. Рукопись [5] я в «Палладу»[6] не отнесла, потому что она (т. е. «Паллада») запечатана. Скоро, кажется, распечатают. В Самару книги давно отправлены. Мой перевод скоро выйдет, дело теперь только за предисловием. У меня уже теперь другой перевод — письма к Sorge [7], очень трудный и редакции Шкурки [8] не будет. Оставила себе лист (всего дали 3—4 листа), а остальные отправила Фрицу [9], а то он там в своем Давосе

[1] Большое спасибо! *Ред.*

[2] «Вперед» — большевистское издательство, созданное в Петербурге в начале 1906 г. Разгромлено самодержавием летом 1907 г. Менее чем за полтора года издательство выпустило несколько десятков названий книг, среди которых были работы В. И. Ленина и других большевиков. *Ред.*

[3] Речь идет о Владимире Дмитриевиче Бонч-Бруевиче и его жене Вере Михайловне Величкиной.

В. Д. Бонч-Бруевич (1873—1955) — член партии с 1895 г. В 1904 г. заведовал экспедицией ЦК, а затем организовал издание большевистской литературы (издательство «В. Бонч-Бруевич и Н. Ленин»). В последующие годы принимал активное участие в организации большевистских газет, журналов и партийных издательств. *Ред.*

[4] Возможно, здесь имеется в виду Дмитрий Ильич Лещенко, хорошо знакомый А. И. Елизаровой по революционной работе. *Ред.*

[5] О какой рукописи идет речь, установить не удалось. *Ред.*

[6] «Паллада» — издательство в Петербурге. В издательстве «Паллада» в 1908 г. вышло второе издание книги В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». *Ред.*

[7] Речь идет о переводах писем к Зорге, которые делала М. И. Ульянова, возможно, для книги: «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.», предисловие к русскому переводу которой написано В. И. Лениным (см.: Полн. собр. соч., т. 15, с. 229—249). *Ред.*

[8] Шкурка — так ласково называли в семье В. И. Ленина. *Ред.*

[9] Речь идет, по-видимому, о Фрице Платтене. См. примечание 1 на с. 106. *Ред.*

совсем взвыл. Не знаю, как и с листом-то справлюсь — очень короткий срок дали.— Новый год я встречала очень хорошо — со Шкуркой. Была большая компания, было весело, Шкурка был такой милый, ласковый. Не было обычных пожеланий на Новый год, которых я так не люблю, было много народу и много шуму. И за всем этим не чувствовалось обычной под Новый год тоски.

У нас мало кто бывает, сидим больше дома. Мама здорова, но мало выходит, потому что стоят страшные морозы (было больше 20°).

Хорошо, если бы тебе удалось повидать Александру Ивановну [1]. Она должна быть в Самаре. Боде [2] жили на Алексеевской, около Садовой. Привет А. А.[3]

Как вы там живете? Целую тебя и кланяюсь Марку.

М.

Послано из Саблино в Самару

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 165—166

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

14/X.

Дорогая Анечка! Письмо твое от 21/X [4] получила. Да, штуку я удрала с Данией [5]— меня уже совсем высмеяли здесь с этим. Извиняюсь, что поздно пересылаю мамино письмо. Я, как видишь, еще в Куоккала, собралась было совсем в среду и монатки свои складывать начала, а потом меня разговорили: я взяла да и осталась еще на неделю. На днях уже окончательно уезжаю, тем более, что и делать здесь больше нечего. Переводная моя работа была вдруг и довольно неожиданно закончена! Наши (т. е. Б. Ц.[6]) решили, что не будут издавать этих докладов [7]. Постановили перевод

---

[1] О ком идет речь, установить не удалось. *Ред.*

[2] По-видимому, речь идет о знакомых семьи Ульяновых в Самаре. *Ред.*

[3] Очевидно, имеется в виду Алексей Андреевич Преображенский, который был алакаевским соседом Ульяновых.

А. А. Преображенский (1863—1938) — народник, участник земледельческой колонии на хуторе Шарнеля (Самар. губ.), расположенном в нескольких верстах от Алакаевки, где Ульяновы жили летом в 1889—1893 гг. Позже примкнул к социал-демократическому движению. *Ред.*

[4] Дата письма 21 октября — новый стиль. *Ред.*

[5] О чем идет речь, установить не удалось. *Ред.*

[6] Имеется в виду Большевистский центр. В конце работы V съезда РСДРП состоялось заседание большевистской фракции, на котором обсуждались итоги работы съезда. На заседании был избран Большевистский центр во главе с Лениным, который должен был обеспечить проведение последовательной революционной линии в духе решений съезда. *Ред.*

[7] Очевидно, речь идет о докладах на V съезде РСДРП, который состоялся 30 апреля — 19 мая (13 мая — 1 июня) 1907 г. в Лондоне. *Ред.*

приостановить, переводчикам уплатить и искать издателя. Я все ж таки успела перевести листов 5 — рублей, значит, 150 получу, и то добре! — Твой Бауэр [1] пойдет в 4-м сборнике, значит, на этой или будущей неделе увидит свет.— Если попадется что-нибудь хорошее для перевода, пришли — я так привыкла к переводной работе, что буду чувствовать себя, точно без дела, без нее.

Поселюсь я пока что у Е. Н.[2], хотя совершенно с тобой не согласна, что у Л. М.[3] было бы хуже, но раз не вышло — говорить об этом не приходится.

Подумываю съездить к маме, *если достану билет*, мало только надежды на это...

Как-то ты путешествуешь, довольна ли?

В.[4] уже поправился, и сегодня мы с ним странствовали много. Милый котька — как мне без него будет скучно. И без всех. Одной.

Ну, ладно, как-нибудь.

Целую крепко. Пиши, твоя *М.*

1(14) октября 1907 г.

Послано из Куоккала в Берлин

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 171

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

Дорогая Анечка! Вчера пришло твое письмо на Т.[5]... Оно, очевидно, здорово завалялось там. Мурка [6] просит тебе передать, что в четверг выяснится относительно женевской корзины [7] и тогда он

---

[1] Возможно, имеется в виду перевод книги Отто Бауэра «Национальный вопрос и социал-демократия» (Вена, 1907). О переводе А. И. Елизаровой одной главы из этой книги пишет В. И. Ленин в письме М. И. Ульяновой 1 (14) февраля 1908 г. (см.: Полн. собр. соч., т. 55, с. 246). *Ред.*

[2] По-видимому, речь идет о Е. Н. Сталь, сестре революционерки Л. Н. Сталь. *Ред.*

[3] Лидия Михайловна Книпович (1856—1920) — близкая знакомая семьи Ульяновых. Революционная деятельность Л. М. Книпович началась в конце 70-х гг. в народовольческих кружках Гельсингфорса, в 90-х гг. примкнула к социал-демократии. Играла видную роль в установлении связей «Искры» с местными организациями в России. Неоднократно арестовывалась и высылалась. Партийную работу вела в Петербурге, Твери, Одессе. *Ред.*

[4] В. И. Ленин. *Ред.*

[5] О чем идет речь, установить не удалось. *Ред.*

[6] Так ласково называли В. И. Ленина в семье. *Ред.*

[7] По всей вероятности, речь идет о корзине, которая осталась в Женеве с партийными материалами после отъезда В. И. Ленина из эмиграции в ноябре 1905 г., в связи с бурным развитием революционных событий в России. В Женеве оставались члены Хозяйственной комиссии ЦК, которые библиотеку и партийный архив отправили в Швецию, Стокгольм, Народный дом, на имя Брантинга.

Осенью 1907 г., очевидно по поручению В. И. Ленина, А. И. Ульянова-Елизарова ездила за границу разыскивать некоторые архивные документы: была в Стокгольме, где осматривала ящики с архивными материалами, перевезенными из Женевы, а в Женеве разыскивала и разбирала архивные материалы. *Ред.*

даст телеграмму в Женеву. Просит тебя написать точно, когда и сколько ты пробудешь там. Письма, что были, все пересылала. Сегодня посылаю записку Е. Н.[1], хотя очевидно, без пути. Сегодня в 4 $^1/_2$ уже окончательно еду. Пора, сегодня уже идет снег, надо на зимнее положение, да и дела у меня здесь больше нет. С кем ты уговаривалась в «Зерне»[2]? С Ал. Вас. Масловым? Его уже теперь нет там. Куда писать тебе в Женеву? На Радугу? Буду так, потому что другого адреса ты не дала.

Пока до свидания, целую крепко. *М.*

2(15) октября 1907 г.

Послано из Куоккала в Женеву

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 172

---

[1] Имеется в виду Е. Н. Сталь. *Ред.*

[2] Речь идет о книгоиздательстве «Зерно». См. примечание 4 на с. 80. *Ред.*

1908 г.

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

Дорогая Аня! Я забыла тебе сказать, что, кроме метрического свидетельства и аттестата, нужен еще «документ о звании», т. е., значит, папин формулярный список. Привези и его, пожалуйста.

Будь осторожнее — в Питере видать очень сильная холера.

У нас все по-старому.

Целую тебя. Твоя *М.*

P. S. Если книги не возьмешь в Москву, поставь их куда-нибудь получше, чтобы не пропали.

7 сентября 1908 г.

Послано из Липитино в Петербург

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 176

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

11/IX.

Дорогая Аня! Сегодня получили твою открытку из Питера. Ты в ней пишешь о мамином письме и ни слова о моем, которое было вложено в том же конверте. Я писала там, что, кроме аттестата и метрического свидетельства, нужен еще папин формулярный список. Грустно будет, если ты не найдешь все эти бумаги. Нет ли их у тебя в бауле?

Вчера получила письмо от Володи. Он пишет, что книга [1] его затянулась, надеется кончить ее к 1/X по новому стилю. Всего будет 20—25 листов (40 т. букв). Просит заключить с издателем *точный* договор — очевидно, он не получил твоего письма с описанием приключения с Масл.[2], потому что не пишет об этом ни слова.

Я читала на днях в газетах о новых книгах, которые выходят в издательстве Львовича [3]. Не взялся ли бы он издавать В.[4] книгу?

[1] Речь идет о книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (см.: Полн. собр. соч., т. 18, с. 7—384). В письме В. И. Ленина к матери от 17 (30) сентября 1908 г. он пишет, что работа уже подходит к концу (см. там же, т. 55, с. 254—255). *Ред.*

[2] О каком приключении здесь идет речь, установить не удалось. *Ред.*

[3] Издатель Г. Ф. Львович — социал-демократ, выпустивший в свет большое количество марксистской литературы и начавший издавать ее тогда, когда еще никто легально не решался ее печатать. В 1905 и 1906 гг. он выпустил сделанный Лениным перевод книги К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика». *Ред.*

[4] В. И. Ленин. *Ред.*

Тебе есть несколько писем от М.[1] и письмо от Маруси Вер.[2]

Я зубрю вовсю, хотела начать экзамены [3] 18/IX, но, по-видимому, не удастся...

Всего хорошего. Крепко тебя целую. Твоя *М.*

11 сентября 1908 г.

Послано из Липитино в Петербург

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 176—177

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

Дорогая мамочка! Сегодня получила твою открыточку от 22/X — очень рада была ей, так как давно что-то не было вестей. Очень жаль, что вам-таки придется переезжать,— хороша ли квартира-то, что-то уж очень дешево.— Я устроилась хорошо, в том же доме, где наши [4], комната небольшая, но светлая, стоит 16 frs., с отоплением будет стоить 25 frs., печи еще нет, но ее на днях поставят. Обедаю пока у наших. Хожу в университет, но, по-видимому, мне не удастся быть «membre régulier»[5], как хотелось бы. Оказывается, я совершенно напрасно держала французский экзамен — он не требуется, нужен только вообще 8-й класс, а вот без латыни ничего не поделаешь. Была сегодня по этому поводу у декана факультета, он советует проучиться $1^1/_2$ года — иначе-де не успеете... Посмотрю.— В общем в Женеве очень скучно, и я повела усиленную агитацию за Париж. Публика очень не прочь, и, по-видимому, решат переехать. Тогда и я переберусь.— У ушного врача еще не была, написала одной знакомой и жду ответа относительно того, когда он принимает.

В Берлине купила себе плюшевую кофточку за 16 марок 75 (пфеннигов.— *Ред.*) (как я уже писала) без ваты — там на вате кофт нет. Хочу дать какой-нибудь здешней швее подложить под нее вату... Пока еще тепло и в драповой...

Хожу каждый день в университет и начала уже заниматься. Наши, очевидно, никуда сейчас не поедут — тем более, что пошли дожди.

---

[1] М. Т. Елизаров. *Ред.*

[2] Имеется в виду Маруся Веретенникова, дочь сестры М. А. Ульяновой — Анны Александровны Веретенниковой. *Ред.*

[3] М. И. Ульянова готовилась к экзамену в связи с поступлением на курсы языков в Сорбонне (Париж). *Ред.*

[4] Имеются в виду В. И. Ленин и Н. К. Крупская. *Ред.*

[5] «Постоянным слушателем». *Ред.*

Пишите, пожалуйста, почаще, а то скучно уж очень. Был ли Митя в Москве, когда он едет. Напишу ему, вероятно, сегодня. Всего лучшего. Крепко целую.

М.

Сборник памяти Маркса [1] получен. Здесь вышла новая книга Анатоля Франса — «Sur l'ile de Pinguins»[2] или что-то в этом роде,— не послать ли Ане?

Позднее 22 октября
(4 ноября) 1908 г.

Послано из Женевы в Москву

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 182—183

---

[1] Речь идет о сборике: Карл Маркс (1818—1883). К двадцатипятилетию со дия смерти (1883—1908). Спб.: [Кедровы], 1908. На обл. загл.: Памяти Карла Маркса. *Ред.*

[2] Имеется в виду кинга Аиатоля Фраиса «Остров пиигвииов». Перевод с рукописи З. Веигровой. Спб.: «Шиповиик», 1908. *Ред.*

1909 г.

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

19/II.

Дорогая Анечка! Я вчера сложилась и хотела выехать с вечерним поездом, Володя убедил дождаться ответа на телеграмму. Теперь не знаю, что делать, ждать ли твоего письма или нет. Очень беспокойно, все равно ничего не могу делать и обидно, что не могу помочь тебе. Ты, верно, совсем с ног сбилась. Верно, дождусь все-таки воскресенья, когда от тебя может быть письмо, а ты, дорогая, дай мне, пожалуйста, телеграмму сейчас же, как только маме не будет лучше или нужно будет помочь тебе.— Буду ждать вестей с большим нетерпением.

Марк говорит, что я неверно передала тебе, что он не скучает, а главное считает неудобным ехать до 22/II. Впрочем, он, верно, сам писал тебе.

Крепко целую тебя и мамочку.

Пиши, дорогая, скорее.

Твоя *М.*

6(19) февраля 1909 г.

Послано из Парижа в Москву

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 191.

М. И. УЛЬЯНОВА и М. Т. ЕЛИЗАРОВ— А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

26/II.

Дорогая Анечка! Сейчас получила письмо твое от 8-го — большое спасибо тебе за него, дорогая!

Ты пишешь, что у мамы утром была нормальная температура, а вечером разве все еще поднимается? Был ли еще раз Титов?[1]

Марк собирается ехать завтра, а я уж решаю остаться, хотя надежды сдать экзамен у меня очень мало. Последнее время мало занималась, теперь придется приналечь. Много приходится читать, особенно если ладить сдать экзамен в Alliance [2], надо знать литера-

[1] По-видимому, имеется в виду врач. *Ред.*

[2] Alliance Française — общество, основанное в Париже в 1883 г. с целью расширения влияния Франции за границей путем распространения знаний французского языка и культуры. В 1893 г. Alliance создал в Париже специальные курсы для изучения французского языка как во Франции, так и за границей. *Ред.*

туру за 3 века. Приходится читать и из новой литературы, чтобы привыкать к языку.

Атмосфера здесь теперь очень тяжелая, Володины предположения относительно раскола оправдываются, если уже не оправдались. Начата война против А. А.[1] и Никитича[2]. Ну, да Марк тебе расскажет подробно всю эту грязь. Просят уговорить приехать Шпицбутена[3]. Володя собирался уехать на Средиземное море, чтобы отдохнуть, но конечно, не уехал. Отдыхает здесь, гуляет много, ложится спать с петухами, берет каждый день ванну, которая на него очень хорошо действует...

Начала писать утром, потом пошла с Марком в палату депутатов, осталась там дольше, чем он, а когда вернулась домой, застала Володю с чемоданом у двери — решил ехать в Ниццу на 10 дней! Я очень рада, там хорошо, говорят, розы цветут, купаться можно.

А я-то давно собираюсь тебе цветов послать, да все то то, то другое мешает... Устала ты, верно, бедненькая? Как бы хорошо вам с мамой в Крым поехать.

Крепко-крепко целую мамочку и тебя. Пиши почаще, пожалуйста.

Бедная С. Н.— неужели у Тани туберкулез? И В. Ив. болен?[4]

А поправился ли маленький Коля?[5]

Еще раз до свидания!

Завтра и Марк уезжает, как пусто будет... Он мне доставил здесь много удовольствий.

Шляпу посмотрю завтра[6]. Твоя *М.*

---

[1] А. Богданов (Александр Александрович Малиновский) (1873—1928) — социал-демократ, философ, социолог, экономист. После II съезда РСДРП примкнул к большевикам. В годы реакции и нового революционного подъема возглавлял отзовистов, был лидером антипартийной группы «Вперед». В вопросах философии пытался создать собственную систему — «эмпириомонизм», разновидность субъективно-идеалистической махистской философии, резкую критику которой дал В. И. Ленин в своем труде «Материализм и эмпириокритицизм». *Ред.*

[2] Никитич — Леонид Борисович Красин (1870—1926) — профессиональный революционер, впоследствии видный советский государственный деятель. В 1890 г.— член социал-демократического кружка М. И. Брусиева в Петербурге. В 1894 г. был арестован, а затем сослан на три года в Иркутск. После II съезда РСДРП примкнул к большевикам, был кооптирован в ЦК партии, где некоторое время занимал примиренческую позицию по отношению к меньшевикам. В 1908 г. эмигрировал за границу. Некоторое время входил в антипартийную группу «Вперед». *Ред.*

[3] О ком идет речь, установить не удалось. *Ред.*

[4] Речь идет о родственниках С. Н. Смидович. *Ред.*

[5] Имеется в виду сын М. Ф. Владимирского. *Ред.*

[6] *Сейчас получила открытку твою, дорогая Анечка. Деньги мне Марк дал 160 fr. Теплое одеяло брать не хочет — предлагала. Шляп соломенных мало. Если найду что-нибудь подходящее, куплю. *М. У.* (Здесь и далее вставки автора в свои письма отмечены звездочкой. *Ред.*)

Сейчас, милая Аня, иду от Мани домой, опущу это письмо и напишу тебе большое. Я только что вернулся с вокзала, проводил Володю в Ниццу. Убеждал его побыть там подольше.

Прощай! Целую тебя. Твой *Марк*

13(26) февраля 1909 г.

Послано из Парижа в Москву

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 191—192

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

8/III.

Дорогая Анечка! Сейчас получила твою открытку от 19/II — страшно рада была ей. Беспокоюсь все очень за мамочку и, когда долго нет вестей, места себе не нахожу. Нет охоты ни за что браться... Очень рада, что маме хоть немного получше.— Володя должен приехать не сегодня-завтра, пишет, что хорошо отдохнул. Жаль, конечно, что так мало пробыл, но уговорить его остаться на дольше было бы невозможно, я, собственно говоря, не надеялась, что он и неделю-то там высидит. Нервный он стал очень.

У меня все по-старому, живется в общем хорошо, за мной все (т. е. Е. В. и Надя) очень ухаживают, хотя я им доставляю немало возни с обедом в разное время, если лекции начинаются рано.

Приехала сюда Августа [1], но я ее еще не видела. На днях должен приехать и папаша [2] маленького Коли, который, говорят, очень скучал в Женеве. Лидия [3] пишет об Апполинарии Ал.[4], что дела ее очень плохи — в мокроте нашли массу коховских бацилл [5]. Она живет теперь около Мустомяк в пансионе. Писала недавно Зине [6], что t° нормальная, но убавилась в весе на 3 ф. Скучает там очень. Жаль ее страшно.

[1] Августа Павловна Невзорова — сестра З. П. Невзоровой-Кржнжановской. *Ред.*

[2] Имеется в внду Мнханл Федоровнч Владнмнрскнй (1874—1951) — член партнн с 1895 г. Партнйную работу вел в Москве, Арзамасе, Нижнем Новгороде. В 1908 г. эмнгрнровал во Францню, где работал в большевнстскнх органнзацнях. *Ред.*

[3] Л. М. Кннповнч. *Ред.*

[4] Апполннарня Александровна Якубова (Тахтарева) (1870—1917) — участнннца соцнал-демократнческого двнження с 1893 г., позднее вндная представительннца «экономнзма». Входнла в петербургскнй «Союз борьбы за освобожденне рабочего класса». Одна нз органнзаторов газеты экономнстов «Рабочая мысль». В 1893 г. была сослана на четыре года в Восточную Снбнрь. После II съезда РСДРП сочувствовала меньшевнкам. После революцнн 1905 г. отошла от полнтнческой деятельностн, работала в рабочнх просветнтельных органнзацнях. *Ред.*

[5] *Доктора находят ее чуть лн не безнадежной. *М. У.*

[6] З. П. Невзорова-Кржнжановская. См. прнмечанне 1 на с. 121. *Ред.*

Понедельник у меня самый трудный день — много беготни, поэтому пишу наспех.

Марку привет, он, верно, уже у вас? Жаль, что не купила соломенную шляпу тебе. Но, во-1-х, он не очень охотно брал, а во-2-х, я что-то побоялась выбрать на свой вкус — очень уж теперь безобразная мода на шляпы, на мой взгляд, а старомодную посылать не стоило.

Крепко целую тебя, и мамочку, и Митю.

Все кланяются. *М.*

О корректуре Володя напишет сам.

23 февраля (8 марта) 1909 г.

Послано из Парижа в Москву

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 193—194

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

24/III.

Дорогая Анечка!

Сейчас получила твое и Марково письмо от 2(15)/III, по случаю забастовки [1] шли они целую вечность. Марку я уже писала в Сызрань, так как он ведь собирался, кажется, раньше туда отправиться, теперь не пишу на вас, потому что думаю, что мое письмо его не застанет. Хорошо, что он здесь пожил. Мне первое время по его отъезде часто хотелось свернуть в его уличку, идя из Сорбонны [2], как делала это раньше. И повидала я благодаря ему много, чего бы без него не видела, так что в этом отношении мы квиты.— Володя отправил тебе сегодня два письма [3], кажется, сейчас собирается писать третье!.. Кому это ты хочешь раздать так много экземпляров в Москве — патриотка ты эдакая московская! Чай бы хватило штук 10—15?

C'est mon avis, a moi [4]. Нет? Мало?

Сняться я никак не могу собраться — все что-нибудь мешает. Жду с нетерпением, когда, наконец, пройдет моя учеба, хоть и ин-

[1] Почтово-телеграфная забастовка во Франции продолжалась с 15 по 23 марта 1909 г. *Ред.*

[2] Сорбонна — старейшее учебное заведение в Париже. Основано в 1253—1257 гг. Р. де Сорбоном (R. de Sorbon). В XVII в. произошло фактическое слияние Сорбонны с Парижским университетом и их названия стали отождествляться. В настоящее время Сорбонна является крупным культурным и учебно-научным центром Франции. *Ред.*

[3] Одно из этих писем, по-видимому, то, в котором В. И. Ленин пишет, что согласен 50 экземпляров книги «Материализм и эмпириокритицизм» отдать в распоряжение А. И. Ульяновой-Елизаровой (см.: Полн. собр. соч., т. 55, с. 284). *Ред.*

[4] Это мое личное мнение. *Ред.*

тересна она с одной-то стороны... С Сеньобосом [1], например, договорилась, что приготовлю ему к экзамену какой-нибудь вопрос по социализму во Франции. Думаю взять синдикализм, но времени читать совсем нет. Одна надежда на пасхальные каникулы, но это только две недели. Зато за это время буду уже совершенно свободна.

Крепко-крепко поцелуй за меня мамочку, жду с нетерпением письма от нее.

Володя сейчас сияет по случаю приезда своего друга-приятеля [2]. Вообще он все же отдохнул в Ницце и стал веселее. Недавно выступал с большим успехом [3].

Ну, надо кончать. Привет всем. Целую тебя крепко. Напиши как-нибудь побольше.

Твоя *М.*

11(24) марта 1909 г.

Послано из Парижа в Москву

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 196

М. Т. ЕЛИЗАРОВУ

Дорогой Марк!

Спасибо тебе за письмо, очень рада была ему. Прежде всего скажу тебе, что ты совершенно напрасно чувствуешь себя «виноватым», да еще «зело» перед Володей [4]. Сам-ский [5] мусье давно здесь. Это настолько свой человек, что много распинаться с ним и не нужно было. И раз он сказал, что заедет сам к врачу — ясно, что тебе туда ехать незачем было. Он и заехал и обделал все, что можно было. Так что тебя совсем напрасно совесть мучит — скажи ей [6], что она может успокоиться вполне и всецело.

А я после экзаменов опять заболела. Случился со мной так называемый аппендицит, т. е. воспаление какого-то там отростка слепой кишки. Врачи говорят, что это осложнение, вероятно, после брюшного тифа хроническое, а теперь обострившееся [7]. Припадок на этот раз был небольшой, даже без повышения температуры.

---

[1] Шарль Сеньобос (Seignobos) (1854—1942) — французский буржуазный историк либерального направлеиия, профессор Сорбоины. *Ред.*

[2] Возможно, речь идет о Ф. В. Леигнике (1873—1936) — члеие партин с 1898 г. *Ред.*

[3] По-виднмому, нмеется в вйду выступленне В. И. Леинна с речью о Парнжской коммуне на собраннн эмигрантов в Парнже 18 марта 1909 г. *Ред.*

[4] В. И. Леннн. *Ред.*

[5] О ком идет речь, установнть не удалось. *Ред.*

[6] По-виднмому, иадо чнтать: «ей — совестн». *Ред.*

[7] *По всей видимостн, от велоснпеда или от переутомлення. *М. У.*

Присуждена теперь к лежанию или к небольшому передвижению по комнате, но скоро, вероятно, смогу уже выходить. Тогда поеду к морю отдыхать. А потом, может быть, сделаю себе операцию. Она пустая, и здесь, за границей, ее проделывают очень быстро и ловко. Ни маме, ни Ане, вообще никому, пока на то не будет моего разрешения, чтобы не разошлось, *ты пока ни слова не говори* о моей болезни. Я не хочу пока их беспокоить зря, тем более, что мне теперь лучше, а если подумываю об операции, так, чтобы застраховать себя от возможности повторения новых припадков. Ну, да, там еще видно будет.— С Володиными книгами — недоразумение. Они действительно были ему пересланы все, за исключением 2—3 (вроде III т. «Капитала» на немецком языке), застрявших между нашими книгами. Но где же их искать! — подождет.— Вчера получила письмо от наших. Собираются после 14/VI уезжать из Крыма, но куда — еще не решили. Мама пишет, что ей хотелось бы на север. Почему бы вам всем вместе не устроиться, хотя временно, в Саблине? Получила на днях от самарского стихотворца, твоего знакомого, несколько его напечатанных стихотворений, с надписью «на добрую память» — передай ему мою благодарность, если увидишься с ним. Прислал и ненапечатанные стихи, но навряд их напечатают.

Ну, пока до свидания. Жму крепко руку и желаю всяких благ. Пиши.

Твоя *М.*

1(14) июня 1909 г.

Послано из Парижа в Петербург

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 204—205

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

24/VI.

Дорогая Анечка!

Спасибо за письмо. Давно собиралась написать тебе побольше, да как-то энергии нет писать, когда письма пропадают. А, очевидно, письмо, где я описывала свои экзамены, пропало. А теперь уж не хочется повторять, все уж это как-то далеко отошло... Дорого мне все же стоил мой certificat [1], заниматься приходилось много, но когда получила его, чувство было очень приятное, что чего-нибудь да добилась. С ним, вероятно, удастся получить место учительницы, только вот практика у меня для этого хромает, но я надеюсь подогнать ее за лето. Собираемся ехать во французскую колонию на берег моря. Вернее всего в Вандею, потому что в Бретани,

[1] Диплом. *Ред.*

говорят, бывают сильные ветра и море очень шумит — наши дамы этого не переносят.— Но пока еще ничего не решено у нас. Да сейчас и не стоит ехать — погода скверная, страшные ветра и дожди.

За последнее время здесь произошел один очень интересный факт — это выход Жоржа [1] из редакции «Голоса»[2]. Главная причина — его несочувствие «ликвидаторству», которому эта редакция явно мирволит, но повлияла немало и философская работа Ильина [3]. Так что мы накануне великих событий и новых расслоений... Написала бы побольше, да не знаю, застанет ли тебя это письмо — вы ведь собирались уезжать. Куда? Решили ли?

В прошлом письме писала, что была нездорова, теперь почти здорова, прекращаю свою диету и перехожу понемногу на здоровое положение.

Крепко целую тебя и мамочку. Желаю хорошо устроиться на вторую половину лета.

Твоя *М.*

Пишите скорее

11(24) июня 1909 г.

Послано из Парижа в Алупку

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 205—206

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

1/IX.

Дорогая Анечка!

Я писала тебе на днях, как раз в день твоего рождения,— о чем — вспомнила, впрочем, только вечером,— а на днях получила твое письмо из Челябинска. Оно очень мрачное, вероятно, ты устала от дороги, не может же быть, чтобы у тебя вообще было такое

---

[1] Речь идет о Георгии Валентииовиче Плехаиове.

Г. В. Плехаиов (1856—1918) — выдающийся деятель русского и международного рабочего двнжения, первый пропагаидист марксизма в России. После II съезда РСДРП Плехаиов стал иа позиции примиреичества с оппортунизмом, а затем примкиул к меньшевикам. В период революцин 1905—1907 гг. по всем основиым вопросам стоял иа меньшевистских позициях. В годы реакцни и иового революциониого подъема выступал против махистской ревизии марксизма и ликвидаторства, возглавлял группу «меньшевиков-партийцев». *Ред.*

[2] Имеется в виду «Голос Социал-демократа» — газета, заграничный оргаи меньшевиков; выходила с февраля 1908 по декабрь 1911 г. сначала в Женеве, затем в Париже. Редакторами ее были П. Б. Аксельрод, Ф. И. Даи, Л. Мартов, А. Мартыиов и Г. В. Плеханов. С первого иомера «Голос Соцнал-демократа» встал на защиту ликвидаторов, оправдывая их аитнпартийиую деятельиость. В декабре 1908 г. Плехаиов вышел из редакции, осудив ликвидаторскую позицню газеты, и возобиовил издаиие «Диевиика Социал-демократа» для борьбы против ликвидаторов. «Голос Социал-демократа» после выхода из редакции Плехаиова окоичательно определился как идейный центр ликвндаторов. *Ред.*

[3] Речь идет о работе В. И. Леииия «Материализм и эмпириокритицнзм». *Ред.*

мрачное настроение после отдыха в Крыму? Тогда уж мне-то и бог велел мерихлюндить. А и то я теперь начинаю выправляться и довольно розово смотреть на вещи. Здесь [1] хорошо: настоящая деревня, воздух прекрасный. Наши [2] много ездят на велосипеде, а я гуляю немного. Часто меня сопровождает наша квартирная хозяйка — старушка, очень симпатичная дама. Вообще в смысле практики языка здесь хорошо: много слышишь французской речи и самой можно болтать. Забрала с собой французских романов, читаю протоколы Лондонского съезда [3], недавно вышедшие, Володину философскую книгу [4] все еще не прочла, представь себе. Зимой некогда было, а потом заболела... Часто я спрашиваю себя, какая со мной после тифа [5] произошла перемена — что-то мне сдается, что не такая я теперь, как была раньше — точно вялее я стала, или это потому, что я опять была больна [6]? — Червяк скверная была штука — так и сверлил все время... Хорошо, что его уже нет.

В России серо покажется, конечно, и скучно, ну, да как-нибудь прилажусь. Больше всего с Володей жаль расставаться. Всегда я его любила, но теперь как-то особенно сжились. Возился он со мной невероятно за время болезни — я даже себе представить никогда не могла, что он способен на это, да и теперь еще возится. Больно славный братик... Ну, да и истрепался же он тогда — на себя не был похож, теперь поправился здорово. Все поправились за это время: питаемся хорошо, спим много и много времени проводим на воздухе. Скоро уже двинемся назад в Париж. Маме я писала, что могу сейчас же двинуться и дальше, жду ответа. Какие же тут новости? Жорж [7] опять принялся за свой «Дневник»[8], но я

---

[1] Имеется в виду деревня Бомбон (департамент Сены и Марны) под Парижем, где в августе—сентябре 1909 г. отдыхали В. И. Ленин с Н. К. Крупской, ее матерью Елизаветой Васильевной и М. И. Ульяновой. *Ред.*

[2] Речь идет о В. И. Ленине и Н. К. Крупской. *Ред.*

[3] Речь идет о протоколах Пятого (Лондонского) съезда РСДРП, который состоялся 30 апреля — 19 мая (13 мая — 1 июня) 1907 г. Вышли протоколы в 1909 г. под названием: Лондонский съезд Российской соц.-дем. рабочей партии (состоявшийся в 1907 г.). Полный текст протоколов. Paris: Изд. ЦК, 1909. (РСДРП). *Ред.*

[4] Имеется в виду книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». *Ред.*

[5] Тифом М. И. Ульянова болела в конце февраля — начале марта 1908 г. *Ред.*

[6] В июне 1909 г. у М. И. Ульяновой был приступ аппендицита, и с 26 июня по 3 июля она лежала в больнице (в Париже), где ей была сделана операция. *Ред.*

[7] Г. В. Плеханов. *Ред.*

[8] «Дневник Социал-демократа» — непериодический орган, издававшийся Г. В. Плехановым в Женеве с марта 1905 по апрель 1912 г. (с большими перерывами). Вышло 16 номеров.

В 1909—1912 гг. в № 9—16 «Дневника Социал-демократа» Плеханов выступил против меньшевиков-ликвидаторов, вставших на путь ликвидации нелегальных партийных организаций. Однако по основным вопросам тактики он оставался на меньшевистских позициях. *Ред.*

его еще не видела, говорят, борется там яро с ликвидаторами.— Как здоровье Марка? Поправляется ли он?

Передай Марку мой большой привет и пожелание здоровья. Действительно у нас какая-то эпоха операций.

Крепко тебя целую. Напиши, что привезти. Не торопись уезжать, квартиру в Москве могу найти и я.

19 августа (1 сентября) 1909 г.

Послано из Бомбона (Франция) в Екатеринбург

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 210—211

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

12/IX.

Дорогая Анечка!

Вчера получила твое письмо от 22/VIII. Очень рада, что вы перебираетесь в Саратов. Говорят, это хороший городок и интереснее, вероятно, Урала. Но как-никак я лично предпочту одну из столиц на эту зиму... В Россию тронусь через $1^1/_2$ — 2 недели, пока еще в деревне, задержалась дольше, чем хотела, но во вторник, 14-го, уже, наверное, уеду. Поедут вероятно и наши [1]. Выправилась я теперь уже здорово, могу много ходить и растолстела очень, потому что питалась хорошо, а двигалась мало.— Вообще я счастливее Марка в том отношении, что операцию [2] мне делал опытный хирург, и обошлась она мне почти без потери крови. Теперь можно и за работу, только бы добраться до России, очень уж мне заграница очертела. Есть ли у тебя знакомые в Саратове? Знаешь, там живет теперь Елиз. Нестеровна Уварова, что бывала у меня на Павловской, помнишь, веселая такая девица? Там есть и еще кое-кто из публики. Разыщи.— Об Ард-ых [3] мне уже писала мама — чего же от них и ждать было? Пересылаю тебе письмо Крумбюгеля [4], которое мама переслала Володе [5]. Володя находит, что счет его приблизительно верен.

Пиши, что бы тебе привезти, я думаю, письмо твое меня еще застанет.

Крепко тебя целую и кланяюсь Марку.

Твоя *М.*

30 августа (12 сентября) 1909 г.

Послано из Бомбона (Франция) в Саратов

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 213

[1] Имеются в виду В. И. Ленин и Н. К. Крупская. *Ред.*

[2] См. примечание 6 на с. 291. *Ред.*

[3] По-видимому, речь идет об Ардашевых — родственниках Ульяновых по матери. *Ред.*

[4] Л. О. Крумбюгель — издатель книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». *Ред.*

[5] В. И. Ленин. *Ред.*

1911 г.

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

20-го.

Дорогая мамочка!

Третьего дня вечером приехала я к Савельевым [1]. Оказывается, они не достали спальных билетов (все распроданы до 25-го) и поэтому поедут только во вторник. Мусье и мадам очень любезны, а ребята первое время смотрели на меня волками, точно на чужую, теперь начинают немного дружелюбнее относиться.

Когда приехала в СПБ, было жарко, а теперь опять холодно, и я первым долгом по приезде в Финляндию вырядилась в шерстяные чулки и синюю вязаную кофту. Сейчас очень скучно и беспокойно о вас, в СПБ за беготней это не так было заметно, и очень жду весточки от вас. Как-то вы решили с летом и когда едете? Хорошо ли проехались по Волге?

В СПБ видела кое-кого из знакомых, между прочим и ту учительницу французского языка, которую собиралась разыскать. Она мне надавала много советов, и я некоторые из них исполнила. Была между прочим у попечителя с.-петербургского учебного округа. Когда он узнал, в чем дело, то заявил на прекрасном французском языке: «Exposez votre demande en français»[2], а я-то уж целый век не говорила по-французски. Сказала одну-две фразы, а на него, говорят, надо наседать и заговаривать его. Этого я не умею, и вообще на меня этот визит произвел какое-то неприятное впечатление [3].— Хочу подать прошения еще в другие округа.

Много времени в СПБ взяло у меня лечение зубов — Ю. Ив.[4] запломбировала мне 5 зубов!

До июня ребятам разрешено гулять, и поэтому они носятся целый день по двору, поздоровели очень. У них живет теперь маленькая немка их возраста, с которой они пока разговаривают по-немецки, но скоро, вероятно, обучатся русскому языку.

Пишите, пожалуйста, почаще! Ане советую выписать «Современную жизнь»[5], Баку, Каменистая ул., д. № 221 (уг. Б. Мор-

---

[1] Родители учениц М. И. Ульяновой. *Ред.*

[2] «Выразите вашу просьбу по-французски». *Ред.*

[3] *Надеюсь получить место иным путем. *М. У.*

[4] Речь идет о зубном враче Юлии Ивановне Лаврентьевой, квартира которой являлась явкой большевиков-подпольщиков. *Ред.*

[5] «Современная жизнь» – легальный еженедельный общественно-политический журнал, орган объединенной бакинской организации РСДРП, в которую

ской) — хороший журнальчик, там есть и Володины [1] статьи. Почему мне не послали «Прив. газету»[2]?

До свидания! Целую крепко и желаю здоровья. Марку [3] привет. Ане напишу в другой раз, сегодня не успею.

М.

7(20) мая 1911 г.

Послано из Финляндии в Саратов

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 237—238

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

22/V.

Дорогая Анечка! Так спервоначала как-то скучно без вас, что все хочется писать вам. Начну с описания своего путешествия. Видела Татьяну [4]. Она ждет возвращения Сони [5] скоро и тогда поедет, верно, вместе с ней в Калужскую губернию на дачу, а потом, кажется, думает устроиться в Твери. Видела и их соседку — даму, с которой я все ссорилась осенью. Меня она встретила любезно, но так озлоблена против близких мне людей, что я даже сама както не понимаю, как могла мирно с ней разговаривать. Зины [6] не видела — она на даче, а О. Ив.[7] так погружена в своего младенца, 4-месячную дочь, что с ней совсем нельзя разговаривать.

В СПБ видела больше публики. М. Ст.[8] вывозил меня в свет, и у него я просидела вечер. Показывал он мне, между прочим, пись-

---

входили большевики и меньшевики-партийцы; издавался в Баку с 26 марта по 22 апреля 1911 г. под редакцией С. Г. Шаумяна. Вышло 3 номера. Третий номер был конфискован, и журнал был закрыт по распоряжению градоначальника. Во втором и третьем номерах «Современной жизни» под рубрикой «Научные беседы» печатались статьи, излагавшие учение К. Маркса. *Ред.*

[1] В № 3 журнала «Современная жизнь» была напечатана статья В. И. Ленина «Марксизм и «Наша заря». Статья была написана по просьбе С. Г. Шаумяна (см.: Полн. собр. соч., т. 20, с. 108—113). *Ред.*

[2] «Приволжская газета» — общественно-политическая газета. Выходила в Саратове в 1911—1912 гг. А. И. Елизарова и М. И. Ульянова принимали активное участие в этой газете. *Ред.*

[3] М. Т. Елизаров. *Ред.*

[4] Татьяна Черносвитова, близкая родственница С. Н. Смидович. *Ред.*

[5] Софья Николаевна Смидович (1872—1934) — член партии с 1898 г. Работала агитатором и пропагандистом в Москве, Туле, Калуге; неоднократно подвергалась арестам и ссылке. *Ред.*

[6] По-видимому, речь идет о З. П. Невзоровой-Кржижановской. *Ред.*

[7] О ком идет речь, установить не удалось. *Ред.*

[8] Возможно, имеется в виду Михаил Степанович Ольминский.

М. С. Ольминский (Александров) (Василий Васильевич, Галерка) (1863—1933) — один из старейших деятелей революционного движения в России, профессиональный революционер, литератор. В революционное движение вступил в начале 80-х гг.; примыкал к народничеству. В 1898 г. вступил в РСДРП, с 1903 г.— большевик. *Ред.*

мо Н. Ал.[1], которое меня очень удивило. Н. А. послал, оказывается в «Звезду»[2] статью «Новый почин», в которой настаивает на необходимости создания легальной партии. Эту статью не напечатали, а его обозвали «ликвидатором». Но он пишет, что его этим не запугают и что так или иначе, а он эту статью напечатает. Вот так поворот с божьей помощью!

Сейчас принесли мне твое письмо — очень рада была ему. Напиши мне, пожалуйста, адрес Вас. Петровича [3].

В «Посев»[4] в СПБ заходила. Г-н Иванов — существо на мой взгляд довольно-таки неприятное. Он заявил мне, что расчет по квитанции за «Дружбу в мире животных»[5] сделает и напишет на днях, что же касается «Тумана»[6], то-де «наивный, мол, он человек, думает, что книга может идти, пока о ней не было нигде отзыва». Говорит, что расчет о «Тумане», т. е. какое количество издано и во сколько обошлось издание — было передано М-ку [7]. Врет или нет? Где ты такого эфиопа выкопала?

Анечка, пришли мне, пожалуйста, мерки твоих круглых столов — маленького и побольше — я забыла взять с собой.

В СПБ была у Оли [8] на могиле — посылаю тебе травку оттуда. Елочка растет, а от тополей и помину нет — одни палки торчат.

Ну, до свидания. Целую крепко тебя и мамочку. Марку привет.

Твоя *М.*

Что за безобразие, что мне не выслали «Приволжскую газету»! Выпиши «Современную жизнь» из Баку. Что нового видела?

9(22) мая 1911 г.

Послано из Финляндии в Саратов

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 238—239

---

[1] Вероятно, речь идет о Николае Александровиче Рожкове.

Н. А. Рожков (1868—1927) — историк и публицист, меньшевик. В 90-х годах был близок к «легальным марксистам». В начале 1905 г. вступил в РСДРП, некоторое время примыкал к большевикам. После поражения революции 1905—1907 годов стал одним из идейных руководителей ликвидаторов. *Ред.*

[2] «Звезда» — большевистская легальная газета; издавалась в Петербурге с 16 декабря 1910 по 22 апреля 1912 г. *Ред.*

[3] О ком идет речь, установить не удалось. *Ред.*

[4] «Посев» — книгоиздательство в Петербурге. *Ред.*

[5] «Дружба в мире животных» — детская книга, которую написала А. И. Ульянова. *Ред.*

[6] Точных данных об этой книге установить не удалось. *Ред.*

[7] О ком идет речь, установить не удалось. *Ред.*

[8] Ольга Ильинична Ульянова. *Ред.*

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

11—12
VI

Дорогая Анечка! Спасибо тебе за открыточку. Очень рада, что тебе теперь уже больше нравится в Бердянске, или, может быть, ты пишешь это лишь для того, чтобы меня успокоить? Правда жаль, что нет леса. Со вчерашнего дня здесь наконец установилось лето, так что я собираюсь даже обновить свое новое платье. Жаль, что ты не сшила себе белого. Я много гуляю, и дни идут как-то незаметно. Если тебе очень хочется ехать за границу пораньше, я могу попросить у принципалов [1], чтобы они меня отпустили в самом начале августа. Думаю, что отпустят. Надо еще вот обсудить вопрос относительно зимы: соглашаться ли мне, если они мне предложат давать у них урок, и на каких условиях.— На днях к нам сюда явился ленсман [2] за паспортами, а с ним еще какой-то военный. Последний осведомился о Савельеве и, когда узнал, что его нет, пожелал видеть меня. Я вышла, пригласила его на террасу, и там он мне конфиденциально заявил, что к нему (он оказался заведующим местной полицией) пришла бумага из СПБ учебного округа с запросом обо мне, ввиду моего прошения о месте учительницы — вот он и желал узнать о моей благонадежности! Обещал дать хороший отзыв!

От Марка что-то ничего нет, должно быть он меня больше знать не хочет.

Знаешь, фрейлен получает «Огонек»[3], и там был помещен портрет Горы [4] (очень плохой) с надписью «феноменальный ребенок» и с его биографией. Там сообщалось, между прочим, что он недавно выучился читать по-еврейски, а в конце высказывалось пожелание, чтобы нашлись добрые люди, которые не дали бы заглохнуть этому недюжинному мальчику...

7 и 8 №№ «Пр. Г.»[5] получила, а больше не шлют.

Посылаю тебе немецкую книжечку — может быть, используешь ее как-нибудь. Пошлю еще как-нибудь на днях каталоги детской литературы, что ты просила.

---

[1] Имеются в виду Савельевы, у которых М. И. Ульяиова заиималась с детьмн, давала уроки. *Ред.*

[2] Начальник полицин в провнииции (шведское слово). *Ред.*

[3] «Огонек» — иллюстрированиое обозреиие общественной и политической жизни, иаук и изящиых искусств; с 1908 г.— ежеиедельный художествеиио-литературиый журнал. Выходил в Петербурге с 1901 по 1916 г. *Ред.*

[4] Георгий Яковлевич Лозгачев (1906—1972) — воспитаиинк А. И. и М. Т. Елизаровых. *Ред.*

[4] «Приволжская газета». *Ред.*

Пиши, как проводите время, как чувствует себя мамочка? Целую ее крепко-крепко, тебя тоже.

Мне здесь больше нравится без принципалов — свободнее, делай, что хочешь, и их не надо занимать разговорами, и ребята как-то милее.

Ну, до свидания. Пиши почаще. *М.*

29—30 мая (11—12 июня) 1911 г.

Послано из Финляндии в Бердянск

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969. с. 240—241

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

20/VII.

Дорогая Анечка! Сегодня получила твое письмо от 11/VII с мамочкиной приписочкой и целую за них крепко. Я не совсем понимаю тебя. Во вчерашней открытке от 16/VII [1] ты пишешь, что сняли новую комнату и что ты думаешь, что и я там поживу, а в письме вдруг ты пишешь, «не приехать ли тебе в Бердянск. Не понравится...» и т. д. Спрашивается, куда же мне ехать-то отсюда, чтобы вас повидать? На юг, или не стоит, потому что вы уедете оттуда?! Я ведь во всяком случае смогу буду лишь на самый короткий срок приехать, потому что, если долго загуляешься, нигде с осени не устроишься: ни в гимназии, ни с частными уроками. Ведь Милицына [2] передавала Любови Ивановне [3], что только тогда достанет хорошие уроки, если я пораньше к осени к ней заявлюсь. Только, по правде сказать, не хочется в Саратов ехать. Будешь сидеть опять в 4-х стенах. Какие там знакомые? Положим, что в Питере, если остаться, тоже до знакомств-то не доберешься. Лида [4] не советует мне в СПБ селиться. Она теперь в Гадяче, Полтавской губернии. Там останется 2 года. Писала мне, что Кубе [5] теперь лучше, температура спала и что они собираются зимнюю дачу строить в Сейвисто, а с осени Куба в ялтинский санаторий собирается, если будет комната, место на 50 р.[6] Я Кубе тоже открытку посылала, но она ответила только о Лиде, а о себе почти ничего.— Вчера виделась с Рахилью [7]. Списались мы с ней, что выйдем друг к другу навстречу.

[1] *Я ее получила на день раньше, чем письмо от 11-го. *М. У.*

[2] *Это, говорят, одна из лучших учительниц французского языка в России, и меня ругательски ругали, что я с ней не познакомилась. *М. У.*

[3] Любовь Ивановна Минкевич — жена бухгалтера в саратовском акцизном управлении. Через нее М. И. Ульянова и А. И. Ульянова-Елизарова имели связь и вели партийную переписку с заграницей. *Ред.*

[4] Л. М. Книпович. *Ред.*

[5] А. А. Якубова. *Ред.*

[6] *А если не будет, поедет к Лиде в Гадяч. *М. У.*

[7] Р. С. Ривлина-Образцова. *Ред.*

Она явилась вместе со своим Н. П.[1], и мы славно провели время. Поменялись новинками. Она ездила в город и привезла «Нашу зарю» № 5 [2]. Там помещен некролог Радина-Кнунянца [3]. Бедный «Богданчик» умер в тюрьме от тифа (паралича сердца после тифа). Там же помещена его статья, написанная за месяц до смерти,— «Один из итогов». Склонялся (если не окончательно склонился), очевидно, человек к ликвидаторству.— Помнишь в Лукьяновке [4] Глобу [5]. Так мне рассказывали про нее, что ее обвинили (социал-революционеры) в провокации. Это на нее так подействовало, что она хотела покончить с собой. Потом дело как-то разъяснилось, но у ней туберкулез в сильной степени. Она в Крыму. А. Н. Кр.[6] тоже видели — она поехала в Киев, говорят. Вид, говорят, у нее ужасный. Вот кого я здорово люблю и очень бы хотела повидать. Соня [7], верно, влюбилась бы в нее, если бы ее увидела. Прямо святая какая-то. А Соня, наверное, теперь где-нибудь на лоне природы, а вот не пишет.

Мамочку целую крепко-крепко и ручки ее родные целую.

Тебя тоже целую. *М.*

Поправились ли вы хоть немножко-то? Рахиль тоже говорит, что тебе нельзя было в Финляндию ехать — холодно. Она своего

---

[1] Речь идет о Николае Павловиче Образцове — муже Р. С. Ривлиной-Образцовой. *Ред.*

[2] Имеется в виду некролог «Памяти Богдана Кнунянца», помещенный в журнале «Наша заря» № 5 за 1911 г. на с. 47—49.

«Наша заря» — ежемесячный легальный журнал меньшевиков-ликвидаторов, выходил в Петербурге с января 1910 по сентябрь 1914 г. Руководил журналом А. Н. Потресов. *Ред.*

[3] Б. М. Кнунянц (Рубен) (1878—1911) — профессиональный революционер, большевик; революционную деятельность начал в 1897 г. в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». В 1901 г. был выслан в Баку, где стал одним из руководителей Бакинского и Кавказского союзных комитетов РСДРП; в 1902 г. принимал участие в создании «Союза армянских социал-демократов» и его нелегального органа — газеты «Пролетариат». На II съезде РСДРП — делегат от Бакинского комитета. После съезда как агент ЦК работал на Кавказе и в Москве. В сентябре 1910 г. был арестован, умер в бакинской тюрьме. *Ред.*

[4] Лукьяновская тюрьма в Киеве, где сидели А. И. Ульянова-Елизарова, М. И. Ульянова и А. И. Ульянова (Нещеретова), арестованные в ночь с 1 на 2 января 1904 г. Д. И. Ульянов также был арестован, но сидел в Киевской крепости, где царские власти содержали арестованных лиц, которых считали особенно опасными для себя. *Ред.*

[5] Очевидно, имеется в виду Антонина Григорьевна Глоба-Александрова, сестра управляющего меблированными комнатами «Сан-Ремо» в Петербурге Дмитрия Григорьевича Глобы. В «Сан-Ремо» В. И. Ленин и Н. К. Крупская жили в течение недели в конце ноября 1905 г. Номер там был снят через Антонину Ивановну Ульянову, сидевшую в Лукьяновской тюрьме в Киеве вместе с А. Г. Глобой-Александровой. *Ред.*

[6] О ком идет речь, установить не удалось. *Ред.*

[7] С. Н. Смидович. *Ред.*

малыша возила за границу лечить от насморка, но выжила там только месяц.

Что тебе из Выборга привезти? И маме что? Неужели не поедешь к Володьке? Глупая.

7(20) июля 1911 г.

Послано из Выборга в Бердянск

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 243—244

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

23/VII.

Дорогая моя мамочка!

Вчера получила я два твои письма от 14-го и 15-го, письмо с вложением Володиного тоже получила уже давно. Большое спасибо за них. На днях хочу сказать С-ву [1], что не могу остаться дольше 15-го у него и что еще более удобно бы для меня было уехать 7-го или 10-го. Вероятно, так и уеду. В СПБ собираюсь в начале августа, хоть на один день. Помещу объявление в газетах и схожу еще раз к Островскому. На днях [2] я получила из канцелярии СПБ округа уведомление, что за неимением в настоящее время вакансий в округе я зачислена кандидаткой. Говорят, учительницы отказываются всегда осенью, чтобы получать летний гонорар. Попытаюсь похлопотать осенью — может быть, что-нибудь и выйдет. А Аню прошу еще только чуточку потерпеть — скоро, скоро и она поедет путешествовать. С Володей или, вернее, с Надей переписываюсь часто, и это очень интересно. Надя писала, что у Елиз. Вас. было воспаление легких, но теперь она поправилась.

Очень мне жалко, дорогая моя мамурочка, что вы, по-видимому, плохо выбрали место для отдыха и что вам все приходится менять комнаты. Поправилась ли ты хоть немного? Сколько ты думаешь еще пробыть на юге? Верно, тебе хотелось бы там виноградом попользоваться? Теперь во всяком случае скоро уже увидимся — соскучилась я о тебе очень.

Погода последнее время хорошая, и я как-то совсем отбилась от чтения, только французский не забрасываю — читаю каждый день вслух на берегу моря. Брожу много по лесу, приношу иногда грибов... Пения у нас совсем нет в нынешнем году. Ребята не хотят — не на аркане же мне их тащить. Кл. Ал.[3] тоже что-то не желает. Зря я ей только нот навезла!

---

[1] В. А. Савельев — отец ученнц, которым М. И. Ульянова давала урокн. *Ред.*

[2] *Я только на днях внесла гербовый сбор за прошение. *М. У.*

[3] О ком идет речь, установить не удалось. *Ред.*

В прошлое воскресенье обновляла Анино платье. В этот день у нас вышел экспромтом концерт. Приехал настройщик и привез с собой своего сына музыканта. Наслаждались его музыкой.

С нетерпением жду того времени, когда опять буду жить с тобой, дорогая мамочка, а пока крепко целую тебя и Анечку.

Твоя *М.*

Довольны ли новой комнатой?

10(23) июля 1911 г.

Послано из Финляндии в Бердянск

Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917. М., 1969, с. 245—246

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

2-го авг.

Дорогая Анечка!

На днях получила два твои письма и мамочкину открытку в один день. Я уже писала тебе, что сказала принципалу [1], что дольше 15-го не останусь. Возможно, что удастся уехать дня на 2—3 раньше. Надо будет еще иметь немного времени, чтобы похлопотать в Питере. Раньше я собиралась из Питера прямо двинуться к вам, но теперь этот номер не пройдет. Мне очень хочется повидать одного знакомого в Нижнем, поэтому я решила сначала заехать туда. Имело бы, конечно, смысл заехать и в Казань к попечителю [2], но, во-первых, это уже будет запозданно, а, во-вторых, я нисколько не надеюсь на утверждение в провинции. Да и протекции нет. Если вы считаете, что надо маме пожить осень на юге, оставь ее у Мити — я приеду за ней. Если нет — можно нам встретиться в Саратове. Решайте, как вам удобнее. Мне все равно. Т. е., конечно, я была бы очень не прочь повидаться с Митей, и дорога в поезде для меня ничего не значит, если это будет нужно. Так что как хотите, так и решайте, и пишите мне скорее, потому что, возможно, что я уеду несколько раньше 15-го. Хорошо, если бы ваш ответ пришел до 12-го августа. Если бы настоять, можно бы, конечно, и раньше уехать, но мне это неудобно, так как надо докончить чтение кое-какой литературы.

---

[1] Так М. И. Ульянова называла В. А. Савельева, детям которого она давала уроки. *Ред.*

[2] В дореволюционной России попечителями назывались руководители некоторых учреждений и учебных заведений.

В данном случае имеется в виду попечитель учебного округа — административная должность в системе министерства народного просвещения. Попечитель учебного округа ведал всеми учебными заведениями министерства в своем округе и был подчинен непосредственно министру. *Ред.*

Ты уж не сердись. Поедешь несколько позже, зато, может быть, поживешь подольше за границей.

У меня все по-старому. В воскресенье была у Рахили [1], там был один знакомый парнишка, который порассказал много интересного.

Погода до 1-го продержалась прелестная, но сегодня уже льет как из ведра. Должно быть, надолго.

Ну, пока до свидания.

Целую тебя крепко и мамочку тоже. Будьте здоровы.

М.

Поздравляю с новорожденным [2].

Возьми в библиотеке и прочти в июльской книжке «Современный Мир» рецензию Алексинского на книгу Богданова [3]. Любопытно.

20 июля (2 августа) 1911 г.

Послано из Финляндии в Бердянск

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 246—247

---

[1] Р. С. Ривлина-Образцова. *Ред.*

[2] Имеется в виду Д. И. Ульянов, день рождения которого 4 августа (1874 г.). *Ред.*

[3] Речь идет о рецензии Г. Алексинского на книгу А. Богданова «Культурные задачи нашего времени» (М.: Изд-во Дороватовского и Чарушникова, 1911). Рецензия помещена в журнале «Современный мир», 1911, № 7, с. 345—348.

«Современный мир» — ежемесячный литературный, научный и политический журнал; выходил в Петербурге с октября 1906 по 1918 г. *Ред.*

1912 г.

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

19-го мая 12 г.

Дорогая мамочка!

Это третье письмо, что пишу тебе отсюда, не знаю, получаешь ли ты их. От тебя писем еще не получала, верно, их просматривают, на днях надеюсь получить. Сейчас принесли передачу от тебя, очень рада была ей — спасибо, голубушка моя. Не помню уж, писала ли я тебе, что получаю больничный обед и молоко каждый день, а также белый хлеб. Собираюсь, кроме того, пить по утрам какао, есть больше яиц, выписать магги в кубиках, чтобы для разнообразия устраивать себе особый бульон. Вообще буду стараться упитываться, чтобы сохранить свои силы в прежнем виде, и надеюсь, мне это вполне удастся [1]. Время летит здесь поразительно быстро, как нигде, кажется. Когда возьмусь всерьез за занятия и книги, пойдет, конечно, еще скорее. Вязанье мое движется довольно успешно, вяжу и кружева и звездочки для салфетки, так что скоро уже всю бумагу вывяжу, ну да это ничего, можно будет еще выписать, благо денег у меня здесь много, человек я запасливый. Гуляю я обыкновенно рано утром, иногда даже до чая, это хорошо, не так жарко бывает. Впрочем, тень всегда можно найти, потому что двор большой. Здесь в тюрьме создается особая психология, которую вольному человеку трудно, даже невозможно понять. Отвыкаешь от воли и потому как-то мало мечтаешь о ней, как о чем-то недоступном, по крайней мере теперь,— больше уходишь в мелкие интересы дня, которые и заполняют его собой. В конце концов ведь все проходит, как хорошее, так и плохое, унывать, значит, не приходится, тем более что ничего, кроме вреда, от этого получиться не может. Видишь, как я философски сейчас настроена, постараюсь на дольше. Да и в конце концов не думаю я, чтобы это сидение уж долгое-то могло быть. Придет и ему конец. Очень мне только хочется, чтобы ты уехала отсюда. Навещает ли тебя кто-нибудь из знакомых? Поцелуй от меня тех, кто это делает. Прошу тебя, думай насколько возможно меньше обо мне, я буду всегда откровенно

[1] М. И. Ульянова, желая успокоить мать, в письме к ней значительно приукрашивает условия своего пребывания в тюрьме. На самом деле она вышла из тюрьмы настолько слабой и больной, что даже полиция Саратова не решилась отправить ее в ссылку немедленно, а вынуждена была разрешить несколько недель пробыть дома. *Ред.*

писать тебе, что и как. Из белья и платья мне сейчас ничего не надо — взяла себе достаточно. Книг тоже забрала.— Ну, буду пока кончать. До свидания, родная моя. Крепко, крепко целую тебя. Береги себя и не волнуйся очень. Я здорова и бодра. Привет нашим и поцелуй Наде [1]. Еще раз целую тебя, моя дорогая мамочка. До субботы.

Твоя *М. Ульянова*

Послано в Саратов из саратовской тюрьмы

Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917. М., 1969, с. 258—259

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

26/V — 12 г.

Дорогая мамочка!

Паки и паки повторяю свою просьбу к тебе и Анечке по возможности скорее уехать из Саратова, чтобы не печься и не дышать пылью. Вот только немало вам предстоит возни с укладкой вещей на лето! Если возможно, я попросила бы уложить мои книги (они лежат на последней полке шкафа) в отдельный ящик, причем часть из них направить мне. Не знаю, какого содержания книги разрешаются для чтения арестованным, жалко беспокоить Анечку, но, может быть, она как-нибудь раз заберет хорошую толику книг и свезет их в жандармское управление, чтобы у меня был некоторый запас. Мне хотелось бы иметь первый и второй тома «Капитала», Лансона [2] по-французски, Шиллера по-немецки, что-нибудь по истории русской и иностранной литературы, вроде Шахова [3], Когана [4], Венгерова [5], может быть, по истории Англии, России что-

---

[1] Надя Голубятникова — племянница М. Т. Елизарова. *Ред.*

[2] Густав Лансон (1857—1934) — французский историк литературы и критик. Профессор Сорбонны. Особой известностью пользуется его «История французской литературы» (1894 г.). *Ред.*

[3] А. А. Шахов (1850—1877) — историк западноевропейской литературы. Был приват-доцентом Московского университета, читал лекции на Высших женских курсах в Москве. Его работы: «Французская литература в первые годы 19 века», «Гёте и его время», «Очерки литературного движения в первую половину 19 века», «Вольтер и его время». *Ред.*

[4] П. С. Коган (1872—1932) — историк литературы, критик. Наиболее известны его работы: «Очерки по истории западноевропейской литературы», «Очерки по истории новейшей русской литературы», «Белинский и его время». *Ред.*

[5] С. А. Венгеров (1855—1920) — историк русской литературы, библиограф. Его перу принадлежат: «Русская литература в ее современных представителях. И. С. Тургенев», «История новейшей русской литературы», ч. 1 и крупнейшая литературная картотека о писателях и их сочинениях. *Ред.*

нибудь [1], английский словарь и какой-нибудь английский роман. Что касается англ.— Туссена [2], то можно и его, хотя пока еще не знаю, хватит ли у меня пороху на него, может быть, и хватит. Кроме того, что-нибудь из беллетристики — Ибаньеса [3], напр. Говорят, хороший перевод «Общественной пользы»[4] «Антик»[5]. Да и дешево эти книжечки стоят, можно купить несколько из них на мои деньги. Я намечаю так, первое, пришедшее на память, так что не надо непременно искать это, можно и другое, что попадется в нашем шкафу. У меня сейчас какая-то жажда книг и чтения, кажется, буду читать запоем! Если бы удалось поумнеть — то-то бы хорошо! Чувствую себя сейчас бодро и хорошо, для гимнастики, с одной стороны, и для чистоты, с другой, мою по утрам пол в своем обиталище. Дело идет пока успешно. Спасибо вам большое за посуду. Кружка и чайник прямо произвели фурор, ложка тоже замечательная. Целое у меня теперь хозяйство! [6] Провизия держится в печи — там прохладнее и мух нет. Купила я себе яиц, масло, которое лежит в холодной воде, сыру, какао, апельсинов и даже изюму для десерта. Больше всего ем, конечно, яиц, хотя и обеду делаю честь. Вообще пока можно только пожелать бы такое настроение продолжалось и дольше.— За это время получила три письма, два от тебя (от 14-го и 18-го) и одно от Митюши. Целую его и благодарю. Ему не пишу, ибо только раз в неделю можно писать, а его очень прошу писать. Ну, листок близится к концу — до субботы. Целую и обнимаю крепко, крепко тебя, мамочка, и Анечку. Будьте здоровы, дорогие мои, чего горячо желает

ваша *Мария Ульянова.*

Послано в Саратов из саратовской тюрьмы

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 261—262

---

[1] *например, Александрова, Джаншиева. *М. У.* (Возможно, М. И. Ульянова имеет в виду Н. Александрова, автора книги «Народное движение во время Великой французской революции». [По Олару.] Спб.: «Зори», 1907; Г. А. Джаншиев (1851—1900) — историк, публицист. Его исследования охватывают период реформ Александра II. Широкую известность Джаншиеву принесли его работы: «Основы судебной реформы», «Исторические справки», «Из эпохи великих реформ». *Ред.*)

[2] Самоучитель английского языка для взрослых по методу Туссена и Лангешейда, составленный Д. Н. Сеславиным (Спб., Иогансон, 1899). *Ред.*

[3] Висенте Бласко Ибаньес (1867—1928) — испанский романист и политический деятель. *Ред.*

[4] «Общественная польза» — издательство буржуазно-демократического направления в Петербурге, выпускало и с.-д. литературу. *Ред.*

[5] О чем идет речь, установить не удалось. *Ред.*

[6] *Маленькая кружка тоже очень кстати, и чайную чашку я расколола. Увы и ах! Впрочем, это хороший признак. *М. У.*

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

16 июня 12 г.

Дорогая мамочка!

На днях получила твое письмо от 10-го. Очень рада была ему, merci, дорогая. Жаль, что вам пришлось немного отложить отъезд из-за парохода, но очень я рада, что вы все же уехали. Надеюсь, что путешествуете хорошо и отдыхаете — буду ждать вестей с дороги. Последнее время погода стоит хорошая: не жарко и не душно, на этой неделе прошла два раза гроза, которая очень освежила воздух и прибила пыль. Хорошо, если бы дожди шли почаще, но в Саратове это, кажется, редко бывает.— У меня все по-прежнему. На днях получила книги, переданные мне Анечкой, взяла Тургенева и перечитываю некоторые рассказы, которые читала давно. Тургенев — один из самых любимых моих писателей, и перечитывать его я могу бесчисленное число раз. Да и правду Аня говорит, что беллетристика легче читается в жару, чем научные книги. Впрочем, я не одну беллетристику читаю, принялась и за Туссена, думаю, что дело наладится и с ним, хотя страшит немного роковой, 13 выпуск. Видите, я стала немного суеверной! Сначала, когда взялась за него, казалось, что все перезабыла, но теперь начинает понемногу припоминаться. Надо бы, наконец, осилить английский язык, а то, право, обидно за столько потраченных напрасно трудов... Купила себе клубков и начала сразу несколько работ, которые меня очень занимают. Стараюсь сменять занятия, чтобы не утомляться. Я получаю теперь двойную порцию молока и два яйца каждый день, стараюсь питаться хорошо, чтобы вы не заметили никакой перемены во мне, когда мы снова увидимся. Пожалуйста, не торопитесь уезжать от Маруси [1], если только вам там нравится. Кажется, она рассказывала, что у нее есть сад около дома, вообще, верно, близко к природе, кажется, и лес близко есть. Когда она гостила у нас, я была очень занята уроками и плохо вникала во все ее рассказы. Ей от меня, конечно, крепкий поцелуй и привет. Ну, что же вам еще сказать про себя? Я здорова совсем, и время, по-моему, идет очень быстро. Авось да скоро и увидимся! Думайте только, пожалуйста, поменьше обо мне... Да, чуть было не забыла. Твою передачу в субботу, мамочка, я получила всю, шарф тоже получила, а также и передачу в четверг 14-го. Ну, пока, кончаю. Крепко обнимаю тебя и Анечку и желаю вам обеим побольше здоровья.

Будьте осторожны, не простужайтесь.

Ваша *М. Ульянова*

Марку и братьям привет. Что это они мне не пишут. Нехорошо письмами считаться.

[1] Мария Андреевна Грачевская — племянница М. А. Ульяновой (дочь ее сестры Екатерины Александровны Залежской). *Ред.*

Чаю у меня много, да я его и мало пью, так что носить его не стоит.

Пусть Аня напишет, что она хочет, чтобы я ей сработала. Еще раз целую. До субботы! Как здоровье мамы?

Послано из саратовской тюрьмы в Ижевск

Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917. М., 1969, с. 271—272

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

$\frac{30}{VI}$ 12 г.

Дорогая мамочка!

На этих днях получила твое и Анечкины письма с Ижевского завода и собиралась писать еще раз туда, а вы уже, оказывается, давно оттуда уехали! Жаль! Хоть бы погода постояла посвежее подольше, а то очень уж вам будет скверно в Саратове. Июнь, как я уже писала, был очень хороший здесь и свежий, а теперь похоже, что опять начнутся жары и духота. Поезжайте еще покататься по Волге, если уже нельзя придумать сейчас никакой другой, лучшей комбинации. Буду надеяться, что хоть осенью вам удастся отдохнуть хоть немного. У меня все идет по-старому, раз заведенному образцу. На этой неделе читала Шахова «Историю французской литературы». Эта книга меня очень заинтересовала. Во-первых, хорошо было для некоторого разнообразия почитать научную книгу, тем более что погода этому благоприятствовала, а потом тема интересная, по которой мне приходилось заниматься в Сорбонне [1]. Я сдавала экзамен как раз по тому периоду, который рассматривается в этой книге. Составлена книга интересно и написана живо, но в отличие от других историков литературы мне показалось, что автор ее вносит слишком много субъективного в оценку событий и деятелей разбираемой им эпохи. Может быть, это придает большую живость его книге и делает ее более завлекательной, но иногда кажется, что он слишком пристрастен. Так, очень резок он в своих нападках на Гейне. Цитаты, которые он приводит из его сочинений, отчасти оправдывают такое отношение, но все же испытываешь некоторый протест. Может быть, впрочем, это происходит от того, что с немецкой литературой я менее знакома. Собираюсь теперь читать Hugo, а потом возьмусь за Шиллера. Вообще книг у меня еще порядочно, надолго хватит. Английский язык двигаю понемногу каждый день. В конце каждой книги (выпуска) приложен краткий очерк из английской жизни и английских обычаев. Особенно подробно излагается все, касающееся обеда,—

[1] В Сорбонне на курсах языков М. И. Ульянова училась в 1908—1909 гг., сдала экзамен на звание учительницы французского языка. *Ред.*

видно, что у англичан это своего рода священнодействие. Очень уже много тонкостей относительно того, с какой стороны положить нож от рыбы и проч. Впрочем, вам ведь это все не новость. Анечка советует не увлекаться рукоделием, это, пожалуй, справедливый совет, но уж очень меня тут одна работа заинтересовала, как закончу ее, буду меньше вязать. Да, ведь это меня нисколько не утомляет. Ну, надо кончать. Листик подходит к концу. До свидания и всяких благ. Будьте здоровы и не беспокойтесь обо мне — я очень заботлива к своему здоровью. Крепко вас целую и обнимаю, мои дорогие. Приветы и поклоны.

М. Ульянова

Анечка, я забыла тебя спросить о Соне [1]. Не знаешь ли, как ее здоровье и кто у нее там еще народился — сын или дщерь. Пошли ей от меня поцелуй. А себя побольше береги!

Послано из саратовской тюрьмы в Саратов

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 275—276

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

14-го июля.

Дорогая мамочка!

Спасибо за простыню и лоскутки для чинки — принялась штопать прохудившееся. Пока из белья ничего больше не надо присылать, всего достаточно. А то, если много здесь накопится, негде будет держать. Если что-нибудь будет нужно, напишу или скажу. У меня все по-старому, и если бы знала, что вы живете в лучших условиях, чувствовала бы себя еще лучше... На этой неделе читала Ибаньеса — нового испанского писателя. Я много слышала о нем и раньше, но на воле как-то не удосуживалась его почитать, хотя собиралась несколько раз взять его из библиотеки. К тому то̀му, что мне прислала Анечка, приложен краткий очерк об Ибаньесе, составленный Фриче [2]. По его отзыву, это самый выдающийся и даровитый беллетрист современной Испании. Прочтя один том, трудно судить о писателе, но то, что прочла, меня заинтересовало. Талант, видно, сильный и оригинальный, но довольно мрачный. Большинство его рассказов кончаются трагически, но пока я прочла из больших вещей лишь «Луна Бенамор» [3], так что, повторяю, мне су-

---

[1] Речь идет о С. Н. Смидович. *Ред.*

[2] В. М. Фриче (1870—1929) — историк литературы и искусства. С начала XX в. был связан с социал-демократическим движением, член РСДРП с 1917 г. Краткий очерк Фриче об Ибаньесе был приложен к 8-му тому полного собрания сочинений Ибаньеса, которое вышло в 16 томах в 1910—1912 гг. в Москве. *Ред.*

[3] Роман В. Б. Ибаньеса «Луна Бенамор» вышел в России отдельной книгой в 1909 г. *Ред.*

дить трудно. Почитаю его и еще с удовольствием. Теперь принялась за Шиллера. Пока приходится довольно часто смотреть в словарь, но думаю, что это оттого, что давно не читала немецкой беллетристики, а потом вчитаюсь, и дело пойдет глаже. Это ведь всегда так бывает со всеми языками, даже с французским я это замечала, хотя знаю его гораздо лучше немецкого. Прочла несколько стихотворений, а теперь принялась и за крупные вещи. Давно я немецкой беллетристики не читала! В прошлом году читала с Fräulein Эллой [1] «Bei Mama»[2], да и то не дочитала, потому что она уехала в отпуск, а у меня одной уж не хватило пороху, или я ее ждала, уже не помню. Конец этого романа уж она мне рассказала. Помню, зимой читала какую-то научную книгу, и она у меня шла легче. Это, должно быть, от привычки зависит. Английский мой идет медленнее, чем бы хотела, но все же каждый день занимаюсь хоть понемногу, так что до тринадцатого выпуска может быть и дойду с божьей помощью. Салфетка, которая вяжется Анечке, подвигается помаленьку, жаль только, что нет у меня мерки с ее комода, не знаю, какого размера она должна быть. Поэтому очень прошу при случае мне сказать, какой величины она должна быть в длину и какой — в ширину. Впрочем, это не обязательно на комод, думаю, что она будет достойна лежать и в зале. Только вот жаль, что все салфетки разных цветов — стиль не выдержан. Ну, да, впрочем, Анечка у меня не очень-то за стилем гоняется. С Антониной [3] в этом отношении было бы, верно, куда труднее. Ну, да ей я и вязать не собираюсь, она сама себе навяжет, еще получше моего. Ну, однако, наболтала всякой всячины, надо и честь знать.

До свидания, мои дорогие, целую вас обеих крепко-накрепко. Пишите иногда, как живете и что у вас там новенького. Большой привет знакомым, которые меня еще помнят. Впрочем, верно, все они поразъехались. Соне [4] поцелуй и поздравление с новой «девой». Гуляйте побольше и беспокойтесь обо мне поменьше. Всяческих благ. Еще раз целую всех.

М. Ульянова

Мамина обновка мне очень понравилась. Что досталось, верно, Ане?

14 июля 1912 г.

Послано из саратовской тюрьмы в Саратов

Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917. М., 1969, с. 277—278

[1] Fräulein Элла — по-видимому, учительница немецкого языка, которая одновременно с М. И. Ульяновой в 1910—1911 гг. работала у В. А. Савельева в Финляндии в качестве домашней учительницы. *Ред.*

[2] «Bei Mama» («У мамы») — роман немецкого писателя Дагоберта Living Гергардта. *Ред.*

[3] Речь идет об А. И. Ульяновой (Нещеретовой). *Ред.*

[4] Речь идет о С. Н. Смидович и ее маленькой дочке Соне. *Ред.*

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

г. Саратов, Царевская, 36,
Марии Александровне Ульяновой

Дорогая мамочка! Пишу с почты, где только что получила твое письмо от 20-го со вложением писем от В., Мити и Ани. Очень была рада — спасибо. Сегодня сняла себе комнату и завтра в нее перебираюсь. Адрес: Казанская площадь, д. Муромцева, кв. Гороховой. Комната хорошая, с большим венецианским окном, обставлена вполне недурно, стоит 10 р. Это не дешево по вологодским ценам, но теперь вообще мало комнат. На днях напишу еще.

Сегодня было письмо от Марка, пишет, что, вероятно, возьмет место в Сибири — жаль!

Обедом очень довольна — и сытно и вкусно. Дама, которая дает обеды, очень хорошая. Погода здесь чудная — так бы целый день и гуляла. Целую крепко тебя и Анечку.

М. У.

Ск.[1] освободили сегодня.

24 ноября 1912 г.

Послано из Вологды

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 288

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

26-го.

Дорогая Анечка!

Сейчас получила твою открытку от 23/XI, принесли мне ее уже домой, так как я оставила на почте заявление. Ты все беспокоишься обо мне, а я-то здоровехонька! Ехали с Марком хорошо, и уехал он в среду лишь потому, что увидел бесполезность дальнейшего своего пребывания в Вологде. Впрочем, когда это письмо дойдет до тебя, он будет уже, вероятно, дома и расскажет тебе все подробно.— Ответа на мое прошение все еще нет. На днях заходила опять к чиновнику справиться. «Да не беспокойтесь вы, устраивайтесь и будьте уверены, что останетесь в Вологде, если бы назначили в уезд, резолюция давно бы была уже получена»... Правитель дел говорит то же самое. Все-таки хочется знать наверное, тогда можно будет приняться за поиски уроков, можно будет и пианино взять. Для последнего, впрочем, надо еще ноты получить.— Марк расскажет тебе, кого из знакомых я тут встретила. Симпатичнее всех мне семья того господина, о котором Марк хотел по-

---

[1] И. Скворцов был выслан в Вологодскую губернию одновременно с М. И. Ульяновой по делу Саратовской организации РСДРП. *Ред.*

говорить в страховом обществе. С женой его познакомилась только на днях — очень она мне понравилась. Одна моя московская знакомая заявляла всегда: если муж хороший, значит, жена дрянь, и наоборот. Я с ней соглашалась, что часто это действительно бывает так, но если посмотришь на эту пару, то видишь, что оба очень хорошие.

Жаль, что никто из привлекавшихся со мной по одному делу не попал сюда (я ведь все же познакомилась с ними, когда ходила в охранное отделение), за исключением, впрочем, Скворцова, которого видела сегодня. Ст.[1]— назначен в Великий Устюг, Лар.[2] в Грязовец, Сим.[3] в Тотьму. Все уж разъехались.

Сейчас на столе у меня стоит букет живых цветов: гвоздика и нарциссы. Это, вероятно, новая моя знакомая принесла мне их сегодня в мое отсутствие. Видишь, как меня здесь балуют. Комната мне моя пока очень нравится, жарко немного, но теперь везде жарко, потому что погода очень уж теплая. Если бы ты знала, как я жалею, что не взяла маленькой плюшки [4] и мелких галош! Ходишь и пóтом обливаешься... Впрочем, это уже некоторое преувеличение. Кормят меня на славу. Хозяйка, которая дает обеды,— хорошая знакомая той дамы, что принесла мне цветы. У нее дочка на курсах, и вот она лезет из кожи, чтобы ей побольше посылать. Но не знаю уж, много ли ей остается, хотя она и 12 р. берет. Дает очень много и разнообразит кушанья. Если не доешь всего — обижается: «Вам, верно, не нравится!».— Сегодня записалась в библиотеку и читаю старые журналы.

От Горки жду письма.

Был у меня на днях с ответным визитом тот присяжный поверенный, к которому дал письмо А. М.[5] (я была у него по приезде, но не застала дома). Он был очень любезен, сидел часа $2^1/_2$ и все звал к себе, но я не пойду — очень много некрасивого рассказывают здесь о нем.

26 ноября 1912 г.

Послано из Вологды в Саратов

Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917. М., 1969, с. 289—290

---

[1] Станислав Станиславович Кржижановский отбывал вологодскую ссылку одновременно с М. И. Ульяновой (по делу Саратовской организации РСДРП). *Ред.*

[2] А. А. Ларионов. *Ред.*

[3] А. В. Симонов. *Ред.*

[4] Плюшевый жакет. *Ред.*

[5] По-видимому, имеется в виду Андрей Матвеевич Лежава.

А. М. Лежава (1870—1937) — член партии с 1904 г. В конце 80-х гг. примкнул к народническому движению. В 1893 г. был арестован, сидел два года в Петропавловской крепости, отбыл пять лет ссылки в Якутии. В ссылке под влиянием Н. Е. Федосеева стал марксистом. Революционную работу вел в Смоленске, Тифлисе, Воронеже, Н. Новгороде, Саратове, Москве. С 1907 по 1916 г. работал в Саратове, был близок к семье Ульяновых. *Ред.*

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

Дорогая Анюточка!

Тебе пару слов. Начинаю с репримаида. Ты когда торопишься, пишешь не всегда удобочитаемо во-1-х, а во-2-х, иногда делаешь какое-нибудь предложение: будет то-то, а почему? Ничего не известно. Но это впрочем все пустяки... А вот почему ты мне не напишешь о Марке. Что он ушел уже совсем из «Саламандры»[1]? И когда же едет в Сибирь. Зря это он. Надеюсь я очень, что пока вы все же никуда не тронетесь и останетесь на той же квартире. Не правда ли? Как теперь мамочкино здоровье и что говорит доктор? Писала ли ты Мите, и что он ответил? Как жаль, что Сергей Андреевич [2] не в Саратове! Что мама еще чувствует?

Я вчера подала прошение о выдаче мне кормовых. Денег ведь я ниоткуда не получаю и не буду получать, так чем же мне существовать! Наверное, скоро выдадут.

Той дамы, которая принесла мне цветы, ты не знаешь совсем, да и я только здесь с ней познакомилась, как же ты хотела ее вспомнить! Знаешь, она вместе с мужем была в Устюге [3] в одно время с сотрудниками «Саратовского вестника»[4] и очень его не хвалит.

Ну, однако мои два слова расплылись. Очень хочется побольше узнать о мамочке.

Говорят, из всей Вологодской губернии климат хуже всего в самой Вологде, так что зимой, я думаю, ей рискованно ездить.

А ты как себя чувствуешь? Здорова ли? Как нервы? Пиши побольше и почаще. Я не жалею, что не видела Соню [5], если бы она хотела видеть меня, могла бы всегда как-нибудь справиться по телефону. С какой стати мне было извещать ее!

Что это за фантастический роман «Инженер Мэнни»[6] написал Богданов — читала ты? Читаешь ли ты «Neue Zeit»[7]? Интересно? Стоит выписать?

Будь, пожалуйста, поосторожнее, не форси в своей новой плюшке, а носи шубу. Придет весна, тогда уже и пофорсишь.

[1] «Саламандра» — название страхового общества, в котором работал М. Т. Елизаров. *Ред.*

[2] Сергей Андреевич, по-видимому, врач. *Ред.*

[3] Устюг — Великий Устюг — в то время уездный город Вологодской губернии. *Ред.*

[4] «Саратовский вестник» — ежедневная общественно-политическая газета, выходила в Саратове в 1907—1916 гг. *Ред.*

[5] С. М. Скляренко — знакомая Ульяновых по Саратову. *Ред.*

[6] «Инженер Мэнни» — фантастический роман А. Богданова (А. А. Малиновского). Перу Богданова принадлежат два художественных произведения: «Инженер Мэнни» и «Красная звезда». *Ред.*

[7] «Die Neue Zeit» («Новое время») — теоретический журнал германской социал-демократии, выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 г. *Ред.*

Ну, до свидания. Целую крепко. Напиши скорее о мамочке.

Твоя *М. У.*

P. S. Твои вирши, конечно, лучше, чем японские — какое же сравнение!

Марку привет! Обещал написать, да так и надул. Привез ли он мои калоши?

Начало декабря 1912 г.

Послано из Вологды в Саратов

«Ждем вестей из Вологды...» Переписка семьи Ульяновых в период вологодской ссылки М. И. Ульяновой. Ноябрь 1912 — сентябрь 1914 г. Архангельск, 1978, с. 18—19

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

Саратов. Царевская, 36
Анне Ильиничне Елизаровой

27-го.

Дорогая моя Анюточка!

Утром отправила вам письмо, а сейчас мне принесли посылку. Чего, чего ты мне только в нее не наложила! Спасибо большое, родная моя! Очень интересно было ее разбирать. Цветы очень красивые, а вкусностей столько, что не знаю когда и поем. Знаю только, что, наверное, никогда ни у кого не было такой сестрички-баловнички. Крепко целую и благодарю тебя и мамочку. Ящик немного раскололся, но все же все дошло хорошо.

Как-то вы проводите праздники, были ли у тебя-то цветочки? Здоровы ли вполне. Часто мечтаю о весне и о том, как вы с мамочкой ко мне приедете. Помнишь, ты мне говорила, что приедешь ко мне ненадолго, если... и т. д. Этого «если» не случится! но ведь ты все же приедешь и надолго?

Поздравляю с новым годом еще раз. Надолго ли уехал Марк? Я начинаю все больше входить в колею, собираюсь почитать, книги, говорят, на днях придут.

Ну, до свидания, дорогая, и пиши. Как живет твой юноша и др. саратовские малыши. С кем из знакомых видишься? Я вполне здорова. На днях иду на концерт и в театр.

Твоя *М. У.*

27 декабря 1912 г.

Послано из Вологды

«Ждем вестей из Вологды...» Переписка семьи Ульяновых в период вологодской ссылки М. И. Ульяновой. Ноябрь 1912 — сентябрь 1914 г. Архангельск, 1978, с. 29

28-го.

Дорогая Анечка!

Сейчас получила твое письмо от 25-го и мамочкину открытку от 24-го. Спасибо, посылка, как я уже писала, дошла хорошо, ничего — не замерзла. Торт ореховый очень вкусный — это ты, верно, у Любочки научилась делать, правда? Хоть кондитерскую открывай. Поедаю все за обе щеки.

Сейчас у меня настроение очень хорошее.— Очень жалко, что послала вчерашнюю открытку...[1].— Это вы хорошо придумали елку делать. А здесь какая дешевизна елок. Хозяйка купила елочку в аршин за 7 коп.! А Гора-то, верно, у вас совсем акклиматизируется. Что слышно у Марка? «Инженер Мэнни» прочла с большим удовольствием и благодарна Марку. Марусину [2] передавай привет, я очень недовольна ими, сами желают беллетристику, а когда им посылают, не потрудятся даже ответить, подходит или нет. Охоту отбивают посылать.

Ну до свидания. Целую крепко тебя и мамочку.

Марку привет. Цветы поставлены на комод.

P. S. Не можешь ли ты мне прислать диктанты Саратова? У меня тут есть один бесплатный урок.

28 декабря 1912 г.

Послано из Вологды в Саратов.

«Ждем вестей из Вологды...»
Переписка семьи Ульяновых
в период вологодской ссылки
М. И. Ульяновой.
Ноябрь 1912 — сентябрь 1914 г.
Архангельск, 1978, с. 29—30

---

[1] Дальше слова густо зачеркнуты и разобрать не удалось. *Ред.*

[2] Маруснн — А. П. Скляренко. *Ред.*

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

11 января 1913 г.

Дорогая Анечка!

Слышно, ты на меня в претензии, что я тебе не пишу. Это, конечно, скверно, но как извиняющий мотив, я приведу тот, что-то настроения нет писать и никому не пишу. Не ответила до сих пор ни Марку, ни Мите, ни Сонечке, ни Лиде [1]. Все откладываю да откладываю. Да и, ей-богу же, нечего что-то писать... Вчера, как ты уже знаешь из маминой открытки, перебралась я на новую квартиру, повторяю на случай адрес: Б. Дворянская, д. Попова, № 27, кв. Ионина. Попала, кажется, к хорошим людям. Елена Прокофьевна [2] их знает и Кубочка [3] тоже. Он ветеринарный врач, их только двое. Пока еще все очень неблагоустроено, потому что они только что перебрались, но надо полагать, все это придет в норму. Живу на бульваре. Весной, верно, будет очень хорошо. До места обеда — несколько шагов, публичная библиотека — рядом. Комната очень большая, два окна, не очень высоко, но для одной воздуха за глаза довольно. Все чисто, потому что квартира только что отремонтирована. Пока пустовато, но скоро хозяева купят еще один стол. Потом кое-что (вроде полки для книг) дает мне Елена Прокофьевна. Она вообще предлагает часть своей мебели — может быть, и удастся воспользоваться ею. Ну что же тебе еще сказать? Получаю на днях второго дарового ученика, платных пока нет. С знакомствами тоже дело плохо клеится. Часто бывает у меня только одна дивчинка (хорошо бы ей достать какую-нибудь ватную кофту или пальто...), очень милая и очень хорошо ко мне относящаяся. На днях со мной была маленькая инфлюэнца (теперь совершенно прошла), я высиживала дома, а она меня навещала и заказала мне обед на дом. Занимаюсь с ней по русским предметам. Настроение у меня сейчас хорошее, и время идет быстро. Публика, начитавшись «Речи» [4], собирается «ехать домой», и сердится на меня, когда я машу рукой... Часто думаю о вас, соскучилась уже порядочно, много здесь виновато, конечно, то, что нет дела.

Как-то ты поживаешь? Ах, если бы Марк устроился в Спб., как бы это было расчудесно! Что он пишет?

---

[1] Л. М. Книпович. *Ред.*

[2] О ком идет речь, установить не удалось. *Ред.*

[3] А. А. Якубова (Тахтарева). *Ред.*

[4] «Речь» — ежедневная газета, центральный орган партии кадетов; выходила в Петербурге с 1906 г. В октябре 1917 г. «Речь» была закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете. *Ред.*

Ну, буду кончать. Скоро напишу опять. Не сердись. Сейчас получила мамочкину открытку от 9-го. Как скоро дошла! Целую крепко вас обеих. Скажи маме, что рыбы я здесь никакой не ем, пусть не беспокоится... Скоро надеюсь получить «одежные» 22 рубля.

М. У.

Послано из Вологды в Саратов

«Ждем вестей из Вологды...» Переписка семьи Ульяновых в период вологодской ссылки М. И. Ульяновой. Ноябрь 1912 — сентябрь 1914 г. Архангельск, 1978, с. 33—34

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

21/I — 13 г.

Дорогая Анечка!

На дворе метель и вьюга, а в моей комнате тепло и уютно, решила побеседовать с тобой сегодня поподробнее. Прежде всего с прискорбием должна тебе сказать, что твоего письма от 11-го так и не получила. Возможно, конечно, что оно завалялось у старой хозяйки, я к ней не собралась сегодня зайти, но на это надежды мало, вернее, что пропало. Напиши поскорее, мне кажется, что я так давно уже ничего от тебя не имела. А раньше ты ведь часто мне писала, я и набаловалась! Как живешь, как себя чувствуешь, как головные боли, не дают ли себя знать? Как мамочка себя чувствует? Будь добренькая и напиши все подробнее... Что касается меня, то на новой квартире я чувствую себя лучше, чем на старой. Воздух лучше, там было немного жарко,— и хозяева очень хорошие люди. Я уже с ними немного подружилась, а это при моей уединенной жизни очень приятно. Болтаем иногда о всяких пустяках. Знаешь, какую грустную весть я узнала о Поле [1]? Оказывается, она была сильно больна, и доктор сказал ей или о ней, что она не дотянет до лета. Не побереглась, верно! Ужасно как ее жаль... Так и погибнет ни за что, ни про что. Видела как-то ее последнюю карточку, и очень она мне там показалась изменившейся. Вероятно, процесс из хронического перешел в острый... Сестра ее устроилась врачом в Вологодской губернии. Отец Поли, оказывается, живет в Верховажье [2].— Ну, что же тебе еще сказать о себе? Живу помаленьку, день за днем,— сутки прочь. Время идет быстро, а путного делаешь мало что-то. Сейчас начала читать интересную немецкую книгу — воспоминания Лили Браун [3], надо поупражняться в немецком

---

[1] А. А. Якубова (Тахтарева). М. И. Ульянова в период ссылки в Вологде была знакома с родственниками А. А. Якубовой. *Ред.*

[2] Верховажье — посад Вельского уезда Вологодской губернии, ныне районный центр области. *Ред.*

[3] Лили Браун (1865—1916) — немецкая социалистка и писательница. Два тома ее мемуаров «Memoiren einer Sozialistin» («Записки социалистки») на немецком языке вышли в 1909—1911 гг. Возможно, об этих воспоминаниях пишет М. И. Ульянова. *Ред.*

языке, а то скоро придут выписанные журналы — будешь, пожалуй, их плохо понимать. Французские книги беру в библиотеке, а за английский язык все еще путем не принялась. Скоро, верно, получу уже Туссена, которого выписала из Питера. Много времени берет чтение газет, новых журналов и мои бесплатные уроки. Платных пока увы и ах! Все еще нет. С двенадцатирублевого урока меня, оказывается, потурили потому, что хотели непременно мужчину, чудаки, не сказали этого прямо — лучше бы было. С публикой здешней что-то не схожусь — верно, в уездах интереснее... Познакомилась кое с кем из учительниц. Учительница французского языка ухватилась что-то за меня, звала к себе и ко мне вызвалась прийти. Интересуют ее некоторые мои французские книги, а они еще в Саратове! Как тут быть? Посылать просить что-то уж неловко!

Пианино ко мне сейчас поставить нельзя — не влезет в мой мезонин. Да меня и не очень тянет сейчас играть. Хотелось бы почитать, да и это что-то плохо удается. Последние дни были такие солнечные, хорошие, так и тянет погулять. А как пойдешь — так и пропадешь, глядишь и обедать пора идти. Одно хорошо, что время скоро идет — вас скорее увидишь. Комната у меня сейчас очень большая и очень чистая, и спокойно в ней очень. Хорошо и то, что близко от всего. Библиотека рядом, обед через четыре дома.— В семье, о которой писала по приезде сюда, редко бываю. Там уж какие-то очень сложные (или, может быть, очень уж несложные) семейные отношения с двумя женами. Я как-то к этому не могу приспособиться. Кстати, мусью этого Марк предполагает устроить к Беккеру [1]. Так, он просит сообщить все подробности, где служит и прочее — и говорит, что ни на постройках, ни на железной дороге никогда не служил. Местом, видимо, очень заинтересовался.

Ну, однако, надо кончать. Это я тебе так расписалась, а вообще мало пишу. Соне [2] так и не ответила еще. А Ел. Ив.[3] ответила, а она не пишет, отчего это?

Крепко целую тебя и мамочку, Марку привет.

Твоя *М. У.*

Покойной ночи, моя маленькая милая мамочка!

Как живут Гора и мои девчоночки [4]? С кем из публики видаешься?

Послано из Вологды в Саратов

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 294—295

---

[1] Б. В. Беккер — товарищ М. Т. Елизарова по Петербургскому университету — инженер путей сообщения. *Ред.*

[2] С. Н. Смидович. *Ред.*

[3] О ком идет речь, установить не удалось. *Ред.*

[4] По-видимому, имеются в виду дочери А. М. Лежавы — Ольга и Нина. *Ред.*

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

Дорогая Анечка!

Большое спасибо тебе за письмо. Очень рада была ему и очень меня тронуло, что ты ко мне обратилась за советом относительно Горы. Но вопрос о том, брать его или нет, настолько трудный, что я боюсь что-нибудь советовать. Не знаю, как будет лучше и для него и для тебя. Очень возможно, конечно, что после твоего отъезда он будет гастролировать к людям, которые смогут повлиять на него и в нежелательную сторону, а может быть, этого и не будет. Трудно все предусмотреть. С одной стороны, мне кажется, присутствие такого малыша много может дать, а с другой — страшно, что слишком уж много он у тебя сил и времени будет отбирать. Попробуй, правда, взять его сначала, во всяком случае, на время только (если вообще решишь взять) к Мите или ко мне (ты ведь приедешь ко мне-то?). Не стал бы он тебя утомлять целыми-то днями? Жаль-то его, конечно, жаль, но, повторяю, я боюсь и не берусь советовать. Тебе все же виднее. Жаль, конечно, что и Марк не вместе будет жить, тогда бы совсем другое дело. А ведь мамочку-то я стремлюсь сюда забрать! Ей-богу, голубушка моя, не знаю, что советовать. Может быть, на днях напишу еще тебе об этом, а сегодня ограничусь этим.

Уехал ли Марк? Когда думаете ехать к Мите? Здесь все ждут гнилого дождливого лета: два года подряд лета были жаркие и снега очень уж много в эту зиму. Не знаю, как и звать вас сюда на лето, особенно в город.

— Что Марк утопист и оптимист — это давно известно, а ты-то что с него пример берешь? Ай-ай-ай!

Удивляет меня, что Ел. Ив. не отвечает, очень удивляет и боюсь, не обиделась ли она на меня за что-нибудь. Хотя, кажется, не на что. Ты ей, впрочем, ничего не говори, кроме того, что я жду письма. У нас тут такие откровенности пошли. Но это только между нами.— Поезжай, Анечка, в Москву лучше. Там ведь тоже литературная работа может быть, что и в Спб.

Целую тебя крепко. Пиши чаще. Скоро напишу опять.

М. У.

Ранее 2 февраля 1913 г.

Послано из Вологды в Саратов

«Ждем вестей из Вологды...» Переписка семьи Ульяновых в период вологодской ссылки М. И. Ульяновой. Ноябрь 1912 — сентябрь 1914 г. Архангельск, 1978, с. 36

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

Саратов, Царевская, 36,
Анне Ильиничне Елизаровой

10-го.

Дорогая Анечка!

Вчера получила твое и мамочкино письмо и книги, а сегодня утром посылку. Спасибо тебе, дорогая моя, за все. Очень рада была мамочкиной карточке — мне так и казалось, что ты мне ее пошлешь, и уже водрузила ее над своим письменным столом. Спасибо и за конфеты. Куда это только такое количество! Баловничка моя дорогая, совсем ты меня забалуешь. Коробка такая роскошная, что жалко ее даже развязывать. Это, верно, тебе Марк купил, а ты мне отдавать!

Поцелуй крепко мамочку за сорочки и то же самое попроси мамочку сделать твоей персоне.

Корнилову [1] была очень рада — хочется его почитать.

Еще раз спасибо.

Будьте здоровы, родные, не простужайтесь и берегите себя.

М. У.

P. S. На днях напишу тебе для Горы способ знать таблицу умножения без заучивания ее — Мите он понравился.

10 февраля 1913 г.

Послано из Вологды

«Ждем вестей из Вологды » Переписка семьи Ульяновых в период вологодской ссылки М И Ульяновой Ноябрь 1912— сентябрь 1914 г Архангельск, 1978, с. 37—38

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

1/III.

Дорогая Анечка! Вчера получила ваши письма от 26/II и сажусь написать более обстоятельно, а то ты все вон недовольна. С чего же начать? Последнее время у меня что-то ни на что недостает времени. Объясняется это отчасти тем, что я имею сейчас 2 урока, к которым приходится иной раз готовиться, особенно по математике. Давно я ею не занималась и многое забыла. Уроки такие. В одном доме репетирую каждый день мальчишку-балбеса часа $1^1/_2$ и получаю за это 18 руб., в другом — двух девиц-гимна-

[1] Возможно, речь идет об А. А. Корнилове (1862—1925). Историк, кадет. С 1909 г.— профессор Петербургского политехнического института, где читал курс истории России XIX в. Часть лекций вышла в 1912 г. *Ред.*

зисток 3-го и 5 классов, тоже каждый день и получаю 25 рублей. И тот и другой уроки у содержателей здешних гостиниц! Второй у купца-богатея. Раньше они платили учительнице 30 рублей, да и немецкого она не знала, уезжая передала другой. Ей уже дали 25. Я, было, пыталась получить тоже 30, как и первая, да не удалось или не сумела настоять. Впрочем, и то хорошо. Девочки славные, уроки учат сами, занимаюсь с ними главным образом по языкам и математике. Иногда придешь, они встречают: «Сегодня нечем заниматься!» Тогда, обыкновенно, старшую — читать по-французски, а меньшую — делать задачки. Навертываются и еще кое-какие уроки.

Ну-с. На днях перебираюсь на новую квартиру: Екатерининско-Дворянская, 40. Хочет со мной (с 9-го/III приблизительно) поселиться тетушка с сыном. Если она поселится, то проживет до начала мая приблизительно. Пишите, как решаете: ехать к Мите или нет. Если думаете скоро приехать сюда, я ее совсем не пущу. Но мне думается, вы захотите пожить у Мити. Вологда — не велика радость. А, пожалуй, все же лучше всего вам поехать в Крым, там поживете месяца $1^1/_2$, а потом уже ко мне. Пишите скорей. Переезжаю затем, чтобы не пропустить квартиры, которая мне кажется подходящей для нас. Может быть, вы мой выбор не одобрите, ну тогда можно будет сменить, летом выбор будет больше. Одно несомненно, что она очень дешева, многие мне говорили, что другой такой не найти и потому желающих на нее было много, мне отдали лишь потому, что мой знакомый, живущий в том же доме и хорошо знакомый с хозяином дома, замолвил за меня слово.

Квартира небольшая, но симпатичная. На первое время устроимся в ней, а там видно будет. Мебель дает тетушка... Может быть, Анечка, даже телеграмму дашь, если думаете приехать раньше, чтобы тетушку не пускать. Или у вас у самих не выяснено?

Жаль мне старых моих хозяев, но мы порешили ходить друг к другу в гости. И жилицу я им, кажется, что найду.— Там будут знакомые рядом. Иногда здесь весна бывает хорошая, а иногда плохая, а летом вот, верно, всегда плохо в городе. Как-то будет?

Ну крепко целую обеих.

Как мамочка живет?

М. У.

На новой квартире рядом живут знакомые, которые мне во всем помогают. Даже переговариваться можно в кухне из одной квартиры в другую.

Чуть было не забыла, что должна составить список вещей, которые мне нужны здесь. Пошли, пожалуйста: 1) все французские книги, учебники, грамматики и пр. (там же журнал Le petit journal или что-то в этом роде). Затем летние и весенние вещи. Летние

кофты (материю на летние кофты, купленную в прошлом году), костюм, стокгольмскую шляпу и соломенную. Парижскую не стоит посылать, да и иеудобно это. Больше сейчас что-то не могу вспомиить. Если вспомню, напишу иа диях.

Все думаю, как вам лучше устроиться. Может быть, было бы лучше сюда приехать раньше, чтобы на лето, иа жаркое время уехать, хоть в Финляидию, что ли. Не знаю, что и советовать вам. Летом ведь в городе плохо жить, а окрестности, говорят, плохие. Хотя на даче где-то устраиваются все же, верст за 10, что ли. Но как? Надо будет расспросить. А вы все же меня известите как-нибудь, что мне с теткой-то делать. В крайнем случае, конечно, можно бы выставить ее в комнату. Может быть, вообще напрасно всю эту волынку с квартирой завела, но ведь расходы небольшие, вся мебель даром и квартира дешевая.

Ну, жду ответа.

Целую крепко. *М. У.*

Ты как-то писала тетке недавио, а оиа потеряла твое письмо, не успев его прочесть, и все охает по этому поводу.

Целую крепко, крепко мамочку.

1 марта 1913 г.

Послано из Вологды в Саратов.

«Ждем вестей из Вологды...» Переписка семьи Ульяновых в период вологодской ссылки М. И. Ульяновой. Ноябрь 1912 — сентябрь 1914 г. Архангельск, 1978, с. 45-47

Н. К. КРУПСКОЙ

Frau N. Uljanoff. Poronin. Galizien Osterreich
Австрия

28. V.

Дорогая Надя!

Сейчас получила твое письмо. Почти не сомневаюсь, что мальчик наш проехал, он должен был ехать сейчас после экзаменов. Видеть его здесь мне не удалось, хотя я пыталась. На случай запрошу сегодня, но, повторяю, это совершенно невероятно.

Дядя хотел приехать в июне, но числа точно не знаю [1].

Целую тебя и В. Твоя *М.*

P. S. Мама кланяется всем.

28 мая 1914 г.

Послано из Вологды

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917, М., 1969, с. 329

[1] Письмо, по-видимому, носит конспиративный характер. О ком идет речь, установить не удалось. *Ред.*

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

Петроград. Греческий пр., д. 17, кв. 18,
Марии Александровне Ульяновой

10/V — 15 г.

Дорогая мамочка!

Пишу тебе из Тисменицы, куда приехали вчера. Надеялась получить здесь ваши письма, но оказия их забыла, сказали только, что лежат во Львове два. На днях будет, вероятно, еще оказия, а не то сама съезжу во Львов за ними. Тогда напишу большое письмо, потому что не уверена, что это дойдет отсюда. Нового адреса не даю, потому что еще не знаю хорошенько, где обоснуюсь. Пишите пока на Львов. Я здорова. Публика у нас очень хорошая и заботливая. Живем дружно. Занимаем сейчас большой станционный дом, оставленный австрийцами. Хотят здесь устроить амбулаторию и столовую. Ну, пока до свидания, дорогие, будьте здоровы. Целую крепко.

М. У.

Сейчас получила 4 письма ваши — спасибо.

Послано из Тисменицы

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 369

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

Петроград. Греческий пр., д. 17, кв. 18,
Марии Александровне Ульяновой

27/V.

Дорогая мамочка!

Сегодня получила ваши открытки от 20 и 22. Одна с васильками. Устраиваюсь я здесь как-то глупо и сейчас вместо того, чтобы ехать отыскивать Ст., возвращаюсь в свой отряд. Правда, с одной-то стороны это резонно. К нему едва ли проберешься, а ото всех отстанешь. Еду сейчас в Тисменицы (это селение, а не река — скажи Ане). Там полное спокойствие и тишина, но писать оттуда трудно, так и знайте, если не будет писем от меня. Впрочем, постараюсь писать при первой возможности. Целую крепко и шлю приветы. Будьте здоровы.

М. У.

27 мая 1915 г.

Послано из Львова

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 370—371

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

Петроград. Греческий пр., д. 17, кв. 18,
Марии Александровне Ульяиовой

6/VI.

Дорогая мамочка!

Сегодня уезжаем на лошадях в Сокаль. Пока не даю адреса, потому что ие знаю, где мы обоснуемся, ио на Львов больше не пиши. Вероятно, дам телеграмму об адресе. Наш отряд растерялся с переездами, и теперь нас только трое, но наш уполномоченный — писатель Серафимович — с нами. Может быть, отыщем и остальных. Крепко обнимаю тебя, дорогая, и Анечку.

Будь здорова. Твоя *М. У.*

6 июня 1915 г.

Послано из Львова

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 371

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

Петроград. Греческий пр., д. 17, кв. 18,
Марии Александровне Ульяновой

13/VI.

Дорогая мамочка! Писала тебе третьего дня. Своего адреса не даю, потому что сейчас еду поискать еще Ст., а потом поеду сама, еще не знаю куда. Может быть, вернусь к вам, а может быть, съезжу еще куда-нибудь. Пока еще сама ие зиаю, что с собой предпринять. Жаль, что ничего ие получаю от вас. Одии офицер ехал в полк Ст. и обещал мне справиться о ием. Напишет вам. Владимир-Волынский скверный городок, но пока еще я со своей публикой, и мне хорошо. Крепко целую и желаю всего лучшего. Будьте здоровы.

М. У.

13 июня 1915 г.

Послано из Сокаля

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 371—372

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

Петроград. Греческий пр., д. 17, кв. 18,
Марии Александровне Ульяновой

24/VI.

Дорогая мамочка! Подъезжаю к Москве, где пока и останусь. Пожалуйста, напиши тотчас же, какие есть вести о Ст. Я кое-кого просила известить о нем, и, вероятно, что-нибудь уже получено. В Москве у меня есть некоторые дела, а потом уже смогу приехать к вам. Но раньше напишите на Ольгу Ив.[1]. Здорова ли ты, дорогая?

Целую крепко. *М. У.*

24 июня 1915 г.

Послано из Москвы

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 372

В. И. ЛЕНИНУ и Н. К. КРУПСКОЙ

27/X—15 г.

Прилагаемая платформа отражает умонастроение передовых слоев московского пролетариата [2]. Она была проведена через районные собрания Московской организации.

Корней у этой организации мало, и они не глубоки. О настроении широких масс ничего определенного сказать не могу. Оно выражается в целом ряде забастовок. Но забастовки эти ни в Москве, ни в губернии не выдвигают политических лозунгов, хотя и отличаются единодушием. Часто затягиваются. Получаемые уступки (повышение заработной платы) отстают от обостряющейся дороговизны.

Забастовка на зав. «Динамо» (Симонова слобода) привела к закрытию завода. Военнообязанных (250 чел.) отправили к воинскому начальнику. Требовали освобождения арестованных членов правления больничной кассы и секретаря. На этом заводе успешно и в большом количестве вырабатывались шрапнельные снаряды. Завод стоит уже недели две.— Охранка работает как никогда. В одиночках сидят по двое. Обысков почти не делают. Хватают на улицах, чистят Москву.

---

[1] О ком идет речь, установить не удалось. *Ред.*

[2] По всей вероятности, речь идет о платформе московских большевиков по вопросу о войне, изложенной в «Прокламации Московской организации РСДРП (б) против войны». *Ред.*

Потребность получить политически руководящий центр мучает сознательных. Целый ряд попыток созвать межрайонное собрание для выбора Московского комитета и для выработки платформы не удался. Решено создать временно Московский комитет из выбранных по районам. Пять районов выбрали. Было первое чисто организационное собрание. Следующее должно было рассмотреть и поставить штемпель временного МК под прилагаемыми документами. Новые аресты в связи с текущими забастовками не дали пока возможности вторично собраться. При таких выборах состав получается для политического руководства малоспособный, но все же единомыслящий.

Нужен опытный техник для постановки регулярного выпуска листков. Нужное для этой постановки имеется. Нужен опытный секретарь для МК.

К. К.[1] шлет привет. Постараемся писать, зачеркнутое в листках — литературная группа при МК, но об этом не печатайте [2].

Послано из Москвы в Берн

Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917. М., 1969, с. 388—389

---

[1] Карл Карлович — М. И. Ульянова. *Ред.*

[2] Первая половина письма почти целиком опубликована в виде корреспонденции в газете «Социал-демократ» № 49, 21 декабря 1915 г., в разделе «Состояние работы в Москве». *Ред.*

1916 г.

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

6 января.

Дорогая мамочка!

В день приезда написала тебе открыточку, а сегодня хочу написать побольше. Вопрос о нашем отъезде все висит в воздухе, сегодня слышишь одно, а завтра — другое. Побуду еще в нем, а другого места теперь брать не хочу, потому что хочется устроиться с тобой. Может быть, поедем куда-нибудь вместе с ранней весны. Куда бы только поехать-то? Дома, когда я приехала, нашла у себя цветущий гиацинт. Это хозяйка сама вывела из прошлогодних луковиц. Сегодня праздник, на службу не иду, а вечером пойду на елку к своему принципалу. А сейчас думаю пойти к Сонечке, посмотреть, как они живут.

От Ст. было письмо на днях, он пока все в том же местечке, но здоровье его, по-видимому, хуже.

Подорожников у меня так много, что достанет надолго, спасибо Анечке и тебе. Как-то она добралась с вокзала? Буду ждать от нее весточки. Как-то пусто и одиноко здесь без обеих вас.

Будь здорова, дорогая, берегись. Крепко тебя и Анечку целую и жду вестей.

Твоя *М. У.*

P. S. Горке спасибо за стихотворение.

6 января 1916 г.

Послано из Москвы в Петроград

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 401

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

Здесь. Охранное отделение, для заключенной
Анны Ильиничны Елизаровой

24-ое.

Дорогая Анечка!

Боюсь, что я расстроила тебя своей нервностью сегодня на свидании. Только не думай, что мы живем недружно,— и для Марка и для Горы я все сделаю, что смогу, хотя бы только потому, что ты их любишь. Да и мне ведь хочется, чтобы им лучше было, потому

я и заговорила о Горе. Будь спокойнее, родная, и береги свое здоровье — это важнее всего. Вероятно, ты меня бранишь за филипповский калач? Я как-то чувствую это на расстоянии. Но он был такой соблазнительный, горячий.

Ну, до свидания, дорогая. Иду спать. Крепко тебя целую.

Маня

24 августа 1916 г.

Послано из Петрограда в петроградскую тюрьму

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 425

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

Дорогая Анечка!

Пересылаю тебе Митино письмо. От Володи уже очень давно ничего не было. Недавно Марк получил письмо от Б. В. [1]. Вот что он пишет о маме: «Разумеется, все идет своим чередом и неизбежно приходит к одному концу. Но грустно думать, что нет уже Марии Александровны, необыкновенного и милого человека. Кто знал ее хоть немного, уж никогда не забудет редко милого, простого и приветливого, но величавого ее образа. У меня он хранится бережно, и в нужные минуты я о нем думаю. И в этих думах создаются хорошие решения. Удивительно цельная была жизнь. Не многим удается так прожить. Трудно Анне Ильиничне переживать такое горе».

Милый какой — правда?

Сейчас иду на службу, тороплюсь, поэтому пишу мало.

Будь здорова, моя родная. Твоя *М. Ульянова*

Сентябрь, позднее 12, 1916 г.

Послано из Петрограда в петроградскую тюрьму

Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917. М., 1969, с. 426—427

---

[1] Б. В. Беккер. *Ред.*

1917 г.

ТЕЛЕГРАММА В. И. ЛЕНИНУ

Петроград 5 апреля 1917 [1]

Кробби Владимир Стокгольм

Статьи получены и напечатаны [2]. Полная солидарность. Присылайте статьи. Коллонтай прибыла. Ваш приезд желателен, но избегайте риска.

Ульянова

Послано из Петрограда в Стокгольм для пересылки в Цюрих

Ульянова М. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. М., 1978, с. 204

---

[1] Дата принятия телеграммы в Стокгольме. *Ред.*

[2] Имеются в виду «Письма из далека. Письмо 1. Первый этап первой революции. Письмо 2. Новое правительство и пролетариат». 21 и 22 марта (старого стиля) 1917 г. в газете «Правда» № 14 и 15 было опубликовано с сокращениями «Письмо 1» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 9—33; т. 49, с. 407). *Ред.*

1918 г.

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

Дорогая Анечка!

Пользуюсь оказией, чтобы с тобой немного поразговаривать. Сталин обещал сегодня позвонить в Одессу или Севастополь или послать экстренную военную телеграмму [1].

Завтра мы, вероятно, переедем в Кремль — я буду жить с Володей. Все здесь пока очень плохо организовано, но, думаю, потом наладится. Может быть, Митя уже в Феодосии,— я, к сожалению, не знаю его адреса там.

Что же у вас? Когда думаете двигаться [2]? Поскорее бы.

На этих днях много оказий из Питера — можно бы кое-что послать. Очень бы мне хотелось получить «Правду» полностью и маленькую тоже. Может быть, можно бы отправить для Володи с Верой Михайловной [3] или Троцким.

С пищей здесь, по-видимому, лучше. Молока много, продают и в лавках, и на улицах, и других продуктов больше.

Ну, пока до свидания.

Целую крепко.

Приветы Марку и Горе.

Писать можно на Дрезден [4], вероятно, буду там работать.

Твоя *М. Ул.*

Между 12 и 19 марта 1918 г.

Послано из Москвы в Петроград

Печатается впервые, по рукописи

[1] Речь идет о поисках Д. И. Ульянова, находившегося в это время в Крыму; с марта 1918 г.— нарком здравоохранения Советской Республики Тавриды. *Ред.*

[2] Имеется в виду переезд А. И. Ульяновой-Елизаровой и М. Т. Елизарова из Петрограда в Москву. *Ред.*

[3] В. М. Величкина (Бонч-Бруевич). *Ред.*

[4] В помещении гостиницы «Дрезден» в то время (до 11 июня 1918 г.) находилась редакция газеты «Правда» (Скобелевская, с мая 1918 г.— Советская площадь). *Ред.*

1922 г.

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

24/VII.

Дорогая Анечка!

Пишу тебе только два слова, т. к. хочу, чтобы письмо пошло сегодня же. Кажется, по понедельникам отправляют дипкурьеров.

У нас все идет по-прежнему. Немного только Володя [1] повредил себе усиленным чтением газет, но теперь опять приходит в норму.

Вчера был здесь Б. С. [2] Он очень милый, и я была очень рада видеть его.

Остальные все живут по-прежнему. Няня Ляльки [3], кажется, хорошая.

А как ты доехала и устроилась? Довольна ли?

Пиши чаще.

Целую крепко. Твоя *М. Ул.*

24 июля 1922 г.

Послано из Москвы в Ригу

Печатается впервые, по рукописи

ИЗ ПИСЬМА А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

1/VIII.

Дорогая Анечка!

Твое письмо от 21/VII получила только вчера, письмо к Мите пришло дня на 4—5 раньше...

По-моему, ты должна сейчас подумать о себе и позаботиться о том, чтобы набраться побольше здоровья.

...Ал. Федор.[4] на несколько дней [едет] в Москву лечиться, берут и Лялю с собой. Значит, Митя будет не один.

У нас по-прежнему. В.[5] понемногу поправляется. Читает газеты, гуляет. Ему хорошо бы прислать или привезти сливочных конфет — он их когда-то любил.

У меня новость: я учусь фотографии и уже сделала несколько снимков. Если выйдут удачно, пошлю тебе.

Пиши, как устроилась и как нравится там. Желаю от всей души хорошо отдохнуть и крепко целую, дорогая.

1 августа 1922 г.

Твоя *М.*

Послано из Москвы в Ригу

Печатается впервые, по рукописи

---

[1] В. И. Леннн. *Ред.*

[2] Борис Соломоновнч Вейсброд — профессор-хнрург, член КПСС с 1904 г. Прнннмал участне в леченин В. И. Леннна. *Ред.*

[3] О. Д. Ульянова. *Ред.*

[4] Александра Федоровна Ульянова — жена Д. И. Ульянова. *Ред.*

[5] В. И. Леннн. *Ред.*

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

7/VIII.

Дорогая Анечка!

Вчера получила твое письмо от 28/VII. Долго же идут письма! Сегодня уезжает Ферстер [1], и я хочу попросить его взять письмо с собой. Может быть, так будет скорее.

У нас все по-прежнему. Володя поправляется, но изредка припадки все же повторяются. Говорят, сразу не пройдет. В общем, он теперь больше стал слушаться, хотя, кажется, мои заботы уже ему надоедают.

Ферстер через две недели вернется опять. Я этому рада — при нем спокойнее. Он такой славный.

Митя теперь увлечен охотой.

Витюшка [2] здоров и живет хорошо.

Поправляйся ты хорошенько, дорогая. Газеты попрошу тебе высылать.

Я теперь занята нашим совхозом. Тут будут введены всякие улучшения, посажены новые растения и пр.

Поеду на днях посмотреть один образцовый совхоз, о котором мне говорил Вейсброд. Он бывает у нас здесь по воскресеньям. Еще дней 10 он пробудет в России, а потом уедет за границу месяца на 2.

Ботинки у меня есть. Трать меньше на меня и больше на себя, дорогая. Мерку Вити пришлю.

Ну целую крепко, дорогая. Будь здорова.

Твоя *М. У.*

7 августа 1922 г.

Послано из Москвы в Ригу

Печатается впервые, по рукописи

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

9 авг.

Дорогая Анечка!

Твое письмо от 2/VIII получила вчера. Писем в общем я получила штуки на 2 меньше, чем ты посылала. Отвечаю же скоро.

У нас все в порядке. Волноваться нечего. Когда я была в прошлом году в Крыму, то и совсем ни писем, ни газет не получала. Что

---

[1] Отфрид Ферстер — профессор-невропатолог, принимал участие в лечении В. И. Ленина. *Ред.*

[2] Виктор Дмитриевич Ульянов — сын Д. И. Ульянова. *Ред.*

же касается Горы, то позвоню сегодня Мите и спрошу о письмах, но думаю, что так скоро писем ждать нельзя.

Тороплюсь отправить письмо, ибо завтра летит Крестинский, и я надеюсь отослать письмо с ним, а об оказии в город узнала только сейчас.

В. [1] лучше. Я тоже стала поправляться и гуляю.

Целую крепко, родная. Не сердись на короткие письма. Будь спокойнее и поправляйся.

Привет от всех.

Прилагаю письмо Вари [2] и мерку Витиной ноги.

Твоя *М. У.*

9 августа 1922 г.

Послано из Москвы в Ригу

Печатается впервые, по рукописи

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

14/VIII.

Дорогая Анечка!

Пишу я тебе часто и, надеюсь, ты получила уже теперь мои письма. Горино письмо Митя послал, оказывается, по почте, так оно и идет долго.

Было бы очень неразумно, если бы ты прервала свой отдых. На днях я послала тебе по этому поводу телеграмму — получила ли ты ее?

У нас все по-прежнему. В.[3] поправляется медленно, но все же поправляется. М.[4] увлекается охотой.

Ребята здоровы.

Я тоже уже значительно окрепла и покраснела. Увлекаюсь грибами, хотя их пока мало.

Погода здесь идет на дождь, барометр падает. Если думаешь здесь отдохнуть, боюсь, что ничего не выйдет — не схватить бы малярию.

Не сердись, что письма выходят такие скучные, но ведь и разнообразия у меня мало.

Целую крепко.

Поправляйся.

Твоя *М. Ульянова*

---

[1] В. И. Ленин. *Ред.*

[2] Варвара Игнатьевна Кукуева, жившая в 1918 г. в семье А. И. Ульяновой-Елизаровой в качестве домработницы. *Ред.*

[3] В. И. Ленин. *Ред.*

[4] Д. И. Ульянов. *Ред.*

На днях у В.[1] был председатель Азербайджанской республики [2], который собирается теперь писать о том, как он хорошо выглядит и как он-де молод на вид.

Если можешь, пошли от меня Клявину благодарность за цветы и записку.

М. У.

14 августа 1922 г.

Послано из Москвы в Ригу

Ульянова М. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. М., 1978, с. 205

ИЗ ПИСЬМА А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

17/VIII.

Дорогая Анечка!

От тебя что-то давно нет писем. Так как ты писала в одном из предыдущих писем, что думаешь уже о возвращении, то я не посылаю тебе последнего письма Горки, полученного на днях. Боюсь, что разминуетесь. Он пишет, что очень доволен поездкой, гуляет по Лондону, ходит каждый день в синема, купил себе все нужное: костюм, кепи, ботинки и пр. ...

У нас все пока хорошо, не знаю, как дальше будет. В. лучше, скучает только, особенно когда дождь и нельзя гулять. Хорошо еще, что погода пока что сносная. Я опять стала ходить за грибами, раз даже далеко ходила, но больше собираю в парке.

Как-то ты поправляешься, боюсь, что плохо, надо бы срок увеличить, а то не запасешься здоровья на зиму. Лялька растет и стала очень славной девчуркой. Будет, должно быть, папина дочка.

Ну сейчас едут. Кончаю. Смотри же, Анечка, не торопись ехать, отдохни хорошенько.

Целую тебя крепко.

Привет от наших.

Твоя *М. Ульянова*

17 августа 1922 г.

Послано из Москвы в Ригу

Публикуется впервые, по рукописи

---

[1] В. И. Ленин. *Ред.*

[2] Председатель Азербайджанского ЦИК С. А. Агамали-оглы был принят В. И. Лениным 11 августа 1922 г. в Горках. *Ред.*

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

Дорогая Анечка!

Поздравляю тебя со днем именин и крепко целую. Главное мое пожелание: чтобы ты была здорова и покойна.

С квартирой все образуется.

Володя просит передать поздравление и привет.

Еще раз целую.

М. Ульянова

9 сентября 1922 г.

Послано из Москвы в Ригу

Печатается впервые, по рукописи

1923 г.

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

Дорогая Анечка! Каждый день собиралась тебе писать и вот только сегодня собралась. Дела у нас в общем идут ничего, и только на днях была одна бессонная ночь. Очень заинтересовал учитель речи, к словам которого относится со страшным вниманием. Человек этот, по-видимому, знающий свое дело, производит хорошее впечатление. В.[1] бывает очень много на воздухе, поэтому, вероятно, и спит лучше.

Что касается меня, то я стала спать как убитая и иногда с вечера до утра так и не проснусь ни разу. Погода довольно свежая здесь, перепадают дожди.

Как-то ты доехала и устроилась? Пыталась я тебе звонить в воскресенье, но оказалось уже поздно.

Буду ждать писем.

Целую крепко, дорогая, береги себя и отдыхай.

Поцелуй маленького.

Твоя *Маня*

25/V

25 мая 1923 г.

Послано из Москвы в Евпаторию

Печатается впервые, по рукописи

ИЗ ПИСЬМА А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

30/V.

Дорогая Анечка! Письмо твое получила, спасибо за него. Теперь жду вестей, как ты устроилась и как чувствуешь себя.

У нас все более или менее по-старому. В общем, В.[1] чувствует себя на даче[2] лучше...

---

[1] В. И. Ленин. *Ред.*

[2] Имеются в виду Горки, куда больного В. И. Ленина перевезли 15 мая 1923 г. *Ред.*

Я тоже чувствую себя здесь лучше и сплю и гуляю немного. Собираюсь еще соленые ванны себе делать по совету Гетье [1].

Ну вот все, что могу сообщить тебе нового.

Целую крепко.
Твоя *М. Ульянова*

30 мая 1923 г.

Послано из Москвы в Евпаторию

Печатается впервые, по рукописи

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

3/VI 23.

Дорогая Анечка!

Пишу тебе уже третье письмо, а от тебя получила только одно. Как-то ты там устроилась и чувствуешь себя?

У нас все более или менее по-старому. У В.[2] как будто несколько лучше идет речь (главным образом повторения), остальное, в общем, то же. Последнее время здесь очень холодно, и на воздухе мало удается быть. Все же состояние его как будто лучше, чем прежде.

Здесь сейчас цветет масса сирени, и в саду в нынешнем году будет гораздо больше цветов. К высадке их уже приступают. Я уже заметно окрепла. Много ем и сплю очень крепко — верно воздух действует.

Митя с Шурой и Лялей [3] еще не переезжали, хотя я их и зову устроиться на второй даче.

Ну, пока до свидания.

Целую тебя крепко.

Твоя *М. Ульянова*

Послано из Москвы в Евпаторию

Печатается впервые, по рукописи

ИЗ ПИСЬМА А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

20/VI.

Дорогая Анечка!

Давно я тебе не писала, а сегодня, когда получила твое письмо, мне стало стыдно, и я сразу берусь за писанье. Недавно как-то

---

[1] Федор Александрович Гетье, профессор, крупный специалист по внутренним болезням, домашний врач В. И. Ленина и его семьи. *Ред.*

[2] В. И. Ленин. *Ред.*

[3] Д. И. Ульянов с женой Александрой Федоровной и дочерью Ольгой. *Ред.*

меня тут забрала тревога о тебе: писем долго не было, прочла я в газетах, что в Крыму много желудочных заболеваний, и стало казаться, что и ты больна. Звонила Горе, он сказал, что от тебя было письмо. Но все же, значит, малярия и там донимает — это уж совсем плохо! Да и питаешься, верно, неважно там. Едва ли санаторное питание хорошо. А я так уже начала толстеть от здешней кормежки...

...Занятия речи идут и, по мнению врачей, дают результаты [1]. Ездим с ним в парк, когда он себя недурно чувствует, и это ему нравится.

Ляля, представь себе, еще в городе. Совсем собрались на днях переезжать, но она что-то прихворнула, и они опять застряли.

Анечка, дорогая, поправляйся же и не торопись сюда. Надо же силы на зиму набрать.

Целую крепко.

М. Ульянова

20 июня 1923 г.

Послано из Москвы в Евпаторию

Печатается впервые, по рукописи

[1] Имеются в виду занятия по восстановлению речи В. И. Ленина. *Ред.*

1924 г.

Д. И. УЛЬЯНОВУ

29/IV 1924.

Дорогой Митюша!

Вчера приехали в Мухалатку. Погода была все время холодная: ветер и снег, и только сегодня, наконец, теплее. Место здесь хорошее, дом благоустроенный и огромный парк. Впрочем, ты, вероятно, бывал здесь. Сижу много на воздухе. Была вчера у моря.

Как-то вы живете? Что Аня?

Адрес: Кекенеиз, Мухалатка.

Целую крепко. *М. У.*

Послано из Мухалатки (Ялта) в Москву

Печатается впервые, по рукописи

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

20 июня.

Дорогая Анечка!

Вот уже 10 дней прошло, как ты уехала, а от тебя все еще нет никаких вестей. Что бы это значило? Здорова ли ты? Я послала тебе рукопись о Саше и написала одно письмо. Получено ли?

У нас все по-прежнему. Надя приезжает на 3—4 дня в Горки, я бываю в Москве редко. Гетье говорит, что у меня улучшается, на днях будет еще смотреть Елистратов [1].

На конгрессе [2] не была ни разу — не тянет что-то.

В Горках нас очень забавляет Ляля, которая очень мила, ко мне уже немного привыкла. Ходили как-то за ягодами. Лиза тоже сейчас в Горках, она за этот год заметно как-то поддалась — годы дают себя знать, и сердце, говорят, стало хуже.

В Горках теперь масса цветов — цветут розы, да и погода стоит хорошая.

Пиши же о себе — жду с нетерпением. И будь здорова.

Целую крепко.

М. У.

20 июня 1924 г.

Послано из Москвы в Евпаторию

Печатается впервые, по рукописи

[1] П. И. Елистратов — врач, принимавший участие в лечении В. И. Ленина в 1923 г. и лечивший членов его семьи. *Ред.*

[2] Имеется в виду 5-й конгресс Коминтерна, состоявшийся в Москве 17 июня — 8 июля 1924 г. *Ред.*

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

29/VI.

Дорогая Анечка! Вчера получила твое письмо от 23/VI. Это — второе. Отвечаю из Горок. Последнее время прохладно, бывают сильные грозы. А одно время (дня 2-3) было свыше 40^0. Надя [1] приезжает почти каждую неделю дня на 3, Митя — два раза в неделю. А я, обыкновенно, еду в город на пятницу и субботу. Лялька ко мне очень привыкла и иногда приходится идти на всякие хитрости, чтобы удрать от нее. Уцепится за палец и никаких, не отпускает, а как станешь уходить — в рев. Славная девочка! Об общественном мало что могу тебе сообщить, ибо на конгрессе [2] не бываю, а так ничего, кажется, особенного нет.

Вчера приехал Гора, собирается ехать к тебе, а потом в Саратов. Остался на второй год. Гетье его еще не видал. Был он у нас вчера в городе, но так спешил, что ничего не успели. Сегодня Шура делала мороженое, и Гора с большим вдохновением его вертел.

Ну вот, и все новости.

Прости за такое бестолковое письмо. Спать хочу.

Целую крепко.

Целую Витю.

Поправляйся хорошенько.

М. У.

29 июня 1924 г.

Послано из Москвы в Евпаторию

Печатается впервые, по рукописи

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

Дорогая Анечка!

Пишу тебе, потому что вечером не успела позвонить, а завтра с утра пойду в ЦКК — будет разбираться дело Троцкого и Зиновьева. Не сердись на меня, дорогая, но очень уж беспокойно отпускать тебя в Ленинград. Ведь и проехать-то туда не так просто, если понадобится. Крамер [3] продолжает предпочитать Железно-

---

[1] Н. К. Крупская. *Ред.*

[2] Имеется в виду 5-й конгресс Коминтерна, состоявшийся в Москве 17 июня — 8 июля 1924 г. *Ред.*

[3] Василий Васильевич Крамер — советский невропатолог, профессор, был лечащим врачом В. И. Ленина в последние годы его жизни. Затем лечил членов его семьи. *Ред.*

водск, он завтра уезжает в отпуск. Но говорят (Левин узнавал), что и в Старой Руссе есть все нужное для лечения. Вопрос только о помещении. А для этого лучше всего съездить и посмотреть. Езды туда 13 ч. прямого сообщения. Я могу съездить (в пятницу или субботу) и посмотреть. Билет у меня бесплатный, и я только освежусь. В 9 с чем-то вечера поезд отходит, а в 10 уже там. Надо посмотреть, можно ли там снять комнату (это скажет и поможет санаторский врач). Если не хочешь, чтобы я ехала, хотя я с удовольствием съезжу, можно еще кого-нибудь послать.

Фурманова [1] тоже уже согласна ехать. Завтра, как вернусь из ЦКК, позвоню тебе. Сделаешь, конечно, как захочешь, только, право, беспокойно.

Об учителе говорила. Завтра обещали дать ответ.

А насчет оплаты ты не права, ибо не достаточно в курсе дела. Поговорим, когда увидимся.

Пока целую. Так обидно, что тебя опять выбили из колеи.

До завтра.

Целую тебя горячо.

Твоя *М. У.*

Ранее 8 октября 1924 г.

Послано из Москвы в Горки

Печатается впервые, по рукописи

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

8—9/X.

Дорогая Анечка! В воскресенье была в Горках. Это был, должно быть, последний хороший солнечный день. Погуляла очень хорошо и поиграла с Лялей. Она нас всех рассмешила. Пизан [2] взял ее на руки, а она обняла его за шею и говорит: «Моя милая маленькая крошка». Маленькая обезьянка повторяет слова других.

Сегодня уже здесь дождь, но я по совету П. И.[3] буду ездить в Горки и в пасмурные дни, потому что воздух там все же лучше и отдыхаешь, поехав туда.

В редакции у нас период налаживания, Бухарин приехал, и есть надежда, что работа пойдет более правильно.

---

[1] Софья Андреевна Фурманова (сестра писателя Дмитрия Андреевича Фурманова) — воспитательница Вити Ульянова. *Ред.*

[2] Игнатий Пизан — сотрудник охраны В. И. Ленина в Горках. *Ред.*

[3] О ком идет речь, установить не удалось. *Ред.*

Как-то ты там поживаешь, дорогая? Здорова ли? Пиши почаще, и я постараюсь быть аккуратнее с письмами. А то мне беспокойно, голубушка.

Митя говорит, что хотел бы работать в «Правде», а я немножко боюсь — ты знаешь чего. Хотя, конечно, этот род работы был бы ему, я думаю, подходящ. Он очень хорошо пишет. Только ему освоиться надо хорошенько с этой работой, отстал он от нее.

Ну, пока до свидания. Поклонись от меня нашим могилкам [1], когда там будешь.

Целую тебя.

Твоя *М. У.*

8—9 октября 1924 г.

Послано из Москвы в Ленинград

Печатается впервые, по рукописи

---

[1] Речь идет о Волковом кладбище. См. примечание 4 на с. 369. *Ред.*

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

Дорогая Анечка!

Как твое здоровье? Будь осторожнее и полежи подольше. Мне из Института прислали рукопись Швера и Алексеева «Семья Ульяновых в Симбирске». Митя передаст ее тебе. Прочти, пожалуйста, поскорее и скажи свое мнение. По-моему, там больше ерунды, чем путного.

Я живу по-старому, температуры нет. Когда погода солнечная, здесь лучше, а когда пасмурно — скучно. Да и вообще что-то уж я очень тут засиделась.

Будь здорова, целую крепко.

Твоя *М. У.*

P. S. Скажи, пожалуйста, чтобы мне позвонил кто-нибудь № дома и квартиры нашей на Павловской.

1924 или 1925 г.

Послано из Москвы в Горки

Печатается впервые, по рукописи

1925 г.

Д. И. УЛЬЯНОВУ

27. IV 1925.

Дорогой Митюша!

Прости, что долго тебе не писала. Живем в общем ничего, но скучно. Жаль еще также очень, что проворонили конференцию [1].

Погода была все прохладная, теперь поворачивает, кажется, на тепло. Все цветет. Мы здесь сейчас временно одни, другая публика уехала на конференцию.

Как-то вы живете? Переехала ли Шура с Лялей на дачу. Целую крепко вас всех и желаю здоровья.

Пиши, голубчик.

Твоя *М. У.*

Послано из Крыма в Москву

Печатается впервые, по рукописи

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

16/VII.

Дорогая Анечка! Давно что-то не писала тебе — сама не знаю, как это вышло. За это время произошло такое событие: решили мы с Надей ехать на Кавказ, в Кисловодск, и во вторник должно быть уже выедем. Врачи говорят, что тамошний воздух мне очень хорош, Наде тоже надо отдохнуть, так что двух зайцев убьем. Жаль только, что с тобой не удастся повидаться, да ничего не поделаешь, надо спешить с отъездом, пока Надя соглашается, и чтобы скорее пробыть срок и вернуться к работе. Беленький берется нас устроить так, чтобы было не очень людно.

Как-то ты там живешь и отдыхаешь? Осталась бы подольше, если не очень жарко. А может быть приедешь к нам в Кисловодск?

Сегодня была на твоей квартире у Любочки и Кати. Не сердись, что последняя опять у тебя. Она приехала на несколько дней, скоро уедет. Любочка, которую я спросила: рада ли ты, что она приехала? ответила мне со слезами на глазах: да, очень рада. Варя сейчас здорова, пищу они себе покупают.

Сейчас получила рукопись Алексеева и Швера [2]. Звонила в Ин-

---

[1] По-видимому, имеется в виду XIV конференция РКП(б), состоявшаяся 27—29 апреля 1925 г. *Ред.*

[2] Речь идет о рукописи книги В. Алексеева и А. Швера, напечатанной в 1925 г. под заглавием «Семья Ульяновых в Симбирске (1869—1887)» под редакцией и с примечаниями А. И. Ульяновой-Елизаровой (М.; Л.: Госиздат. Институт Ленина при ЦК РКП). *Ред.*

ститут, но никто не ответил, должно быть все в отпуску. Попробую еще позвонить завтра.

Ну, пока до свидания, дорогая. Пиши. Сообщу адрес, как только выясню его. Целую крепко тебя и Витю. Горячий привет. Твоя *М. У.*

Читала сейчас у Любочки твою открытку. Поживи подольше в Крыму, ваш дом сейчас красят и там скверно.

16 июля 1925 г.

Послано из Москвы в Крым — *Печатается впервые, по рукописи*

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

22/VII.

Дорогая Анечка! Митя говорил мне сегодня, что получил твое письмо, где ты пишешь, что от меня давно не было вестей. Не знаю, как это вышло, я ведь писала не редко. Завтра уезжаем с Надей, Верочкой [1] и Сашей в Кисловодск. Говорят, там очень все переполнено, мы будем жить с сановниками в их помещении. Не знаю, как все это выйдет. Везется с нами масса всяких вещей и книг, особенно много их Надя забирает. Уезжать мне не особенно хочется, и я уже буду стараться поскорее выправиться, чтобы скорее вернуться. Надя едет на месяц, а я боюсь, что мне дольше придется пробыть. Но уже постараюсь вернуться здоровой, чтобы не болтаться опять по-летнему. Поживи и ты подольше в Крыму, все равно сейчас в Москве пусто и нас не будет. Звала Митю в Кисловодск, но из этого, конечно, ничего не вышло.

Пиши мне по новому адресу и я тоже напишу тебе с дороги и оттуда.

Пока до свидания, дорогая. Целую крепко и желаю здоровья.

Твоя *М. У.*

Адрес мой: Кисловодск, дача ВЦИКа, мне.

22 июля 1925 г.

Послано из Москвы в Крым — *Печатается впервые, по рукописи*

[1] Вера Соломоновна Дридзо — секретарь Н. К. Крупской. *Ред.*

Д. И. УЛЬЯНОВУ

30/VII.

Дорогой Митюша!

Не получила из Москвы еще ни одной строчки и беспокоюсь, как-то там все идет. Напиши, пожалуйста, что в совхозе и А. А.[1] попроси мне написать. Приехала ли Аня? Как твое здоровье? Нас тут кормят как на убой. Выгода, может быть, лишь та будет, что скорее отпустят.

Целую крепко.

Твоя *М. У.*

P. S. Попробуй послать через Беленького [2], может быть скорее дойдет.

Только пишите, а то я сбегу!

30 июля 1925 г.

Послано из Кисловодска в Москву

Печатается впервые, по рукописи

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

11 авг.

Дорогая Анечка!

Первое письмо в Москву написала тебе слишком в мрачных тонах и потом жалела, что отправила его. Надеюсь только, что Сонечка, которая должна была повидать тебя по приезде, рассказала тебе более подробно о нашем житье-бытье. Факт все же тот, что здесь скучновато, и благословен будет тот день, когда можно будет отсюда уехать. Но уеду все же не раньше, чем поправлюсь.

Думаю, что ты уже в Москве. Не рано ли выбралась и хорошо ли отдохнула? Побываешь, верно, в Горках и поищешь грибов? Напиши, как там все идет.

Вчера были с Надей и Бухариным в детском доме его имени на спектакле. Там выяснилось неожиданно, что другой дом, дошкольников, назван моим именем. Зав. этого дома был на спектакле с несколькими своими питомцами. Мы познакомились, и ребятишки так и вцепились в меня. Надо будет к ним как-нибудь пойти.

[1] А. А.— по-видимому, А. А. Преображенский. *Ред.*

[2] Абрам Яковлевич Беленький — член партии с 1902 г., с 1919 по 1924 г.— начальник охраны В. И. Ленина. *Ред.*

Гуляем довольно много и сильно бездельничаем, особенно я. Как пойдешь куда-нибудь погулять утром или днем, обязательно после этого спать завалишься.

Буду ждать от тебя писем.

Целую крепко.

М. У.

11 августа 1925 г.

Послано из Кисловодска в Москву — *Печатается впервые, по рукописи*

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

18/VIII.

Дорогая Анечка!

Вчера получила твое и Митино письма от 12—13-го. Была им очень рада, а то долго вестей не было, и я уже беспокоилась. Пишите почаще и посылайте лучше через Беленького, а то почтой письма идут гораздо дольше и теряются.

После недели с лишним дождей здесь второй день ясно и тепло. И мы принялись опять за прогулки. Вчера, впрочем, было не до прогулок, потому что путешествовали по приглашениям. Были и у детей детдома моего имени, посмотрели, как они живут, и снимались с ними. Снимались еще в двух санаториях с рабочими. На снимок во втором пригласили и Крамера, который здесь лечится — это было неприятно.

На днях из Москвы должен поехать сюда Бухарин и Сокольников, если поймаешь их, напиши с ними — скорее дойдет.

Хорошо, что ты собираешься ездить часто в Горки, потому что думаю, что ты, в общем, плохо поправилась.

Про меня говорят все, что вид у меня теперь очень здоровый.

Ну, пока до свидания. Соскучилась уже я по всем вам.

Будьте здоровы. Целую крепко.

Твоя *М. У.*

18 августа 1925 г.

Послано из Кисловодска в Москву — *Печатается впервые, по рукописи*

Д. И. УЛЬЯНОВУ

20.IX 1925.

Дорогой Митюша!

Сегодня получили твое первое письмо сюда, одно, очевидно, пропало. Прости, что не писала тебе до сих пор. Все собиралась, да здесь какая-то лень нападает. Хотели выехать 22-го, да отло-

жили еще на несколько дней. Здесь сейчас хорошо, тепло. Было только несколько холодных дней.

Сейчас здесь недурная публика и чувствуется несколько лучше, чем весной. Стыдно только так долго отдыхать.

Аня очень беспокоится за Гору, а он пишет ей письма с просьбой отпустить его в море и т. п. Может быть, ты бы поговорил с ним?

Ну до свидания, дорогой. Желаю всего хорошего. Приветы Шуре и Ляле.

Твоя *М. У.*

20 сентября 1925 г.
Послано из Севастополя в Москву

Печатается впервые, по рукописи

1926 г.

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

2/IX.

Дорогая Анечка!

Вчера получила твое письмо из Кисловодска, открытку с дороги тоже получила, спасибо. Рада, что ты чувствуешь себя пока недурно. У нас пока все хорошо, я еще в Горках... Леша уехал, и вместо него водворен Шура Горохов. Вчера к ребятам приезжала Неля. Ну, еще какие же новости? Пугач я так и не купила — побоялась. Вместо него было привезено ружье с привязанной пробкой. Правда, разочарование было порядочное, но теперь уже обошлось.

Погода сейчас недурная, но грибы уже проходят и попадаются уже не сотнями и десятками, как раньше, хорошо, если найдешь 3—5 грибов в день.

Надя, видимо, поправилась и вообще довольна своей поездкой, заезжала в Тулу и выступала там.

Обо мне ты напрасно беспокоишься, я чувствую, что отдохнула, и первый показатель этого, что тянет уже на работу.

Витюшке заказала сейчас написать письмо, но выйдет ли из этого что-либо — не знаю. Он здоров, бегает вовсю, к роялю его не заманишь, сколько я ни пыталась.

Пока до свидания. Поправляйся хорошенько и не волнуйся о нас.

Целую тебя крепко.

Твоя *М. У.*

2 сентября 1926 г.

Послано из Москвы в Кисловодск

Печатается впервые, неполностью, по рукописи

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

19-го.

Дорогая Анечка!

Сейчас получила твое письмо от 14-го, предыдущие тоже получены. Ты все беспокоишься о нас, а мы так хорошо отдыхаем. Погода хорошая, и я много бездельничаю. Витя тоже гоняет, поэтому и пишет редко. Пожалуйста, думай меньше о нас и отдыхай получше. И не торопись с отъездом, чтобы больше взять от этой поездки. О делах я теперь мало думаю, посмотрим уж, что выйдет в дальнейшем. Людей ведь не переделать. У каждого своя индивидуальность, как говорит Надя. Митя уже в городе, начался осмотр поступающих, но часто приезжает к нам. Он сейчас подтягивается по случаю работы.

Писем за последнее время не было. Только от Сережи [1], который писал, что живет хорошо.

С Витиными учителями пока что все благополучно. М. Ф.[2] раз только пропустил по случаю дождя. Трегубенко ничего пока об отъезде не говорит. Варя очень внимательна к ребятам. Видно, что к Вите она очень привязана.

Были у нас тут недавно Вера с сыном и отцом [3]. Три поколения. Муж Веры снимал нас всех, а папаша рассказывал о своей поездке: он был в Китае.

Ну, пока до свидания, дорогая! Много здоровья желаю и спокойствия. Привет Лине.

Все целуют, и я крепко. На Ассеры пишу 2-е письмо. Получила ли?

Твоя *М. У.*

Письмо Мити пришло как раз в день его рождения, а я и забыла об этом!

Это письмо придет около дня твоего рождения. Целую и поздравляю!

19 августа 1927 г.

Послано из Москвы в Латвию — *Печатается впервые, по рукописи*

---

[1] Сергей Александрович Елизаров, племянник М. Т. Елизарова. *Ред.*

[2] М. Ф. Одегов — учитель Вити Ульянова. *Ред.*

[3] По сообщению В. С. Дридзо, она приезжала в Горки с мужем, М. А. Шамбергом (а не с сыном), и отцом, С. А. Лозовским, летом 1927 г. *Ред.*

1928 г.

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

26/VIII 1928 г.

Дорогая Анечка!

Мы уже совсем акклиматизировались с Надей на пароходе и чувствуем себя хорошо. Сначала казалось не выдержать столько времени — надоест. Влияла на это отчасти плохая погода, которая была 1–2 дня. А теперь солнышко, тепло, и мы почти все время проводим на палубе. В Ярославле, Нижнем и Казани выезжали в город. В Перми пробудем, должно быть, целые сутки. Н.[1], вероятно, не утерпит и поедет на Мотовилиху выступать. Пока в этом смысле благополучно, только в судовой ячейке выступала.

Вестей ни от кого еще не имела, и как вы все там живете, не знаю. Как твое здоровье, дорогая? Жаль, что ты не могла с нами проехаться — хорошо на пароходе, и как-то успокаивающе действует вся обстановка. Книги наши едут сами по себе, а мы тоже сами по себе. Впрочем Н. все же какую-то статью пишет, а я не в состоянии.

Был ли у тебя Митя, что пишет Витюшка?

От Перми поедем обратно и в Камском Устье предполагаем пересесть на другой пароход — вниз. В Ульяновске, вероятно, остановимся. Целую крепко.

М. У.

Послано в Москву

Печатается впервые, по рукописи

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

29.VIII 1928 г.

Дорогая Анечка!

Вот уже неделю, как мы путешествуем, а от тебя не было еще ни одной весточки. Сегодня приехали в Пермь, надеялась, что здесь что-либо будет, но, увы и ах! — ничего. Не теряю еще, впрочем, надежды получить что-либо на пароходе. Мы оттуда уехали с утра, т. к. пароход стоит здесь до 2 ч. ночи. Были на Мотовилихе, в музее, и теперь отдыхаем в гостинице. Вечером еще куда-то поедем.

[1] Н. К. Крупская. *Ред.*

По Каме красивые места, погода тоже довольно приличная. На пароходе все очень внимательны, к Н.[1] много только обращаются с просьбами. Но разговоры некоторые бывают интересны.

Читаем мало, я по крайней мере. Больше сидим или гуляем по палубе. Сегодня ночью выезжаем вниз по Каме в Камское Устье, а оттуда по Волге в Ульяновск и дальше. Куда, еще не решили. Когда приедем на Волгу, дам телеграмму, каким пароходом едем, чтобы получить от тебя хоть маленькую весть, а то скучно. Целую крепко.

Твоя *М. У.*

Послано из Перми в Москву

Печатается впервые, по рукописи

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

2.IX 1928 г.

Дорогая Анечка!

Пишу тебе из Ульяновска, где застряли случайно на 3 дня (не заказали кают своевременно и т. п.). Много видела В. В.[2], у нее были два раза и она у нас, осматривали старые места и пр. Погода хорошая, солнышко. Сегодня собираемся ехать дальше, вероятно, до Сталинграда. Предлагаю Наде проехать оттуда на Кавказ ненадолго, но окончательного ее согласия еще не имею. От тебя так и не имела никаких вестей, только телеграмму на мой запрос, которую мне прислал Митя. Он же сообщил, что Витюша уже вернулся. Как-то он там живет-может? Судя по телеграммам, погода у вас несколько улучшается. Хотя бы бабье лето-то постояло, если уже другого-то не было.

Когда мы ехали от Ярославля до Перми, у нас установились очень дружеские отношения с судовой командой, командиром, его женой и др. Внимание к нам было большое и чувствовалось хорошо. В Камском Устье пересели на другой пароход, и все нас провожали.

Пароходы по Волге (скорые) лучше и быстрее идут. Кормят хорошо, и каюты удобные. Так мы и живем «по воле волн».

Ну, целую крепко, родная. Пуще всего, чтобы ты была здорова, сокровище.

Твоя *М. У.*

Привет всем, кто о тебе там заботится.

Послано из Ульяновска в Москву

Печатается впервые, по рукописи

[1] Н. К. Крупская. *Ред.*
[2] В. В. Кашкадамова. *Ред.*

Д. И. УЛЬЯНОВУ

Дорогой Митюша!

Для окончания нашего путешествия попали в Кисловодск, где думаем пробыть недолго. Совсем ничего не знаю о вас и очень прошу по получении этой открытки написать, как вы все живете.

Мы недурно отдохнули на пароходе, здесь еще прибавили, так что приедем здоровы, а как-то вот вы? Очень беспокойно. Буду ждать вестей. Ездишь ли к Ане? Что Витя? Пока до свидания. Всего хорошего.

Твоя *М. У.*

Сентябрь 1928 г.

Послано из Кисловодска в Москву

Печатается впервые, по рукописи

1929 г.

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

17/VI.

Дорогая Анечка!

Пишу на случай, если ты еще в Ульяновске. Беспокоюсь, не холодно ли там, здесь погода все неважная, хотя вчера выдался хороший денек. Живем хорошо, много спим, отдыхаем и гуляем. Местечко очень хорошее, много зелени. Тебе бы было, верно, хорошо здесь. Певзнер посадил на диету, дают зелень, овощи, ягоды. От тебя еще ничего, кроме телеграммы, не имела. Пиши, родная, как ты? Целую крепко. Привет В. В.[1] и А. Н.[2]

Твоя *М. У.*

17 июня 1929 г.

Послано из Железноводска в Ульяновск

Печатается впервые, по рукописи

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

23/VII.

Дорогая Анечка!

Как я уже тебе писала, задержка в доставке твоих писем вышла здесь на почте. Я написала заявление, и теперь письма доставляются более аккуратно.

Получила твои письма от 11 и 19-го и Митюшино письмо от 11-го — большое спасибо. Не ответила сразу на них, потому что уезжала на два дня в Нальчик. Вот где хорошо-то! Город окружен подковой гор — отсюда и название его,— покрытых лесом, а на этом зеленом фоне выступает цепь снеговых гор, которые видны при ясной погоде. Воздух горный, мягкий, приятный. Погуляли хорошо. Тамошняя публика настаивает, чтобы приехать с Надей (она не ездила) пожить неделю-другую. Уж не знаю, соберемся ли, потому что дорога туда довольно длинная. По дороге наблюдала новое строительство: сколько новых мостов в Кабарде т. Калмыков настроил, даже в таких местах, где раньше никаких мостов не

---

[1] В. В. Кашкадамова. *Ред.*

[2] По-видимому, Александра Николаевна Винокурова — медсестра, бывшая при больной Анне Ильиничне и сопровождавшая ее в Ульяновск. *Ред.*

было и люди и скот перебирались прямо вброд — немало, говорят, их гибло при таких переходах. Сначала антисоветские элементы подговаривали кабардинцев, что мосты будут построены, мол, только для коммунистов, других смертных не пустят. И вот после открытия одного большого моста, когда они увидали, что это неправда, стали пробовать его, проезжая взад и вперед в полном восторге. Еще характерное отличие кабардинцев от русских: у них не парни, а девушки играют на гармонике, а парни слушают.

Ну, расписалась про Нальчик, такое он на меня впечатление произвел.

Приехала сюда вчера одна дама и рассказывала, что в Москве уже опять холодно. Как-то ты поживаешь? Здорова ли? Смотри, пиши мне все вполне откровенно. Может быть, теперь, в сырое время, в «Чайке»[1] лучше?

Познакомилась я в Нальчике с ребятами Андреевой — очень милые, но бледненькие, хотя и живут в прекрасных условиях. Может быть, от того, что много занимаются.

Ну, пора кончать. Хочу отправить письмо воздушной почтой, чтобы скорее дошло.

Крепко целую тебя, дорогая. Привет от А. Д., который заходил сейчас, и от Н.[2] Поцелуй ребят и Митюшу. Привет Шуре[3]. Еще раз целую.

Твоя *М. У.*

23 июля 1929 г.

Послано из Железноводска в Москву — *Печатается впервые, по рукописи*

Д. И. УЛЬЯНОВУ

23/X 1929.

Дорогой Митюша!

Вчера получила твою открытку от 19.X. Спасибо. Интересно очень знать, как вы устроились, что говорят врачи, как нравится. Пиши. У нас все по-прежнему. Изменений никаких нет. Все здоровы и шлют всем вам привет, а я крепко целую.

Твоя *М. У.*

P. S. Дым[4] привык и чувствует себя как дома.

Послано из Москвы в Кисловодск — *Печатается впервые, по рукописи*

---

[1] «Чайка»— дом отдыха под Москвой (ныне в Тушинском районе Москвы). *Ред.*
[2] Н. К. Крупская. *Ред.*
[3] А. Ф. Ульянова. *Ред.*
[4] Кошка Д. И. Ульянова. *Ред.*

Д. И. УЛЬЯНОВУ

29.X 1929.

Дорогой Митюша!

Сегодня получила твое письмо от 25/X, спасибо, что часто пишешь. Читаю и перечитываю твои письма.

Редактирование писем, вернее, составление примечаний к ним и пр. оказалось работой более кропотливой, чем я думала, и я все еще не кончила ее [1]. На днях уже сдам.

Нового у меня ничего. Где буду работать, еще не знаю. Все у нас здоровы и шлют приветы и лучшие пожелания.

Ты живешь, по-видимому, в той комнате, где останавливались мы с Надей, когда были в Карсе [2]. В ней, помнится, два окна? А Шура [3] в угловой и рядом с ней комната с балкончиком?

Дыма здоров и лапу приложил.

Целую крепко всех.

P. S. Книгу [4] и брошюру пошлю. Напиши побольше о себе.

Твоя *М.*

Послано из Москвы в Кисловодск

Печатается впервые, по рукописи

О. Д. УЛЬЯНОВОЙ

29.X.

Дорогая Ляля!

Жду от тебя письма. Напиши, как живешь. Сейчас получила открытку от папы — спасибо. У нас все по-прежнему. Дымка кланяется. Привет всем.

Тетя *М. У.*

Кисловодск, «Карс», Д. И. Ульянову. Для Ляли.

29 октября 1929 г.

Послано из Москвы

Печатается впервые, по рукописи

---

[1] М. И. Ульянова вместе с А. И. Ульяновой-Елизаровой готовила в это время сборник «В. И. Ленин. Письма к родным». Он вышел в свет в 1931 г. *Ред.*

[2] Санаторий в Кисловодске. *Ред.*

[3] А. Ф. Ульянова. *Ред.*

[4] Мария Ильинична имеет в виду книгу Эм. Ласкера «Учебник шахматной игры» (М.; Л., 1926), которую просил прислать Дмитрий Ильич. *Ред.*

О. Д. И Д. И. УЛЬЯНОВЫМ

Милая Ляля!

Спасибо за письмо. Пиши чаще и больше, как живешь и где гуляешь. Папе скажи, что его письмо от 9.XI получила 12-го, вообще же письма приходят на 4-й день. Тетя Надя тебя целует и просит писать. Всем привет.

М. У.

Дорогой Митюша! Пиши почаще. Привет Ш.[1] Целую тебя. *М. У.*

У нас все здоровы, кроме Варвары Игнатьевны[2], у которой воспаление легких, лежит в больнице.

Кисловодск, «Карс», Д. И. Ульянову. Для Ляли.

15 ноября 1929 г.

Послано из Москвы

Печатается впервые, по рукописи

Д. И. УЛЬЯНОВУ

17-го.

Дорогой Митюша! Спасибо за телеграмму, долго что-то не было вестей от тебя, и я забеспокоилась. Почему редко пишешь? Как поправляетесь?

Сегодня было открытие памятника З. П.[3] Мы с Аней[4] ездили, только немного запоздали и поэтому слышали только часть речей. Памятник ничего, только барельеф не очень похож. Видела там Тоню[5] и едва ее узнала — лет 20 не видались.

У нас все по-старому, все здоровы. Погода еще сносная и теплая довольно для ноября. На днях напишу больше, а пока крепко всех целую.

Твоя *М. У.*

17 ноября 1929 г.

Послано из Москвы в Кисловодск

Печатается впервые, по рукописи

---

[1] А. Ф. Ульянова. *Ред.*

[2] В. И. Кукуева — домработница А. И. Ульяновой-Елизаровой. *Ред.*

[3] Зиновий Петрович Соловьев — член КПСС с 1898 г., врач, теоретик и организатор советского здравоохранения. *Ред.*

[4] А. И. Ульянова-Елизарова. *Ред.*

[5] А. И. Ульянова (Нещеретова). *Ред.*

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

Дорогая Анечка!

Посылаю тебе две рецензии на твою книгу [1] из провинциальных газет.

Жаль, что была занята, когда ты звонила, а потом ты была наверху.

Прости, родная, что мало уделяю тебе внимания, но втянулась уж очень в работу. Скорее бы приезжал Витин учитель, чтобы ты меньше волновалась!

Молчанова сшила Наде платье, кажется, хорошее вышло. Теперь уже будем давать ей на дом. Сегодня мы с ней разговаривали, и она посчитала уже меньше, чем хотела.

Ну пока, крепко целую.

Твоя *М. У.*

1929 г.

Послано из Москвы в Горки

Печатается впервые, по рукописи

---

[1] Имеется в виду книга: *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. М., 1926. *Ред.*

1930 г.

Д. И. УЛЬЯНОВУ

9.V.

Дорогой Митюша!

Сейчас получила твое письмо от 5.V. Я тебе тоже писала, не знаю, почему ты не получил моего письма. Мы тут живем хорошо, много удобств и внимания. Гуляем, сидим и лежим на террасе. Н. С.[1] снимает нас чуть ли не каждый день. У меня силы прибывают, но гуляю все же больше поблизости, на море еще не была — охранители мои не пускают. Да, впрочем, и сама бы не пошла еще, чтобы не переутомляться.

Сплю хорошо и много. В Мухалатке есть нечто вроде граммофона, который притащили ко мне в комнату, и мы ежедневно, по вечерам, слушаем Шаляпина, Собинова, etc. Гостила у меня тут еще несколько дней моя знакомая — певица, которая тоже услаждала наш слух. Только скучаю без тебя и А.[2] и все жду писем. Вывод отсюда: надо писать почаще и беречь себя побольше.

Справлялся ли ты о нашей фотографии? Хорошо ли мы вышли? Пришли мне, пожалуйста, когда получишь.

Интересует меня еще, как решено с горкинской санаторией. Напиши тоже.

Это письмо посылаю с оказией, чтобы скорее дошло. Передай Ане привет и скажи, что я выражаю протест против ее молчания.

Если Ш.[3] с Лялей поедут в Форос, приезжай с ними. Не один же ты будешь сидеть в Москве!

Митюша, дорогой, целую тебя крепко. Берегись, родной. Привет Ш. и Л.[4]

Твоя *М.*

P. S. Теплышек у меня достаточно.

9 мая 1930 г.

Послано из Крыма в Москву

Печатается впервые, по рукописи

---

[1] Николай Семенович Попов — врач. *Ред.*
[2] А. И. Ульянова-Елизарова. *Ред.*
[3] А. Ф. Ульянова. *Ред.*
[4] О. Д. Ульянова. *Ред.*

Д. И. УЛЬЯНОВУ

31/X. 1930.

Дорогой Митюша!

Спасибо тебе за твое ласковое письмо, которое получила сегодня. Открытку тоже получила и написала в тот же день. Твои проекты, конечно, очень заманчивы, но, увы, не для меня. Мне надо устраиваться с работой и прочими делами — все еще темна вода во облацех — а без этого и отдых на ум не идет. А Наде, конечно, и заикаться нечего о поездке — бесполезно. Она влезла в работу вовсю, удивляюсь, как ее хватает на работу целыми днями, с утра до вечера. Кроме того, у меня все еще не кончены мои работы по Институту [1]: не закончены письма и работа для Ленинского сборника. Надо писать предисловие, держать корректуру и пр. Куда же тут поедешь?

Это хорошо, что в Кисловодске теплая погода и вам можно пользоваться воздухом. Здесь тоже, в общем, погода недурная, хотя и бывают дождливые дни, но больше сухих и холодов еще нет.

Напиши как-нибудь Ане, а то она огорчается, что ты ей не пишешь. У нее все еще гостит В. В.[2]

Ну, пока до свидания, дорогой. Пиши почаще, чем доставишь мне большое удовольствие. Ляле спасибо за письмо, она уже недурно пишет, Шуре привет.

Крепко целую тебя. Твоя *М. У.*

Послано из Москвы в Кисловодск

Ульянова М. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. М., 1978, с. 207

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

31/XII.

Дорогая Аня!

Пишу тебе третье письмо (считая открытку с дороги), а от тебя ни строчки! Хорошо, что получила письмишко от Нади сегодня, а то бы беспокоилась о вас. Надя послала спешным, и то оно пришло на 4-й день.

Сейчас собираюсь на вокзал, едем в Дагестан, а оттуда, как выяснилось, заедем в Владикавказ дня на 2. В Ростове тоже при-

---

[1] Институт В. И. Ленина, в работе которого Мария Ильинична принимала большое участие в течение ряда лет. *Ред.*

[2] Кашкадамова. *Ред.*

дется еще остановиться дня на два, т. к. не успели разобрать всех дел. В Москву, значит, приедем дня на 4 позже, чем собирались.

В Ростове много сидели в КК [1], другого чего поэтому мало видели, но я все же довольна этой поездкой.

Я здорова, одеваюсь тепло, все еще не прикончила вашу снедь, хорошо мне служит и твой чайник.

Так как в Ростов мы вернемся числа 8-го и пробудем, вероятно, до 10-го, то я очень прошу тебя черкнуть мне сюда по тому же адресу. В Владикавказе (Осетинская КК) будем 5—6, но ты уже не успеешь написать туда.

Будь здорова, дорогая, берегись и не беспокойся обо мне.

Передай привет нашим и Витюше.

Крепко тебя целую.

Твоя *М. У.*

31 декабря 1930 г.

Послано из Махачкалы в Москву

Печатается впервые, по рукописи

---

[1] Контрольная Комиссия. *Ред.*

1931 г.

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

6/IV 31.

Дорогая Анечка!

Сегодня получила твое письмо от 3/IV. Я, действительно, виновата, что не послала тебе телеграммы по приезде, не сообразила как-то. Но я была уверена, что ты получишь вовремя мои два первых письма (из Харькова и Севастополя). Но оказалось, что письмо из Харькова где-то застряло, а письмо, данное нашему проводнику, тоже запоздало, потому что кто-то с ума великого задержал наш вагон. Извини, дорогая, за такую несообразительность.

Живем мы здесь хорошо, питаемся хорошо (даже больше!), погода хорошая. Сарра Крылова, которая передаст тебе это письмо,— она прогостила у меня с неделю — подробно расскажет тебе о нашем времяпрепровождении и пр.

Но очень тоскливо и беспокойно о тебе. Тебе надо отдохнуть и поправиться, а я ничего не знаю о твоих проектах и планах.

Я писала тебе о Мухалатке, как ты думаешь об этом? Пока не очень жарко, но погода все улучшается. Юг тебе, конечно, не хорош, но зато все другие условия здесь хороши. Пиши, Анюточка, как ты думаешь. Приехал ли Б. С.[1], он ведь собирался навестить меня. Может быть, вместе двинетесь? Теперь, вероятно, и Витя, и Гора с семьей уехали?

Посылаю тебе фотографии, сделанные Н. С.[2] По ним ты можешь судить о том, как идет моя поправка. Сегодня взвесилась, оказалось, что прибавила за неделю кило. Гуляю больше около дома, т. к. ноги еще не очень быстро двигаются, но уже значительно лучше, чем в Москве.

Аня, дорогая, пиши почаще, побольше и пооткровеннее и сообщи, как решаешь с летом и отдыхом.

Как Митюша? Верно, ничего хорошего нет. А как наша фотография вышла?

Целую тебя крепко, дорогая моя. Будь здорова.

Твоя *М. У.*

Надя просит тебя поцеловать.
Как доехали цветы?

Послано из Крыма в Москву

Печатается впервые, по рукописи

[1] Б. С. Вейсброд. *Ред.*
[2] Н. С. Попов. *Ред.*

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

3/V 31 г.

Дорогая Анечка! Сегодня в Москву едет Артюхина с дочкой [1], и я использую эту оказию, чтобы написать тебе. Пишу уже третье письмо. Доехали мы хорошо, и переезд на автомобиле меня не переутомил. Ни разу в Мухалатке-то не поднималась. Устроили нас очень хорошо в западных комнатах. Помнишь большую (огромную) комнату, где жил Фрунзе? [2] Так это теперь моя комната, где я живу с Кл. Ив.[3], рядом в проходной Вера [4], а в следующей — Надя. Стол и прочее все — очень хорошо, и все очень внимательны. Эти дни у меня Сарра Крылова, которая была в санатории, в Кострополе, и я попросила ее заехать ко мне. Она очень милая, но поет мало, потому что нет у нее ни нот, ни аккомпаниатора, а она без последнего не любит петь. На днях она уезжает, и с ней я напишу опять.

Только тоскливо без тебя, моя дорогая, и беспокойно. Жаль, что ты не здесь и не имеешь таких прекрасных условий для отдыха, но меня смутило мнение медицины, что тебе не хорошо на юге. Но сейчас здесь не жарко. На Украине, когда мы ехали, было 23° и в вагоне было душно, а здесь 12—14—18° и иногда перепадают дожди. Но, конечно, ждать жаров нечего и если ты решишь ехать сюда, то надо ехать, как только проводишь Витю и Гору. Приехал ли Б. С.[5] Он ведь тоже собирался навестить меня. Или А. Н.[6] может проводить до Севастополя.

Жду с нетерпением, как ты решишь.

Я гуляю понемногу и, говорят, уже посвежела немного. На днях начинаю брать соленые ванны. К. И.[7] очень мила и внимательна.

Посылаю фотографии, которые сделал Попов. Они вышли неудачно, но, может быть, тебе все же приятно будет иметь их. А как наша группа вышла?

Здоровы ли все?

Целую тебя крепко, дорогая. Пиши скорее твоей М. У.

Послано из Крыма в Москву | *Печатается впервые, по рукописи*

[1] Александра Васильевна Артюхина — советский партийный и профсоюзный работник. Член КПСС с 1910 г. Дочь А. В. Артюхиной — Наталья Михайловна Артюхина. *Ред.*

[2] Михаил Васильевич Фрунзе. *Ред.*

[3] Клавдия Ивановна — медсестра. *Ред.*

[4] В. С. Дридзо. *Ред.*

[5] Б. С. Вейсброд. *Ред.*

[6] А. Н. Винокурова. *Ред.*

[7] См. примечание 3. *Ред.*

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

4-го.

Моя родная, дорогая Анечка!

Сегодня у меня праздник: получила несколько писем, а главное,— письмо от тебя. Мне тоже очень недостает тебя, и первые дни я все раскаивалась, что уехала от тебя. Но дело в том, что здесь лучше запасешься силами, а время, надеюсь, пройдет довольно быстро. Погода здесь хорошая — вчера немного поморосил дождь, а сегодня опять солнце. Гуляли с Надей рано утром, а потом я сидела в парке на плетеном стуле. Там воздух хороший — елями пахнет.

Это письмо пойдет с оказией и, надеюсь, придет скорее. Едет жена Лозовского — Сонечка [1], которая была так любезна, что обещала взять с собой для тебя немного фруктов. Кушай на здоровье!

Мицкевича [2] в Форосе нет, или в Москве, или под Москвой. Адрес Сыромятникова узнаю *обязательно,* когда вернусь.— Вейсброд хотел скоро (около 15-го) приехать.

Вчера начала принимать теплые морские ванны, которые мне очень нравятся. От воздуха и прогулок сплю здесь как убитая. Не успеешь в 10 ч. вечера книжку раскрыть, как она уже валится из рук.

Скоро напишу опять, а пока до свидания, моя дорогая, не скучай! Вернусь и опять будем вместе.

Целую тебя крепко-накрепко.

Твоя *М. У.*

4 июня 1931 г.

Послано из Крыма в Москву

Печатается впервые, по рукописи

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

18/VI.

Дорогая Анечка!

Сегодня получила твое письмо от 13/VI с фотографией. Была очень довольна — merci. Фотография, по-моему, очень удачная. В Ульяновске хороший фотограф: меня и Надю он снял тоже очень хорошо.

Одно письмо (откр.) написала тебе на Алакаевку, теперь пишу на Крайком, как ты указала.

Завтра к нам приедет на побывку А. Ф. и Ляля, а 21/VI Митя [3] хочет ехать. Уговаривала остаться — не хочет. Jei ilaété bon [4]. Гуляем здесь с ним каждый день понемногу.

---

[1] Софья Абрамовна Шамберг. *Ред.*

[2] Сергей Иванович Мицкевич. *Ред.*

[3] Александра Федоровна, Ольга Дмитриевна и Дмитрий Ильич Ульяновы. *Ред.*

[4] Здесь ему хорошо. *Ред.*

Итак, публика уезжает да уезжает, а я остаюсь и ехать пока не собираюсь.

Как-то ты там питаешься? Какая погода? В Москве, пишут, холодная. Здесь было 2—3 дня свежее, грозы, теперь опять солнце. Публики здесь сейчас немного, старая разъехалась, а новая еще не приехала.

Стол и прочее прекрасные. Митя и К. И.[1] кланяются. А я крепко целую. Не беспокойся обо мне, ибо поправляюсь я прекрасно и все обо мне очень заботливы.

Береги себя. Твоя *М. У.*

Б. С.[2], как я писала, обещал приехать еще.

18 июня 1931 г.

Послано из Крыма

Печатается впервые, по рукописи

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

24/VI.

Дорогая Анечка!

Что-то давно нет от тебя вестей. Объясняю это тем, что ты уехала в Алакаевку и оттуда послать письмо труднее. Надеюсь, что ты здорова, дорогая?

Митя по моей просьбе остался еще на неделю, и мы с ним едем вместе 27-го. Не сердись, родная, что уезжаю, но здесь стало так жарко и душно, что сил нет. Будешь уже не прибывать, а убавлять. Вейсброд и Касаткин тоже находили, что стоит остаться только до июля. Да я и вообще-то здорова теперь, и как тут ни хорошо в общем было, но надоело уж, знаешь, порядком.

Когда приеду в Москву, покажусь еще Гетье, что-то он скажет.

Б. С., конечно, не приехал во второй раз, только пообещал. Да он здесь и не спал почти все ночи напролет: его почему-то особенно жестоко кусали москиты.

Получила открытку от Вити, зовет к себе. Но как бы мне ни хотелось съездить к нему, решаю все же не ехать, т. к. путешествие довольно сложное, а в такую жару ехать тяжело. Вон я какая неподвига — не то что ты! Здесь несколько дней была Шура с Лялей — сегодня уехали. Ляля — вся в волдырях от укусов москитов. Митя возил ее здесь на верховой лошади — она была в восторге.

Ну, пока до свидания. Целую крепко. Будь здорова. Привет А. Н.

Твоя *М. У.*

24 июня 1931 г.

Послано из Крыма

Печатается впервые, по рукописи

[1] Клавдия Ивановна — медсестра. *Ред.*

[2] Б. С. Вейсброд. *Ред.*

1932 г.

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

20.X 32.

Дорогая Анечка! Сегодня ко мне приезжал один знакомый, который лечится в Севастополе, завтра он едет обратно, и я пользуюсь оказией, чтобы написать тебе. Вчера приехал Митя. Ему здесь очень нравится, и, правда, здесь хорошо теперь — солнце, тепло, только скучновато без тебя. Как-то ты живешь, дорогая? Гуляешь ли и кто тебя навещает? Так бы и послала тебе хоть немного здешнего солнышка и прекрасного морского воздуха, но, увы, это невозможно.

Очень мне нравятся здешние соленые ванны, беру их через день. Гуляю больше поблизости от дома, на море была только один раз, да еще как-то ходила с компанией гулять за пределы Мухалатки. Митя много играет на бильярде и в шахматы, что он очень любит. Вообще здесь публика почти весь день проводит в играх — не знаю, как это их не утомляет. Я тоже в общем мало путного делаю — больше сижу или лежу на террасе.

Привет от меня сестрам [1]. Кто теперь дежурит у тебя? Поправилась ли А. Н., часто ли навещает тебя Ал. Дм.?

Пока крепко-крепко тебя целую и обнимаю, моя дорогая. Будь здорова, осторожна, береги себя.

Твоя *М. У.*

Прилагаю письмишко для Нади.

Послано из Крыма в Москву

Печатается впервые, по рукописи

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

Дорогая Анечка! Большое спасибо тебе за письмо. Рада, что ты чувствуешь себя хорошо, жаль только, что боль в ноге и руке беспокоит. Мне посылать ничего не надо — все есть в количестве более чем достаточном. И не надо думать, что ты кого-то стес-

[1] Имеются в виду медицинские сестры, ухаживавшие за больной Анной Ильиничной. *Ред.*

няешь,— твоя комната отделена толстой стеной и ничего из нее не слышно [1]. Лишь бы ты хорошо чувствовала себя.

Погода здесь все еще на удивление хорошая, и я поправляюсь хорошо. Гуляем. Ездили на днях на Ай-Петри и любовались чудным видом. Только избездельничалась совсем.

Рада, что тебя навещают знакомые, привет им от меня, а также сестрам [2] и Суркову.

Митюша много играет на бильярде — это его любимая игра. Иногда играет и в шахматы с Б. С.[3] и другими, так что я его мало и вижу.

На днях напишу опять, а пока крепко целую тебя, моя дорогая, и желаю всего хорошего.

Митек кланяется.

Передай от нас приветы и А. Ф.[4] с Лялей.

Твоя *М. У.*

Другой листок передай, пожалуйста, Наде.

2.XI 32.

Послано из Крыма в Москву

Печатается впервые, по рукописи

---

[1] В связи с ухудшением состояния здоровья Анна Ильинична была перевезена в кремлевскую квартиру Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой. *Ред.*

[2] Имеются в виду медицинские сестры, ухаживавшие за А. И. Ульяновой-Елизаровой. *Ред.*

[3] Б. С. Вейсброд. *Ред.*

[4] А. Ф. Ульянова. *Ред.*

1933 или 1934 г.

Д. И. УЛЬЯНОВУ

2/IX.

Дорогой Митюша!

Сижу без вестей и волнуюсь — черт меня дернул сюда ехать, зная свой характер! Здесь хорошо, но отдыхать можно, когда спокойно на душе, иначе толка мало. Пиши почаще и телеграфируй иногда. То же закажи делать Н. С.[1] и Р. С.[2], иначе я сбегу.

Здесь жарко. Гуляем больше по утрам. Сегодня были у моря...

В общем — ничего не делаю. Писала и телеграфировала Поле [3]— ответа нет. Не в Горках ли она? Как здоровье Вари?[4] Что Анечка?[5]

Мы живем с Надей вдвоем в большой комнате (западной). Есть и еще свободные комнаты во 2-м этаже, но на днях ждут публику. Когда ты думаешь ехать?

Целую крепко.

Твоя *М. У.*

P. S. Прилагаемые листки передай срочно Николаю Семеновичу [6].

2 сентября 1933 или 1934 г.

Послано из Сочи в Москву

Печатается впервые, по рукописи

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

21/IX.

Дорогая Анечка!

Пользуюсь оказией, чтобы написать тебе пару слов, послать фруктов (груш и слив) и немного роз. Не знаю уже, как последние доедут, но хотелось очень, чтобы ты посмотрела на сочинские розы. Напиши или попроси Рахиль [7] написать, как все это доедет.

Мы живем хорошо, здоровы. Митюша сегодня принял 1-ю ванну.

Погода хорошая — солнце.

Целую крепко и жду вестей, как у вас.

Твоя *М. У.*

21 сентября 1933 или 1934 г.

Послано из Сочи в Москву

Печатается впервые, по рукописи

---

[1] Н. С. Попов. *Ред.*

[2] Р. С. Ривлина-Образцова. *Ред.*

[3] Поля Листикова — домработница в семье Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой. *Ред.*

[4] В. И. Кукуева. *Ред.*

[5] А. И. Ульянова-Елизарова. *Ред.*

[6] Н. С. Попов. *Ред.*

[7] Р. С. Ривлина-Образцова. *Ред.*

1934 г.

Д. И. УЛЬЯНОВУ

5.X 34.

Дорогой Митюша!

Получила сегодня твое письмо от 2/X, спасибо за него. Рада, что приехал Винокуров [1] и тебе будет с кем гулять. Я считаю, что мы хорошо сделали, что поехали 28-го. Р. С.[2] была, видимо, рада, потому что из дома она уже три месяца, никогда не расставалась с детьми на такое продолжительное время, и, понятно, соскучилась. Вчера я проводила ее в Ленинград. Аня тоже была довольна, хотя, конечно, и говорила, что мы рано уехали.

У Ани на днях был Кончаловский [3] и В—д [4]. Нашли в общем ее состояние вполне удовлетворительным, лучше даже, чем в прежние визиты, но сказали все же, что склероз прогрессирует. Это они заключили из того, что на ногах не смогли прощупать сосудов. К—ский советовал Ане прожить в Горках еще 2 недели, но я думаю числа 10-го, самое позднее 12-го переехать в город.

Погода первые дни нашего приезда была очень холодная, потом потеплело, вчера был прелестный солнечный день. Дом топят, и Аня гуляет. Н. К.[5] живет тоже в Горках, через день ездит в город. Я тоже довольно часто езжу. Добилась, что в квартире произвели основательную дезинфекцию, потом лечу зубы, пользуясь свободным временем и тем, что Юделович [6] еще не уехал в отпуск. У него задержка с получением разрешения. Ляля немного прихворнула [7], теперь уже встала, но в Горки, конечно, не приехала. Приехал Витя, но хочет сегодня же ехать. Ему скучно здесь, да и заниматься не хочет.

Ну, пока, кончаю. Пошлю письмо с оказией. Поправляйся, пожалуйста, хорошенько и думай больше о своем здоровье. Крепко тебя целую и шлю привет от всех наших. Пиши!

Твоя *М. У.*

Послано из Москвы в Крым

Печатается впервые, по рукописи

[1] Александр Николаевич Винокуров — член КПСС с 1893 г., по профессии врач. В 1924—1938 гг.— председатель Верховного суда СССР. *Ред.*

[2] Р. С. Ривлина-Образцова. *Ред.*

[3] М. П. Кончаловский — профессор. *Ред.*

[4] Б. С. Вейсброд. *Ред.*

[5] Н. К. Крупская. *Ред.*

[6] В. С. Юделович — зубной врач в поликлинике Лечсанупра Кремля. *Ред.*

[7] В прошлый выходной ходила без чулок. (Прим. М. И. Ульяновой.)

1935 г.

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

17.IX.

Дорогая Анечка! Большое спасибо за письмо. Сегодня приехала Ина [1], Надя уже утащила ее гулять. Здесь много солнца, жаль, что у вас погода испортилась и тебе нельзя гулять.

Спасибо за присланные теплышки, теперь я экипирована, точно на Северный полюс собираюсь ехать. Всего в избытке.

С Митей были уже два раза у моря, один раз ездили на машине, другой раз прошлись пешком. Отдыхаем хорошо. Публика предпринимает всякие дальние прогулки, а мы, по-стариковски, больше в окрестностях разгуливаем — и здесь хорошо. Сидели и лежали много и на террасе.

Рада, что тебя навещают иногда приятели и что Рахилечка [2] с тобой. Поцелуй ее от меня крепко. Передай большой привет М. Н. и Т. С.[3]

А тебя, моя родная, крепко-крепко обнимаю. Будь здорова, голубушка, и не скучай. Скоро напишу опять. Надя шлет привет. Митюша пишет тебе сам.

Всего хорошего.

Твоя *М. У.*

17 сентября 1935 г.

Послано из Крыма в Москву

Печатается впервые, по рукописи

Д. И. УЛЬЯНОВУ

22/X.

Дорогой Митюша!

Сегодня уезжаем в Ленинград, решила выполнить желание Анечки и похоронить ее на Волковом кладбище [4].

---

[1] Инна Александровна Арманд — член КПСС с 1917 г., дочь революционерки Инессы Федоровны Арманд. *Ред.*

[2] Р. С. Ривлина-Образцова. *Ред.*

[3] М. Н. Паяркова и Т. С. Куликова — медсестры, ухаживавшие за А. И. Ульяновой-Елизаровой. *Ред.*

[4] Анна Ильинична Елизарова умерла 19 октября 1935 г. До этого на Волковом кладбище были похоронены О. И. Ульянова (в 1891 г.), М. А. Ульянова (в 1916 г.), М. Т. Елизаров — муж А. И. Ульяновой-Елизаровой (в 1919 г.). *Ред.*

Человек встает во весь рост только после смерти и исключительна та любовь, которая проявилась к ней за эти дни... Около ее гроба прошло больше 100 тысяч человек...

Теперь нас осталось только двое. Береги себя, родной, очень прошу.

Виктор очень сильно переживает Анину смерть и внимателен ко мне необычайно.

Крепко целую тебя, дорогой. Пиши. Ляля здорова. Целую Шуру. Поправляйтесь.

Твоя *М. У.*

22 октября 1935 г.

Послано из Москвы в Сочи

Ульянова М. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. М., 1978, с. 208

1936 г.

Д. И. УЛЬЯНОВУ

1.X.

Дорогой Митюша!

Пишу наспех пару слов. Все здоровы. Шура, может быть, поедет к тебе через некоторое время. Она с Лялей была вчера в Горках. Дали ли тебе другую комнату, как себя чувствуешь?

Пока до свидания. Крепко целую. Отдыхай хорошенько. Твоя *М. У.*

Здесь холодно.

1 октября 1936 г.

Послано из Москвы — *Печатается впервые, по рукописи*

А. Ф. УЛЬЯНОВОЙ

27.X 36.

Милая Шура! Сегодня письмо вне очереди, потому что посылаются фотографии, сделанные Вишняком. Как обычно, я порчу всю музыку, и из принесенных им посылаемая в этом смысле все же лучшая.

Вчера звонила О. П.[1], рада была узнать от нее о вас. Жаль только, что погода все плохая — дожди. Здесь прохладно, но последнее время сухо.

У нас все по-прежнему, и Ляля и др. здоровы.

Шлем приветы и пожелание хорошенько отдохнуть. Целую Митюшу.

М. У.

Послано из Москвы — *Печатается впервые, по рукописи*

---

[1] Ольга Петровна Веретенннкова — жена двоюродного брата В. И. Ленина Николая Ивановича Веретенникова. *Ред.*

Приложение

РАБКОРАМ И РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «ТРУДОВОЙ ДОН»

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

От имени Владимира Ильича шлю вам сердечную благодарность за внимание, которое вы оказали ему, зачислив его почетным рабкором газеты «Трудовой Дон»[1].

Зная, насколько большое значение придает Владимир Ильич широкому участию рабочих в нашей периодической печати, я уверена, что он выразил бы глубокое удовлетворение по поводу той широкой работы, которую развернули рабкоры «Трудового Дона» и их руководители, редакция и сотрудники этой газеты, и горячо пожелал бы вам дальнейших успехов на этом поприще.

Пусть же все больше крепнет связь «Трудового Дона» с рабочими массами. Пусть все новые, свежие силы из рабочих Донской области сплачиваются вокруг своего почетного рабкора.

Горячий привет новой армии газетных работников, которой принадлежит такое громадное будущее.

Москва, 21. XI 1923 г.

Мария Ильинична Ульянова
М., 1978, с. 69

---

[1] Пятого мая 1923 г. ростовские рабкоры на общегородском собранни избрали Владимира Ильича Ленина почетным рабкором областной газеты «Трудовой Дон».

В ноябре того же года на Первом Всесоюзном совещании рабкоров в Москве ростовская делегацня передала Марин Ильиничне Ульяновой корреспондентский билет Владимнра Ильича — почетного рабкора «Трудового Дона». На другой день Марня Ильнинчна вручнла руководителю делегацни ростовскнх рабкоров тов. Соболеву это письмо. Письмо опубликовано в журнале «Рабоче-крестьянский корреспондент» (1960, № 4). *Ред.*

Указатель имен

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания о В. И. Ленине

Очерки

Письма

Мария Ильинична Ульянова

О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ
И СЕМЬЕ УЛЬЯНОВЫХ

Воспоминания. Очерки. Письма

Заведующий редакцией *В. М. Подугольников*
Редактор *Т. Д. Дажина*
Младший редактор *Н. В. Квашук*
Художник *Л. Н. Морозова*
Художественный редактор *А. Я. Гладышев*
Технический редактор *Т. А. Новикова*

ИБ № 8172

Сдано в набор 05.10.88. Подписано в печать 02.03.89. А 02919. Формат $60 \times 84^1/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,83. Усл. кр.-отт. 26,21. Уч.-изд. л. 24,58. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4761. Цена 1 р. 40 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография издательства «Горьковская правда». 603006, г. Горький, ул. Фигнер, 32.

СЕКРЕТАРЬ
РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА"
М. И. Ульянова.

Москва, Тверская, 48.
Тел. 5-81-02.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Привет всем, кто обо мне не забывает.

2. IX 1928 г.

№

Дорогая Машечка,

Пишу тебе из Ульяновска, где задержались случайно на 3 дня (не достали каюты на пароходе и т. п.). Много видела В. В., у нее были два раза и она у нас, осматривали старые места и пр. Погода хорошая, солнечно. Сегодня собираемся ехать дальше, вероятно до Сталинграда. Предполагаю везде проехать обратно на Казань [illegible], [illegible] везде все [illegible]. Он тебя знал и все письма [illegible], [illegible] программу на этой [illegible], который мне прислала Мария. Он уже сообщил, что Андрюша уже вернулся. Как по-им дали привет-маршу?

Судя по телеграммам
погода у вас неплохая.
но улучшается. Хотя
был бы лучше немного теп-
лее, если уже другого
то не было.
Когда мы ехали из Яро-
славля до Перми, у
нас установились очень
дружеские отношения
с судовой командой,
командирами, его женой
и др. Капитан и наш
[illegible] большие и чудес-
ные [illegible]. В Камы-
шине [illegible] перевели всех
другой пароход и все
нас провожали.
Пароходы по Каме
(старые) мелкие и быстро
ходят. Капитан хороший
и команда удалая. Так
мы и [illegible], по
[illegible]!
Целую крепко, родные,
пиши всем, чтобы нас
[illegible], [illegible] [illegible]

1 р. 40 к.